А. В. ЧЕРНЯК

ОТ ЛИТЕРЫ ДО ЦИФРЫ

КНИГА 2

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АКАДЕМИЯ МЕДИАИНДУСТРИИ

А. В. ЧЕРНЯК

ОТ ЛИТЕРЫ ДО ЦИФРЫ

Взгляд на развитие отечественной журналистики

КНИГА 2

Москва
2020

УДК 070.1
ББК 76.02

Рецензент:
Мизеров С. Д., кандидат философских наук, член Евразийской академии телевидения и радио, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Ч49 **Черняк А. В. От литеры до цифры. Взгляд на развитие отечественной журналистики. Книга 2.** — М.: Академия медиаиндустрии, 2020. — 370 с.

ISBN 978-5-902899-49-5

Монография «От литеры до цифры» профессора Академии медиаиндустрии, доктора исторических наук А. В. Черняка посвящена становлению и этапам развития отечественной журналистики. Датой ее рождения принято считать 15-16 декабря 1702 года. Тогда Пётр I издал ряд указов, определяющих задачи, которые ставились царем перед печатными изданиями, — отражать жизнь России, творить ее историю. Первой ласточкой стала газета «Ведомости», далее последовали «Трудолюбивая пчела», «Колокол», «Курьер», ленинская «Искра» и пр. В годы российских революций именно пресса играла важнейшую роль в формировании общественного мнения, побуждала массы к действию и является историческим источником, отразившим события 1905 и 1917 годов.

УДК 070.1
ББК 76.02
ISBN 978-5-902899-49-5

© Академия медиаиндустрии, 2020.
© А. В. Черняк, 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 3
ВЕК XX: ВЕК ПОТРЯСЕНИЙ НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕ 7

Предисловие 7

Зеркало нашей жизни 14

Пейзаж перед бурей 19

Леса вокруг возникающих партий 22

Капитал и печать 47

Царь подарил Манифест 61

И грянул гром... январский 67

Какую же думу думала Госдума? 82

Печать от 1905-го к 1917-му 94

И снова нежданная... 105

Лебедь, рак, да щука 136

Есть такая партия! 139

Конец двоевластия 143

К власти приходит Керенский 154

Большевики меняют курс 156

Этапы развития предоктябрьской журналистики 171

Октябрь в зеркале печати 174

Все в Смольный! 180

«Промедление смерти подобно» 184

Хроника Октябрьской Революции в газете «Петроградский листок» 200

Отмеченные божьей искоркой 217
Дорошевич В. 217
Амфитеатров А. 222
Вербицкая А. 225
Тэффи (Лохвицкая Н.) 225
Богданович А. 227
Янчевецкие Д. и В. 229
Властители дум людских 231
Плеханов Г. В. 232
Струве П. Б. 240
Ленин В. И. 246
Троцкий Л. Д. (Лейба Бронштейн) 253
Сталин И. В. 265
Милюков П. Н. 276
Чернов В. М. 287
Керенский А. Ф. 296
Кропоткин П. А. 304
Брешко-Брешковская Е. К. 319
Балабанова А. И. 328
Новые технологии и способы доставки информации 336
Периодика дооктябрьского периода (1900–1917) 342
ЛИТЕРАТУРА 363
ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ 366

ЧАСТЬ 3

ВЕК XX: ВЕК ПОТРЯСЕНИЙ НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕ

17 предоктябрьских лет: две войны и две революции

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век насыщен событиями самого разного характера — были в ней и великие открытия, и великие катастрофы. Главное — люди в своем бытие поднялись на новую ступень. Создавались новые государства и разрушались старые, совершались революции и велись кровопролитные войны. Люди работали, веселились, шла обычная жизнь. Все события, большие и малые, словно в зеркале, отражались в СМИ. Вот трактовка XX века современными СМИ. Читаем «Википедию».

«XX век принёс колоссальный сдвиг в культуре, науке, технике, медицине. Главным экономическим результатом века стал переход к массовому машинному производству товаров из естественных и синтетических материалов, создание конвейерных производственных линий и заводов-автоматов. Параллельно совершилась научно-техническая революция, переведшая экономику всего мира в постиндустриальную стадию капитализма и прошедшая три основных фазы:

- первая (транспортно-коммуникационная) фаза научно-технической революции (автотранспорт, авиация, радио, телевидение), создание индустрии оружия (пулемёты, танки, химическое оружие);
- вторая (химическая) фаза научно-технической революции: создание химической и медицинской индустрии (удобрения, синтетические материалы и лекарства, пластмассы, термоядерное оружие).

- третья (информационно-кибернетическая) фаза научно-технической революции: (космонавтика, электронно-вычислительная техника), создание индустрии развлечений (кино и спортивные зрелища), рост сферы услуг.

Цикличность мирового общественного производства, возникшая в предыдущем веке, сохранилась и в веке XX: мировые финансово-экономические кризисы (рецессии, спады) настигали индустриально развитые страны в 1907, 1914, 1920–1921, 1929–1933 (великая депрессия), 1937–1938, 1948–1949, 1953–1954, 1957–1958, 1960–1961, 1969–1971, 1973–1975, 1979–1982, 1990–1991, 1997–1998 гг., приводя к абсолютному падению производства, сокращению капитальных вложений, росту безработицы, увеличению количества банкротств фирм, падению курса акций и другим экономическим потрясениям.

В политической области от колониальных аграрных империй XIX в. мир перешёл к индустриальным республиканским государствам. Глобальной политической катастрофой стала военно-революционная эпоха первой половины XX века — период революционных изменений в крупнейших мировых державах и связанных с этим гражданских, межгосударственных и межкоалиционных войн 1904–1949 (включает Русско-японскую войну 1904–1905, Русскую революцию 1905–1907, Иранскую революцию 1905–1911, Младо-турецкую революцию 1908, Мексиканскую революцию 1910–1917, Синьхайскую революцию и гражданскую войну в Китае 1911–1949, Итало-турецкую войну 1911–1912, Балканские войны 1912–1913, межкоалиционную Первую мировую войну 1914–1918, Великую Российскую революцию и гражданскую войну в России 1917–1923, революции в Германской, Австровенгерской и Османской империях 1918, межвоенный период в Европе 1918–1939, Испанскую революцию и гражданскую войну в Испании 1931–1939, Японо-китайскую 1931–1945 и межкоалиционную Вторую мировую 1939–1945 войну).

Быстрый технологический прогресс позволил довести средства войны до беспрецедентного уровня разрушения. Вторая мировая война привела к массовой гибели гражданского населения в результате воздушных бомбардировок и геноцида „неарийских“ народов. В 1945 году Хиросима и Нагасаки были подвергнуты ядерной бомбардировке. Войны унесли жизни около 90 миллионов человек (Первая мировая война — более 20 млн, гражданские войны и голод в Китае и России — более 10 млн, Вторая мировая — около 60 млн). Основными политическими событиями столетия стали:

- Распад Османской, Китайской, Австро-Венгерской, Второй Германской и Российской империй в ходе Первой мировой войны.
- Создание Лиги наций, образование Союза Советских Социалистических Республик, Третьей Германской, Японской империй; Великая депрессия в межвоенный период.
- Гибель Третьей Германской и Японской империй и создание в качестве средства предотвращения будущих мировых войн Организации Объединённых Наций в ходе Второй мировой войны.
- Холодная война двух супердержав США и СССР после Второй мировой войны.
- Возникновение разделённых наций в Германии, Китае, Корее и Вьетнаме и их борьба за воссоединение.
- Воссоздание еврейского государства в Палестине и связанный с этим многолетний ближневосточный конфликт.
- Создание социалистической Китайской Народной Республики.
- Крушение Британской, Французской и Португальской колониальных империй и конец колониализма, который привёл к провозглашению независимости многих африканских и азиатских стран.
- Европейская интеграция, начавшаяся в 1950-е годы и приведшая к Европейскому союзу, который в конце столетия объединял 15 стран.
- Революции 1989 года в восточной Европе и распад СССР.

В результате этих событий почти все великие державы начала века перестали существовать, только Соединённые Штаты приобрели и сохранили до конца века свой статус сверхдержавы.

Экономические и политические потрясения Европы в первой половине века привели к возникновению тоталитарных идеологий нескольких типов: в Европе — фашизма, в России — коммунизма, а в Германии после Великой депрессии в 1930-е годы — нацизма. После победы Советского Союза во Второй мировой войне, коммунизм стал одной из основных мировых идеологий, получившей статус государственной в странах Восточной Европы, в Китае, на Кубе и в некоторых странах Азии и Африки. Развитие коммунистической идеологии привело к беспрецедентному росту атеизма и агностицизма в мире, а также падению авторитета традиционных религий. В конце века после падения основной их части, была реанимирована политическая активность христианских и исламских фундаменталистов, Римского понтифика и Далай-Ламы.

В социальной области в течение XX века получили распространение идеи о равенстве прав всех людей Земли независимо от их пола, роста, возраста,

национальности, расы, языка или вероисповедания. Восьмичасовой рабочий день стал законодательной нормой большинства развитых стран. С появлением новых средств контроля за рождаемостью стали более независимыми женщины. После десятилетий борьбы все западные страны предоставили им право голоса.

Массовыми общественными движениями XX века стали:

- коммунистические организации в России и Китае, движение гражданского неповиновения в Индии;
- движение за гражданские права в Соединённых Штатах;
- движение против апартеида в Южной Африке.

XX век принёс в сознание человечества такие термины, как мировая война, геноцид, терроризм, холокост, ядерная, информационная и гибридные войны. Ракетное термоядерное оружие, возникшее во время „Холодной войны“ предоставило человечеству средство полного самоуничтожения. Средства массовой информации, телекоммуникаций и информационных технологий (радио, телевидение, покетбуки в мягкой обложке, персональные компьютеры, смартфоны и айфоны, интернет), сделали знания более доступными для людей. Кино, литература, популярная музыка стали доступны в любой точке Земного шара. Одновременно средства массовой информации стали в XX веке средством безудержной пропаганды и оружием в борьбе против идеологического противника.

В результате достижения Соединёнными Штатами Америки политико-культурной гегемонии по всему миру распространилась американская культура, несомая фильмами Голливуда и музыкальными постановками Бродвея. В начале века популярными в США стали блюз и джаз, которые сохраняли своё господство в музыке до появления рок-н-ролла в 1950-х годах.

Во второй половине века ведущим направлением в популярной музыке стал рок — конгломерат различных стилей и направлений (хевиметал, панк-рок, поп-музыка). В качестве музыкальных инструментов начали широко использоваться синтезаторы и электронные инструменты. После Первой мировой войны в литературе беспрецедентную популярность получил жанр детектива, после Второй мировой войны — научная фантастика и фэнтези.

Визуальная культура стала доминирующей не только в кино и телевидении, но проникла в литературу в виде комиксов. Огромное значение в кино приобрела мультипликация, в частности в её компьютерных вариантах. В изобразительном искусстве получили развитие экспрессионизм, дадаизм, кубизм, абстракционизм и сюрреализм. Начавшие свою деятельность в стиле модернизма архитекторы XX века после многочисленных потрясений

и разрушений мировых войн, а также ввиду развития строительной индустрии, возникшей на основе применения стандартных железобетонных изделий, вынуждены были отказаться от украшательства и перейти к упрощению форм. Однако в США, в межвоенных Германии и СССР продолжали развиваться архитектура и монументальное искусство.

Значительно увеличилась в XX веке популярность спорта, превратившегося в массовое зрелище благодаря развитию международного Олимпийского движения и поддержке правительств тоталитарных государств.

Компьютерные игры и интернет-серфинг стали новой и популярной формой развлечения в течение последней четверти XX столетия. К концу века в большинстве стран мира господствовал американский стиль жизни: английский язык, рок-н-ролл, поп-музыка, фастфуд, супермаркеты. Повышение уровня информированности людей вызвало широкие дискуссии по поводу воздействия на человечество окружающей среды и о глобальном изменении климата, начавшемся в 1980-х годах.

Огромные изменения в XX веке произошли в науке, которая из развлечения одиночек превратилась в главную производительную силу общества. В межвоенный период в математике были сформулированы и доказаны теоремы Гёделя о неполноте, а изобретение машины Тьюринга позволило заложить основы создания и применения вычислительной техники. Само применение вычислительной техники во второй половине XX века изменило характер математических вычислений, заставив математиков отказаться от методов классического математического анализа и перейти к методам дискретной прикладной математики. В течение первой половины XX века были созданы новые области физики: специальная теория относительности, общая теория относительности и квантовая механика, которые радикально изменили мировоззрение учёных, дав им понять, что Вселенная фантастически более сложна, чем это представлялось в конце XIX века. Было установлено, что все известные силы можно объяснить в рамках четырёх фундаментальных взаимодействий, два из которых — электромагнетизм и слабое взаимодействие — теоретически могут быть объединены в электрослабое взаимодействие, оставив только три фундаментальных взаимодействия. Открытие ядерных реакций и ядерного синтеза позволило решить вопросы астрономии об источнике солнечной энергии. Была предложена теория Большого взрыва и определён возраст Вселенной и Солнечной системы, включая Землю.

Космические аппараты, долетевшие до орбиты Нептуна позволили глубже изучить Солнечную систему и доказать отсутствие разумной жизни на её планетах и их спутниках. В геологии мощный метод для определения

возраста древних животных и растений, а также исторических объектов дал изотопный метод анализа. Теория глобальной тектоники совершила революцию в геологии, доказав мобильность земных материков. В биологии получила признание генетика. В 1953 году была определена структура ДНК, а в 1996 был проведён первый опыт клонирования млекопитающих. Селекция новых сортов растений и развитие индустрии минеральных удобрений привели к существенному повышению урожайности аграрных культур. Кроме сельскохозяйственных удобрений, благодаря невиданному развитию химии, в жизнь вошли новые материалы: нержавеющие стали, пластмассы, полиэтиленовая пленка, липучка и синтетические ткани. Тысячи химических веществ были разработаны для промышленной переработки и домашнего использования.

Наиболее значительными изобретениями, вошедшими в жизнь в XX в., стали электрические лампочки, автомобиль и телефон, супертанкеры, самолёты, автомагистрали, радио, телевидение, антибиотики, холодильники и замороженные продукты, компьютеры и микрокомпьютеры, и мобильные телефоны. Совершенствование двигателя внутреннего сгорания позволило создать в 1903 первый самолёт, а создание конвейерной сборочной линии позволило сделать выгодным массовое производство автомобилей. Транспорт, тысячелетиями основанный на конной тяге, был на протяжении XX века заменён на грузовые автомобили и автобусы, что стало возможным благодаря крупномасштабной эксплуатации ископаемого топлива. После разработки в середине века реактивных авиационных двигателей была создана возможность коммерчески выгодных массовых воздушных перевозок.

Человечество покорило воздушный океан и получило возможности изучать космическое пространство. Соревнование за космос между Соединёнными Штатами и Советским Союзом привело к первым полётам человека в космос и высадке человека на Луну. Беспилотные космические зонды стали практическим и относительно недорогим видом разведки и телекоммуникаций. Они посетили Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, различные астероиды и кометы. Космический телескоп, запущенный в 1990, значительно расширил наше понимание Вселенной.

Алюминий в XX веке резко подешевел и стал вторым по распространённости после железа. Изобретение транзистора и интегральных схем совершило революцию в мире компьютеров, что привело к распространению персональных компьютеров и сотовых телефонов. В XX веке появилось и распространилось большое количество видов бытовой техники, чему способствовали рост производства электроэнергии и благосостояния

населения. Уже в первой половине века стали популярны стиральные машины, холодильники, морозильники, радиоприёмники, электрические печи и пылесосы. В середине XX века появились телевизионные приёмники и аудиомагнитофоны, а в конце — видеомагнитофоны, микроволновые печи, персональные компьютеры, музыкальные и видеоплееры, возникло кабельное и цифровое телевидение. Распространение Интернета позволило оцифровать музыкальные и видеозаписи.

Инфекционные заболевания, в том числе чёрная оспа, испанский грипп и другие вирусные инфекции гриппа, чума, холера, тиф, туберкулёз, малярия, прочие особо опасные, известные и малоизвестные вирусные инфекции убили за XX век до миллиарда человек, а в конце века было обнаружено новое вирусное заболевание, СПИД, которое возникло в Африке. Тем не менее, в конце XX века инфекционные болезни впервые в истории человечества уступили первенство в качестве причин смерти заболеваниям сердечно-сосудистой системы и злокачественным новообразованиям. Медицинская наука и революционные достижения науки в сельском хозяйстве привели к увеличению мирового населения с полутора до шести миллиардов человек, хотя противозачаточные средства позволили снизить темпы роста населения в промышленно развитых странах.

В XX веке были разработаны вакцины против полиомиелита, грозившего мировой эпидемией, гриппа, дифтерии, коклюша (судорожный кашель), столбняка, кори, эпидемического паротита, краснухи (немецкой кори), ветряной оспы, гепатита. Успешное применение эпидемиологии и вакцинации привели к искоренению вируса оспы в организме человека. Однако в странах с низким уровнем дохода населения люди по-прежнему умирают преимущественно от инфекционных болезней и менее четверти населения доживает до 70 лет. В начале века мощным диагностическим инструментом для широкого спектра заболеваний, от переломов до рака, стало использование рентгеновских лучей. В 1960 году изобретён метод компьютерной томографии. Важным средством диагностики стали ультразвуковые аппараты и метод магнитно-резонансной томографии. После создания банков крови значительное развитие получил метод переливания крови, а после изобретения иммуносупрессивных препаратов медики приступили к трансплантации органов и тканей. В результате возникли новые области хирургии, в том числе пересадки внутренних органов и хирургии сердца, для чего были разработаны электрокардиостимуляторы и искусственное сердце. Развитием производства витаминов фактически ликвидирована цинга и другие авитаминозы в индустриально развитых обществах.

Созданные в середине XX века антибиотики резко сократили смертность от бактериальных заболеваний. Для лечения нервнопсихических заболеваний были разработаны психотропные средства и антидепрессанты. Синтез инсулина способствовал повышению средней продолжительности жизни диабетиков в три раза. Достижения в области медицинской техники и улучшение благосостояния многих людей позволили увеличить среднюю продолжительность жизни в XX веке с 35 до 65 лет. Население Земли увеличилось почти в 4 раза»[1].

Таким представляют нам в обобщенном виде XX век современные СМИ. Но упущены несколько очень важных особенностей начала XX века. Обращаем внимание читателей на это. В начале 60-х годов XIX столетия в Петербурге появились политические тайные общества. Они появились по инициативе созданной в Лондоне «Народной воли». В России наиболее действенным стало его отделение «Земля и Воля», поставившее перед собой задачу создать Всероссийское объединение революционеров для преобразования государственного строя. На стыке XIX и XX веков в стране началось бурное структурирование общественных сил. Развернулась острейшая борьба трех сил, или, как принято сегодня говорить, лагерей: революционно-демократического, буржуазно-либерального и монархического. Появились политические партии, объединения, союзы. Они-то и стали главными двигателями всего того, что происходило не только в нашей стране, но и в мире. Появился терроризм — как организованная структура. В Италии зарождался фашизм...

В начале XX века политические партии, которых раньше в России не было, создавались одна за одной. Подробно об этом явлении автор рассказывал в книгах «Тайны революций в России»[2].

ЗЕРКАЛО НАШЕЙ ЖИЗНИ

К сожалению, «Википедия» не раскрывает, почему произошло все это? А достижения в науке, культуре, общественной жизни в основе своей базируются на идеях, высказываемых мыслителями. Идеи же пропагандировала журналистика. Обойдено вниманием и появление политических партий, влияния их и журналистики на общественную жизнь, а стало быть, рисует картину не маслом и совсем не ту, которая была на самом деле, потому

[1] XX век. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/XX_век (дата обращения: 14.04.2020).

[2] *Черняк А. В.* Журналистика и революции в России. — Минск, 2011; М., 2017.

давайте восполним этот пробел, стряхнем пыль с подшивок газет тех времен и попытаемся своими глазами взглянуть с помощью СМИ на то, как писалась наша история.

1901. «Воздушный XX век летит на смену XIX кузнечно-паровозному» — такими словами на обложке встречает новый век журнал «Будильник». Газеты сообщают о голоде в 20 губерниях России. Забастовка рабочих Обуховского сталелитейного завода Петербурга переросла в столкновения с полицией, — констатирует «Правительственный вестник». «Московский листок» пишет, что: в Москве состоялось открытие «Магазина Г. Г. Елисеева и погреба русских и иностранных вин». В «Церковных ведомостях» опубликовано Определение Святейшего Синода от 21–22 февраля 1901 г. об отлучении Л. Толстого от церкви. Газета «Новости дня» за 29 января: «Вчера городской голова князь В. М. Голицын посетил с членом управы М. И. Приклонским Третьяковскую галерею, в которой уже развешиваются картины. Галерея в обновленном виде производит превосходное впечатление: высокие помещения, изобилие воздуха и света. Брюлловский зал будет готов, вероятно, уже на этой неделе». «Московские ведомости» от 5 февраля: «Спущенный на днях на воду в Штетине броненосный крейсер „Богатырь“, как сообщают газеты, по своим размерам является одним из самых больших судов нашего военного флота».

Ленинская «Искра», первый номер которой выпущен в Лейпциге 11 декабря 1900 года, в Россию попала в январе в очень ограниченном количестве, ибо три тысячи экземпляров царские власти конфисковали на границе. Газета открывалась статьей «Насущные задачи нашего движения». В ней говорилось: «Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы».

Во втором номере в статье «На пороге двадцатого века» «Искра» отмечает, что XIX столетие ознаменовалось поразительным развитием техники, но благодаря этому быстро растущее богатство цивилизованных стран не устранило существовавшей в них бедности. Напротив, ряды бедных увеличились. Это значит, что борьба за лучшую жизнь становится еще более актуальной. XX век ставит перед нами задачу разрушения самодержавия, подчеркивает газета, Русская социал-демократическая партия возьмет на себя борьбу с абсолютизмом и нанесет ему смертельный удар. Политическая свобода будет первым крупным культурным завоеванием России XX века...

Как видим, шла вроде бы обычная жизнь. Но с высоты сегодняшнего дня, если вдуматься, угадываются будущие потрясения. Политические пар-

тии, объединения и союзы создавались людьми, они объединяли единомышленников, ставили определенные цели, а не кучковались ради забавы. И журналисты не сидели сложа руки — день за днем писали о том, что происходит в жизни. Нет возможности пересказать все, о чем сообщали газеты этого столетия, потому из океана газетной информации выделим, на взгляд автора, наиболее значимые, кои оставили след в истории.

1902. Пресса сообщает о крестьянском восстании на Украине, волнениях в губерниях ЦЧО, Поволжья, Кубани, Закавказья и Прибалтики. Всеобщей стачке рабочих в Ростове-на-Дону. Созыве по инициативе С. Витте и министра внутренних дел Д. Сипягина Особого совещания о нуждах сельхоз. промышленности.

1903. II съезд РСДРП (приняты программа и устав партии, I съезд в 1898 г. только провозгласил создание социал-демократической партии), раскол на большевиков (В. И. Ленин) и меньшевиков (Г. В. Плеханов и др.), Украинская партия социалистов-революционеров. Всеобщая стачка на Юге России.

1904. 8 февраля 1904 – 27 июля 1905 — Русско-японская война. Оборона Порт-Артура. Поражение русской армии под Ляояном. Общеземский съезд в Санкт-Петербурге и выработка программы конституционных реформ. Падение Порт-Артура. Образование Украинских демократической партии, радикальной партии, социал-демократического союза «Спилка», Польского прогрессивного демократического союза, сионистской социалистической рабочей партии, мусульманской социал-демократической партии «Мусават», Финляндской партии активного сопротивления.

1905. «Кровавое воскресенье». Начало первой русской революции. Всеобщая стачка в Иваново-Воскресенске. Образование первого Совета рабочих депутатов. Восстание в Лодзи и на броненосце «Потемкин». Создание Петербургского Совета рабочих депутатов. Манифест Николая II о созыве законодательной думы, предоставлении населению избирательных прав, прав свободы слова, печати, собраний и союзов. Московское вооруженное восстание. Образование партии «Союз 17 октября» (октябристы). Создание черносотенного «Союза русского народа». Появились также Союз русских людей, Русская монархическая партия, Торгово-промышленный союз Римской империи, Союз мусульман, Прогрессивно-экономическая партия Российской империи, Партия правового порядка, Трудовая социалистическая партия, Украинская социал-демократическая рабочая партия, Партия реальной политики, Финские коалиционная и прогрессивная партии.

1906. I Государственная дума, издание Основных государственных законов. Указ о введении военно-полевых судов в губерниях, объявленных на

чрезвычайном положении. Роспуск Думы, Выборгское воззвание. Начало аграрной реформы П. Столыпина. Созданы Партия мирного обновления, Партия демократических реформ. Союз социал-революционеров-максималистов, Трудовая группа, Польская социалистическая партия, Социалистическая еврейская рабочая партия, Народная партия, Аграрный союз, Совет объединенного дворянства.

1907. Выборы во II Государственную Думу и роспуск ее, опубликование нового избирательного закона. Оформление Антанты. Третьеиюньский государственный переворот: разгон II Государственной Думы и издание нового избирательного закона. Образование «Союза Михаила Архангела».

1908. В Петербурге открыт первый в России аэроклуб. Ревельское соглашение императора Николая II с королем Англии Эдуардом VII о совместном вмешательстве в дела Македонии. Создан Всероссийский национальный союз.

1909. Дума приняла закон об усилении русификации Финляндии. На Русско-Балтийском заводе собран первый русский серийный автомобиль — «Руссо-Балт». Заключено Соглашение между Россией и Турцией о независимости Болгарии. Созданы Партия умеренных правых, группа «Вперед». Сборник «Вехи».

1910. Закон «Об изменении и дополнении некоторых установлений о крестьянском землевладении». Учреждение Русско-Азиатского банка. Политические демонстрации на похоронах председателя I Госдумы С. Муромцева, в связи со смертью Л. Толстого.

1911. Смертельное ранение в Киеве П. Столыпина. Законы о страховании рабочих; усиление реакции в высшей школе. Начало коммерческого судоходства из Владивостока на Колыму. Конституционный кризис из-за вето Государственного совета на закон Думы о введении земства в западных губерниях. Закон, разрешающий выход крестьян из общины. Убийство П. Столыпина в Киеве.

1912. Формирование первых авиационных частей в русской армии. Учреждение Думой ассигнований на строительство флота. Ленский расстрел. Работа III и IV Госдумы. Выход 1 номера «Правды». Созданы Всероссийский Дубровинский союз Русского народа, Прогрессивная партия.

1913. Принятие «Большой военной программы России» по реорганизации и перевооружению армии к 1917 году. Открытие Русско-Балтийского авиационного завода в Санкт-Петербурге. Поход к Северному полюсу Г. Седова. Созданы Межрайонная организация объединенных социал-демократов, Народно-социалистическая партия Финляндии.

1914. 1 августа 1914 – 11 ноября 1918 — Первая мировая война.

1915. Создание флотилии Сев. Ледовитого океана (будущий Северный флот) с целью обеспечения военных перевозок из Англии в Архангельск. Алашкертская операция: отражение турецкого наступления на Карс. Отступление русской армии из Польши после поражения под Перемышлем и Варшавой.

1916. Создание «майского» Особого совещания по обороне. Формирование военно-промышленных комитетов. Манифест об учреждении Особых совещаний. Эрзерумская операция Кавказского фронта под Эрзерундом и Трапезундом. Брусиловский прорыв. Указ о перерыве заседаний Государственной Думы. Убийство Распутина.

1917. Массовые демонстрации в Петрограде. Забастовка на Путиловском заводе. Февральская революция. Отречение Николая II. Декларация Временного правительства. Двоевластие. Корниловский мятеж. Создание Российской республики. Октябрьская революция. Свержение Временного правительства. Открытие Всероссийского съезда Советов. Первые Декреты советской власти.

***

Как видим, СМИ неслучайно образно называют зеркалом нашей жизни. Они отражают все, что происходит в стране, мире, о чем красноречиво свидетельствует далеко не полная хроника, приведенная выше. Но и она свидетельствует о том, что XX век в истории России — один из самых сложных периодов жизни русской цивилизации. Об этом написаны горы книг, создано бесчисленное количество телепередач и кинокартин. В них даются разные оценки: от самой высокой — заря новой жизни — до самой низкой — проклятий за причиненное горе и море крови. Выстроены нагромождения мифов, клеветы и злобы — с одной стороны, а с другой стороны — бесконечные восхваления. И те и другие считают свою точку зрения самой правильной, истиной в последней инстанции.

Но где же правда? Судя по всему, она лежит посредине. И поможет нам приблизиться к истине журналистика. К началу XX столетия она уже крепко стояла на ногах.

ПЕЙЗАЖ ПЕРЕД БУРЕЙ

По официальным данным, в начале XX века в России выходило 1 002 издания. Главенствовали специальные и научные периодические органы — 508 наименований, на втором месте по численности находились официальные и справочные издания — 282, общественно-политических и литературно-художественных газет и журналов насчитывалось 212. Почти половина всех изданий сосредоточена в Москве и Петербурге, здесь же печаталась и основная масса журналов, тогда как в провинции развивались преимущественно газеты.

Между революциями 1905–1917 гг. зарегистрировано свыше 14 тысяч периодических изданий. Выходило же, как свидетельствует Каталог Российской национальной библиотеки, около 4,5 тысяч. Всплеск был в годы первой революции, затем многие издания закрылись. Новая волна приходиться на 1917-й. Скажем, в Петрограде в период с 1905 по 1917 год увидели свет около 600 газет, а в феврале – октябре выпускалось 160. В Москве с начала века до февраля 17-го было 470 периодических изданий, а в феврале – октябре 17-го — 83.

Суммарный тираж ежедневных газет, принадлежащих правительству и защищавшим его банковским, монархистским, промышленным и помещичьим группировкам, составлял 1,5–1,6 млн экз., эсеро-меньшевикам — 640–740 тысяч, большевикам — до 80 тыс. экз. Заметное развитие получила региональная печать. В Киеве в 17-м выходило 39 газет, Нижнем Новгороде — 32, Екатеринославле — 29, Минске — 26, Казани — 25, Иркутске — 18, Ивано-Вознесенке — 9, Гомеле — 8.

Это были СМИ различных направлений и типов, издаваемые для конкретных аудиторий, официальные и частные, органы разных партий и общественных групп. Вся эта армада каждодневно обращалась к людям: информировала о событиях в жизни страны и планеты, критиковала власть предержащих, пропагандировала новые идеи, агитировала за эти идеи, побуждала к действиям, организовывала массы.

В основном в системе СМИ России начала XX века действовали те доминирующие тенденции, которые сформировались в предыдущем столетии, особенно в 80–90-е годы. К новым явлениям следует отнести бурный рост газет различных партий и объединений, а также возникновение самостоятельных вечерних газет, в частности, в 1903 году стала выходить «Вечерняя газета» В. Абазы. Газетная периодика в целом начинает играть все более важную роль в обществе, и постепенно общественно-политическая газета

становится ведущим типом издания, потеснив традиционный «толстый» и конкурирующий с ним тонкий, литературные и научные журналы, издания эпохи Просвещения. Оживлению печатного дела способствовал ряд факторов. Один из них — повышение грамотности населения. Согласно статистическим данным, опубликованным на страницах журнала «Нива», к 1908 году на 1 тыс. жителей в европейской части страны приходилось 229 грамотных, в Сибири — 123, в Средней Азии — 53.

К началу нового столетия в стране уже существовала разветвленная структура официальной, правительственной и проправительственной прессы, ядром которой были, конечно же, Москва и Санкт-Петербург, а также региональная, губернская печать и огромный отряд ведомственных, специализированных изданий. Наряду с этим активно развивалась контролируемая финансовым и промышленным капиталом частная журналистика, которая вскоре стала доминировать в количественном отношении.

Но, несмотря на значительный прогресс, обеспеченность прессой в России была еще очень низкой. Если в Соединенных Штатах на 1 жителя в год приходилось более 100 номеров различных газет, в Германии — более 40, то в России — 3. Причины тут опять-таки объективные и субъективные: дороговизна газет, низкая грамотность населения, плохое распространение... К тому же российская печать находилась под жестким гнетом цензуры, деятельность которой определялась утвержденным еще в 1865 г. «Уставом о цензуре и печати» и рядом дополнительных запрещений.

Официальная, правительственная пресса была представлена «Правительственным вестником», «Сенатскими ведомостями», газетами и журналами различных министерств, губернскими «Ведомостями», периодическими органами градоначальств, городских дум и т. п., а также отрядом церковной прессы, которая издавалась как в столице, так и в епархиях.

Откровенно монархические позиции занимали лишь некоторые частные издания — «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Гражданин», «Свет», «Русский вестник» и др. Многие из них получали щедрые субсидии из засекреченного «рептильного» фонда. А. Суворин заявлял, что Мещерский получает по 3 000 рублей в месяц на «Гражданина» из казенных сумм Министерства внутренних дел, получает без расписки, прямо из рук в руки. Все издания монархического направления вели на своих страницах охранительную пропаганду, воспевая самодержавие, защищая права и привилегии дворян и помещиков.

Негосударственные газеты и журналы в большинстве своем придерживались либерального направления: от умеренного до радикального. Либе-

ральная пресса пыталась дискутировать с откровенно консервативными изданиями, намекать на необходимость серьезных реформ в стране, критиковать наиболее одиозные фигуры в царском правительстве и среде чиновничества, показывать отдельные случаи проявления жестокого деспотизма, национализма, коррупции. Но свои идеи и оценки либеральная печать вынуждена была выражать только в завуалированной, скрытой форме, поскольку над ней постоянно висела угроза жестких репрессий.

Показательна судьба газеты «Россия», которая начала выходить в 1899 г. и быстро завоевывала популярность у читателей, благодаря необычайной смелости критических выступлений. Публикация фельетона А. Амфитеатрова «Господа Обмановы» в январе 1902 года стала одновременно и звездным часом, и причиной гибели издания. В героях фельетона читатели без труда узнали представителей царской фамилии. «Неслыханная дерзость» Амфитеатрова вызвала не только огромный резонанс в стране, но и гнев Николая II. Последовали незамедлительные репрессии: автор фельетона и редактор газеты отправлены в ссылку, издание закрыто. Урок впечатлил многих журналистов и издателей. На время.

Знаменательным событием для российской журналистики начала XX в. стал ее 200-летний юбилей (январь 1903-го). Уже в период подготовки обозначилось два подхода к торжествам: правая печать (в частности черносотенная газета «Свет», бульварный «Московский листок») приняла ликующий тон, а передовые издания или публиковали материалы по истории русской журналистики, или вообще никак не отреагировали на событие. Самыми крупными выступлениями, отмечает исследовательница из Иркутска Н. В. Жилякова, стали статьи в газетах «Право» (К. К. Арсеньев «Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования»), «Русские ведомости» (материал без подписи «К двухсотлетию русской печати» и материал В. Якушкина о петровских «Ведомостях»), а также статьи в журналах «Мир божий», «Русская мысль», «Исторический вестник», «Образование». «Московские ведомости» и «Новое время» писали о юбилее еще в декабре 1902 г., а журналы «Вестник Европы» и «Вестник знания» практически никак не отозвались на это событие. Отдельные заседания, проведенные 2 января 1903 года, носили исключительно академический характер и были посвящены в основном истории прессы.

Исследователи видят несколько причин этого неудачного празднования такого значительного юбилея. С одной стороны, это цензурные преследования, тем более что в 1902 году министром внутренних дел назначен В. Плеве, а Главным управлением по делам печати руководил Н. Зверев — и оба

не отличались либерализмом. С другой стороны, еще до образования легальных партий в периодике начало происходить партийное размежевание органов печати. «Местничество» и партийность разъединили журналистику. И потом, как считали многие либеральные публицисты, «в сущности, праздновать нечего». Отнюдь не умаляя роли и значения прессы в развитии всего русского общества, ее вклада в просвещение «простых» людей, прогрессивные деятели прессы видели абсолютно удручающую картину состояния свободы слова в стране.

В качестве альтернативы официальным юбилейным «славословиям» была предпринята попытка собрать представителей прессы либерального направления (в их число, например, от провинциальных изданий вошли В. Вересаев, М. Горький, В. Короленко). И речь на этом «сепаратном» мероприятии должна была идти не о достижениях, а о проблемах русской периодической печати, о ее тяжелом положении в условиях цензурного гнета. Однако министр внутренних дел В. Плеве вызвал к себе на ковер редактора журнала «Русское богатство» Н. Михайловского, других видных прогрессивных литераторов и пригрозил репрессиями в случае организации «сборища» опасных мыслителей. Это означало, что никаких позитивных изменений в сторону ослабления цензуры не предвиделось. Таким образом, юбилей российской прессы, по оценке многих журналистов, получился грустный.

ЛЕСА ВОКРУГ ВОЗНИКАЮЩИХ ПАРТИЙ

Недовольство самодержавием, протестные настроения, вызревавшие в русском обществе, отсутствие свободы слова, развитие капитализма и рост рабочего, крестьянского, национального движений, студенческие волнения — все это находило отражение на страницах печати, в основном нелегальной, приводило к политизации жизни страны, увеличению оппозиции, появлению политических партий, различных объединений, союзов, клубов... На стыке веков в стране их действовало около 70.

Социал-демократы:

- Большевики. Лидеры — *В. И. Ленин.*
- Меньшевики. Лидеры — *П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов.*
- Партия социалистов-революционеров (1902–1921). Лидеры — *Г. А. Гершуни, В. М. Чернов.*
- Трудовая народно-социалистическая партия (1905–1918, народные социалисты, энесы). Лидеры — *А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин.*

- Союз социалистов-революционеров-максималистов (1906–1911, эсеры-максималисты). Лидеры — *М. И. Соколов, В. В. Мазурин, Г. А. Нестроев*.
- Трудовая группа (1906–1917).

Национальные партии:

Еврейские:

- Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России «Бунд» (начало 1890-х–1921).
- Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион» (1900–1928).
- Сионистско-социалистическая рабочая партия (1904–1917).
- Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП, 1906–1917).
- Фолкспартей (Народная партия, 1906–1917).
- Еврейская территориалистическая рабочая партия.

Польские:

- ППС — Пролетариат (Третий Пролетариат, 1900–1909). Лидер — *Л. С. Кульчицкий*.
- Польская социалистическая партия (с 1892).
- Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (с 1893).
- Национально-демократическая партия Польши (с 1897).
- Польский прогрессивно-демократический союз (с 1904).
- Партия реальной политики (с 1905).
- Польская социалистическая партия — левица (с 1906).
- Польская социалистическая партия — революционная фракция (1906–1909).

Финляндские:

- Финская партия (1879–1918).
- Либеральная партия (1880–1918).
- Союз женщин Финляндии (1892–1938).
- Младофинская партия (1894–1918).
- Социал-демократическая партия Финляндии (с 1899).
- Конституционная партия (1902–1918).
- Финляндская партия активного сопротивления (Партия активистов, 1904–1908).
- Финская коалиционная партия (1905–1907).
- Финская прогрессивная партия (1905–1908).

- Союз сельских рабочих (1905–1915).
- Финская народная партия (1905–1918).
- Аграрный союз (с 1906).
- Рабочий христианский союз Финляндии (1906–1923).

Украинские:

- Украинская социалистическая партия (1900–1904). Лидер — *Б. Ярошевский*.
- Революционная украинская партия (1900–1905). Лидеры — *Д. В. Антонович и Н. В. Порш*.
- Украинская народная партия (1902–1907). Лидер — *Н. И. Михновский*.
- Украинская партия социалистов-революционеров (1903–1918).
- Украинская демократическая партия (1904). Лидеры — *Б. Д. Гринченко, С. А. Ефремов*.
- Украинская радикальная партия (1904–1905). Лидер — *Б. Д. Гринченко*.
- Украинский социал-демократический союз («Спилка», 1904–1913). Лидер — *Ю. М. Меленевский. Входила в РСДРП (меньшевистская)*.
- Украинская демократическо-радикальная партия (1905–1908).
- Украинская социал-демократическая рабочая партия (1905–1918). Лидеры — *В. К. Винниченко, Н. В. Порш, Антонович и Петлюра*.

Белорусские:

- Белорусская социалистическая громада (1902–1918).

Армянские:

- Социал-демократическая партия Гнчакян (с 1887).
- Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» (с 1890).

Мусульманские:

- Мусульманская социал-демократическая партия «Гуммет» (азербайджанская, 1904–1920).
- Иттифак аль-Муслимин («Союз мусульман») (1905–1907).
- Мусульманская демократическая партия «Мусават» (азербайджанская, 1911–1920).
- Ичтимаи-е-Амиюн (Социальная демократия, 1906–1916).

Центристские:

- Конституционно-демократическая партия (1905–1917). Лидер — *П. Н. Милюков*.
- Торгово-промышленный союз Российской империи (1905).
- Прогрессивно-экономическая партия Российской империи (1905).
- Торгово-промышленная партия Российской империи (1905–1906). Лидер — *Г. А. Крестовников*.
- Партия правового порядка (1905–1907). Лидер — *Н. Б. Щербатов*.
- Партия мирного обновления (1906–1907).
- Партия демократических реформ (1906–1907).

Правые:

- Русское собрание (1900–1917).
- Союз русского народа (1905–1917). Лидер — *А. И. Дубровин (до 1912); Н. Е. Марков (после 1912)*.
- Союз русских людей (1905–1911, формально до 1917).
- Русская монархическая партия (1905–1917, с 1907 — Русский монархический союз). Основатель — *В. А. Грингмут*.
- Объединённое дворянство (1906–1917).
- Русский народный союз имени Михаила Архангела (1907–1917). Лидер — *В. М. Пуришкевич*.
- Всероссийский национальный союз (1908–1912). Лидеры — *П. Н. Балашов, В. В. Шульгин (с 1910)*.
- Партия умереннноправых (1909–1910).
- Всероссийский Дубровинский Союз Русского народа (1912–1917). Лидер — *А. И. Дубровин*.
- Отечественный патриотический союз (1915–1917). Лидеры — *В. Г. Орлов, В. М. Скворцов*.
- Союз 17 октября (1905–1917). Лидер — *А. И. Гучков (с 1906)*.

Следует подчеркнуть, именно газеты способствовали организации партий, как образно заметил Ленин, это леса вокруг строящихся зданий партий. Это прослеживается, к примеру, на Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Ее создание провозглашено на I съезде в 1898 г., но фактически произошло позже, ибо почти все участники I съезда арестованы, потому и партия как таковая не появилась. Была попытка созвать II съезд, ее инициировали в сентябре 1900 года «Южный Рабочий», БУНД и заграничный Союз социал-демократов. Попытка оказалась просто провальной — из России прибыли только два делегата — из Одессы и Харькова.

В объединении раздробленных российских и заграничных марксистских кружков заслуга созданной по инициативе В. Ленина в 1900 году газеты «Искра». Перед выходом газеты в октябре было распространено написанное Лениным «Заявление редакции „Искры“». Оно призывало русских социал-демократов сплотиться и направить все усилия на образование партии.

«Искра» — первое общерусское политическое издание, подготовившее идейное и организационное объединение различных групп в Российскую социал-демократическую рабочую партию. В редакцию вошло 6 человек: В. Ленин, Г. Плеханов, Ю. Мартов, В. Засулич, П. Аксельрод, А. Потресов.

Подчеркивая особую роль газеты как объединяющего центра, В. Ленин именно в этот период писал: «Нам нужна, прежде всего, газета, — без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения... Вряд ли будет преувеличением сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространения) газеты может служить наиболее точным мерилом того, насколько солидно поставлена у нас эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей деятельности.

Далее, нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем объединить наше воздействие на народ... посредством печатного слова, — будет утопией мысль об объединении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия. ...Наконец, нам нужна непременно политическая газета. Без политического органа немыслимо... движение, заслуживающее названия политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача — сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста. Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть „экономических“, фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь ознательных слоях народа страсть политических обличений... У людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой они могли бы говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов. ...И мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; — такой трибуной должна быть социал-демократическая газета...

...Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союз-

ников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор... При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая... регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии... И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им»[3].

Эпиграфом газеты стала фраза *«Из искры возгорится пламя. Ответ декабристов Пушкину»*. Ленинский тезис, что газета нужна для объединения революционеров в партию, мы знали из учебников по истории. Но как это осуществлялось на практике? Возьмем в руки подшивку «Искры» и попробуем с ее помощью ответить на этот вопрос.

Первый номер. Он открывается статьей «Насущные задачи нашего движения». «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача, — определяет свое кредо газета. ...Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: „подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!“...».

Здесь же, на первой полосе, статья памяти Вильгельма Либкнехта, старейшего вождя германской социал-демократии. Она не просто так вынесена на первую полосу, дополняет статью «Насущные задачи нашего движения» — просвещает читателей, знакомит их с истоками рабочего движения, с возникновением социализма, показывает путь борьбы мирового пролетариата, ведь Ленин и его единомышленники верили в мировую революцию и неслучайно потом появится девиз: *«Пролетарии всех стран соединяйтесь!»*.

[3] *Ленин В. И.* ПСС. — Т. 5. — С. 11.

Международному рабочему движению посвящены еще две статьи — об итогах Международного социалистического конгресса в Париже и иностранное обозрение. На второй полосе статья «Китайская война». В ней «Искра» критикует царское правительство России, которое становится мировым жандармом — послало в Китай войска для подавления вспыхнувшего там восстания рабочих. «Царское правительство не только держит наш народ в рабстве, оно посылает войска усмирять другие народы», — возмущается газета и предлагает: «чтобы избавиться от этого ярма, которое возваливает война на рабочий народ, есть только одно средство — созыв народных представителей, которые бы положили конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки».

На третьей полосе статья «Новые друзья русского пролетариата» с эпиграфом: *«Избави нас, Боже, от друзей, а с врагами мы сам справимся»* и подзаголовкам «посвящается „Рабочей мысли“». На страницах этой газеты систематически пропагандировалась «теория» стихийности в рабочем движении, примата экономики над политикой, автономизма над централизмом. «Искра» дает опять-таки урок для рабочих — разоблачает оппортунистические идеи, псевдорабочие организации и их печатные органы, созданные по инициативе руководителей Московского Охранного отделения Зубатова и Сурейкина для устранения с политической арены истинных защитников рабочих — социал-демократов.

«Царское правосудие и царская милость» — так озаглавлен материал, который раскрывает огрехи российского правосудия. «...Машина царского правосудия работает во всю, — констатирует „Искра“. — Во всех уголках страны жандармы давят пропагандистов и агитаторов, а суды, при закрытых дверях наказывают сотни людей за участие в стачках!».

Это — пропагандистская статья. Рядом поставлена агитационно-организаторская — «Воззвание Российской социал-демократической рабочей партии ко всем рабочим и работницам России», сделанная по поводу смертного приговора, вынесенного по законам военного времени военным судом Варшавским рабочим. В Воззвании говорится:

«Товарищи! Дело польских товарищей — наше общее дело. Если мы дадим правительству осудить наших товарищей военным судом, то оно всегда и везде будет этим средством расправляться с нами.

Протестуйте против военного суда в Варшаве! Всех не перевешают!

1. Устраивайте забастовки и требуйте отмены военных и чрезвычайных судов и пересмотра дела Сидорского и Возняка судом присяжных!

2. Собирайте большие собрания для составления протеста и разрешайте комитетам партии действовать от вашего имени!
3. Собирайте средства для помощи семействам осужденных!».

Как видим, своего рода инструкция, что делать рабочим в данной ситуации. Теоретический и политический разделы «Искры» дополнялись богатой текущей информацией. С первого номера газета систематически из номера в номер вела рубрики: «Из нашей общественной жизни», «Из деревни», «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», «Из партии» и др. Корреспонденции, письма и заметки, публиковавшиеся под этими рубриками, свидетельствовали о тесных связях редакции с революционными силами на местах и давали прекрасный материал для глубоких научных обобщений.

Под рубрикой «Из нашей общественной жизни» в № 1 газета публикует сообщения с мест о тяжелой жизни учителей на Дальнем Востоке; о насильственной «русификации» населения; о кризисе, застое в промышленности Санкт-Петербурга и Москвы. В письме из столицы говорится, что былого антагонизма между МВД и Минфином больше не наблюдается. Ссыльный стачечник жалуется, что их отправляют в самые глухие деревни Сибири и урезали размер пособия с 9 рублей до 3, а иным до 1,5 рубля, на эти деньги невозможно прожить. Публикуется информация о закрытии Вольного экономического Общества за то, что туда приходят люди неугодные власти; сообщения о студенческих волнениях в Киевском университете, на высших женских курсах в Санкт-Петербурге.

В последующих номерах опубликованы основополагающие статьи по строительству партии и ее деятельности: «С чего начать», «На пороге XX века», «Рабочая партия и крестьянства», другие.

«Искра» всемерно стремилась развить рабочее движение. Газета приветствовала массовую политическую демонстрацию в мае 1900-го в Харькове, в которой приняло участие до 10 тысяч человек. Благодаря ей опыт харьковчан стал достоянием всех рабочих страны. В следующем году первомайские демонстрации с боевым кличем «Долой самодержавие!» по призыву газеты прошли во многих городах России. Много места «Искра» отвела под материалы о ростовской стачке 1902 года, всеобщей политической забастовке на юге России в 1903 году. На их уроках «Искра» учила рабочих искусству революционной борьбы, объединяла, сплачивала, укрепляла у них веру в свои силы. В статьях «Рабочая партия и крестьянство», «К деревенской бедноте», ряде других газета разъясняла задачи пролетариата в отношении крестьянства, обличала аграрную политику царизма.

Большую работу проделала газета по разработке программы партии, которую опубликовала в № 22. Местные социал-демократические организации обсудили ее и одобрили. Газета стала авторитетной. Ее читали, ждали.

«Я многим товарищам показывал „Искру“ и весь номерок истрепался, а он дорог, — писал рабочий ткач в газету... — Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я простой рабочий и совсем уж не такой развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!

...Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все, и старик, и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал: „С чего начать?“, так мы до ночи не расходились...».

«„Искра“ у нас читается нарасхват, и сколько доставлено, вся находится в ходу — сообщал И. Бабушкин из Орехово-Зуева. — Благодаря ей, чувствуется сильный подъем у рабочих. Особенно много толкуют по поводу статьи по крестьянскому вопросу в ном. 3, так что требуют доставить этого номера».

О популярности «Искры» информирует П. Аксельрода Н. Крупская 23 октября 1901 года:

«Из Нижнего Новгорода пишут, что „Искра“ пользуется большим успехом среди рабочих... Затем было письмо с юга. Пишут, что спрос (в Киеве, Харькове, Екатеринославе) на литературу громадный. „Рабочие и читают и понимают «Искру» “. Это пишет человек, утверждавший раньше, что „Искра“ недоступна рабочим. В одном из волжских городов „Искру“ читает кружок рабочих в 40 человек. Относятся к „Искре“ страшно горячо»[4].

В 1901 году «Искра» выходила с середины года ежемесячно, а с 1902 года каждые 2 недели. В среднем тираж был 8 тысяч экземпляров, а некоторых номеров — до 10–20 тысяч. Количество переправленных в Россию экземпляров оценивали не «штуками» (в чемодане с двойным дном), а пудами (1 пуд — 16 килограммов). В 44 номерах газеты, вышедших до II съезда

[4] Теория и практика политической борьбы на примере СДРП - РКП(б) - ВКП(б) - КПСС. Два ленинских плана партийного строительства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903plan1.htm (дата обращения: 14.04.2020).

РСДРП, помещено около 500 корреспонденций рабочих из Петербурга, Москвы, других промышленных районов страны.

Кроме «Искры» в 1901–1902 годах в Штутгарте издавался социал-демократический научно-политический журнал «Заря». Авторы — Ленин, Плеханов, выступали против ревизионистов, «экономистов», «легальных марксистов». В «Заре» опубликованы работы Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма» и др. Заметное место в журнале занимал отдел библиографии, где давались статьи и рецензии на книги по вопросам марксизма, статьи против ревизионистских изданий.

В период существования «Искры» в России также нелегально издавались 16 местных социал-демократических газет. Значительная часть их находилась в руках «экономистов», это газеты «Вперед» (Киевский комитет), «Рабочая газета» (Саратов), «Уральский листок» (Пермь) и другие. «Искра» пристально следила за идейно-политическим направлением местных газет, оказывала на них свое воздействие.

В январе 1902 года в Самаре состоялся съезд сторонников «Искры», создано Бюро русской организации «Искры» под руководством Г. Кржижановского. Отсюда во все районы страны разъехались представители бюро, чтобы добиться от местных комитетов солидарности с позицией «Искры». Узнав о самарском съезде, Ленин писал: *«Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! Шире забирайте!»*. В течение 1902 г. «Искру» признали своим руководящим органом социал-демократические комитеты крупнейших промышленных центров России. Проделав огромную пропагандистскую, агитационную и организационную работу, «искровцы» собрали 17 июля 1903 года в Брюсселе II съезд РСДРП. На него прибыло 43 делегата с 51 голосом, из коих 30 из местных социал-демократических кружков, не менее года занимавшиеся активной революционной деятельностью. Съезд выразил редакции «Искры» благодарность за ее деятельность. Газета была объявлена центральным органом РСДРП.

Съезд принял программу и устав партии. При обсуждении устава мнения делегатов разошлись. Ленин требовал личного участия члена партии в работе парторганизации. Мартов считал это необязательным. Съезд проголосовал за предложение Мартова. Но при выборах руководства партии, ЦК и ЦО, большинство пошло за Лениным. Со II съезда сторонников Ленина стали называть большевиками, Мартова — меньшевиками.

Заслуга «Искры» состоит в том, что она заложила теоретические, политические и организационные основы рабочего и всего освободительного движения. Как помнит читатель, раздуть пламя народной революции в Рос-

сии стремились такие видные органы прогрессивной печати допролетарского периода, как «Колокол» Герцена и «Современник» Чернышевского. Однако по силе воздействия на развитие революционно-освободительного процесса «Искра» не имела себе равных. И это понятно, ибо непосредственным результатом ее деятельности явилось создание пролетарской партии нового типа, которая возглавила борьбу рабочего класса, всех трудящихся за свержение господства помещиков и капиталистов.

Только регулярный выпуск партийного органа способен был в условиях «разброда и шатаний» создать фактическую связь между разрозненными комитетами и группами РСДРП и сплотить их на совместной работе. Уже одно только снабжение газеты материалами и ее распространение в России предполагало создание широкой сети агентов, находившихся в живой связи с социал-демократическими организациями на местах. Эта сеть агентов «Искры», опытных профессиональных революционеров, должна была составить и составила остов партии, ее костяк.

Как видим, ленинский план ведения общерусской политической газеты, включавший в себя одновременное решение трех насущных задач в деле создания партии — пропаганды, агитации и организации, был поистине новаторским. Но он возник не на пустом месте. Ленин учитывал богатый исторический опыт социалистической и демократической печати, в том числе опыт «Новой Рейнской газеты», выходившей под редакцией К. Маркса и Ф. Энгельса.

Всеми своими успехами «Искра» обязана Ленину, стоявшему во главе ее редакции. Он не только инициатор и организатор «Искры», но также редактор и ведущий публицист этой газеты. Как редактор «Искры» Ленин с самого начала стремился наладить дружную работу ее сотрудников, организовать коллективное обсуждение планов работы редакции и важнейших материалов газеты и журнала. В частности, этой цели должен был служить составленный им специальный договор, в котором определялись взаимоотношения соредакторов «Искры» и «Зари», их права и обязанности.

И все же, несмотря на существование такого договора, настоящей коллективной работы редакции не удалось достигнуть. *«Старая шестерка, — отмечал Ленин позднее, — до того была недееспособна, что она ни разу за три года не собралась в полном составе...»*. Вся редакционная работа лежала на Ленине, отчасти на Мартове. Плеханов принимал участие лишь в обсуждении теоретических вопросов. Засулич и Потресов «ограничивались сотрудничеством и советом», они никогда не занимались редактированием рукописей. Слабая организованность, «недееспособность» редакционной

шестерки «Искры» усугублялись серьезными разногласиями по ряду вопросов. Особенно рельефно эти разногласия возникли в процессе разработки проекта программы партии.

Осенью 1903 года из-за разногласия с Плехановым, другими сотрудниками, которые стремились отражать мнение только меньшевистской фракции, Ленин вышел из редакции. С 52-го номера «Искра» полностью заняла меньшевистскую платформу. Знамя старой, ленинской «Искры» приняла и понесла с декабря 1904 года газета «Вперед», а с весны 1905-го —«Пролетарий». Позже — газеты «Социал-демократ», «Новая жизнь», «Эхо», «Волна», а затем «Звезда», «Правда», «Рабочий путь», другие издания.

В 1901–1902 гг. по инициативе Г. Гершуни, Е. Азефа и М. Селюк в результате объединения ряда кружков и групп возникла партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры). «Исторически одинаково социалистами-революционерами называли себя и землевольцы, и народовольцы, и чернопередельцы, даже стоящие на грани между либерализмом и социализмом народовольцы не отказались от освященного всей прошлой историей имени социалистов-революционеров партии народного права», — отмечал В. Чернов.

Их объединили газета «Революционная Россия», которую основали А. Аргунов, его жена М. Аргунова и М. Селюк, опираясь на журнал «Вестник русской революции» (редактировал Н. Русанов, он же К. Тарасов). Уже в первом номере «Революционная Россия» определила свою линию. «В двадцатый век мы вступаем при апогее царской власти. Никогда еще гнет деспотизма не ощущался так сильно, никогда еще издевательство над самыми элементарными правами личности не доходило до таких неслыханных размеров. И конца этому полному обеззакониванию не предвидится». Редакция обратилась к читателям с просьбой присылать материалы о фактах административного произвола, волнения масс, стачках бунтах. «Одним словом, весь тот материал, который, по условиям цензуры, не подлежит опубликованию в нашей легальной печати». «Революционная Россия» считала допустимым в борьбе с самодержавием индивидуальный террор. Журнал «Вестник русской революции» занимался в основном теорией.

Первый номер газеты подготовлен в Финляндии, два последующих — в Томске. В сентябре 1901 года по доносу Е. Азефа, который оказался «подсадной уткой» в рядах эсеров, жандармы разгромили типографию, затем последовал арест 22 эсеров вместе с одним из основателей «Революционной России» — А. Аргуновым. С № 3 редакция газеты переведена за границу. Место издания не обозначалось (Швейцария), имя редактора — также

не обозначалось; таким образом «Революционная Россия» была органом формально нелегальным. Это не мешало ей иметь распространение в России, куда проникала контрабандным путем. Выходила сперва ежемесячно, потом чаще; последний № 77 вышел в декабре 1905 г. За весьма немногими исключениями статьи — анонимные. «Революционная Россия» стремилась не столько к теоретической разработке вопросов социализма и т. п., сколько к противоправительственной агитации во всех слоях общества. «Революционную Россию» редактировали В. Чернов и М. Гоц.

Систематически освещая события крестьянского и рабочего движения в России, общественной и партийной жизни, «Революционная Россия» также уделяла большое внимание террористической борьбе эсеров. Широко представляла программные документы партии. С «Революционной Россией» неоднократно полемизировала большевистская «Искра».

Центральным органом эсеров после первой русской революции стала газета «Знамя труда». Издавалась нерегулярно с 10 июля 1907 по апрель 1914, первоначально в России (нелегально), с августа 1908 — в Париже. Вышло 53 номера. В редакцию входили члены ЦК партии эсеров: В. Чернов, Н. Авксентьев, Г. Гершуни и др.

Авторитетными изданиями у эсеров были и «Голос», «Народный вестник», «Партийные известия», «Путь» и другие. Их пресса направлялась против самодержавия, отстаивала идеалы свободы, ратовала за широкие общественно-политические реформы, в том числе в области земельных отношений, пропагандировала индивидуальный террор и союз с буржуазными либералами, нападала на большевиков.

В 1905 году на политическую арену выступили кадеты — партия конституционных демократов, еще одно название — партия народной свободы. Правда, действовали кадеты и раньше — становление партии началось с издания в июле 1902 года в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение». Его возглавлял П. Струве, сын Пермского губернатора, редактор первых марксистских журналов «Новое слово» (1897) и «Начало» (1899), написавший Манифест I съезда РСДРП, потом отказавшийся от него и переметнувшийся к кадетам.

Журнал «Освобождение» под редакцией Струве в целом выполнил свои задачи: создал, как отметил один из корреспондентов, определенное «настроение всего общества, отражающееся в нем и им в значительной мере вызываемое и питаемое», консолидировал политические силы либералов, а затем и дифференцировал их, сплотив вокруг себя наиболее радикальные элементы либерализма, которые в январе 1904 г. провели учредительный

съезд, создав «Союз освобождения» [1903. № 7]. Учитывая заслуги редакции журнала, его публицистов ввели в совет «Союза освобождения» на паритетных началах с земцами-конституционалистами.

«Союзу освобождения» с 26 сентября 1904 года объявил петербургскую еженедельную профессионально-юридическую газету «Право» своим легальным органом. Став на позиции «Союза освобождения», редакция «Права» в значительной степени отошла от прежней линии обсуждения сугубо профессионально-правовых вопросов, усилив социально-политическую тематику. Естественно, что статус юридической газеты именно «Праву» давал возможность стать во главе «банкетной кампании», посвященной 40-летию судебной реформы 1864 г. В передовой статье «Итоги юбилея» редакция горячо осуждала существующие в России беззаконие, самовластие, бюрократию и произвол и призывала читателей придать юбилею реформы широкий общественно-политический характер и широкую огласку, ставить на собраниях общественности вопросы о конституционных преобразованиях и немедленном созыве Учредительного собрания [1904. 28 ноября].

Результатом вдохновляемой «Правом» «банкетной кампании» в правительство отправлены сотни петиций о необходимости конституционных свобод. Не получая ответа, с начала 1905 года «Право» публикует на своих страницах многие десятки этих обращений к министру внутренних дел и председателю комитета министров от различных обществ, союзов, съездов, собраний, групп и частных лиц с требованиями политических реформ и свободы печати.

Другим органом печати, близким к «освобожденцам», земским конституционалистам и либеральным народникам, стала ежедневная либерально-оппозиционная газета «Сын Отечества», которая издавалась с 18 ноября 1904 г. С. Юрицыным под редакцией Г. Шрейдера. Помимо «освобожденцев» П. Милюкова, И. Гессена и других, здесь выступали и публицисты-народники, связанные в основном с журналом «Русское богатство».

На смену ему 18 декабря 1904 г. выпущена еженедельная газета «Наши дни» почти с тем же составом сотрудников: П. Милюков, В. Гессен и другие «освобожденцы», а также либеральные народники В. Тан-Богораз, А. Иванчин-Писарев и др. Подчеркивая свою преемственность с приостановленным «собратом», редакция «Наших дней» заявила, что ее номера будут высылаться «подписчикам временно приостановленной газеты „Сын Отечества“ впредь до ее возобновления» [1904. 18 декабря]. Новое издание видело свою задачу во внесении либерально-конституционных идей «в общественное сознание». Близкой к «освобожденцам» и земцам-конституционалистам

по своим идейным позициям была газета «Наша жизнь». Она выходила в Петербурге с 6 ноября 1904 г. по 11 июля 1906 г. под редакцией В. Водовозова, а затем А. Котельникова.

I (учредительный) съезд партии кадетов прошел в Москве в октябре 1905 г. Уже в само название конституционных демократов вкладывался смысл их деятельности: партия «конституционная» не должна быть республиканской. Партия «демократическая» не должна быть «социалистической».

В ходе первой русской революции кадеты создали ряд новых периодических изданий и захватили в свои руки немало уже функционировавших органов. Усиление влияния кадетов и их печати с весны 1906 года объяснялось тем, что они оказались «самой левой партией», так как социалистические партии были устранены от политической деятельности правительством. Естественно, что все недовольные, озлобленные непредсказуемыми обстоятельствами, возникшими в период выборов, люди нашли сочувствие у кадетов и получили их поддержку.

В феврале 1906-го в Петербурге вышла еженедельная кадетская газета «Вестник партии народной свободы». Однако это издание оказалось малопопулярным из-за своей перегруженности официальными партийными документами, теоретическими публикациями. Почти одновременно с «Вестником» кадетам удалось в Петербурге основать большую ежедневную политическую и литературную газету «Речь», которая вскоре стала авторитетной.

Весной того же года кадеты приступили к выпуску в Петербурге общедоступной газеты «Товарищ», редакция заверяла своих читателей, что данный орган будет служить интересам не какой-либо партии, а освободительному движению в целом. Тем не менее «Товарищ» оказался изданием левокадетского толка.

Кадеты выпускали и общедоступные издания — «Народное дело», «Народный путь», «Реформа» и др. Подобные издания получили дальнейшее развитие в либерально-буржуазной журналистике.

В своей печати кадеты пропагандировали идею «европеизированного» сознания. А это сознание в их головы, а затем и в программу привнесли масоны. И зарядили кадетов не только идеями, но и поддержали финансами. Уже в конце 1905 года эта была самая массовая партия, насчитывающая в своих рядах около 100 тысяч человек.

Ядро ее сторонников составляла интеллигенция — наиболее активный политически, хотя и небольшой по численности слой населения Российской империи. Кадеты исповедовали идеи социального либерализма. Они

ратовали за немедленный переход к парламентской демократии путем широкого введения политических свобод и всеобщего ровного, прямого голосования, а также за контроль центра над местным самоуправлением (кроме требования народных масс о переделе собственности), при этом считали необходимым учитывать интересы высших классов и экономические потребности страны, считали, что нельзя допускать полного контроля государства над экономикой, выступали за разделение государственной власти.

Это разделение, в их понимании, варьировалось от равного до перекосов в сторону монархии или же, наоборот, народных представительств. Центр партии (С. Муромцев, В. Гессен, Ф. Кокошкин) предполагал, что царь и орган народного представительства — Государственная Дума — должны были обладать равными правами.

Решение национального вопроса «кадеты» сводили:

- к уравнению прав еврейского населения со всем остальным;
- к восстановлению конституции Финляндии;
- к предоставлению автономии Царству Польскому.

Для рабочих кадеты считали необходимым иметь 8-часовой рабочий день, разрешить союзы, дать право на стачки. Призывали установить равенство всех перед народом, отменить сословия, смертную казнь, ввести всеобщее бесплатное обучение.

Решение аграрного вопроса видели в наделении крестьян землей за выкуп. Впрочем, по аграрной программе у кадетов не было единодушия. Свою точку зрения имели «правые» и «левые». Последние отстаивали как главный принцип — идею социальной справедливости.

В целом кадеты отвергали идею социальной революции, хотя признавали ее возможность. Объявили себя внеклассовой партией, прибавив на II съезде в январе 1906 года к первому названию партии второе — Народной свободы. Войдя в I Думу, сняли лозунг созыва Учредительного собрания, поставив вместо него требования о расширении прав Законодательной Думы, подчинении власти исполнительной власти законодательной.

Один из основателей партии — И. Петрункевич, который и переманил в свои ряды П. Струве. Позже официальным лидером и главным публицистом конституционных демократов стал П. Милюков.

Партия кадетов с большим преимуществом победила на выборах в I Государственную Думу. Единства среди кадетов не было: одно крыло возглавлял П. Струве, который вскоре вышел и из этой партии и с декабря 1908 года издавал свой еженедельник «Полярная звезда», во главе другого стоял П. Милюков.

Правительство то и дело закрывало кадетские издания, но они выходили под новыми названиями. Наиболее авторитетной и влиятельной стала газета «Речь», основанная Ю. Баком. Она позиционировала себя как независимая, но на деле являлась центральным органом партии. Официально редактором газеты состоял Б. Харитон, фактически же в ней заправляли более известные личности. Один из редакторов газеты и автор большинства ее передовых статей, известный либерал — П. Милюков. Его соредактор, член ЦК партии кадетов И. Гессен. Сотрудничали в газете И. Петрункевич, А. Киреев, А. Бенуа, К. Чуковский, М. Пришвин, В. Вернадский, А. Шингарёв, А. Шахматов, В. Маклаков, В. Набоков, П. Струве, ученые, деятели политики и культуры.

«Речь» регулярно публиковала отчеты из Думы, хронику столичной, провинциальной и международной жизни, аналитические материалы, освещала события культуры. В политическом отношении сторонница сближения России с Англией и Францией, приветствовала англо-русское соглашение о разделе сфер влияния. В 1914 году осудила убийство австрийского эрцгерцога и выступила против вмешательства России в австро-сербский конфликт. Вероятно поэтому выпуск «Речи» сразу после вступления России в Первую мировую войну приостановлен властями 2 августа 1914 года. Только через 2 дня по личной просьбе председателя Государственной Думы Родзянко выпуск газеты возобновлен. Она опубликовала царский манифест о начале войны, призвала «отложить внутренние споры, когда внешний враг стоит у ворот».

На стыке десятилетий газета принимала участие в кампании против Г. Распутина, посвятила ряд материалов о его убийстве. В ответ «Новое время» в номере за 18 июня 1910 года, отметив неопределенность выдвигаемых фактов, писало: «На всю обличительную кампанию „Речи“ трудно смотреть иначе, как на тёмную и в высшей степени опасную игру» — и само намекнуло на «высокопоставленных вдохновителей» этой кампании.

В качестве приложений к газете выходили журнал «Иллюстрированная неделя» (1906), стенографические отчеты Государственной Думы (1906–1908), «Ежегодник газеты „Речь“» (1912–1916).

Кадетов поддерживала почти вся легальная пресса: «Вестник Европы», «Биржевые ведомости», «Наша жизнь», «Русь», «Русские ведомости». Разделяли взгляды партии «народной свободы» и другие влиятельные органы периодики. На несколько недель, в конце 1905-го, до выхода «Речи» органом кадетов стали «Биржевые ведомости», сменившие название на «Народную свободу», а позже на «Свободный народ». Опытный делец-издатель «Бирже-

вых ведомостей» С. Проппер передал газету П. Милюкову, решив тем самым снискать симпатии подписчиков. Но этот союз профессионального издателя и лидера партии не состоялся.

Довольно быстро некоторые органы печати разочаровались и в программе конституционных демократов. Так, разошлись с ними по вопросам партийной дисциплины и признания принципа демократического централизма в качестве основополагающего при организации партии ведущие сотрудники журнала «Вестник Европы», являвшиеся видными земскими деятелями. В начале 1906 года журнал опубликовал программу новой организации — партии демократических реформ, инициаторами создания которой стали редактор журнала М. Стасюлевич, политический обозреватель К. Арсеньев, активные сотрудники М. Ковалевский, В. Кузьмин-Караваев и др. В качестве неофициального центрального органа партии была основана газета «Страна» во главе с М. Ковалевским. Как политическая организация партия не состоялась, но о своей верности программе, опубликованной в 1906, журнал заявлял неоднократно — и в 1909 г., когда редактором стал К. Арсеньев, и в 1915 г., отмечая 50-летие своего издания.

В 1900 году в Женеве возникает группа российских анархистов-эмигрантов, в 1903-м они кучкуются вокруг газеты «Хлеб и Воля». И в том же 1903-м первые анархистские группы появляются в самой России, а в годы первой революции движение достигло пика своей активности. К концу 1907-го в стране уже существовало не менее 17 нелегальных анархистских типографий. Из периодических изданий анархистов этого времени известны «Народный листок», «Листки анархистов», «Летучий листок», «Вольный рабочий». Основной костяк организаторов движения и публицистов составляли — отец-основатель П. Кропоткин, а также М. Дайнов, Н. Музиль, Я. Кирилловский (Д. Новомирский), А. Боровой, В. Федоров-Забрежнев.

Накануне и в первые месяцы революции 1905–1907 гг. большинство анархистских групп состояло из последователей Кропоткина — анархистов-коммунистов («хлебовольцев»). Намерения «идейных анархистов» во главе с Кропоткиным вести широкую агитационно-пропагандистскую работу в массах не были осуществлены. Террор оказался главным и почти исключительным делом для большинства организаций. В декабре 1905-го анархисты-коммунисты выпустили единственный номер газеты «Черное Знамя», давшей название одному из самых влиятельных направлений в анархизме.

В ходе революции в анархизме определились три основных и достаточно обособленных направления: анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм и анархо-синдикализм. Каждое из них имело определенные сферы социаль-

ного влияния и предпочтительные регионы действия, собственные печатные органы. Говоря о периодике анархистов, следует отметить такие издания, как «Анархия» — издание Московской федерации анархистских групп; «Анархист» — орган Донской федерации анархистов-коммунистов; «Голос труда» — орган анархистов синдикалистов; «Вольный Кронштадт»; киевская «Свобода внутри нас», харьковские «Рабочая мысль», «Хлеб и воля»; а также — «Буревестник», «Голос анархии», «Вольный труд», «Черное знамя», «Безвластие», «Безначалие», «Сибирский анархист», «Труд и воля» и другие.

В 1905 году организационно оформился и «Союз 17 октября», вошедший в историю как партия октябристов (А. Гучков, П. Гейден, М. Родзянко и др.), опиравшаяся на крупных промышленников, торговцев и тех помещиков, которые перевели свои хозяйства на капиталистические рельсы. Октябристы допускали лишь некоторые ограничения конституционной монархии, не более того, ратовали за сохранение единой и неделимой России. Отвергали созыв Учредительного собрания, протестовали против введения парламентского строя, ратовали за то, чтобы ни один закон не принимался без царя.

Главные газеты октябристов — «Голос Москвы», ежедневное издание с годовой подписной ценой в 12 рублей, выполняющая функцию партийного официоза, и газета «Слово», в декабре 1906 года переориентированная в издание «мирнообновленческого» направления. Первый номер «Голоса Москвы» под редакцией ее издателя А. Гучкова, признанного лидера партии октябристов, бывшего директора Московского учетного банка, главы правления Московского товарищества для издания книг и газет, кандидата Московского университета, вышел 23 декабря 1906 г. Ее цель — сплочение политически сочувствующих элементов Манифесту 17 октября, проведение политики по установлению конституционной монархии. Пропаганда «капиталистических идей в духе защиты интересов нашей отечественной промышленности и торговли и общего экономического блага России», служить «противовесом крайне левой прессе в ее агитационных происках среди рабочих».

В газете «Слово», которая активно использовалась для активизации сторонников партии в провинции, выступали лидеры местных отделений или примкнувших к октябристам региональных партий, публиковались отчеты партийных организаций и специальные «молебствия о прекращении междоусобной брани». О «Слове» остряки говорили, что эта газета «бывших людей», издавал и редактировал ее бывший министр (М. Федоров), из числа сотрудников многие в свое время тоже занимали государственные посты или перешли из других партий.

С января по март 1907 года выходил агитационный «Листок Союза 17 октября», прекративший свое существование после завершения выборов во II Государственную Думу. В годы первой революции октябристы издавали около 50 газет на русском, немецком и латышском языках. Конечно, все издания октябристов и прежде всего газета «Голос Москвы» постоянно пытались доказать, что они защищают не только интересы одной партии, а в целом экономические и политические приоритеты России, но объективно газеты защищали интересы торгового и промышленного сословия. На страницах печати выступали патриарх земского движения Д. Шипов, братья Н. и Ф. Гучковы, статский советник барон П. Корф, тайный советник М. Красовский, возглавившие впоследствии Государственную Думу — Н. Хомяков и М. Родзянко.

Крупные землевладельцы и промышленники для борьбы с революцией создали «Союз русского народа» (СРН) (А. Дубровин, Н. Марков, В. Грингмут, В. Пуришкевич и др.). В состав входила черносотенная организация, ратовавшая за единство и нераздельность России, сохранение самодержавия, единения его с народом, лишение евреев прав, ограничение представительства Польши.

Крестным отцом российского черносотенства можно с уверенностью назвать В. Плеве. Именно он в начале XX века приступил к созданию организационных структур «черной сотни», подбирая для них кадры.

Демократия представлялась черносотенцам самым ужасным злом, которое породил западный мир. Для крайне правых было характерно абсолютное недоверие к демократическим ценностям. Монархисты не разделяли убеждения о том, что индивидуальная свобода превыше всего. В их представлении человек всегда был частью общности — общины, сословия, народа. Скептически относились черносотенцы к социалистам всех направлений, которые критиковали буржуазные свободы и обещали победу истинного народовластия после социалистической революции. В противовес демократическим институтам черносотенцы выдвигали принцип абсолютной, единоличной власти.

Черносотенцы вели устную агитацию в церквах, на собраниях, митингах, лекциях, служили молебны, проводили массовые манифестации, направляли делегации к царю и т. д. Эта агитация способствовала разжиганию антисемитизма и монархического угара и приводила к волне погромов и террористических актов против революционеров и прогрессивных общественных деятелей. Свои листовки они по примеру революционеров размножали гектографическим способом. Со временем кустарные гектографированные

листовки были забыты: черносотенцам для печатания воззваний предоставлялись типографии. Листовки печатались в тысячах экземплярах и рассылались потом по всей России. В своей печати и листовках они обращались к «триединому русскому народу», куда относились также украинцы и белорусы, не признаваемыми самостоятельными нациями. Собственно, и русские в 1905 году не были горячими поклонниками абсолютизма, поэтому черносотенная печать всячески напоминала «заблудшим овцам», что приверженность монархии — это чуть ли не русская национальная черта.

Черносотенцы издавали газеты «Русское знамя», «Почаевский листок», «Земщина», «Колокол», «Гроза», «Вече».

Официальный орган Союза — «Русское знамя». Девиз газеты — «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских». Издатели позиционировали ее как «орган, стоящий исключительно на народной почве в смысле внутреннего и внешнего единства всех ветвей великого русского племени, равноправие с которым в государстве может быть даровано инородцам лишь под условием их внутреннего единения с Русским Народом и полного проникновения интересами нашей государственности». Первый редактор — И. Дурново, с 1906 года его сменил известный общественный деятель, военный врач А. Дубровин.

Современники отмечали, что эта газета пишет холопским языком. Историк А. Репников полагает, что «газета последовательно выступала за неограниченное самодержавие, против Государственной Думы, либералов и левых радикалов, занимала ярко выраженную антисемитскую позицию», а также указывает, что «газета неоднократно подвергалась преследованиям за клевету и диффамацию: в 1905–1910 на „Русское знамя“ 6 раз налагались штрафы (на общую сумму 11 тыс. руб.), сделано 13 предупреждений, 18 номеров изъято»[5].

В материалах отчета о периодической печати за 1908 год сохранилась докладная записка одного из членов Совета Главного управления по делам печати, где содержится характеристика газеты: «„Русское знамя“ не консервативный, а крайне реакционный орган... Нападки на политику внутреннего управления, которые позволяет себе „Русское знамя“, перестала быть патриотическими... Такого рода литературная борьба получает уже характер революционный».

Черносотенцы тоже были недовольны газетой, которая выражала взгляды самой правой части союза. На съездах не раз ставили вопрос о закрытии

[5] Русское знамя. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_знамя (дата обращения: 14.04.2020).

этой газеты и замене ее другой. Свои материалы члены Союза печатали и в «Московских ведомостях», «Гражданине», «Киевлянине», «Колоколе» и других изданиях.

В 1908–1910 годах СРН (Союз русского народа) раскололся на несколько враждующих между собой организаций — «Союз Михаила Архангела», Пуришкевича, «Всероссийский дубровинский СНР» в Петербурге. В 1916 г., в связи со сближением позиций А. Дубровина с правым политиком Н. Марковым, газета стала выходить с подзаголовком «Вестник Союзов Русского Народа». «Октябристы» издавали газету «Новый путь», но она быстро закрылась.

К октябристам примыкала «Умеренно-прогрессивная партия» во главе с П. Рябушинским и газетой «Утро России», некоторые другие мелкие группы и объединения.

Среди неонароднических социалистических партий видное место занимала «Трудовая народно-социалистическая партия» (народные социалисты, или энесы). Она официально заявила о себе в сентябре 1906 года. Идеологами энесов были профессора и публицисты А. Пешехонов, В. Мякотин, Н. Анненский и другие легальные народники. Официальный орган партии — бюллетень «Народно-социалистическое обозрение».

Влиятельной силой стала в обществе образовавшаяся в I Государственной Думе «Трудовая группа» (трудовики) — демократическая фракция депутатов-крестьян и народнической интеллигенции, которую возглавлял в начале А. Керенский, а потом Аникин. Печатный орган — газета «Трудовой народ». В июне 1917 года группа слилась с народными социалистами.

Свои печатные органы имели практически все политические партии. В итоге партийная пресса России той поры была представлена изданиями самых разных направлений, т. е. ориентированных на определенные идейно-философские и социально-политические воззрения, бытующие в различных социальных группах общества.

Главными типоформирующими факторами такой прессы являлись программные и тактические цели издающего партийного органа, авторский состав редакции, функциональная агитационно-пропагандистская и организационная специфика информации и социальный состав читательской аудитории. Для содержательной модели партийного издания были характерны элементы, присущие только пропагандистки ориентированной прессе: это директивная информация, исходящая от руководящих партийных органов; агитационные материалы, имеющие своей целью воздействие на общественное мнение и формирование идейных сторонников; публикации,

тенденциозно освещающие социальные действия властей, политических оппонентов, лояльных по отношению к партии общественных организаций, а также социальный отклик аудитории на агитационные и организаторские усилия партийной печати.

Всю партийную прессу можно условно разделить на шесть больших групп:

- самая боевая и эффективная по своему воздействию — социал-демократическая, революционная печать (большевистская, эсеровская и анархистская),
- либерально-демократическая, возглавляемая печатью кадетов,
- либерально-буржуазная, представленная печатью «октябристов»,
- консервативная печать, представленная монархически настроенными организациями,
- националистическая печать,
- религиозная печать.

Из националистических партий следует выделить в первую очередь польскую Национально-демократическую партию (печатный орган партии — газета «Национал-социализм»), «Партию активного сопротивления Финляндии». Издавались газеты Frihet (Vapaus) — «Свобода», Framtid и Vastaisuus («Сопротивление»), Украинскую радикальную партию (печатные органы: ежемесячники политики, науки и литературы «Народ», «Хлебороб», «Гражданский голос») и армянский «Дашнакцутюн» с центральным органом партии — «Кентрон» (центр) и газетой «Дрошак» («Знамя»). В разной степени они приняли участие в революции 1905–1907 гг., а затем и в деятельности Государственной Думы.

Кроме официальных церковных изданий, которых мы не будем касаться, в стране были и близкие к религиозным частные издания, выражающие интересы групп и объединений. В начале двадцатого века к представителям духовного ренессанса оказались близки русские символисты — Мережковский, Гиппиус, Минский, которые группировались вокруг «Религиозно-философского общества», до революции 1905 года вместе издавали журнал «Новый путь». Основателями журнала выступили: Перцов — он внес значительную часть необходимой для издания суммы и считался официальным редактором журнала, Мережковский — идейный вдохновитель и Гиппиус, которая выполняла основную редакционную работу. В 1904 году активным сотрудником журнала, а затем его редактором стал Философов.

Для них периодический орган был важен прежде всего потому, что делалась попытка с его помощью создать особую «религиозную общественность». Цель журнала была определена как «дать возможность выразиться

в какой бы то ни было литературной форме — в повествовании, в стихах, в философском рассуждении, в научной статье или беглой заметке — тем новым течениям, которые возникли в нашем обществе с пробуждением религиозно-философской мысли».

Исследователи отмечают двойственность «Нового пути», (Н. Жилякова, например), который по кругу проблем был скорее журналом-манифестом, а по содержанию — традиционным «толстым» журналом. Аудиторная направленность также была, с одной стороны, на интеллигенцию, с другой — на духовенство, что определило внутреннюю противоречивость журнала. Публиковались стихи, литературные произведения, научные статьи, философские рассуждения. К текстам прилагались иллюстрации, напечатанные на мелованной бумаге (и здесь уже не было конфликта между содержанием и художественным материалом, как это было в «Мире искусства»), а обложка отличалась от всех остальных журналов своим цветом — она была сиреневой (как у европейских изданий).

Сложную эволюцию претерпело на рубеже веков еще одно новое издание — «Журнал для всех», который к 1903 году приобрел невиданный для российского журнала тираж — 80 тысяч экземпляров, отмечает исследовательница Н. Жилякова[6]. Первоначально это было иллюстрированное издание для народного чтения. Журнал имел 5 тысяч подписчиков. В 1899 году его приобрел В. Миролюбов и переориентировал на провинциального читателя: крестьян, сельскую и городскую интеллигенцию. Читателей журнал привлекал в первую очередь своей ценой — подписка стоила всего 1 рубль в год — и разнообразным содержанием.

Миролюбов пытался объединить вокруг журнала писателей-народников, но поскольку они не проявили заинтересованности, в журнал пришли демократически настроенные писатели-реалисты — Горький, Чехов, Андреев, Куприн, Вересаев и другие. Они входили в объединение «Среда», группировались вокруг издательства «Знание» и противостояли лагерю русских модернистов и издаваемых ими журналам. В журнале были традиционные отделы — «Внутренняя хроника», «Из жизни народов в России и за границей», «Политическое обозрение» и ряд других.

Сохранив классические черты «толстого» журнала — единство направления, общественно-политическая и литературная тематика, — Миролюбов изменил форму издания. «Журнал для всех» выходил большим форматом,

[6] Учебное пособие: История российской печати конца XIX – начала XX веков. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bestreferat.ru/referat-399661.html (дата обращения: 14.04.2020).

чем обычные журналы, он был тоньше, но текст печатался мелким шрифтом, поэтому в номер входило приблизительно столько же материала, как и в других журналах.

Чехов считал «Журнал для всех» примером «народного издания». Размышляя о «народной газете», он задавался вопросом: «Что такое — народная? Мы все народ. Не народная, а доступная для кого угодно. Вот образец: „Журнал для всех“. Прекрасно ведется. Все его читают. Вот это, в самом деле, народный журнал. А специфически народного журнала не должно быть. Я тоже из народа, если хотите мой дед ведь — простой крестьянин. А между тем специфически „народного“ журнала читать не стану».

Издание пользовалось спросом в народной среде, но в начале XX века здесь начинаются изменения, связанные с духовно-нравственными поисками его издателя. Миролюбов в свое время — известный певец Мариинской оперы, выступавший под псевдонимом «Миров». Со сцены вынужден уйти, когда после болезни потерял голос. Несмотря на то что нашел себе новое, интересное занятие — издание журнала, тяжело переживал личную драму. Знакомство с представителями русской интеллигенции, занимающейся поисками смысла жизни в религии и духовности, усилило его интерес к христианству. Миролюбов был в числе организаторов религиозно-философских собраний в Петербурге, принимал активное участие в заседаниях и поднимал религиозно-философские темы в своем журнале.

В 1903 году он пригласил в редакцию критика Волжского, сторонника религиозного идеализма, который дает оценки творчеству Горького, Андреева, Чехова и других писателей-реалистов со своей точки зрения, не совпадающей с устоявшимся направлением журнала. Например, пишет о творчестве Горького: «Художественная философия Горького... есть, прежде всего, философия самодовольного, любующегося собой аморалиста, и своеобразного, радостно упоенного, самодовольно улыбающегося атеиста».

Конфликт был неизбежен. В начале 1904 года писатели горьковского круга ушли из журнала. Их место заняли писатели-символисты: Мережковский, Гиппиус, Маковский. Они сотрудничали в «Журнале для всех» параллельно с работой в собственном издании «Новый путь», поскольку хотели донести свои идеи для широкой демократической аудитории.

XX век ознаменован бурным развитием провинциальной прессы. Это огромный и довольно активно разрабатываемый пласт отечественной журналистики. Кого интересует данная проблема, отсылаю к работам Г. В. Антюхина, Е. В. Ахмадулина, Р. У. Амирханова, Д. Н. Ахмедова, Х. С. Булацева, Л. П. Бурмистровой, А. П. Волгина, В. А. Варавы, Л. Л. Ермолинско-

го, Д. А. Канделаки, Н. И. Кондратьева, Л. Е. Коптелова, О. И. Лепилкиной, Ю. В. Лучинского, Л. С. Любимова, Л. П. Макашиной, Н. А. Махарадзе, Д. Ц. Мухаметзянова, Н. И. Никифорова, Т. В. Прудкогляда, Л. М. Сквирской, А. И. Станько, Г. И. Старкова, И. Г. Стрюченко, Ю. В. Хоруева, О. И. Якимова и др.

Исследователи отмечают, что наряду с типологическими отрядами правительственной и партийной печати в России начала века, несмотря на все административные и правовые ограничения, жестокие «охранительные тенденции», о которых, в частности, ярко писал «Вестник Европы» в первом номере нового столетия, все в большей мере разворачивается частно-предпринимательская деятельность в области прессы.

КАПИТАЛ И ПЕЧАТЬ

Рубеж XIX–XX веков был временем, когда крупные предприниматели активно занимались созданием и поддержкой периодических органов для решения своих политических задач. Между тем в современной науке до сих пор нет единого взгляда на это. Исследователь В. Зверев однозначно утверждает: «Цель была исключительно коммерческая: пресса приобретала все большее влияние и вес в российском обществе, а значит, и издательская продукция могла приносить немалый доход»[7]. Другие полагают (А. Боханов, например), что газеты создавались с политическими целями и «выражали социально-политические устремления крупной буржуазии, проснувшейся от политической спячки», они должны были «стать рупором уже новых людей, которые поднимаются в купеческой среде, говоря по-старому, и должны отражать их мнение, их позицию с тем, чтобы и просвещать отчасти своих партнеров по цеху, и защищать интересы купеческого класса»[8].

Д. Дробышевский, анализируя появление газеты «Россия», считает, что она создавалась в первую очередь с политическими целями[9].

Как ни странно, в данном вопросе правы и те и другие. Печатное слово стоит денег. И немалых. Но оно приносит и доход. Для коммерсантов издателей — чистая прибыль. Для «денежных мешков» — воздействие на умы людей. Для власти — принятие нужных решений. А это — тоже деньги.

[7] *Зверев В. В.* Г. П. Сазонов и газета «Россия»: Январь 1902 / В. В. Зверев, А. В. Амфитеатров // Исторический архив. — 2010. — № 4. — С. 127–154.

[8] *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал (конец XIX в. – 1914 г.). — М., 1984. — 152 с.

[9] *Дробышевский Д. А.* Политика или прибыль: для чего была создана газета «Россия» (1899–1902 гг.)? // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2014. — № 2.

С развитием печатного дела в XIX, начале XX веках в стране появилась целая плеяда издателей-коммерсантов. Об А. Суворине, С. Проппере, А. Марксе уже говорилось. Познакомимся с другими. Среди известных издателей Платон Петрович Бекетов. Он завел в своем большом доме на Кузнецком мосту в Москве типографию со словолитней и книжную лавку. Коммерческая сторона дела, в отличие от других издателей, была у Бекетова на втором плане, преобладало стремление нести знание в массы, просвещать людей, издавать высококачественную отечественную печатную продукцию. За одиннадцать лет своей издательской деятельности он выпустил в свет выше ста изданий, в основном книги известных авторов. Особо следует отметить два гравированных на меди альбома. «Пантеон российских авторов» представлял собой портреты писателей с краткими биографиями, автором которых был Н. Карамзин. Другим роскошным альбомом было «Собрание россиян знаменитых...». В 1812 г. при пожаре в Москве типография сгорела.

Крупнейшим издателем-меценатом слыл Николай Петрович Румянцев, любитель и знаток старины. Его ценнейшая библиотека, коллекция рукописей, манускриптов, монет, медалей положили начало Румянцевскому музею в Москве. Румянцев объединил вокруг себя известных ученых-историков — всего 55 человек. Основное издание объединения — «Собрание государственных грамот и договоров» — дипломатические и исторические памятники XIII–XVII веков.

Ценность представляет одно из первых отечественных исследований по истории книгопечатания — «О Святополке Феоле, краковском типографщике, первом издателе книг церковнославянских» (1820) К. Калайдовича и «Собрание словенских памятников, находящихся вне России» (1827).

На средства Румянцева выпущено свыше сорока изданий, которые печатались в отечественных и зарубежных типографиях (С. Селивановского, К. Кроя, Казанского университета и др.). Видными российскими издателями являлись Семен Иоанникиевич Селивановский, Глазунов Матвей Петрович, Александр Филиппович Смирдин.

Кстати, почти все лучшее, что появлялось в русской художественной литературе с конца 1820-х и до конца 1830-х годов, издано Смирдиным. До него литературный труд не считался профессией, а был делом богатых людей, которые не нуждались в гонорарах. Смирдин, как и Пушкин, ввел постоянную выплату гонорара, размеры которого были достаточно высокие, чтобы писатель мог целиком посвятить себя литературному труду. За время своей деятельности он издал и продал книг на сумму около 10 млн рублей,

а выплатил гонораров авторам на сумму 1,5 млн рублей. Прибыль издателя при этом в несколько раз превышала размер выплаченных гонораров. Если в XVIII в. цена на книги устанавливалась произвольно и бумажные мануфактуры, словолитни, печатни работали в основном себе в убыток, то к середине XIX века наиболее крупные типографии, словолитни, переплетные и бумажные фабрики по всем признакам можно отнести уже к чисто капиталистическим предприятиям.

В 1834 г. Смирдин основал журнал «Библиотека для чтения», ставший наиболее популярным журналом для провинциального читателя. Количество подписчиков достигало семи тысяч. В нем помещались беллетристические произведения — русские и переводные, поэзия, научно-популярные статьи, материалы по сельскому хозяйству и домоводству. Смирдин выпустил три тома из запланированного десятитомника «Сто русских литераторов».

Но к концу 30-х годов уже прослеживаются признаки грядущего разорения Смирдина. Книги, изданные большими тиражами, раскупаются значительно медленнее, чем необходимо для успешной работы; наличные средства исчерпаны, долговые обязательства начинают нарастать. С февраля 1841 г. на титульном листе журнала «Библиотека для чтения» не указывалось имя издателя Смирдина. Тем не менее он делает еще попытки восстановить свое издательство.

В 1841–1842 гг. на витринах книжных лавок появились три пухлых тома сборника «Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов» с припиской на титульном листе «Издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина». Крупнейший и недавно еще богатейший издатель призвал на помощь писателей. Однако это мало помогло Смирдину, как и не помогла лотерея и даже правительственная субсидия. Он был объявлен несостоятельным должником, а 16 сентября 1857 г. умер в нищете и забвении.

Карьера сына бедного Костромского писаря Ивана Дмитриевича Сытина начиналась на Нижегородской ярмарке: уже в 12 лет смышленый и ответственный паренек помогал скорняку торговать вразнос меховыми изделиями. В 15 лет с рекомендательным письмом он едет к купцу Шарапову в Москву, державшему у Ильинских ворот меховую и книжную лавки. Его отправили в книжную, и это стало большой удачей не только для него — но и для всей России. Проработав десять лет, он занял у купца средства на покупку литографского станка и открыл собственную мастерскую. Станок печатал в пять красок, что было редкостью в России тех времен.

Первой продукцией, принесшей финансовый успех Ивану Дмитриевичу, стали карты боевых действий во время Русско-турецкой войны 1877–

1878 гг. Ассортимент лично формировался Сытиным и состоял из лубочных картинок, которые рисовали такие знаменитые художники, как В. Верещагин и В. Васнецов. В год выпускалось больше 50 млн наименований печатной продукции очень высокого качества, цена была сносной, а главными распространителями — бродячие торговцы-офени, которым предоставлялись долгосрочные кредиты и хорошие условия.

Позже освоил выпуск календарей. Начал с календаря для крестьян, спустя время печатал более 20 наименований: исторический, художественный, старообрядческий, «Календарь с пословицами», военный... Его «Всеобщий русский календарь» достиг невиданного тиража — более 6 млн.

С 1880 года Иван Дмитриевич стал издавать журнал «Книговедение», через год перекупил журнал «Вокруг света», ставший излюбленным чтением у молодежи. В 1887 году удивил современников тем, что рискнул выпустить тиражом в 100 тысяч экземпляров собрание сочинений А. Пушкина. «Александра Сергеевича» за 80 копеек (в несколько раз дешевле, чем продавали другие) раскупили за несколько дней, как и аналогичный тираж Гоголя. После смерти Толстого именно Сытин согласился издать полное собрание сочинений писателя — в дорогом 10-тысячном и доступном менее состоятельным людям 100-тысячном тираже. Вырученные от продажи деньги пошли на выкуп земель Ясной Поляны для передачи в собственность крестьянам, как завещал Толстой. Издатель тогда фактически ничего не заработал, но поступок его получил большой отклик в обществе.

В начале XX века Сытин стал крупнейшим российским издателем, выпускавшим качественные и дешевые учебники, детские книги, классические сочинения, религиозную литературу, издавал «Библиотеку самообразования» — 47 книг по истории, философии, экономике, естествознанию. Для детей издавались азбуки, сказки разных народов, повести, рассказы, сборники стихов, авторские сказки Пушкина, Жуковского, братьев Гримм, Ш. Перро. К 1916 году издано более 440 учебников и пособий для начальных классов школы, а «Букварь» переиздавался в течение 30 лет. Выпущены популярные энциклопедии: «Военная энциклопедия», «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний», «Детская энциклопедия».

В конце XIX Сытин приобрел дом на Пятницкой и оборудовал там типографию (нынешняя Первая образцовая типография). В 1905 году построил новый дом на Тверской, а во дворе возвел 4-этажное здание типографии по проекту А. Эриксона с новейшим оборудованием. Книги распространялись через собственные книжные магазины в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Варшаве, Екатеринбурге, Воронеже, Ростове, Иркутске. При

типографии основал школу технического рисования и литографического дела. Особо талантливые ученики из нее переходили в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, получая высшее образование. В 1911 году воздвиг «Учительский дом» на Малой Ордынке, с музеем, библиотекой, зрительным залом.

Сегодня мы бы назвали Сытина медиаолигархом. Только за первое десятилетие XX века он издал 4 838 различных книг тиражом 212 145 216 экз. Периодические издания, принадлежавшие И. Сытину, финансировались им в качестве частного лица или через его «Товарищество»:

Журналы:

- *«Вокруг света»* (1892–1917), Москва, еженедельный, иллюстрированный. Ред.: Е. Н. Киселев, Е. М. Поливанов, Н. В. Тулупов, В. А. Попов.
- *«Заря»* (1913–1916), Москва, ежемесячный, иллюстрированный. Ред.: Н. И. Сытин.
- *«Для народного учителя»* (1907–1916), Москва, 20 номеров в год. Ред.: Н. В. Тулупов, П. М. Шестаков.
- *«Друг детей»* (1902–1903; 1905–1907), Москва, 2 номера в неделю, иллюстрированный. Ред.: А. В. Мельницкая, Н. В. Тулупов.
- *«Пчелка»* (1906–1907), Москва, 2 номера в месяц, для детей. Ред.: Н. В. Тулупов.
- *«Нужды деревни»* (1907), Санкт-Петербург, еженедельный, иллюстрированный. Ред.: А. П. Мутвого.
- *«Мирок»* (1911–1916), Москва, ежемесячный. Ред.: В. А. Попов.
- *«Нива»* (1916), Санкт-Петербург, еженедельный, иллюстрированный.
- *«Война с Японией»* (1904), Москва, еженедельный, иллюстрированный. Ред.: И. И. Митропольский, И. Д. Сытин.
- *«Просвещение»* (1907, Москва, 2 номера в неделю. Ред.: В. П. Вахтеров и В. Д. Соколов.
- *Библиотека «Русского слова»* (1913–1914), Москва, еженедельный, литературные серии. Ред.: И. И. Сытин.
- *«Вестник книжного, учебного и библиотечного дела»* (1907–1911), Москва, 31 номер в год. Ред.: В. А. Попов.
- *«Вестник школы»* (1914–1916), Санкт-Петербург, еженедельный, для учителей. Ред.: И. В. Скворцов, И. С. Иванов, С. В. Скворцов.
- *«Северное сияние»* (1909), Москва, ежемесячный, литературный. Ред.: И. Бунин.

- *«Голос минувшего»* (1913–1916), Москва, ежемесячный. Ред.: С. П. Мельгунов и В. М. Семевский.

Газеты:

- *«Книговедение»* (1906–1907), Москва, ежедневная. Ред.: В. А. Кожевников.
- *«День»* (1912), Санкт-Петербург, ежедневная. Ред.: С. П. Скворцов.
- *«Дума»* (1906), Санкт-Петербург, ежедневная. Ред.: П. Б. Струве, Ф. А. Винберг.
- *«Раннее утро»* (1916–1917), Москва, ежедневная. «Русская правда» (1906), Москва, ежедневная. Ред.: М. М. Гаккебуш.
- *«Русское слово»* (1897–1917), Москва, ежедневная. Ред.: Ф. И. Благов.
- *«Воскресный день»* (1901–1916), Москва, еженедельная. Ред.: С. Я. Уваров, С. К. Уварова.
- *«Телефон „Русского слова“»* (август 1904). Ред.: Ф. И. Благов.
- *«Правда Божия»* (1906), Москва, ежедневная. Ред.: Г. С. Петров.

Иллюстрированные приложения:

- *«Журнал приключений»* (1916), Москва, ежемесячное приложение к журналу «Вокруг света».
- *«Модный журнал»* (1904 1905), Москва, ежемесячное приложение к журналу «Вокруг света». Ред.: Е. М. Поливанова.
- *«Вестник спорта и туризма»* (1914), Москва, ежемесячное приложение к журналу «Вокруг света».
- *«На суше и на море»* (1911–1912; 1914), Москва, ежемесячное приложение к журналу «Вокруг света».
- *«Искры»* (1901–1917), Москва, еженедельное приложение к газете «Русское слово». Ред.: Е. Н. Киселев, Ф. И. Благов.
- *«Мировая война в рассказах и иллюстрациях»* (1915), Москва, ежемесячное приложение к журналу «Вокруг света».

Предприятия, имевшие самые большие финансовые обороты, возглавляло, конечно же, издательство И. Сытина. В 1914 году печатная продукция Сытина составляла четверть всего печатного оборота в России книжной продукции России, а его общероссийская газета «Русское слово» была самой авторитетной и высокотиражной в стране. Как отмечалось выше, газета вела свою историю с 1895 года, спустя два года по совету А. Чехова ее приобрел Сытин и попытался преобразить, 16 сентября 1901 года вышел первый номер обновленной газеты. По-другому выглядел заголовок, увеличен

объем — 6 страниц, семь колонок. Новый век газета начала с тиражом 30 600 экземпляров, в 1914 вырос до 619 500, в 1916 до 739 000 экземпляров, а после февраля 1917 года дошел до 1,2 миллиона. При этом более 80 процентов читателей составляла провинция.

Свой авторитет среди читателей газета завоевала благодаря великолепным журналистам. «Русское слово» слыло самым влиятельным изданием, видимо, потому что оно было самым осведомленным, не зря ее называли «фабрикой новостей». «Важно лишь то, что важно читателю, — события интересны либо необычны, факты сенсационны, — твердил сотрудникам неофициальный редактор и авторитет для всех В. Дорошевич. — Нельзя ждать известия даже один лишний день. В каждом городе России надо найти человека, чуткого к общественным вопросам, внимательного и осторожного к верности сообщаемых фактов, способного к журналистской работе, живого, отзывчивого, умеющего загораться, что необходимо при спешке „огневой“ газетной работы, — и притом человека, на которого редакция могла бы положиться, за которого могла бы принять на себя полную ответственность, — задача неимоверная трудная».

«Русское слово» решило эту задачу. Редакция имела не только большой штат собственных корреспондентов в стране и за рубежом, но и соглашения с крупнейшими газетами Европы об обмене информацией. В провинциальном отделе в 1916 году было 200 корреспондентов, в Петербургском — сто.

В редакции работали такие звезды пера, которыми отечественная журналистика гордится до сих пор, — король фельетонов Влас Дорошевич, поэтесса, драматург, фельетонист, юмористка и вообще мастер на все руки Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая), первый военкор Василий Немирович-Данченко, священник и публицист Григорий Петров, сочинитель от бога Александр Амфитеатров, летучий репортер Владимир Гиляровский, а также не обделенные божьей искоркой Петр Ашевский, Константин Даниленко, Сергей Яблоновский, Аркадий Романов, официальный редактор Федор Благов. У каждого из них был свой путь и своя судьба — и общее дело в газете.

Редакция ежегодно утверждала программу и цели «Русского слова». В первой программе говорилось: «Задача — возможно верное отражение русских идеалов и заветов, русских дел и стремлений, множественное и нелицеприятное служение самодержавию и правительству». В 1905 году в документе записано: «Мы рассматриваем задачу газеты по отношению к нашим читателям как задачу друга, сотрудника, посильного советчика и руководителя. Мы ставим себе целью будить самосознание народа, рас-

крывать всё глубже и глубже великие заветы Правды и звать читателей к осуществлению этих заветов, к воплощению их к окружающей нас жизни. Нужды крестьянства, нужды фабричного рабочего, нужды всех трудящихся классов будут предметом особого внимания нашей газеты». И заканчивался он так: «На знамени нашей газеты: братство, мир, свободный труд, общее благо».

Программа и цели на 1906 год: «„Русское слово“ — газета беспартийная, независимая. Эта независимость дает газете возможность освещать факты, руководствуясь не партийными соображениями, не „горячностью чувств“, не пылкостью, не задором партийной борьбы, а спокойным, деловым, всесторонним обсуждением». Раз и навсегда — беспартийная, настаивали Сытин и Дорошевич. Но приветствуется, во-первых, частная собственность, во-вторых, либеральная позиция, в-третьих, приверженность всеобщим, равным и тайным выборам в Думу и Учредительное собрание.

Газета, как видим, менялась, шла в ногу со временем. За двадцать лет она прошла путь от откровенно монархической до независимой, более склонной к опозиционной. В годы первой русской революции органы цензуры усмотрели «преступное» содержание в 63-х номерах газеты и выносили предупреждение, а в 1910 году за то, что газета поместила материал о жестокой расправе полиции над демонстрантами после похорон председателя Государственной Думы С. Муромцева. Без суда и следствия редактора отправили в тюрьму на 3 месяца. Пресса подняла шум, через две недели его отпустили.

Вскоре после этого инцидента В. Дорошевич ушел из редакции, узнав, что Сытин собрался продать «Русское слово» кадетам, близким по духу газете. Но те требовали газету вместе с Дорошевичем. А тот вскипел: *«Этот купчишка, кажется, вздумал продать газету и меня вместе с ней! Имейте ввиду, что ни „Русское слово“, ни Дорошевич не продаются никакой партии и ни за какие деньги»* и хлопнул дверью.

Сделка не состоялась. Но, как заявил сотрудник газеты А. Философов, «Русское слово» сразу поблекло, осталась без перца. Сытин упросил Дорошевича вернуться, и тот с 1 марта 1912 года вступил на прежнюю должность.

У него был дар подбирать толковых журналистов, выплачивал им более высокую, чем другие издатели зарплату, посылал сотрудникам авансы, давал в долг, но был и прижимистым, с деньгами расставался с трудом.

«Сытин — это один из тех людей, глядя на которых почти осознаешь, до чего талантлив, умен, сметлив и широк русский мужик, — писал жене М. Горький. — Конечно, если попадешься в руки такого мужика, так он из тебя весь живой дух немедля выкачает, кристаллизирует его в рубли,

книги, а тебя, как нечто использованное, бросит куда-нибудь в сторону, в темный уголок...».

Да, Сытин неоднозначен. Он старался угодить всем и готов был всех надувать, извлекать выгоду даже там, где, казалось бы, ее никак не получить. Во время московского восстания сытинская типография была сожжена после боя солдат с восставшими, соорудившими баррикаду на Пятницкой. Перед этим бригада печатников выпустила на оборудовании незаконный тираж газеты «Известия Московского совета рабочих депутатов» — бумага и типографская краска была «позаимствована» у Сытина. В отместку власти, когда случился пожар, не разрешили его тушить.

Вся в слезах жена звонит Сытину в Питер. *«Не волнуйся, — сказал ей, — я спокоен»*. И пригласил журналистов в ресторан. Думали, что рехнулся. Но он объяснил: *«Ведь вы сообразите, какой шум пойдет по Москве, да и по всей России. Злая рука мне добрую рекламу сделала. Публика разберется и поможет...»*. Через полгода на месте старого появился новый корпус, еще лучший, с новым цехом, более современным оборудованием. Помогли банкиры, купцы, читатели...

«Он ценил труд других, знал цену деньгам, любил торговаться, хитрил при этом, но не понимал бессребренников. Издавая мою книгу „Уолт Уитмен“, которую конфисковала полиция, он прогорел, — вспоминал К. Чуковский. „Вы нас подвели, ввели в расходы, — жаловался Сытин. — Как нам закрыть брешь, кого издать“. Назывались и Мережковский, и Гауптман, но отвергались. И тут Чуковский посоветовал Кропоткина, его „Записки революционера“, „Завоевание хлеба“, „Взаимопомощь в мире животных“ и другие.

Сытин сразу же оживился, попросил свести его с Кропоткиным. Когда делал предложение тому, прикинулся прогоревшим горемыкойиздателем, который никак не может при нынешнем состоянии дать за произведения князя более 20 тысяч, хотя в прежние времена мог бы дать и тысяч 60. Выслушав Сытина, Кропоткин, заявил: „Видите ли, мы, анархисты, считаем безнравственным брать деньги за произведения ума человеческого. Я буду рад, если мои книги дойдут, наконец-то, до русских читателей. И этой радости мне вполне довольно. Предоставляю вам право на них — бесплатно“.

Сытин изменился в лице. Наскоро попрощавшись, он быстро вышел, а потом сказал укоризненно: „Эх. дурак, даже денег не берет за свои книги. Видать, что книги — собачье дерьмо“»[10].

[10] *Менделеев А.* — С. 56–57.

Николай Лесков называл Маврикия Осиповича Вольфа «единственным царем русской книги», армия которого «разбросана от Якутска до Варшавы, от Риги до Ташкента». В этой ироничной фразе есть своя правда. Современники называли Вольфа «первым русским книжным и журнальным миллионером», хотя у него таких амбиций не было. Он просто искренне любил печатную продукцию, обладал художественным вкусом и коммерческой жилкой. Основал ряд популярных журналов: «Вокруг света», «Заграничный вестник», «Новь», «Новый мир», «Задушевное слово» (для детей младшего и среднего возрастов — два издания), «Библиографические известия», «Известия книжных магазинов Вольфа» и другие. После смерти Вольфа издательство продолжало существовать под названием «Товарищество М. О. Вольф».

Вольф — типичный европейский издатель-коммерсант — хорошо знал, что и для кого надо издавать. Уже первая изданная им книга — «Общедоступная механика» — была верно рассчитана на возникший в то время спрос на научно-популярную литературу. И в дальнейшем он чутко улавливал запросы и вкусы читателей, главным образом буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Издания Вольфа чрезвычайно разнообразны: философия, наука, прикладные знания, педагогика, литература, искусство. Он — первый издатель капитальных изданий на русском языке по математике, физике, медицине, издавал собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Даля, Писемского, Лескова, МельниковаПечерского, Мицкевича, Лессинга и др.; одним из первых в России Вольф предпринял ряд больших художественных изданий («Божественная комедия» с рисунками Доре, «Фауст» и т. д.). Широко поставил Вольф и издание детской литературы (Купер, Майн Рид, Жюль Верн, В. Скотт, а также сочинения Чарской).

«Издавать нетрудно, гораздо труднее продавать», — говорил Вольф. Хитрил! Он-то давно просчитал свою потенциальную аудиторию: формирующийся средний класс, буржуазная публика, платежеспособная интеллигенция. *«В Публичку пойдешь — не найдешь, к Вольфу заглянешь — достанешь»,* — говорили тогда в народе. И это правда: издательством Вольфа было выпущено около 5 тысяч различных наименований книг, плюс периодика. Его магазины с обильным и разнообразным подбором книг и периодики, с опытными продавцами считались образцовыми.

Известный издатель конца XIX — начала XX века и Петр Петрович Сойкин. Он родился в семье вольноотпущенного, закончил классическую гимназию и курсы счетоводов, дослужился до поста управляющего банковско-

железнодорожной типографии. В 1885 году, взяв кредит, приобрел в рассрочку маленькую типографию, инвентарь которой состоял из ручных станков и 30 пудов шрифта. На первых порах выпускал различные периодические издания и работал по заказам других издателей. Вел дело с прибылью, со временем расширил свое предприятие, купив старейшую петербургскую типографию А. Траншеля. В 1889 году начал издавать научно-популярный иллюстрированный еженедельный журнал «Природа и люди», рассчитанный на широкий круг читателей.

Журнал «Природа и люди» выходил в Петербурге с 1889 по 1918 годы. Первые номера так быстро разошлись, что пришлось их выпустить вторым и даже третьим изданием. В течение всего первого года существования еженедельника его редакция состояла из двух человек — П. Сойкина и В. Груздева. Основатели журнала не могли быть его официальными редакторами; для официального признания их в должности редакторов требовалось высшее образование. Сойкин высшего образования не имел, а Груздев был еще студентом. Поэтому формально в первые годы издания журнала редактором числился старший брат В. Груздева — С. Груздев, врач, только что закончивший академию.

У журнала появилось и приложения — библиотека популярной естественно-научной литературы, в издании которой применялся принцип серийности. Первой научно-популярной серией стала «Полезная библиотека» (35 книг), выходившая в 1894–1904 гг. Издавались также серии «Народный университет», «Библиотека для самообразования», «Народная библиотека», «Общедоступная философия», «Знание для всех» и др.

Издавал Сойкин газеты «Обновленная Россия» и «Современная жизнь», он же редактор-издатель журналов «Звезда» (еженедельный, художественно-литературный журнал) «Книжный мир», «Сельский хозяин», «Научное обозрение». В последнем печатал труды Маркса, Ленина, Плеханова, Коллонтай и других марксистов.

Неоднократно признавался лучшим издателем популярной литературы, отмечался на различных российских и международных выставках: его книги получили 7 золотых, 6 серебряных и 2 бронзовых медали.

Предпринимательское дело Сойкина можно условно делить на два периода. В первом (1885–1900) — происходило становление издательства, накопление опыта, создание сети журналов. Второй период (1901–1918) — непрерывное расширение деятельности, выпуск новых, крайне популярных среди читающей публики газет, и издание книг, массовыми для того времени тиражами.

Среди провинциальных издателей заметные фигуры В. Навроцкий, хозяин и редактор «Одесского листка», редакторы и издатели — «Новороссийского телеграфа» А. Серебренников, газеты «Киевлянин» В. Шульгин и др.

Василий Васильевич Навроцкий не просто одессит, а видная фигура одесского обществ, поддерживал все прогрессивные силы и течения. От природы одарен незаурядной энергией, потрясающей работоспособностью, обладал даром инициативы, представлял собой тип самородка, который без достаточного образования, только благодаря своей энергии, практическому уму и пониманию требований жизни, создал большой и влиятельный орган печати.

Вот что писал о Навроцком в своих заметках об Одессе журналист, историк и краевед А. Дерибас: «Весь пропитанный одесской жизнью, в центре всех ее общественных событий, знакомый решительно со всеми маломальски интересными людьми Одессы, осведомленный из первоисточников обо всех новостях, живой, отзывчивый, человеколюбивый Василий Васильевич был „ходячею Одессою“. Вокруг него, на прогулке его с собакою, у Фанкони, на скамейке на Дерибасовской, на бульваре, собирались многие его друзья. Но он был очень мало говорлив и совершенно не словоохотлив. Он не любил делиться своими сведениями с отдельными лицами. У него был свой орган, свой „Одесский листок“, через посредство которого он говорил со всеми одесситами сразу. Узнав какую-нибудь важную новость, Василий Васильевич берег ее в глубочайшей тайне до появления ее в его газете. И, Боже! Как он гордился и радовался, если никто раньше „Листка“ не сообщал этой новости читателям.

Все знать и делиться со всеми — таков был его девиз. Василий Васильевич ничего не оставлял для себя, да и от своих сотрудников требовал, чтобы они отдавали газете все дочиста, что они имели в запасе. Ни разу за 38 лет существования при нем „Листка“ он не пришел в редакцию спокойный. Всегда быстрою походкою, с целым ворохом газет, корреспонденций, газетных вырезок и присланных статей, он порывисто обходил всех сотрудников, всех двигая, всех пробуждая, всех призывая к работе на завтрашний номер и тогда только немного успокаивался, когда удостоверялся, что вся редакция в движении и, как стража на посту, бодрствует. Создав из ничего, из бесплатного листка объявлений, крупнейший на юге России орган печати и сделавшись из бедного труженика состоятельным человеком, Василий Васильевич, в основных чертах своего характера, остался до конца жизни все таким же скромным и симпатичным человеком, каким он приехал в Одессу.

...Менее всего к нему подошла бы характеристика дельца. Сам проживший между дельцами и много от них пострадавший, он по натуре был совершенно не способен к аферам. Он честно повел честное дело, и развитие „Листка“ было заслуженною наградою его личного неусыпного труда на благо одесситов».

Когда умер (6 мая 1911 г.), две огромные колесницы везли около ста венков с прочувствованными надписями: «Газетному Льву», «Доброму и отзывчивому человеку и учителю». И это было справедливой оценкой жизненного пути человека, который являл пример для многих и тогда, и сейчас.

Василий Яковлевич Шульгин вошел в историю журналистики как основатель газеты «Киевлянин» и первый ее главный редактор. Личность в Киеве известная — профессор Киевского университета, историк. Его публичные лекции посещали влиятельные сановники Киева, в том числе и генерал-губернатор Н. Анненков, который и предложил Шульгину взяться за издание газеты, которая бы финансировалась правительством и выражала бы правительственную линию. Шульгин согласился лишь после того, как была утверждена представленная им программа.

Благодаря публицистическому таланту, В. Шульгин сумел сделать «Киевлянин» настолько популярным, что это позволило изданию полностью отказаться от правительственных субсидий и стать частной газетой. Когда Василия Яковлевича не стало, газета перешла к Д. Пихно, который женился на вдове Шульгина. Он сделал газету еще более влиятельной, высокотиражной. По утверждению писателя М. Касвинова, «Киевлянин» был в числе немногих газет, которые «преимущественно» читал Николай II.

Реакцией на революцию 1905 года стало резкое «поправление» «Киевлянина». С осени того же года в «Киевлянине» стал печататься сын Василия Яковлевича и пасынок Д. Пихно В. В. Шульгин, ставший впоследствии, после смерти Д. И. Пихно, главным редактором «Киевлянина». Газета не являлась органом какой-либо организации, однако ее руководство и ведущие сотрудники входили в состав Киевского клуба русских националистов и Киевского отделения Всероссийского национального союза и она фактически стала рупором данных организаций. Вместе с тем она группировала вокруг себя членов киевского отдела «Союза русского народа».

Упомянуты далеко не все издатели этого периода — названы, на взгляд автора, наиболее влиятельные. К тому же с развитием капитализма в России издателями становятся акционерные общества, различные товарищества. Так группа «денежных мешков», пытаясь осуществить проект крупной либеральной газеты, заключает соглашение с политически «благонадежным»

Г. Сазоновым, который незадолго до того получил разрешение на издание в Петербурге ежедневной газеты «Россия». Она стала выходить с апреля 1899 г., и редактором-издателем ее весь этот период числился Г. Сазонов. Фактически же редактировали ее известные в то время журналисты — короли фельетонов В. Дорошевич и А. Амфитеатров. Либеральное направление газеты и участие в ней популярных журналистов способствовали тому, что число читателей «России» постоянно росло. Через 1,5 года со дня выхода тираж ее достиг 40 тыс. экз., что поставило «Россию» в один ряд с крупнейшими изданиями.

Однако век издания оказался недолгим: за помещение фельетона «Господа Обмановы», в котором высмеивалась царская семья, газета была закрыта, а автор фельетона Амфитеатров отправлен в ссылку.

В 1910-х годах возникает большое количество крупных акционерных обществ, имеющих определенное количество пайщиков. Акционерное общество «Издатель» выпускало «Новости» и «Сын Отечества», а АО «Копейка» — «Газеты-Копейки», журнал «Солнце России» и книги. На акционерных началах организовано Московское издательство, имевшее типографию, книгоиздательство, газеты «Коммерсант», «Вечерние известия», «Трудовая копейка», журналы «Женское дело» и «Детский мир».

Капитал начал проникать и в провинциальную прессу, например, «Приазовский край» издавался Донским акционерным обществом печати и издательского дела. Частные издательства все больше вытеснялись трестами, в которых первую скрипку играли банки. Банки и банкирские дома стали прибирать к рукам даже самые «идейные» органы прессы, в том числе центральные органы различных партий. Начал проникать в издательское дело и иностранный капитал. Газета «Утро России» была связана с французскими и английскими банками. После смерти Суворина, «Новое время» продано русско-французскому банку.

Независимых, свободных от банковского капитала газет оставалось очень мало. Среди них «Русские ведомости» — главный печатный орган русской интеллигенции, «Киевская мысль» и некоторые другие. Подобная независимость привлекала особые симпатии образованного, болеющего за судьбы страны читателя. Несмотря на «деспотизм капитала», который подчас пугал больше, чем «деспотизм самодержавия», отечественная журналистика продолжала жить и развиваться.

ЦАРЬ ПОДАРИЛ МАНИФЕСТ

Нарастание революционных событий в стране требовало осуществления серьезных изменений во внутренней политике российского самодержавия. Осознание необходимости свободы слова проникало во все слои российского общества. Даже представители правящих кругов высказывались в пользу избавления прессы от жестких цензурных оков. Однако при этом, как писал журнал «Русское богатство», печать представлялась власти «в виде кроткой овечки, которая из благодарности за свое освобождение будет следовать за освободителями на шелковой ленточке, издавая ласковое, мелодичное блеяние».

Неизбежность определенных уступок в области законодательства о повременных изданиях осознал и царь, который в конце 1904 года в именном высочайшем указе поставил вопрос об «упразднении излишних стеснений» в законах о печати. Но кардинально ситуация поменялась только после октября 1905-го, после выхода Манифеста от 17 октября, который объявлял о воле государя «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

«Совершилось великое историческое событие! Обнародован Манифест, установляющий „незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов“, с привлечением теперь же к участию в Думе по мере возможности, вызываемой необходимостью скорых выборов, „всех классов населения, которые ныне лишены избирательных прав“, — писали „Русские ведомости“ 18 октября 1905-го.

...Итак, то, к чему стремилось несколько поколений лучших русских людей, та свобода, за которую страдали и гибли тысячи наших юношей, мужей, стариков, те права народа и граждан, требование которых объяло за последнее время всю Россию, всю ее интеллигенцию, всех сознательных и честных ее людей, все трудовые ее классы, — эти права наконец даны нам, и от представительства народного, от нашей Государственной Думы будет зависеть их упрочение и расширение. Поздравим же друг друга с этим исполнением наших заветных стремлений! Обнимемся как свободные люди, как граждане свободной конституционной России!

Слова „конституция“, правда, нет в Манифесте, но раз устанавливается действительная неприкосновенность личности, свобода слова, собраний

и союзов, расширяется избирательное право, законодательные функции Думы и ее контроль над действиями властей, то от Думы будет зависеть выработка Основного Закона, обеспечивающего права и вольности, закона, который, и будет нашей конституцией. Дело не в словах, а, в сущности.

Акт такой величайшей важности должен обрадовать всех граждан русского государства. Он налагает на всех нас обязанность воспринять его в сознании твердого долга, крепко и дружно стоять на его положении и употребить все наши усилия к тому, чтобы придать этим свободам и правам прочную действительность и приложить все старания к тому, чтобы в Думу были избраны действительно лучшие люди, сторонники возвещенных прав и свободы, одушевленные искренними стремлениями к устроению земли Русской на новых началах гражданственности и правопорядка.

При новых условиях, которые должны установиться теперь в России, открывается возможность для сторонников всех направлений, в том числе и тех, которые исходят от самых отдаленных социальных идеалов, мирным путем отстаивать свои убеждения. В этом и заключается залог правильного и закономерного развития страны. В этом — и великое значение только что опубликованного акта. Приветствуя первый серьезный приступ к осуществлению начал, которые мы всегда проводили, стоя на почве конституционно-демократической программы, мы будем продолжать при новых условиях работать для возможно полного осуществления этих начал, прилагая особые старания для развития социально-экономических реформ, направленных к поднятию материального и духовного благосостояния трудящихся масс.

В настоящую же минуту было бы необходимо для окончательного умиротворения объявить политическую амнистию, освободить из тюрем и вернуть из ссылки пострадавших за так называемые политические преступления граждан. Не менее необходимо принять немедленно меры к тому, чтобы администрация и все ее органы прониклись духом нового закона и признали, что они — слуги народа, а не опричники».

Вслед за Манифестом введены новые «Временные правила о периодической печати». Правовое положение прессы кардинальным образом изменилось, что привело к сущностным переменам во всей системе печати, открыло качественно новый этап в развитии русской прессы. Отмена как обшей, так и духовной предварительной цензуры, явочный порядок регистрации изданий, запрещение административного воздействия на печать, установление ответственности за проступки печати только судебным решением, отмена залогов и цензов в издательской деятельности — все это вызвало настоящий газетно-журнальный «бум» в стране.

Указом от 24 ноября 1905 года устранено административное вмешательство в дела прессы, восстанавливался судебный порядок ответственности за преступления, совершаемые путем использования печати. Закреплялся комплекс наказаний, которым могли подвергаться журналисты, — денежные штрафы, приостановка и закрытие изданий, конфискация номеров. На волне революционного подъема многие радикальные издания игнорировали этот указ, но уже через год он стал применяться достаточно жестко. Следует отметить, что впоследствии большевики использовали в Декрете «О революционном трибунале печати» (январь 1918 г.) многие положения этого указа.

11 декабря 1905 года в разгар Московского восстания царь издает закон о выборах в Государственную Думу. Основной процесс формирования легальных политических партий и расцвет прессы начался в ходе подготовки к выборам в I Государственную Думу. На страницах общественно-политической печати впервые открыто был представлен практически весь спектр партийных позиций того времени, шел широкий обмен мнениями по самым актуальным проблемам.

За три дня до открытия Думы были оглашены «Основные государственные законы», своего рода — Конституционный акт «псевдоконституции», как окрестила пресса этот документ. Кадетская газета «Речь» заранее опубликовала проект, хранящийся за семью печатями. Скандал был на весь Петербург! Правительство под напором общественного мнения вынуждено было часть статей и даже законов упразднить, другие — пересмотреть. Тем не менее царь основательно подрезал Думе крылья. Она, например, не могла пересмотреть уже действующие основные законы, не имела права ведения внешней политики, а также отстранялась от дел, связанных с вооруженными силами.

Даже бюджетные права Думы ограничивались — она лишалась права контролировать бюджет Синода, а также расходы, связанные с содержанием царского двора. Не подлежала огласке в Думе и статья «на известные Его Императорскому Величеству употребления» (сюда входили подкупы прессы, иностранных дипломатов, разведка и др.).

Но самое главное — царь ставил исполнительную власть выше законодательной. Правительство ни в малейшей степени не зависело от Думы и подчинялось только царю. Народные избранники могли сколько угодно говорить, даже принимать решения об отставке правительства (что они, кстати, и делали), разрабатывать любые законопроекты, но ввести их в действие им права не давалось: над Думой стояла верхняя Законодательная палата —

Государственный Совет, состоящий из 196 членов, а потом и царь. Половина Госсовета назначалась царем, а другая половина избиралась крупными землевладельцами, заводчиками и фабрикантами. По замыслу Николая II, Госсовет — это фильтр, не пропускающий не нужных его Императорскому Величеству, рожденных горячими головами думцев законопроектов. Более того, самодержец имел право в перерывах между сессиями Думы (а, как показали последующие события, эти перерывы по воле царя длились по несколько месяцев) издавать законы от своего имени и тут же вводить их в действие.

На волне общего подъема революционного движения вышла из подполья периодика социал-демократов (большевиков и меньшевиков), анархистов и максималистов, эсеров и трудовиков и других.

Левая печать, ратуя за демократию, свободу призывала народные массы к свержению самодержавия. Год от года в стране росло количество забастовок, стачек, неповиновение властям. Пока это были разрозненные облака на небе России. Медленно, но неотвратимо они перерождались в грозовые тучи. Этому поспособствовала и Русско-японская война 1904–1905 годов.

В историографии тема Русско-японской войны в трактовке печати не получила должного освещения, отмечают исследователи[11], при этом подчеркивая, что для первого этапа войны в большинстве официальных органов печати характерно изображение наших дел на театре боевых действий в радужно-оптимистичном ключе. Незначительные стычки со страниц газет предстают как серьезные боевые столкновения с японцами, в результате которых противник терпит огромный урон. Типичны информационные сообщения в духе, что русский отряд в составе «таких-то офицеров и сотни казаков» завязал с японцами ожесточенный бой, в результате которого японцы потеряли убитыми и ранеными две-три сотни человек, у нас же несколько нижних чинов убито и с десяток ранено. И только Сибирские эсеры, так же как и социал-демократы, развернули интенсивную печатную пропаганду, стремясь сказать правду. Их первые листовки и публикации в газетах, касавшиеся этой темы, излагавшие причины и обличавшие инициаторов развязывания войны, появились в 1904 году. Так, Красноярская группа ПСР перепечатала листовку ЦК ПСР «Кто виноват?» (1904, ранее 17 сент.), в которой Русско-японская война называлась захватнической, антинародной. Авторы листовки заявляли: «Ко всем другим бедствиям, которые испытывает Россия, прибавилось еще новое великое бедствие: война с Японией».

[11] Например, *Н. П. Курусканова*. Русско-японская война в освещении нелегальной печати сибирских эсеров. Современные проблемы науки и образования, 2015. № 1, Ч. 1.

По мнению ее авторов, война вспыхнула из-за агрессивной, захватнической внешней политики, проводимой царизмом на Дальнем Востоке. По их мнению, инициаторами ее развязывания являлись русский император Николай II, а также статс-секретарь Особого комитета по делам Дальнего Востока А. М. Безобразов[12].

По мере того, как дела на военном театре войны становились все хуже и хуже, а положение внутри страны — все плачевней и плачевней (рост цен, продовольственные кризисы, проблема раненых и семей запасных нижних чинов и т. д.), оптимистичные реляции газет стали вызывать обратную реакцию. Невзирая ни на какие цензурные ограничения, в прессу начала помаленьку просачиваться критика, все чаще стали появляться материалы, рисующие войну как жестокую и позорную бойню.

Характерно в этом плане освещение печатью обороны Порт-Артура. Многократные на протяжении девяти месяцев сообщения в официальной монархической и либеральной прессе, что крепость великолепно укреплена, снабжена продовольствием и боеприпасами, дух гарнизона выше всяких похвал и т. п., сменились сначала осторожным «положение Порт-Артура серьезно, но не безнадежно», затем — информацией о том, что гарнизон очень вымотан беспрерывными штурмами и бомбардировками, убитые лежат грудами по 1,5 метра высотой, сам город сильно разрушен и т. д. В начале декабря к этому добавилась информация о занятии японцами 23 ноября горы Высокой, что позволило им бомбардировать крепость и гавань 11-ти дюймовыми снарядами. Впрочем, сомнения в том, что крепость не сможет продержаться до подхода Балтийской эскадры, в официозной и либеральной печати все равно не высказывались. Напротив, утверждалось, что в Порт-Артуре достаточно продовольствия и боеприпасов, а сама крепость настолько неприступна, что может быть взята японцами только при условии уничтожения всех ее защитников до последнего человека.

Тем большее впечатление произвело на русское общество известие о сдаче крепости, сопровождавшееся публикацией телеграмм, рисующих ужасающее состояние Порт-Артура. Реакция прессы на падение Порт-Артура демонстрировала уже всю гамму чувств, от пафоса до горечи и полной растерянности. «Русь», описав трагические дни обороны («льется последняя драгоценная кровь, нечем стрелять, нечего есть, остаток эскадры взорван на воздух»), тем не менее призывала «не поддаваться малодушному унынию: одно нам нужно ныне — единство мысли и дела!». «Русские Ведомости»

[12] ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1.

писали, что общество должно почтить павших героев, а тех, кто остался в живых, и семьи погибших — обеспечить в знак памяти и уважения к их подвигам. «Новости» осмелились задать риторический вопрос, нужно ли было ценой стольких жертв оборонять Порт-Артур. В развернувшейся затем на страницах прессы дискуссии главными оказались два вопроса: 1) каково было действительное состояние крепости? 2) каковы были причины падения Порт-Артура?

С обсуждения падения Порт-Артура и причин его сдачи началась и собственно целенаправленная критика дел в армии и на флоте (а не просто выявление отдельных недостатков), не только в социал-демократической и эсеровской печати, но и в других изданиях. В целом изображение боевых действий в духе «соответствия планам командующего» сменилось потоком критики, а читатель узнал, что все предшествующее время ему откровенно врали. Неудивительно, что с падением Порт-Артура происходит перелом в восприятии Русско-японской войны — из победной она все более и более превращается в «неудачную», «проигранную», «злосчастную» и даже «позорную». Сам факт сдачи крепости поставил на повестку дня вопрос о доверии существующей власти, поскольку ни замолчать ее, ни объяснить «стратегическими планами главнокомандующего» уже не представлялось возможным.

Необходимость войны стала все больше ставиться под сомнение, причем в либеральной печати стали звучать те же требования о мире, что и в печати демократической и даже революционной. Весьма настойчивыми стали и требования внутренних реформ, подобных тем, что страна получила после неудачной войны 1853 г. Еще больше усилил эти настроения разгром русской армии под Мукденом.

Характерно, что виновниками поражения в прессе назывались, кроме командующего А. Куропаткина и нижестоящих военачальников, но и все правительство, военное министерство, наместник и даже русские дипломаты в Японии, не сумевшие отсрочить войну. Как писала пресса, войну породила борьба за передел мира. На Дальнем Востоке столкнулись интересы Японии, США, Англии, Германии, Италии, России, Китая. Япония хотела овладеть Манчжурией и Кореей, вытеснив оттуда Россию. Англия и США поддерживали японцев, толкали на войну, стремясь самим закрепиться в Китае. Окружение Николая II советовала ему тоже начать войну, полагая, что это укрепит авторитет страны и главное — даст возможность быстро справиться с революционным движением в стране. И он пошел на это и поплатился.

К лету 1905 г. русское общество уже не верило никаким официальным оптимистичным заявлениям и победным реляциям, никаким «генеральным

гениальным» планам и проектам. Мысль о необходимости продолжить войну владела только частью дальневосточников, и то только потому, что мир с Японией угрожал потерей Сахалина, Приморья и Уссурийского края. Парадокс ситуации заключается в том, что к сентябрю 1905 г. в Маньчжурии была сосредоточена 788-тысячная армия (130 батальонов) — но она уже не желала сражаться. Таким образом, потеряв доверие общества, власть потеряла возможность победно закончить войну, а сама война послужила катализатором революции как открытого противостояния власти и общества. Требования мира стали всеобщими, а критика существующего строя и власти — громадной по масштабам. Практически вся пресса, от правой до революционной, указывала, что поражение в войне есть свидетельство несостоятельности существующего государственного строя, а дальнейшее продолжение войны есть безумие[13].

Царствование Николая II вызывало все большее и большее разочарование и недовольство народа, ожидавшего кардинальных реформ с его восшествием на престол. Жестокий экономический кризис, начавшийся в 1901–1903 гг., то затухал, то снова давал о себе знать. Пресса сообщала о закрытии все новых и новых фабрик, заводов, о волнениях в городах и деревнях. Студенты требовали восстановления университетской автономии, отмененной Александром III. 1902 год ознаменован грандиозной стачкой в Ростове. В следующем году во всеобщей стачке на юге России участвовало около четверти млн рабочих. Правительство бросает на их подавление армию. Кровавые события разыгрались в Златоусте, где число жертв достигло 60 человек. Массовыми становятся и крестьянские выступления. В Полтавской губернии разгромлено 36 имений, в Харьковской — 24... В ноябре 1904-го газеты сообщают о крупном волнении моряков в Севастополе...

И ГРЯНУЛ ГРОМ... ЯНВАРСКИЙ

Нерешаемые социальные проблемы, сливаясь с чувством национального унижения в связи с падением Порт-Артура, другими неудачами русских войск и подписанием унизительного Портсмутского соглашения, вызывали резкое недовольство людей. В подобной ситуации достаточно искорке, чтобы рванул пороховой погреб. Такой искоркой стала стачка рабочих Путиловского завода 3 января 1905-го года в ответ на увольнение их нескольких товарищей.

[13] Власть и общество в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов: ложь, ставшая роковой. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://textbooks.studio/uchebnik-teoriya-politiki/vlast-obschestvo-godyi-russko-yaponskoy-voynyi-22579.html (дата обращения: 14.04.2020).

Забастовщики, писали газеты, создали выборную комиссию от рабочих для совместного с администрацией разбора претензий работающих, требовали ввести 8-часовой рабочий день, отменить обязательные сверхурочные работы, установить минимум зарплаты, не подвергать наказанию участников забастовки и др.

Большевистская пресса поддержала путиловцев. 5 января ЦК Российской социал-демократической партии (РСДРП) выпустил листовку с призывом к рабочим других заводов присоединиться к ней. О своей солидарности с путиловцами заявили Обуховский, Невский судостроительный, патронный и другие заводы. К 7 января стачка стала всеобщей (по неполным официальным данным, в ней участвовало свыше 120 предприятий, 106 тысяч человек).

5–8 января священник Г. Гапон под диктовку инженера П. Рутенберга подготовил петицию (челобитную) царю, которая содержала ряд требований, часть которых имела политический, а часть экономический характер. Главное требование — уничтожение власти чиновников и созыв народного представительства (Учредительного собрания) и равного голосования на основе всеобщего, прямого, тайного. Остальные требования (а их было 17) делились на три части: «Меры против невежества и бесправия русского народа», «Меры против нищеты народной» и «Меры против гнёта капитала над трудом». О готовящемся шествии с петицией к царю 9 января и о возможном кровопролитии знали не только власти, но и некоторые общественные деятели. 8 января в редакции петербургской газеты «Наши дни» состоялось собрание, на котором журналисты решили ходатайствовать перед министром внутренних дел П. Святополк-Мирским о предотвращении расправы. В делегацию вошли: Горький, Анненский (член редколлегии журнала «Русское богатство»), Арсеньев (политический обозреватель «Вестника Европы»), Гессен (редактор газеты «Право»), Семевский, Кареев и другие. Делегацию принял председатель кабинета министров Витте, но разговор не дал результатов; вскоре после этого всех членов делегации арестовали и заключили в Петропавловскую крепость как предупреждение другим.

Но это не остановило рабочих. И то, чего боялись журналисты, случилось. Люди вышли на улицы с намерением нести петицию к царю.

«Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-ой линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади, — писал „Правительственный вестник“ (1905. № 7).

На 4-ой линии Васильевского острова толпа устроила из проволоки и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причем из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы, у городовых толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шафа, похитив оттуда около ста стальных клинков, которые, однако, были большей частью отобраны; в 1-м и 2-м участках Васильевской части были порваны и телефонные провода и опрокинуты телефонные столбы; на здание 2-го полицейского участка произведено нападение и помещение участка разбито...».

По официальным данным, в тот день погибло 130 человек. Но исследователи называют другую цифру. По сведениям, собранным организованной потом специальной комиссией (в которую вошли передовые адвокаты), в больницы Петербурга было привезено 9 января 1 216 убитых и свыше 5 000 раненых. Со времен кровавой бойни в Новгороде, учиненной Иваном IV, ничего подобного история страны не знала.

Январская демонстрация 1905 года обернулась расстрелом целых семей, которые шли к царю с просьбой защитить их от произвола чиновников и капиталистов. Приказ стрелять в безоружных людей стал толчком к первой русской революции. Но главным необратимым последствием трагедии стало то, что бессмысленное убийство уничтожило веру в царя и стало прологом для изменения государственного строя России.

После трагических событий 9 января 1905 года русская печать была лишена возможности опубликовать какие-либо материалы, кроме официального сообщения. Многие уже набранные материалы полиция, которая делала обыски в помещениях редакций, конфисковала. Тогда журналисты начали своеобразную забастовку. Собрание представителей газет «Русь», «Новости», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Слово», «Право», «Наборщик» приняло заявление, где говорилось, что эти газеты «не находят возможным считаться с цензурными запретами» печатать сообщения о событиях общественной жизни.

После 9 января социальная буря вихрем покатилась по всей стране. Печать сообщала о массовых забастовках в Москве, Риге, Варшаве, Тифлисе, Киеве, Минске, Иваново-Вознесенске... Только в январе 1905 года бастовало около полмиллиона человек, столько, сколько за десять предшествовавших лет. В выступлениях против самодержавия участвовали рабочие, крестьяне, интеллигенция. Особенно сильные волнения отмечались в Грузии и Латвии. Грузинские крестьяне отказывались платить налоги, нести повинность в пользу помещиков, стали создавать комитеты, устанавливавшие свои законы.

Большой резонанс вызвала всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске, продолжавшаяся 72 дня. Ивановские ткачи требовали 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, улучшения жилищных условий. Кроме этих требований, на митинге бастующие приняли резолюцию о созыве Учредительного собрания. Для переговоров с хозяевами бастующие избрали Совет уполномоченных. Иваново-Вознесенск стал родиной нового органа власти. Совет создал большую дружину и рабочую милицию.

Борьба иваново-вознесенских ткачей продолжалось до 26 июля. Казаки арестовали большую часть Совета. Это и крайнее истощение заставило их прекратить стачку. Но рабочие добились повышения заработной платы, улучшения санитарных условий работы, уплаты квартирных, удовлетворения некоторых других требований. Пример ивановских ткачей нашел распространение во всей империи. СМИ сообщали об июньском восстание в Лодзи. Город покрылся баррикадами и лозунгами «Да здравствует революция!» В сражении с войсками убито и ранено до 2 тысяч человек. В том же месяце взбунтовалась команда броненосца «Князь Потемкин Таврический». Моряки подняли красный флаг. Их поддержали Одесса, Либава, Николаев...

В декабре восстала Москва. 7 дней газеты публиковали сообщения о ходе восстания, отмечали, что рабочие стали образовывать собственные кварталы, блокируя их баррикадами. 15 декабря в Москву прибыл гвардейский Семёновский полк, который тут же начал артиллерийский обстрел позиций рабочих. Основные события происходили на Пресне. Но силы были неравны, поэтому 19 декабря московский Совет рабочих депутатов постановил, что восстание прекращается. Точных данных о жертвах нет, официальные источники говорят только о том, что в этих событиях убито и арестовано более 1 000 человек[14].

Революция 1905–1907 годов может быть разделена на три основных этапа: январь – сентябрь 1905, октябрь – декабрь 1905, январь 1906 – 3 июня 1907. На втором этапе революции (октябрь – декабрь 1905 г.) движение масс достигло высшего подъема. В крупнейших городах по примеру ивановцев начали создавать Советы уполномоченных и Советы рабочих депутатов, стремившиеся заиметь функции власти. Самыми деятельными Советами стали Санкт-Петербургский и Московский. Так, Петербургский Совет, учрежденный 13 октября, уже 14 октября 1905 года потребовал от городской Думы выделить деньги на вооружение рабочих и перестать их выделять на

[14] Подр. см. *Черняк А. В.* Журналистика и революции в России. — М., 2017.

довольствие и содержание армии. 17 октября Петербургский совет образовал руководящий орган — Исполнительный комитет (31 человек), во главе с Г. Хрусталевым-Носарем, заместителем избрали под фамилией Яновского — Льва Давидовича Троцкого (Бронштейна), членом Совета стал и Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд (Парвус), спешно направленные в Петербург из Америки в разгар октябрьской стачки, банкиром Яковом Шиффом. Троцкий взялся выпускать газеты «Начало» и «Известия».

Георгий Степанович Носарь, как выяснили журналисты, из семьи ссыльного народовольца. Отец, Степан Корнеевич, крестьянин Полтавской губернии, неоднократно подвергался высылке за распространение противоправительственных идей и участие в крестьянских беспорядках. Георгий Носарь пошел по стопам отца. Будучи студентом Петербургского университета, сотрудничал в журнале «Русское богатство», познакомился с Н. Михайловским, П. Кропоткиным, И. Мечниковым, др. Вступил в «Союз освобождение». За участие в студенческом движении был сослан, но получил право сдать экзамены за университетский курс экстерном. Получив диплом, Носарь уехал помощником присяжного поверенного в Харьков.

Революционная деятельность Носаря началась в день «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года, когда после разгона мирной демонстрации рабочих он выступил в одном из отделов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» с призывом к борьбе с самодержавием, а вечером того же дня распространял революционные воззвания Г. Гапона. После событий 9 января Носарь занимался распределением пожертвований семьям бастующих рабочих и одновременно завязывал связи в рабочей среде.

Кто инициатор создания рабочего Совета — организации, которая взяла на себя руководство рабочим движением в те дни в Петербурге, не установлено. Когда же «Совет рабочих делегатов» был создан, Носарь под именем рабочего П. Хрусталёва избран его первым председателем. Этот Совет продолжал существовать вплоть до октября 1905 года, когда стал называться Петербургским Советом рабочих депутатов.

После ареста 3 июля открылось, что под именем рабочего Хрусталёва скрывался помощник присяжного поверенного Носарь. Так он стал Хрусталёвым-Носарем. Из Петропавловской крепости, куда был заточен, освободился 2 сентября. Юрист-консультант «Союза рабочих печатного дела», завоевал доверие рабочих, защищая их в трудовых конфликтах, и после образования Петербургского совета рабочих депутатов 14 октября единогласно избран председателем. Однако его влияние в Совете вскоре оказалось ограниченным. Авторами большинства резолюций Совета и его главной

интеллектуальной силой являлись Троцкий и Парвус. Хрусталёв был вынужден оглядываться на них, и эта зависимость болезненно била по его самолюбию. На этой почве между ними возникла вражда.

26 ноября вместе с еще несколькими членами Исполкома Совета Хрусталёв-Носарь вновь арестован; на допросах, по свидетельствам очевидцев, вел себя двусмысленно, арестованные позже депутаты Совета даже пригрозили заклеймить его публично в суде как предателя. 19 сентября 1906 г. осужден и сослан в Сибирь, откуда в марте 1907 года бежал за границу. Участвовал в V съезде РСДРП в Лондоне. В 1910 году вышел из партии большевиков, но политическую деятельность не бросил. Занимался журналистикой, писал статьи на политические, социальные и экономические темы для журналов «Мир», «Образование», «Бодрое слово», «Вестник кооперации», «Городское дело», «Экономист России», «Новый экономист», газет «Наше дело», «Товарищ», «Наша газета», «Слово», «Голос земли» и других. В 1911 году издавал в Париже газету «Парижский вестник», в которой помещал программные статьи по вопросам политической борьбы.

В 1913 году приговорен французским судом к тюремному заключению за присвоение чужого имущества. Эта история стала поводом для газетной травли, которая обошла страницы многих российских и эмигрантских газет. В кампании разоблачения Хрусталёва приняли участие его бывшие товарищи во главе с Троцким. После выхода из тюрьмы Хрусталёв оказался в положении изгоя. В открытом письме, помещенном в газете «Новое время», сообщал, что навсегда порывает с партийной средой.

С началом Первой мировой войны вернулся в Россию, арестован и отправлен на каторгу. Освобожден в первые дни Февральской революции, приехал в Петербург, пытался войти во вновь образованный Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, но Троцкий не допустил этого. Он вернулся на Украину, издавал газету, образовал крошечную Переяславскую республику, поддерживал гетмана Скоропадского, Петлюру. В 1919 г. арестован и расстрелян за антисоветскую деятельность. Есть мнение, и не без основания, что к его смерти приложил руку Троцкий.

Вот, что пишет знавший его бывший депутат IV Государственной Думы, принимавший отречение Николая II от престола, В. Шульгин.

«Он (Носарь — *Авт.*)... с особенным презрением говорил о Троцком-Бронштейне. Он считал его форменным негодяем; утверждал, что в 1905 г., то есть когда он состоял его, Носаря, товарищем (заместителем — *Авт.*) по должности председателя Совета рабочих депутатов, Бронштейн одновременно служил в департаменте полиции в качестве секретного сотрудника;

и что по наущению сего последнего Бронштейн провел резолюцию о „вооруженном восстании“, дабы прокуратура могла потребовать высшей меры наказания. Затем, по словам Носаря, Троцкий перешел на немецкую службу и во время войны был платным агентом германского генерального штаба. Все это и еще многое другое, чего не помню, Хрусталев-Носарь изложил в брошюре под заглавием „Как Лейба Троцкий-Бронштейн расторговывал Россию“.

„Лейба“ заплатил своему бывшему соратнику за эту брошюру... Легенда прибавляет, что заспиртованная голова Носаря была послана в Москву „Лейбе“ в знак исполнения его повелений»[15].

Можно верить и не верить рассуждениям Носаря о связи Троцкого с царской охранкой и немецким генштабом, тут он перепутал Троцкого с Парвусом, именно Парвус получал деньги Генштаба Германии на революцию в России, а Троцкий имел дело с американцами, доказанным остается факт его сотрудничества с американским миллионером Яковом Шиффом, организатором русских революций.

В сентябре – октябре 1904 года именно по инициативе Я. Шиффа и на его деньги, для маскировки выделенные как кредит Японии, член финской партии активного сопротивления К. Циллиакус и японский полковник М. Акаси собирают в Париже совещание оппозиционных и революционных партий Российского государства с целью выработки совместного плана борьбы против русского самодержавия. На этом совещании побратались и вступили в сговор против России три главных ветви антирусских сил — масонско-либеральная, социалистическая и националистическая[16].

Масоно-либеральную ветвь на этой сходке оппозиционных и революционных партий Российского государства в Париже представляли деятели «Союза освобождения» В. Богучарский, князь П. Долгоруков, П. Милюков и П. Струве. От социалистов-революционеров присутствовали террорист и одновременно осведомитель полиции Е. Азеф, В. Чернов и М. Натансон. Польскую «Лигу народовую» представлял Р. Дмовский, а социалистов (ППС) — Ю. Пилсудский, грузинскую партию социалистов-федералистов — Г. Деканозов, были также латышские социалисты, армянские социал-

[15] *Шульгин В. В.* Что НАМ в НИХ не нравится... — М., 1992. — С. 238.

[16] Подробно о деятельности Я. Шиффа можно прочесть в книгах: *Сикорского Е. А.* Деньги на революцию: 1903–1920 гг. Факты, версии, размышления. — Смоленск, 2004; Германия и революция в России. 1915–1918. Сборник документов / ред.-сост. и комм. Ю. Г. Фельштинский. — М., 2013; Документы. Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны; *Николаевский Б. И.* Тайные страницы истории. — М., 1995; *Черняк А. В.* Тайны революций в России. — Минск, 2011.

федералисты, представители Белорусской социалистической громады. Отсутствовали лишь российские социал-демократы (большевики и меньшевики). Это Парижское совещание до сих пор особо не афишируется. А оно сыграло большую роль в развитии революционного движения в России — приняло резолюцию об уничтожении Российского самодержавия и о создании свободного демократического строя на основе всеобщей подачи голосов, а также о праве национального самоопределения народностей.

Помимо общих целей, обсуждались также методы борьбы. Как следует из секретного доклада полковника М. Акаси, сошлись на том, что каждая из партий действует своими, свойственными ей методами борьбы: либералы из «Союза освобождения» будут опираться на легальные методы — через печать и земские собрания. Будут проводиться банкетные компании и студенческие демонстрации и подаваться петиции от разных сословий на имя императора с требованием политической свободы.

Революционные партии используют более радикальные методы: организацию студенческих беспорядков, крестьянских волнений и демонстраций рабочих фабрик и заводов. Самые крайние партии оставляют за собой право и на вооруженные методы борьбы, начиная от единичного и массового террора и кончая попытками вооруженных восстаний с применением всех видов оружия. Если какая-то из партий совершит террористический акт, то другие должны приурочить к этому событию свои выступления в печати с выдвижением политических требований. Наконец, все без исключения партии должны устно и через печать агитировать против продолжения непопулярной войны.

Во исполнение решений, принятых в Париже, «Союз освобождения» собирает в России съезд земских деятелей, на котором присутствовали 105 делегатов из 33 российских губерний. 71 делегат голосует за создание выборного законодательного правительства, 27 — за правительство законосовещательное. По стране прокатывается кампания за ограничение царской власти. В 34 городах состоялись собрания и митинги, в которых участвовало 50 тысяч сторонников «Союза освобождения». Руководители съезда идут в министерство МВД к Святополк-Мирскому и требуют, чтобы он оказал давление на царя, иначе грянет революция. Правительство не верило в революцию. По данным МВД России, на конец 1904 года в стране числилось 4 526 революционеров. Из них 1 898 русских, 1 676 евреев, 626 поляка, 126 представителей кавказских национальностей, 85 выходцев из Прибалтики.

Эмвэдэшние чиновники, как плохие бухгалтера, не видящие ничего кроме цифр, просмотрели главное — в стране появились руководящие центры, организующие массы на борьбу с самодержавием. Ими становились политические партии. До начала XX века в стране случалось немало бунтов, восстаний, малых и больших, но никаких политических партий не было.

Они начали появляться в конце XIX века, а особенно бурно организовывались перед началом и после этого самого Парижского совещания, во исполнения его решений. До 1905 года большинство партий действовало нелегально. И хотя ряды «смутьянов» действительно невелики, но, как известно, организация сильна не числом, а умением работать в массах, влиять на людей, зажечь их и увести в нужном направлении.

После Парижского совещания появился план вооруженного восстания в Петербурге, Москве, и как утверждает исследователь Е. Сикорский, Парвусом получены из-за рубежа на эти цели крупные денежные субсидии. Однако следует согласиться с историком С. Ольденбургом, который считает, что революция делалась не только за иностранные деньги. Люди, отдавшие все свои силы делу революции, готовые было отдать за нее и жизнь, делали это не ради получения денег от кого бы то ни было. Но в известной мере революция делалась и на иностранные деньги.

Хронология социальных движений

XVII век	XVIII век
1648 — восстания в Москве и др. городах («соляные бунты») **1650** — восстания в Новгороде и Пскове («хлебные бунты») **1654** — чумной бунт в Москве **1662** — «медный бунт» в Москве **1666** — выступление В. Уса **1668–1676** — Соловетское восстание **1670–1671** — крестьянская война под предводительством С. Т. Разина **1682, 1689** — стрелецкие бунты в Москве	**1705–1706** — Астраханское восстание **1705–1711** — башкирское восстание **1707–1708** — восстание под руководством К. Булавина **1735–1740** — башкирское восстание **1740–1743** — крестьянское восстание в Кричевском старостве в Белорусии **1755** — восстание башкир под предводительством Батырши **1772** — восстание голутвенных казаков на Яике **1773–1777** — крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева

В ходе первой русской революции, в период перерастания политической стачки в вооруженное восстание, 27 октября 1905 года в Петербурге вышла первая легальная ежедневная большевистская газета «Новая жизнь». Издавалась она на средства Горького, редактор — Н. Минский. Из-за границы

приехал и активно включился в работу В. Ленин. Газета писала о ходе революции, о жизни в провинции, об армии, партийной жизни, помещала обзоры русской печати, вела хронику, информировала о событиях за рубежом.

В «Новой жизни» публиковались Варавский, Тэффи, Бальмант, Луначарский, Ольминский, Ленин, Горький... Ленин напечатал здесь более 40 статей, в частности «Партийная организация и партийная литература», «Заметки о мещанстве». Вышло 28 номеров «Новой жизни», последний — уже нелегально, Минского арестовали. С появлением «Новой жизни» начался период открытого существования легальной революционной социал-демократической прессы. В Москве выходит большевистская газета «Вперед», в Сибири — «Красноярский рабочий», в Киеве — «Работник», в Харькове — «Харьковский рабочий», в Тифлисе — «Кавказский рабочий листок», «Кайц» («Искра») — на армянском языке, «Дро» («Время») — на грузинском языке, в Эстонии — «Эдази» («Вперед») на эстонском языке...

Меньшевики начали издавать легальную газету «Начало», «Невскую газету», журнал «Наше дело», местные газеты. В 1905–1907 гг. у меньшевиков по стране было около 20 легальных изданий. Эсеры вели свою пропаганду со страниц «Сына Отечества», партийного еженедельника «Народный вестник», массовой политической газеты «Голос» и других.

Количество газет и журналов в 1905–1907 гг. по сравнению с началом века возросло более чем в 3 раза и составляло 3 310 наименований. Выходило 1 143 новых общественно-политических изданий: в 1905 году — 128 (118 газет и 10 журналов), в 1906 — 684 (608 газет и 76 журналов), в 1907 — 331 (303 газеты и 28 журналов). В Санкт-Петербурге выпускалось 1 120 периодических изданий, в Москве — 418, в провинции — 1 772.

Как видим, самым многочисленным отрядом становятся общественно-политические издания. И в столице, и в провинции появляется множество новых газет и журналов, рассчитанных на самые разные социальные слои населения — рабочих, крестьян, солдат, интеллигенцию, развиваются издания для женщин, юношества и т. д.

В ходе революции пробуждалось самосознание самых широких масс. В стране начали формироваться различные профессиональные союзы и, соответственно, профсоюзная пресса. Первый профсоюзный печатный орган России вышел в Петербурге летом 1905 года под названием «Печатный вестник». Вслед за ним — «Строительный рабочий», «Ткач», «Листок для рабочих-портных и скорняков», «Голос приказчика», по неполным данным, более 100 профсоюзных газет и журналов.

Новый импульс получила расцветшая в бытность Екатерины II, но несколько подувядшая в XIX веке сатирическая пресса. Имея весьма различные политические ориентации, сатирические журналы и газеты одинаково остро выступали против самодержавия и его догматов, против царя и его министров. В таких изданиях, как «Пулемет», «Жало», «Бич», «Жупел» и других, выходивших как в столице, так и в крупных провинциальных городах, выступали в качестве авторов М. Горький, А. Куприн, Н. Теффи, И. Бунин, К. Чуковский и др. Ярким продолжателем традиций этих изданий стал «Сатирикон». Оттепель Николая II стимулировала также развитие искусствоведческих, в частности, театральных изданий, прессы на языках народов российских окраин, эротических и иных изданий.

В годы первой русской революции в России появились организации профессиональных журналистов, в частности Союз защиты свободы печати, Союз журналистов, книгоиздателей и книгопечатников. В 1905 году состоялся I съезд писателей и журналистов. Словом, общественная жизнь бурлила. Разобраться сразу во всем происходящем в стране было очень сложно и читателям, и властям. Редактор «Киевлянина» Д. Пихно в этой связи писал: «Серьезное русское общество поняло, что в такие моменты печать сила, но этой силы у него не оказывалось, а она оказалась в руках ее противников, которые по всей России говорили от его имени и заставляли себя читать, потому что других изданий не было... и общество терялось в массе лжи, в которой не могло разобраться»[17].

«У правительства же, — отмечает Солженицын, — только сухо-бюрократический перечислительный „Правительственный вестник“, голос которого тонул среди других изданий»[18].

Что печать — сила, власть поняла. Сложившаяся система правительственной и проправительственной печати в годы революции перестала удовлетворять высшую власть. «Правительственный вестник» — центральная официальная газета России, носила преимущественно информационный характер и слабо подходила для пропаганды официальной идеологии. Кроме рескриптов, манифестов, указов, распоряжений, циркуляров, в «Правительственном вестнике» и его приложениях появлялась «публицистика», но в этом отношении газета не могла конкурировать с частными изданиями.

События 1905 года заставили правительство не только заговорить об ослаблении цензуры, но и задуматься о создании журналистики, пропагандирующей устои русской государственности, православной веры, служа-

[17] Киевлянин, 17 ноября 1905 г.

[18] *Солженицин А. И.* Двести лет вместе (1795–1995 гг.), в 2-х частях. — М., 2001. — С. 217.

щей единству и нераздельности Российской империи. Прежнего редактора «Правительственного вестника» Кулаковского сменили на графа Татищева. Он предложил издавать вечернюю газету «Правительственного вестника» — издание близкое к общеполитическому, «с публицистикой». 1 февраля 1906 г. такая газета под названием «Русское государство» появилась. «Правительственному вестнику» окончательно придан характер официального бюллетеня, печатающего правительственные акты и сообщения.

«Русское государство», вечерняя газета «Правительственного вестника», выходило под непосредственным руководством председателя Совета министров графа Витте, в роли главного редактора выступал С. Ширяев. Поскольку «Русское государство» выражало правительственную политику, главным здесь был «Официальный отдел», но публиковались также передовые и авторские статьи по всем вопросам государственной жизни, публицистические заметки и фельетоны на общественные темы, критические очерки по русской и иностранной литературе, научные статьи, очерки по музыке, беллетристика и так далее. В номере было от 4 до 8 страниц, велись постоянные рубрики: «Последние известия», «Внешний отдел», «Корреспонденции», «Иностранное обозрение», «Газетный день», «Театр и музыка» и другие.

«Русское государство» позиционировало себя как беспартийный орган, хотя связь газеты и власти была очевидной. Она хотела служить целям объединения всех монархических организаций и союзов, которые желают «спокойствия и блага родной земле», призывала к совместной работе и помощи правительству. Ставила задачу «не только сообщать правительственные акты, но и объяснять основания и цели более важных правительственных действий и мероприятий».

Несмотря на значительные усилия и средства, вложенные в газету, она не пользовалась популярностью у широких читательских масс. А поскольку держалась в основном благодаря Витте, после его ухода с поста председателя совета министров «Русское государство» в мае 1906 года закрыли. Вместо его начали издавать «Вечернее прибавление» к «Правительственному вестнику»: в нем давались обзоры событий в России и за границей, «опровержения» правительственных учреждений и частных лиц по поводу критических материалов, появляющихся в прессе, и др.

Хотя «Русское государство» и потерпело фиаско, вопрос о подобной газете оставался актуальным. Став министром внутренних дел, П. Столыпин предложил сделать неофициальным рупором правительства петербургскую «Россию», издаваемую Воейковым и Брискорном. С июня 1906 года

ее увеличили в объеме и стали рассылать бесплатно в некоторые волостные управления. Поддержка правительства тщательно скрывалась от общества, однако шила в мешке не утаишь. Редактировал издание А. Животовский. Тираж хотя и удалось поднять до 32 тысяч экземпляров (включая бесплатную рассылку), но он свидетельствует о недостаточной популярности газеты, которая носила очевидный официозный характер, поддерживала правительство в обстановке практически всеобщего недовольства высшей властью. Известно и о других попытках власти сделать из издающихся газет свой «рупор» — рассматривался вопрос о смене арендатора «Санкт-Петербургских ведомостей» (Э. Ухтомский, на взгляд чиновников, был слишком оппозиционен); возникли сложности и с «Московскими ведомостями», которые остались без редактора после смерти в 1907 году В. Грингмута, в результате долгих размышлений газеты переведены в Главное управление по делам печати, а редактором назначен в 1909 году Л. Тихомиров.

Стремясь расширить свое влияние на провинцию, правительство обратило внимание на «Губернские ведомости», коих в начале XX века было около 75. Издаваемые с 1838 года в крупных городах «Ведомости» пережили подъем в 60-х, но к концу XIX века практически не пользовались интересом читателей. Как правило, они состояли из двух отделов — официального и неофициального; неофициальная часть с 1907 года отменена правительством. Газеты стали носить официально-справочный характер. Правительство позаботилось о ремонте типографий — большинство из них находилось в жалком состоянии. В то же время рекомендовано местным властям материально поддерживать лояльные по отношению к правительству издания по примеру «России», т. е. маскируя поддержку. Таким образом, во время и после революции правительство приняло меры по противодействию оппозиционной прессе. В годы революции газета как тип издания заняла господствующее положение, а среди них особое значение приобрели ежедневные общественно-политические издания. Они явились мощным социальным инструментом, при помощи которого оказывалось сильное идейное, психологическое и организационное воздействие на общественные классы, на классовую борьбу, социально-экономическую и духовную жизнь России. Эта роль газет особенно ценилась политическими партиями.

Главное управление по делам печати, привыкшее группировать все издания периодики «по направлениям», попыталась это сделать и в революционные годы. В «Отчете о периодической печати за 1907 год чиновники стремились разложить петербургскую прессу „по полочкам“».

Выделены следующие группы изданий: 1 — партии эсеров; 2 — имеющие общий революционный характер (внепартийные); 3 — издания, посвященные истории революционного движения; 4 — партии социал-демократов (большевиков и меньшевиков); 5 — партии трудовиков; 6 — общего характера; 7 — христианско-социалистического направления; 8 — партии реальной политики; 9 — народно-социалистического направления; 10 — имеющие анархический характер; 11 — резко оппозиционные правительству издания (без принадлежности к определенной партии); 12 — умеренно-оппозиционного направления; 13 — партии кадетов; 14 — партии демократических реформ; 15 — Союза 17 октября; 16 — умеренно-прогрессивного направления; 17 — сионистского направления; 18 — консервативно-патриотические и монархические; 19 — безразличные в политическом смысле; 20 — эротического характера; 21 — официальные.

Для определения направления разных газет и журналов Главному управлению оказалось мало только партийных симпатий, хотя в отчете они учтены, понадобилась более детальная «роспись». Интересно и соотношение разных групп в цифрах. Примерно из 500 изданий, за вычетом 13 официальных, только 41 указано в рубрике «консервативно-патриотические и монархические», 263 названы безразличными в политическом смысле, но почти половина петербургских изданий — оппозиционные.

Создание партий и партийной прессы сделало систему русской журналистики более современной для начала XX в. «Русская печать стала носить характер, напоминающий политическую прессу Западной Европы и Америки», — справедливо заметил журнал «Русское богатство» в 1906 году. Правда, при одинаковой партийной ориентации различные газеты и журналы сохраняли собственные взгляды, не совпадающие в нюансах и оттенках. Некая разноголосица возникала подчас и внутри одного издания, особенно в толстых ежемесячниках. Чисто партийными становились официальные и неофициальные центральные органы, в основном газеты.

Время с 17 октября до 24 ноября 1905 года современники называли «медовым месяцем свободы печати». Сотрудники большинства газет и журналов упивались долгожданной свободой слова, выпускали номера изданий без цензуры, обсуждали самые острые темы.

Стоить заметить, что уже в конце 1904 года печать «явочным порядком» расширила цензурные рамки, определенные в 1880-е годы. Витте в своих воспоминаниях отмечал, что пресса начала разнуздываться еще со времени войны: по мере поражений на востоке пресса все смелела и смелела. Однако в годы первой русской революции положение печати осложнилось.

Теперь на нее давило не только правительство — к этому печать привыкла за долгие годы и научилась бороться с цензурными запретами. Но издания неожиданно ощутили противодействие и со стороны восставших рабочих. Рабочие типографий могли прекратить выпуск органа печати, если считали его недостаточно революционным. Газеты не печатали во время всеобщих забастовок.

Свою волю диктовали и новые органы власти — Советы рабочих и крестьянских депутатов. Поскольку судьба изданий зависела от работы наборщиков в типографиях, а многие рабочие находились под влиянием Советов, периодике пришлось также искать компромисс и со старыми, и с новыми органами власти. С другой стороны, именно в это время журналистика осознала свою, особую, только ей присущую роль — информировать читателей о том, что происходит, несмотря на любые катаклизмы. Момент самоопределения журналистики — один из самых главных итогов первой русской революции.

В начале октября 1905 года в Петербурге газета «Наша жизнь» организовала Союз в защиту свободы печати. В него вошло 36 изданий разных направлений. Первые заседания, где обсуждалось, как ослабить цензурный гнет, проходили в редакции «Нашей жизни», затем переместились в «Новое время». 17 октября Союз провел несколько заседаний: говорили о необходимости возобновить выпуск газет — все они были приостановлены в связи со всеобщей стачкой. Однако переговоры со стачечным комитетом закончились неудачей (выход газет был разрешен только 22 октября). Газеты не могли даже опубликовать текст Манифеста — удалось это сделать только «Правительственному вестнику».

Частным же изданиям пришлось идти на ухищрения. Сотрудники «Нового времени» отпечатали текст Манифеста на машинке и вывесили в окне редакции. «Русское слово», чьи типографские рабочие не участвовали в стачке, тем не менее, оказалось без электричества и потому тоже не могло выйти. Тогда Сытин распорядился выпустить газету в книжной типографии, снабженной автономным источником энергии: «Русское слово» с текстом Манифеста появилось в книжном формате.

19 октября представители петербургских газет («Нового времени», «Петербургских ведомостей», «Света» и др.) пошли к Витте. От имени прессы выступал издатель «Биржевых ведомостей» С. Проппер, огласивший требования: всеобщей амнистии, свободы печати, удаления генерал-губернатора Трепова (виновника расстрела 9 января), сделал заявление о недоверии правительству. В это время вся пресса (кроме официальной) держалась

антиправительственных настроений. В очередной раз издатели и журналисты не нашли полного понимания у власти. Тем не менее правительство сделало уступку — в ноябре вышел указ о новых «Временных правилах о повременных изданиях», который упразднял предварительную цензуру для периодических изданий. Это было крупное достижение революционного года. Однако это не означало окончательной отмены цензуры — сохранялась система штрафов, предупреждений и других мер, которые по-прежнему могли применяться к изданиям, публиковавшим «вредные» материалы.

После подавления московского вооруженного восстания, когда стало ясно, что самодержавие выстояло, началось наступление на прессу. 18 марта 1906 года появился высочайший указ, представивший систему арестов номеров газет и журналов в качестве основной меры борьбы с печатью.

Власти накладывали на информацию узду, хотя необходимость в ней, даже по-разному, тенденциозно поданной, ощущалась всеми слоями общества. Эту информационную роль и должна была выполнять пресса, подвергавшаяся ударам и справа, и слева, и со стороны самодержавного государства.

Став премьером, П. Столыпин в 1906 году повернул вспять многие направления развития российской журналистики, вытеснил за границу издания радикальных и реформаторских направлений. Наиболее характерным явлением этого процесса стал сборник статей под названием «Вехи», авторы которого ушли от революционных идей к религиознонравственным исканиям.

КАКУЮ ЖЕ ДУМУ ДУМАЛА ГОСДУМА?

Итак, на политической сцене России появилась Государственная Дума. Казалось, сам господь Бог, уставший смотреть с высоты своего положения на российские смуты и потрясения, приветствовал примирение царя и его подданных. Под натиском народных масс, как отмечалось выше, царь пошел на создание Государственной Думы. 27 апреля 1906 года, в день открытия ее, в Петербурге стояла на редкость теплая, сухая, солнечная погода — на небе ни облачка. Газета «Речь» писала: «Знаменательный день! О нем будут читать наши дети и внуки в учебниках русской истории...История сохранит светлое воспоминание об этом светлом часе в истории русского народа... Это будет первый час новой эры в жизни страны».

Надежды на Думу, как показывает анализ прессы данного периода, были радужные. Царь, правительство, монархические партии полагали, что Дума сможет минимизировать недовольство народа, выпустит пар и погасит

пламя революций. Народ же хотел с помощью Думы, то есть принятием новых законов улучшить свою жизнь, ослабить самодержавие. Подавляющее большинство депутатов шли в Думу с думой о стране и работали с утра порой до ночи. Говорили, спорили, подготовили десятки законопроектов... Но, как подметила газета «Речь»: «Общество и правительство разно смотрело на обещание Манифеста 17 октября. Если общество стремилось вперед, к развитию принципов Манифеста, и твердо решалось не делать ни шага назад, то правительство не только не хотело сделать ни шага вперед, но обнаружило явное стремление по возможности вернуть все сделанные уступки».

Солженицын утверждал, что революцию «сделали не социалистические лозунги, а Государственная Дума, это ее речи перевозбудили общество и подготовили к революции»[19]. Эту точку зрения разделяют и другие историки, считая, что учреждение Государственной Думы в России, повивальной бабкой коей была революция, хотя и с урезанными полномочиями, сузило «жизненное пространство» самодержавия, исказило его первозданность, что, естественно, не нравилось царю, правительству, и они вступили в прямую конфронтацию с Государственной Думой.

Не будем подтверждать или опровергать эти суждения. Анализу работы 4-х Государственных Дум Российской империи посвящены несколько сот книг, монографий, диссертаций, статей, в том числе и автора этих строк[20], но, чтобы читателю получить полное представление о деятельности депутатов, лучше всего обратиться к Стенографическим отчетам о заседаниях всех 4-х Государственных. Если раньше автору пришлось ездить в Ленинскую библиотеку и проводить за чтением их несколько месяцев, то сегодня эти документы в полном виде есть в интернете, достаточно сделать несколько кликов, и вы окунетесь в те далекие дни, получите информацию из первых рук. Уверяю — впечатляющее чтиво!

В данном же случае нас интересует вопрос: действительно ли Государственная Дума стимулировала революцию и как это освещалось в прессе? Ведь в Думе разговоры разговаривали днями, неделями и месяцами... В этих разговорах задействовано было более четырех сотен депутатов. Представляете, какая разноголосица! Слышали ли друг друга? И самое главное — разговоры шли за плотно закрытыми дверьми, как они потом достигали ушей людей на огромном пространстве России? Журналисты доносили мысли депутатов до самых широких масс. Это их заслуга. Но вначале о лице Думы.

---

[19] Российская газета, 2007. № 40.

[20] См., например, парламентский журнал «Российская Федерация сегодня» за 2016 год, разделы в книгах «Тайны революций в России», «Журналистика и революции в России».

Когда утих шелест избирательных бюллетеней, завершился подсчет голосов компании по выборам I Думы, героями дня стали кадеты, одержавшие оглушительную победу. Та же «Речь» ликовала: «Блестящий успех к.-д. партии на выборах внес нелегкое смятение в ряды наших противников!». Главную задачу кадетская партия в I Думе видела в том, чтобы «направить революционное движение в русло парламентской борьбы». Ее изложил в той же «Речи» накануне открытия Думы П. Милюков.

Как сообщала пресса, в I Думу избрано 497 депутатов, из них избрание 11-ти аннулировано, 1 ушел в отставку, 1 умер, 6 не успели приехать. Лицо Думы выглядело так: по профессии — 121 земледелец, 10 ремесленников, 17 фабричных рабочих, 14 торговцев, 5 фабрикантов и управляющих фабриками, 46 помещиков и управляющих имениями, 73 земских, городских и дворянских служащих, 6 священников, 14 чиновников, 39 адвокатов, 16 врачей, 7 инженеров, 16 профессоров и приватдоцентов, 3 преподавателя гимназии, 14 сельских учителей, 11 журналистов и 9 лиц неизвестных занятий.

По партийной принадлежности: конституционные демократы — 176 человек, 102 представителя «Трудового союза», 23 социалиста-революционера, 2 члена Партии свободомыслящих, 33 члена Польского кола, 26 мирнообновленцев, 18 социал-демократов (меньшевиков), 14 беспартийных автономистов, 12 прогрессистов, 6 членов партии демократических реформ, 100 беспартийных. Среди депутатов журналистов — В. Набоков, редактор «Права» и «Вестника права», будущий управделами Временного правительства; С. Муромцев, редактор «Юридического вестника», единогласно избранный председателем Государственной Думы; Л. Брамсон редактор журнала «Исход»; Н. Гредескул, редактор харьковской газеты «Мир»; фельетонист и редактор «Народного дела» В. Якушкин (псевдоним В. Веденеев) и другие.

...Большей частью сытая, в отличие от всей голодающей страны, респектабельная, возведенная по воле Петра I новая столица повидала уже немало, хотя и на коротком своем веку: пьяные петровские «ассамблеи» и дворцовые перевороты, и выступление декабристов, и умопомрачающие елизаветинские балы, бомбистов, покушавшихся на министров и государя, и содрогнувшее Россию «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., и ответ царя на народное требование свободы, но такого еще не видела — в Зимний Дворец, эту святыню-святынь с белыми мраморными колоннами, инкрустированными полами, золоченными потолками, где собирались в основном небожители и где довелось бывать не каждому столбовому дворянину, вереницей с Невского потянулся разношерстный российский люд.

Россия затаила дыхания в ожидании действий народных избранников. В. Дорошевич, руководивший в это время «Русским словом», высказал мнение о том, что Дума будет «страшно интересовать» общество лишь в первое время. Действительно, в преддверии открытия первой Думы практически все газеты писали о подготовке к выборам, о концепции Думы, о деятельности правительства в этот период и так далее. Но интерес к ее работе не ослаб вплоть до приостановления работы IV Думы. Журналистика отразила историю зарождения отечественного парламентаризма, трудность и многоступенчатость этого процесса достаточно полно, преодолевая при этом всевозможные препоны. Так, уже перед открытием Думы в среде журналистов начались волнения, связанные с предстоящей работой в парламенте, — далеко не все желающие издания обрели места. За пять дней до открытия Думы, 22 апреля, представители прессы собрались в помещении Государственного Совета (Мариинский дворец), чтобы получить аккредитацию в Думе. Всего для печати выделили 35 мест, а претендовало около ста изданий — причем не только общественно-политические, но и специализированные, музыкальные, театральные и др. После предварительного отсева осталось 60 претендентов. В результате чуть ли не с дракой петербургским газетам досталось 13 мест, московским — 4, провинциальной прессе — 8, национальной — 8, одно место зарезервировали для рабочей газеты и одно — для еженедельных и ежемесячных изданий.

Газеты совершенно разных направлений, от консервативного «Нового времени» до многочисленных прогрессивных изданий, выступали с резкой критикой об аккредитации журналистов в Думе, отмечает петербургский исследователь П. С. Ниткин[21]. Общим для этих выступлений и, как следствие, объективно доминирующим в этой критике был весьма важный новый мотив: стремление обосновать важность прессы в новом государственном порядке.

Журналисты апеллировали к мировой практике. «Новое время» писало, что даже в «крошечном» прусском Ландстаге прессе выделено 60 мест. Во Франции — 200 мест в ложах второго яруса и 20 мест в первом ярусе для директоров газет и журналов. В Англии — по 250 мест в каждой палате, плюс помещения для работы и рестораны. В Австрии журналистам даже было разрешено заводить телефоны.

Комментируя эти данные, автор делает особый акцент на важной роли парламентской прессы в качестве связующего элемента между народом

[21] См. Канд. дисс. Государственная Дума и парламентская пресса Российской империи 1906–1917 гг. — СПб., 2018.

и депутатами: «Все эти заботы об удобствах парламентской печати совершенно понятны: ведь за спиною каждого журналиста стоит тысячная толпа его читателей, так что в сущности в газетной трибуне сидит та же публика, что и в ложах. Правда, она услышит парламентских ораторов лишь на следующий день или даже позже, но зато её, этой невидимой публики — сотни тысяч!».

Хлестко и глубоко аргументированно выступила газета «XX век». Казалось бы, что Государственная Дума учреждена прежде всего для России, писала она, что правительство обязано «дать возможность русским обывателям получать сведения полные, точные не из уст „Петербургского телеграфного агентства“, а в изложении независимых журналистов. Но это только кажется».

Газета подчёркивала важность работы не только в зале заседаний, но и в кулуарах: «Заграничная пресса придаёт [кулуарам] не менее важное значение, чем самим заседаниям. Ибо здесь, в кулуарах, бывает весьма часто сосредоточена вся жизнь Думы. Здесь можно схватить истинное настроение массы депутатов. Здесь они высказываются часто гораздо полнее, чем в официальных заседаниях. Наконец, в кулуарах же большей частью продолжается начатый в заседании спор членов Думы по тому или другому вопросу, и нередко он ведётся с не меньшей страстностью, энергией и силой доказательств, чем в заседании.

Для печати всё это имеет огромное значение. Понять, уловить дух кулуара — задача нелёгкая и главное — необходимая для политической газеты и весьма интересная для читателя. Именно поэтому английские, французские и германские газеты отводят кулуарам весьма много места».

Журналисты отреагировали на недостаточное количество мест в Государственной Думе организацией Бюро печати. На собрании 23 апреля они создали исполнительный орган по взаимодействию с руководством Думы, защите и продвижению интересов прессы — Бюро печати. В первую очередь этот орган должен был заниматься увеличением представительства газет и журналов в Думе и улучшением условий работы журналистов в Таврическом дворце. В его задачи также входило содействие приезжающим в Петербург сотрудникам провинциальных газет. В Бюро печати вошли: В. Святловский (председатель), А. Пиленко («Новое время»), И. Гессен («Речь»), В. Бонди («Биржевые ведомости»), Н. Ашешов — от московской печати и другие.

Присутствие в Думе собственных корреспондентов — важный шаг в развитии журналистики: теперь общество могло получать альтернативную официозной информацию о ходе думских дебатов. И сегодня, читая газеты

тех дней, мы можем окунуться в ту атмосферу, не понаслышке судить о чаяниях, заботах и действиях народных избранников, а на основании достоверных фактов.

Нет той газеты, которая бы не писала в те дни о Думе. «Социал-демократ» сообщал, что депутаты поставили вопрос об амнистии всех политических заключенных, отмене смертной казни, упразднении Государственного Совета, установлении ответственности Совета министров перед Думой. Но главным вопросом в работе I Государственной Думы был земельный вопрос. «Речь» информировала, что 7 мая за подписью 42 депутатов фракция кадетов выдвинула законопроект о дополнительном наделении крестьян землей за счет казенных, монастырских, церковных, удельных и кабинетских земель, а также частичный принудительный выкуп их у помещиков.

Газеты «Трудовой народ» и «Известия крестьянских депутатов» писали, что фракция трудовиков (104 человека) предложила свой законопроект, предусматривавший образование «общественного земельного фонда», из которого предполагалось выделять землю в пользование безземельным и малоземельным крестьянам, а также конфискацию земель у помещиков сверх «трудовой нормы» с выплатой последним установленного вознаграждения. Реализацию проекта предлагалось осуществить через выборные местные земельные комитеты.

«Революционная Россия» сокрушалась, что 33 депутатами подан законопроект, разработанный эсерами о немедленной национализации всех природных богатств и отмене частной собственности на землю, но большинством голосов Дума отказалась рассматривать столь радикальный проект.

Пресса неодобрительно комментировала и отказ депутатов рассматривать законопроект об их неприкосновенности. Он предусматривал, что уголовное преследование депутата во время сессии возможно лишь с согласия Думы (кроме задержания при совершении преступления или сразу после него, однако и в этом случае Дума могла отменить задержание), а если дело возбуждено между сессиями, то все процессуальные действия и задержания приостанавливались до открытия сессии и решения данного вопроса Думой.

Страсти разгорелись и вокруг ответного адреса Николаю II на его тронную речь. Это было не только обращение к царю, это было и обращение к народу, это была и революционная программа работы Государственной Думы по развитию страны. В концентрированном виде эта программа, родившаяся в новом официальном государственном органе, включала в себя самые животрепещущие вопросы, решение которых в корне изменило бы жизнь России.

Журналисты разделились на два лагеря по вопросу о выраженном недоверии Государственной Думы правительству. В знак своего презрительного отношения к Думе туда был внесен первый правительственный законопроект об ассигновании 40 000 рублей на постройку пальмовой оранжереи и сооружение прачечной при Юрьевском университете.

За все время работы депутатами было одобрено 2 законопроекта — об отмене смертной казни (инициирован депутатами с нарушением процедуры) и об ассигновании 15 млн рублей в помощь пострадавшим от неурожая, внесенный правительством. При этом изначально правительство предлагало кредит в размере 50 млн рублей, однако Дума, желая выразить ему свое недоверие, сократила сумму. Вот, что писал по этому поводу русский историк С. Ольденбург: «Государственный Совет, который должен был служить опорой власти, держал себя пассивно, выжидательно. Когда Дума, желая показать недоверие к правительству, сократила кредит на оказание помощи голодающим с 50 млн до 15 млн руб. — Гос. совет, вопреки настояниям министра финансов В. Н. Коковцова, принял думскую цифру ассигнования. (Это был первый и единственный проект, прошедший при I-й Думе все законодательные инстанции)»[22].

Николай II, тем не менее, не мог просто отмахнуться от Думы, как назойливой мухи, — она была на устах у народа. Пошел на хитрость: 6 (19) июля вместо непопулярного Горемыкина председателем Совета министров назначает решительного Столыпина (сохранив тому и пост министра внутренних дел), а 8 июля подписывает Манифест о роспуске Государственной Думы. Этот свой шаг объясняет в Манифесте, опубликованном во всех газетах, так: «Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению.

Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям.

Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же

[22] *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. — Ростов н/Д., 1998.

ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле. Призываем всех благомыслящих русских людей объединиться для поддержания законной власти и восстановления мира в Нашем дорогом Отечестве».

С негодованием большинство газет информировали своих читателей на следующий день о том, что народные избранники пришли в Таврический дворец на очередное заседание и уперлись в запертые двери. Рядом на столбе висел царский Манифест, гласивший о роспуске Думы, так как она, «призванная вносить спокойствие» в общество, лишь «разжигала смуту». Здание Таврического было оцеплено войсками, чтобы депутаты не смогли пройти в него.

Народные избранники решили не сдаваться. По одним данным, 178 депутатов, по другим — 232 9 июля собрались в Выборге, в гостинице «Бельведер», где после бурных дискуссий приняли воззвание — «Народу от народных представителей». В нем говорилось, что правительство сопротивляется наделению крестьян землей, что оно не имеет права без согласия народного представительства собирать налоги и призывать солдат на военную службу, брать деньги взаймы. Прения еще продолжались, когда пришла просьба выборгского губернатора закрыть заседание, чтобы не ставить автономию Финляндии в неловкое положение перед русскими властями.

Пресса сообщала о попытке народа защитить Думу. С мест раздались голоса о сочувствии депутатам. В Кронштадте и Выборге матросы взялись за оружие. Генерал Иванов по распоряжению царя расстрелял их из пушек. Против подписантов правительство возбудило уголовные дела, они были лишены избирательных прав и права занимать какие-либо должности в государственных учреждениях.

I Государственной Думы не стало, но и революция не закончилось, отмечала пресса. Разгон Думы хотя и притушил пожар, но не погасил его, как не дала результатов и жестокость Николая II, железной рукой пытавшегося утихомирить народ. В 1906 году в ссылку отправлено 7 677 человек, в 1907 — 8 130, в 1908 — 10 111.

Подобная участь постигла и последующие Думы, хотя Россия надеялась на лучшее (правда, третья Дума отработала весь срок). Вот, что писала пресса накануне начала работы второй Думы в феврале 1907-го. «Давно жданный день пришел и кончился семимесячный кошмар бездумья. Сегодня представители русского народа вернутся на опустевшие кресла Таврического дворца... Надолго ли? Вот общая задача, вот черная мысль, которая мрачит

великую радость этой минуты. 27 апреля прошлого года представитель народа самоуверенным юношей входил в этот дворец, и ему казалось, что силам его нет конца и краю, что все и вся склонится перед его пламенным желанием... и в его руках будет заветная цель!

Зрелым, испытанным мужем возвращается теперь народный представитель в Таврический дворец. Его поступь не так эластична, не так уверенная, как прежде. Но он идет вперед твердой, спокойной стопой. Он узнал теперь свои силы и научился ими управлять и распоряжаться... Он знает: путь долог, а силы надо беречь... Но он знает свой маршрут и знает, что завтра он будет ближе к цели, чем вчера...»[23].

По оценке журналистов, II Дума оказалась еще «левее» первой: из 518 депутатов 223 принадлежали к левым партиям и группам — 66 социал-демократы, 37 эсеры, 16 народные социалисты и 104 трудовика. Кадеты имели 99 мест, октябристы — 44, 10 — крайне правые. Вторая Дума работала 102 дня, главными вопросами оставались земельный и требование свободы. Она приняла 2 законопроекта и вошла в историю как «Дума народного гнева».

Просуществовала она 102 дня. 3 июня 1907 года появился очередной царский Манифест о роспуске II Думы и новый закон, изменивший порядок выборов в нее. Это означало окончание революции 1905–1907 годов.

В Думе третьего созыва распределение журналистских аккредитаций отдали в руки Главного управления по делам печати МВД. Оно же занималось распределением конкретных мест в ложах прессы между конкретными редакциями. Согласно вступившим 18 октября 1907 г. Высочайше утверждённым правилам о допуске посторонних лиц в здание Таврического дворца, представителям прессы выделили места только в верхних ложах, и они не могли находиться за их пределами. Кроме того, журналисты не могли получить билет на посещение заседаний без согласия на то не только председателя Думы, но и начальника охраны Таврического дворца.

В связи с этим «Биржевые ведомости» писали: «Вчера все журналисты провели день в смятении: надо было добывать заветные, пресловутые, драгоценные и недосягаемые билеты в Государственную Думу. <...> эти мелочи <...> помогут оценить ту чёрную, скучную, бессмысленную работу, которую приходится делать журналистам только для того <...> чтобы завтра попасть в самый дальний, самый скверный угол галереи и там, на коленке, настрочить многострадальный отчёт».

[23] Речь, 20 февраля, 1907 г.

Реагируя на жалобы газетчиков, Столыпин заявил, что готов пересматривать правила о печати совместно с председателем Думы. Ссылаясь на его слова, к избранному спикером Н. Хомякову отправилась журналистская делегация. Он посчитал претензии справедливыми и обещал содействовать увеличению числа мест для печати и выделению отдельного помещения для журналистов (которого — в отличие от первой и второй Дум — в третьей Думе не было). Хомяков легализовал Бюро печати, посчитав его одним из важнейших этапов в выстраивании отношений с журналистским корпусом. В 1908 г. это было сделано — Общество думских журналистов было официально зарегистрировано, и теперь Дума вступала в переговоры не с самодеятельной организацией, а с юридическим лицом. В первых Думах неопределенность статуса прессы была одним из препятствий на пути к определению места печати, поскольку многие представители исполнительной власти попросту не воспринимали её как сторону диалога.

По газетным отчетам о работе Думы можно восстановить картину того, в чем заключалась неправильность и недостойность положения прессы. Из-за того, что журналисты не попали в нижние ложи и входили в здание Думы через отдельный вход для публики, у них не было возможности работать в кулуарах.

В связи с этим представитель «Биржевых ведомостей» В. Бонди констатировал: «Печать совершенно разобщена с парламентом. В нынешней Думе печати ничего не видно, ничего не слышно. Переговорить с депутатом, т. е. понять подоплеку дела, уяснить характер пленарных собраний Думы, являющихся обыкновенно результатом негласных совещаний и компромиссов, — почти невозможно». «О нашем бедственном положении можно писать целые фельетоны. <...> Даже самые крайние правые депутаты весьма неодобрительно отзываются о правилах», — так охарактеризовал условия работы журналистов в Думе корреспондент «Нового времени» А. Пиленко.

Газета «Товарищ» высказывалась примерно в том же ключе: «Разговаривать с членами Думы нельзя. <...> Открывать окна из галереи в залу кулуаров тоже нельзя, а если и можно, то с разрешения пристава Думы. Духота, жара наверху. <...> Но кому до этого дело. Журналисты должны ко всему привыкать. Когда же, в самом деле, печать будет поставлена в более или менее приличное положение...».

В газете «Русь» положение печати в первые дни третьей Думы описывалось в подразделе с названием «В корреспондентском чердаке»: «Корреспондентов проводят на хоры; оттуда ни им к депутатам, ни депутатам к ним ходу нет; говорят, это была специальная забота изолировать козлищ

печати, т. к. боялись, что они совратят октябристских овечек к переходу в партии более левые. <...> Мест наверху мало, оттуда плохо видно и почти ничего не слышно; воздух отвратительный — туда собираются все испарения; через полчаса лица побледнели и у всех начинает невыносимо болеть голова».

С критикой сложившегося положения выступила даже крайне правая газета «Объединение». Издание признавало, что ограничения, наложенные на печать, печальны, но это результат хаоса, творившегося в первых двух Думах. Там, по мнению сотрудников газеты, депутаты были вынуждены терпеть агитацию, зачастую просили защиты от представителей печати, а около половины немногочисленных мест для русской печати отдавали инородцам и евреям. Далее автор заявлял, что печать и депутаты разрознены везде — даже в Англии. Но на фоне таких ограничений власти хотя бы могли создать удобные условия для работы. Даже чиновники отмечали тесноту в ложах прессы: «Печать появилась в таком количестве, что представители газет сидели буквально на коленях друг у друга и не имели никакой возможности делать записей, по недостатку места», — вспоминал В. Коковцов.

Передача распределения билетов в руки исполнительной власти дала корреспондентам новые поводы обвинять ее в попытках ограничить прогрессивную частную прессу. По сообщениям «Руси», в первое время, когда большинство журналистов работали в верхней ложе, все четыре нижних ложи, в которые вмещалось 150 человек, занимали немногочисленные представители Петербургского телеграфного агентства, а также казенных изданий вроде газеты «Россия». «Биржевые ведомости» так писали об этом: «Там, где в прошлом году, сзади депутатских мест, были ложи журналистов, теперь — гладкая равнина».

Весной 1907 года не только парламентские корреспонденты, а вся отечественная журналистика почувствовала холодное дуновение, исходящее от правительства. Оно ввело положение «об особой охране», которое предусматривало усиление репрессий и запретов. Многие газеты партий левого крыла закрылись, оставшиеся перешли на нелегальное положение. Журнал «Русское богатство» писал в 1907 году: «В газетной хронике вы изо дня в день — вот уже полтора года — встречаете стереотипные заметки, начинающиеся словами: „главным комитетом по делам печати наложен арест на следующие издания“... Если даже издание не обнаружило „злой воли“ и эпидемией „неосмотрительности“ не захвачено, то и при всем том оно не может считать себя гарантированным от конфискации и всего, что за нею следует. Предусмотреть, в чем его могут обвинить, издатель или редактор не в силах».

Тем не менее русская журналистика в ходе революции окрепла и могла противостоять власти, опираясь на народ. Она объясняла, что революция оказалась незавершенной, можно сказать промежуточной, ибо не смогла решить проблемы, ее породившие. Глобально в стране ничего не изменилось. Но, как писала пресса, она заставила власти пойти на некоторые уступки. Царь обязан законы проводить через Государственную Думу. Рабочий день сокращен, правда, незначительно. Началось внедрение системы заключения коллективных договоров рабочих с предпринимателями, в которых определялся минимум зарплаты, пособия по болезни. Для крестьян отменены выкупные платежи, снижена аренда плата за землю. Трудовой люд получил право создавать массовые общественные и профессиональные организации, кооперативы и т. д. Дарованы и некоторые демократические права, хотя и весьма ограниченные: неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, издания печатных органов и некоторые другие.

Но главное достижение — впервые общество осознало свою силу и силу печатного слова, получило доступ к информации о революционном движении, партийной борьбе, право принимать участие в разработке законов, посылать в Государственную Думу своих представителей, а также получило возможность участвовать в работе многочисленных общественных организаций, профессиональных союзов, что вызвало значительный сдвиг в политической жизни России и общественном сознании. Журналисты воспринимали себя как необходимый элемент обновленного государственного строя. Они считали, что печать выполняла общественно важную задачу и обеспечивала связь между депутатами Государственной Думы и народом Российской империи. Государственная Дума как институт также в целом придерживалась этого взгляда.

Свое место «под солнцем» заняли парламентские журналисты. Пресса работала не по заранее оговоренным правилам, а по указным решениям думского руководства и правительства, которые иногда противоречили существующим регламентирующим актам. Начиная с третьего созыва, руководство Государственной Думы и журналисты стремились отойти от юридической неопределенности и правильно оформить взаимоотношения, отмечает П. Ниткин. Полностью сделать это не удалось, однако многие проблемы были решены: например, в 1908 г. Общество думских журналистов и Бюро печати — официально зарегистрированы и стали полноценными участниками процесса взаимодействия с властью. Тем не менее руководство Думы и правительство видела в журналистах революционный элемент и всячески стремилась ограничить их взаимодействие с депутатами.

Думе третьего и четвертого созывов удалось выстроить механизмы взаимодействия с исполнительной властью и печатью, которые позволили обеспечить продуктивное сотрудничество в обеспечении общественности информацией о деятельности представительного учреждения. При этом учитывались интересы не только корреспондентов, но и депутатов, а также соображения безопасности. В результате удалось создать жизнеспособную систему, которая без изменений продолжила работать вплоть до приостановки работы Думы четвертого созыва в 1917 году.

Журналисты стремились, чтобы информация о работе народных избранников была как можно более объективной. Однако обеспечение этого ее качества оставалось далеко не всегда выполнимой задачей — по причине как объективных (большой объем информации, плохая видимость и слышимость в ложах прессы Таврического дворца), так и субъективных (политические взгляды представителей печати) факторов. В целом же, надо признать, что большая часть народных избранников пыталась с высокой трибуны донести голос народа до ушей власти, предлагала сделать жизнь лучше, другая часть самоотверженно защищала самодержавия, стремилась сохранить все, как есть. К сожалению, власть оказалось тугой на ухо — не слышала первых и всячески потакала своим защитникам.

ПЕЧАТЬ ОТ 1905-ГО К 1917-МУ

3 июня 1907 г. Столыпин распустил II Государственную Думу, оказавшуюся более революционной, чем хотелось бы правительству, и потребовал составить для него список газет с указанием степени их распространения размеров приносимого ими «вреда». К Рождеству 1909 года Тамбовский губернатор приказал разослать в библиотеки, читальни и школы циркуляр, где все издания были разделены по рубрикам на «желательные», «нежелательные, но терпимые» и «безусловно нежелательные». К «желательным» относились «Новое время», «Россия», «Московские ведомости», журналы «Исторический вестник», «Русская старина», «Нива»; к «терпимым» — «Петербургская газета», «Русские ведомости», «Вестник Европы», «Русская мысль». «Безусловно нежелательными» объявлялись «Речь», «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русское слово», «Современный мир», «Русское богатство», «Образование».

«Столыпинский переворот» означал окончание революции, все завоевания почти трех лет борьбы с самодержавием были сведены на нет. Особенно сильно это ощутила на себе пресса. Правительство отменило Временные

правила о печати, заменив их на «Положение о чрезвычайной охране», устанавливающее систему штрафов и фактически возрождающее предварительную цензуру. Современники писали, что такого количества штрафов, приостановок, административных взысканий, как в 1908 г., не было за 40 лет (с 1865 по 1904 г.) истории русской журналистики. Штрафы накладывались 165 раз. Газеты и журналы были полны сообщениями об очередных репрессиях.

Несмотря на сложнейшие условия, цензурный и административный гнет, русская печать продолжала развиваться и в количественном, и в качественном отношении, отмечает исследовательница С. Я Махонина[24]. Появлялись новые типы изданий. С июля 1908 г. начала выходить в Петербурге «Газета-Копейка». Она издавалась двумя выпусками — утром и вечером, имела несколько приложений: «Журнал-копейка», «Листок-копейка», «Веселый балагур», «Альбом „Копейки“» и др. Один номер стоил 1 копейку (против 5 копеек других газет). Городские новости, скандальные истории, авантюрная беллетристика, неглубокий комментарий событий политической жизни — таково ее содержание. Аудитория газеты в основном городские мещане, мелкие служащие, чиновники, рабочие, хотя многие передовые рабочие понимали ее развлекательный, оглупляющий характер.

Этот тип периодики сыграл значительную роль в периодике начала XX в. Дешевое издание при всей недостоверности информации и откровенной второсортности остальных публикаций приучало читать прессу малообразованного читателя. Большое распространение «Копейки» имели в рабочей среде. За счет приложений, чаще всего бесплатных, увеличивалось число читателей, приложения позволяли использовать разные способы воздействия на аудиторию, в них печатались иллюстрации, фотографии, рисунки и т. д. Петербургская «Газета-Копейка» предлагала своим читателям «Журнал-Копейку» и «Листок-Копейку», «Альбом-Копейку» и «Всемирную панораму», «Искорки», «Дом и хозяйство», «Здоровую жизнь», «Волны», «Зеркало жизни», «Веселого балагура», 52 книжки «Библиотеки сенсационных романов», сборники русской литературы, 12 выпусков энциклопедического словаря и т. д. Как видно по названиям, были учтены самые разнообразные вкусы читателей.

«Родитель» семейства «Копеек» В. Анзимиров, основатель российской промышленности фосфорных удобрений. Владимир Алексеевич из Барнаула, где окончил горное училище, продолжил учебу в Петровской земле-

[24] Время и пресса (1890-е – 1918 гг.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text1/86.htm (дата обращения: 14.04.2020).

дельческой и лесной академии. Во время учебы сблизился с народниками, отправлен в ссылку. Пишет статьи из провинции для «Русского богатства». По окончании ссылки, по инициативе Энгельгарда, решил организовать в стране производство минеральных удобрений. К началу века «Товарищество», которое создал вместе с компаньонами, имело три завода и увеличило производство фосфорных удобрений в 135 раз. Наладив дело, Анзимиров продает свою долю и начинает активную журналистскую деятельность, сотрудничая с газетами «Телефон „Нового времени“», «Русская правда», «Новости дня», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Современная Русь», входит в редакцию иллюстрированного сборника «Государственная дума». В его творчестве заметно влияние толстовских идей, однако Анзимиров считает, что одного только внутреннего самоусовершенствования для достижения счастья недостаточно, «личное усовершенствование должно идти рука об руку с общественным». В 1907 г. Анзимиров учреждает в Санкт-Петербурге просветительское общество «Школа и Знание».

С 1908-го является редактором художественнолитературного журнала «Путь» и начинает издание «Копейки». В 1909 издает «Деревенскую газету», «Детский мир», руководит «Народным издательством», становится редактором газеты «Новый день» С 1915-го издает газету «Голос Москвы».

За свою журналистскую деятельность В. Анзимиров неоднократно подвергался гонениям. 7 июня 1912 года приговором Московской Судебной Палаты за статью «Забродило» издание газеты «Московская Газета-Копейка» прекращено, а Анзимиров осужден на год тюремного заключения (в тюрьме не был, освобожден в связи с политической амнистией по случаю 300-летия дома Романовых). Однако газета выходила до 1912 года, пока рассматривалась апелляция. С 12 августа 1912 «Копейка» выходит под названием «Московская копейка».

В послереволюционные, особенно в годы «закручивания гаек» Столыпиным, журналисты использовали для извлечения уроков из происшедшего в стране. Монархическая печать писала о необходимости принятия более жестких мер к революционерам. Большевики во главе с Лениным видели причину поражения революции в отсутствии поддержки со стороны крестьянства, двойственная природа которого (труженик, с одной стороны, собственник — с другой) помешала ему поддержать пролетариат. Меньшевики придерживались мнения, что революционные события начались преждевременно, оказались неподготовленными. П. Струве в первом номере журнала «Русская мысль» за 1908 г. опубликовал нашумевшую статью под названием «Великая Россия», где провозгласил новую национальную идею:

«Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись».

Для создания великой России, о которой мечтал Струве и многие его соратники, эта идея оказалась бы очень плодотворной, но в стране, только что пережившей тяжелейший революционный кризис, в разгар реакции такая проповедь примирения с правительством оказалась преждевременной и вызвала бурю негодования. Но те же Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон, С. Франк, А. Изгоев и Б. Кистяковский развили мысль в сборнике «Вехи», что вызвало еще более бурный общественный резонанс. Статьи семи авторов посвящались в основном двум темам: революции и интеллигенции, которая была «руководящим и духовным двигателем ее». «Вдумываясь в пережитое ними за последние годы, — писал С. Булгаков в статье „Героизм и подвижничество“, — нельзя видеть во всем этом историческую случайность или одну лишь игру стихийных сил. Здесь произнесен исторический суд, сделана оценка различным участникам исторической драмы, подведен итог целой исторической эпохи... Русская революция развила огромную разрушительную энергию... но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных».

В 1910 году Россию снова накрывает волна забастовочного движения. И особенно после расстрела рабочих на Ленских золотых приисках в 1912 году, о котором писали все газеты. Большевистская «Звезда», некоторые другие газеты 8 апреля вышли в траурных рамках. На Ленинских приисках убито 270 человек, ранено 250, приводит «Звезда» официальное телеграфное сообщение и тут же ставит вопрос ребром — необходимо выяснить основные причины кровавой трагедии и сделать выводы, которые подсказывает неумолимая логика. Напомнив о многочисленных репрессиях царизма, газета делает вывод, что очередная задача русского пролетариата — «добиваться такого политического строя, при котором власть является исполнительницей воли страны...».

«Звезда», «Социал-демократ», другие большевистские газеты зовут трудящиеся массы на решительную борьбу за свои права, пишут о необходимости организации и активизации рабочего движения. А для этого нужна ежедневная рабочая газета, появившаяся же в конце 1910 года газета «Звезда» выходила вначале еженедельно, потом три раза в неделю и не могла оказывать оперативно нужного влияния на рабочих.

Для того чтобы иметь деньги на издание газеты, по инициативе «Звезды», как говорится, пустили шапку по кругу среди рабочих. За полгода

(январь – июнь 1912 г.) коллективные взносы в фонд «Правды» поступили от 504 рабочих организаций, к моменту выхода первого номера — более 4 тысяч рублей[25].

Сотни коллективных и личных переводов и писем приходили в «Звезду», ставшую прародительницей будущей газеты, со всех концов России. Вот лишь некоторые.

«Баку. Собрание бакинских организованных рабочих разных районов в числе 15 чел. выражает самое горячее сочувствие идее создания ежедневной рабочей газеты и приступает к сбору денег...

Москва. Мы кондукторы и вагоновожатые Московского трамвайного парка, с энтузиазмом приветствуем выход через несколько дней рабочей ежедневной газеты, приветствуем товарищей, первыми заложивших фундамент рабочей газеты...

Армавир. Группа рабочих выражает свое удовлетворение созданием газеты и высылает деньги.

Оренбург. Приветствие и деньги от железнодорожных рабочих»[26].

Сделав анализ пожертвований рабочих на свою газету, Ленин делает вывод, что «почти вся Россия, в той или иной мере, принимала активное участие в создании ежедневной рабочей газеты»[27].

Посылая деньги, рабочие высказывали пожелания, каким должен быть их орган. «...Самое важное, — писал Н. Козловский, — чтобы газета стала нужной, понятной и интересной для рабочей массы. Больше живого простого объяснения...»[28]. Д. Аким считает: «Газета должна быть популярной (т. е. понятной по изложению) и дешевой»[29]. Его коллега добавляет: «...Газета теперь особенно необходима. Уж очень душно от смрада уличной и желтой современной прессы и от туманностей либеральной вермишели»[30]. Впрямь, будто сегодня написано!

5 мая 1912 года в Петербурге вышла такая газета — «Правда». Обращаясь к читателям, редакция излагала свою программу, заявляла, что рабочий класс должен сознавать цели движения и быть готовым к борьбе за их осуществление. Развивать свое классовое сознание, сплачиваться в одну пролетарскую семью. Призывала вместе разбираться в уроках жизни и вместе действовать.

---

[25] *Петряков Г. В.* Коллективный агитатор, пропагандист и организатор. — М., 1967. — С. 15.
[26] Звезда, 1912. №№ 1, 2, 15, 21, 23.
[27] *Ленин В. И.* ПСС. — Т. 21. — С. 432.
[28] Звезда, 31 декабря 1911 г.
[29] Звезда, 26 января 1912 г.
[30] Звезда, 2 февраля 1912 г.

В статье «Наши цели» конкретизировались цели: сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела. «Правда» будет призывать прежде всего и главным образом к единству классовой борьбы пролетариата. «Поставив ежедневную рабочую газету, — отмечал Ленин, — петербургские рабочие совершили крупное, — без преувеличения можно сказать, историческое дело»[31].

Опыт создания «Правды» с помощью трудящихся масс нашел широкое применение и в дальнейшем. Активная поддержка рабочих Москвы позволила в 1913 году выпустить газету «Наш путь».

«Правда» вела активную политическую полемику с кадетами, монархистами, меньшевиками, анализировала расстановку классовых сил, рассматривала вопросы теории революционного движения. Летом 1914 года в канун Первой мировой войны редакция «Правды» по указанию властей была разгромлена, а газета закрыта. Но она выходила под другими названиями: «Путь правды», «Рабочий путь»...

Три политических лагеря, сформировавшиеся в стране после революции 1905 года, по-прежнему существовали и активно проявляли себя в общественно-политической жизни, что отражалось на направлении изданий. Это консервативно-охранительный лагерь (Союз русского народа, Союз Михаила Архангела), либерально-оппозиционный (октябристы, прогрессисты и кадеты) и революционно-демократический (трудовики, социалисты-революционеры, максималисты, анархисты, меньшевики, социал-демократы).

Для социал-демократов эти годы, пожалуй, самые трудные. Мало того, что они более других политических партий чувствовали давление со стороны власти, так еще раздирались внутренними противоречиями, которые все более усугублялись не только между большевиками, меньшевиками, эсерами, энэсами, анархистами, но и внутри их. Впрочем, раздрай шел и внутри кадетов, монархистов... Каждая партия и группировка обладала большим или меньшим числом разнообразных периодических органов. Но кадетско-октябристскому блоку принадлежало чуть ли не 90 процентов всех политических газет России, их поддерживали «Речь», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Утро России», «Коммерсант», «Новое время» и другие издания. Крупный отряд печати составляли официальные издания. В русле правительственной политики выступали «Голос русского», «Илья Муромец», «Защита» — правительство рекомендовало распространять такие издания бесплатно. Кроме центральных «Правительственного вестника» и

[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 21. — С. 427.

«Сельского вестника», выходили губернские, полицейские и другие «Ведомости». Виднейшими и наиболее активными публицистами этих органов в то время были Милюков, Стахович, Туган-Барановский, Философов, Мельгунов, Пешехонов, Титовский, Струве, Изгоев, Аверченко, Бердяев, Ардов, Минский, Филатов, Тан-Богораз, Ясинский и другие.

Мощным импульсом в развитии отечественной периодики стала Первая мировая война 1914–1917 гг. О грядущей войне заговорили в прессе еще до ее начала. «Новое время» в статье «Мир или война?» [1914. 13 июля] выражало надежду: «Есть еще время уйти от кровавого суда». И тогда же заявляло: «В ожидании грядущих событий Россия остается спокойной, опираясь на свою личную мощь, на незыблемый союз с Францией и на свои дружеские связи». Октябристский «Голос Москвы» провозглашал, что «война неизбежна», а прогрессистское «Утро России» заявляло: «Война ужасна, но неизмеримо ужаснее то кошмарное состояние вечного ожидания войны, под гнетом которого прозябает сейчас вся хозяйственная жизнь страны». Вопреки «Новому времени», «Утро России» призывало «отрешиться от несбыточных мечтаний о мире» [1914. 17 июля]. В газете широко освещалось развитие военных событий в других странах и приезд в Россию Пуанкаре.

19 июля 1914-го Германия объявила войну России. «Правительственный вестник» опубликовал манифест императора в связи с начавшейся войной, в котором царь призывал: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом». Высочайший манифест напечатан также экстренными прибавлениями к уже подготовленным накануне номерам газет. В российских городах в первые дни войны прошли верноподданнические манифестации, митинги и богослужения. Предприниматели, банкиры клялись в верности батюшке-царю и готовности все отдать для разгрома врага. Представители разных партий призывали сосредоточить все силы лишь на достижении главного — отстоять Родину. «У нас теперь есть только одна партия — партия русских, и мы к ней принадлежим!», — восклицали бывшие противники. На собрании октябристов в Москве и заседании центрального комитета «Союза 17 октября» в Петербурге при участии членов октябристских фракций в Думе были приняты резолюции с призывами отказаться от партийных разногласий, тесно сплотиться для оказания помощи армии. С этим согласились и представители правого крыла кадетов. В день объявления войны вышли экстренные выпуски газет и листовок с сообщением об этом событии.

Тема войны практически вытеснила со страниц газет все другие темы. Перед сообщениями с фронта, сообщениями о манифестациях, ходе моби-

лизации и проводах новобранцев, статьями, направленными против немцев или пропагандирующими цели войны, потеснились происшествия и даже объявления, занимавшие прежде большую часть площади газеты. В газетах и журналах появились новые рубрики — «Война» (в большинстве изданий), «Военные известия» и другие. Наряду с информацией с фронтов и из-за границы публиковались пространные статьи и корреспонденции о событиях в тылу, положении в странах союзников и врагов. Обращаясь к внутренним проблемам страны, публицисты ограничивались лишь глухими намеками на рабочее движение.

Перед прессой стояла задача — убедить общество и союзников в наличии твердого и постоянного единства русского народа, его силе, принизить силу враждебных стран и внушить народу представление о вероломстве и жестокости противников. Происходит увеличение тиражей почти всех изданий в 2–3 раза, открываются десятки новых периодических органов. Так, в 1914-м в стране появились 431 газета и 411 журналов, в 1915-м — около 200 новых газет и более 280 журналов, в 1916 году — 110 газет и около 240 журналов. Большая часть этих изданий возникла не в столицах, а в провинциях. Но многие тут же закрывались: за время войны в Петрограде, например, по различным причинам не стало 833 журналов[32].

В этот период превалирует военная печать: начинают выходить «Вестник войны», «Военная летопись», «Последние армейские известия», «Вести с театра великой войны», «Армия и флот» и т. д., издания отдельных фронтов и армий, газеты, журналы и листовки для нижних чинов и крестьян. Эти издания говорили о высоких целях войны как можно более доступным языком. Здесь была передовая, отделы «Военные известия», «Вести с родины», «Известия из вражеской земли», «Смесь» («Русские герои», «Немецкие трофеи»), «С театра войны» и так далее. Специальные рубрики, посвященные событиям на войне, открылись во всех общественно-политических изданиях.

Всемерно поддерживаемый правительство ажиотаж и некоторые успехи русских войск в начале войны способствовали тому, что на волне патриотизма в стране установилось определенное гражданское согласие, подавляющее большинство изданий «забыли» внутренние распри. По словам Горького, хвастовство и словоблудие «разлились широким потоком». Насаждалась идея неизбежной, скорой и триумфальной победы России над «зачинщицами мировой смуты» Германией и Австро-Венгрией. Например, один из номеров «Журнала-копейки» за октябрь 1914-го открывается фотографией

[32] Первая мировая война в освещении русской прессы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=800265 (дата обращения: 14.04.2020).

немецкого солдата, сдающегося доблестным русским воинам. И далее во всем номере нет ни слова о поражениях, потерях, трудностях войны. Рассказывается только о героизме, доблести, благородстве русских и их союзников как на фронте, так и в тылу.

На волне охватившего страну подъема патриотизма, шовинистических настроений ультраправые, черносотенные идеи и соответствующие периодические органы приобретают большую популярность. Широкое распространение по всей стране получают так называемые народные издания, которые продаются по мизерным ценам или вообще раздаются бесплатно.

Власть озаботилась ростом печати и особенно содержанием периодики, потребовала пристальней следить за ней. Впрочем, усиление «зоркости цензоров» за печатью произошло еще до начала войны. 28 января 1914 года обнародован первый «Перечень» сведений, которые запрещалось помещать в печати по военным соображениям. В него включалось все, что касалось изменений в вооружении армии и флота, формирования воинских частей, ремонтных работ, стрельб, боеприпасов, маневров и соборов, хотя подобные сведения могли провозглашать в публичных выступлениях. Печать оказывалась под более строгим контролем, чем устное слово. 12 июля того же года появился новый, расширенный «Перечень», включивший целый ряд дополнительных запретов. На следующий день после начала войны, 20 июля, утверждено «Временное положение о военной цензуре». Оно трактовалось властью мерой, направленной на то, чтобы «не допускать по объявлении мобилизации армии, а также во время войны оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов сведений, могущих повредить военным интересам государства».

Цензорскому досмотру подлежали не только произведения печати (газеты, журналы, книги, эстампы, рисунки и т. п.), но и также вся почтовая и телеграфная корреспонденция, тексты и конспекты публичных выступлений. Военная цензура устанавливалась в полном объеме в местах военных действий и частичная — вне таких мест. Функции цензуры в местах военных действий осуществляли штабы командующих армиями и военными округами. За пределами фронтовых районов такую задачу выполняли главная военно-цензурная комиссия, находившаяся при главном управлении генерального штаба, и местные военно-цензурные комитеты, которые состояли при штабах военных округов, военные цензоры. Была установлена стройная и строгая система контроля и за печатью, и за устным публичным словом, и за личными мнениями людей. Были установлены более строгие, чем прежде,

кары на нарушения. К примеру, призывы к прекращению войны — в публичной речи, докладе или произведении печати — карались заключением от 2 до 8 месяцев. Расширялся и список того, о чем нельзя писать журналистам, запрещено сотрудничество в печати нижним чинам. Чтобы выполнить все требования «Перечня», надо было не упоминать совсем об армии и военных действиях[33]. Главнокомандующим и командующим отдельными армиями давалось право на территории размещения прикрывать неугодные издания на неопределенный срок. Накануне и в первые дни войны закрыто около 80 столичных и местных газет и журналов. Вместе с тем значительно увеличивалась финансовая поддержка проправительственной и монархической печати. Если в 1912 и в 1913 гг. на эти цели выделялось 600–800 тыс. руб., то в годы войны от 900 тыс. до 1 600 тыс. руб.

Реальность происходящего на фронтах вскоре отрезвила общество и печать, еще больше разделила отечественную журналистику, заострив вопрос об отношении к войне. Издания проправительственной ориентации, как и во времена Русско-японской войны, призывали сражаться до полной победы. С этой целью в конце 1914-го организован «День печати»; проводились выставки «Война и печать»; создавались журналистские объединения: Всероссийский союз редакторов, Петроградский союз деятелей печати, Петроградское общество журналистов и др. Большевики же и некоторые другие социал-демократы не только в России, но и в Европе говорили о необходимости поражения собственного правительства в империалистической войне, что, по их мнению, помогло бы скорейшей победе мировой социалистической революции.

Журналисты и в целом российское общество оказались в сложном положении. Новости, получаемые с фронта, не радовали. К тому же не было полной информации, что происходит на самом деле, а послать корреспондентов в эпицентр военных действий редакции не могли, ибо в конце июля 1914 года в войска из Ставки поступила телеграмма: *«Корреспондентов в части не допускать!»*. Петербургское же телеграфное агентство распространяло *«не факты, а вымыслы»,* по выражению одной из газет. Печать иногда тиражировала самые невероятные слухи. В. Мельгунов — многолетний автор провинциального отдела «Русских ведомостей» в докладе, прочитанном в обществе деятелей периодической печати 28 февраля 1916 г., говорил: «Наша печать за самым малым исключением повинна в тяжком грехе распространения тенденциозных сведений, нервирующих русское

[33] Первая мировая война в освещении русской прессы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=800265 (дата обращения: 20.04.2020).

общество, культивирующих напряженную атмосферу шовинистической вражды, при которой теряется самообладание и способность критически относиться к окружающим явлениям». И дальше: «Война оказала разлагающее влияние на значительную часть нашей печати — она лишила ее морального авторитета»[34].

Под напором общественности и редакторов изданий, особенно благодаря энергии известного журналиста М. Лемке, в конце сентября 1914 года, спустя год после начала войны, учреждено Бюро печати для снабжения газет информацией о ходе военных действий. Очень долго обсуждался вопрос о представительстве в этом органе. Левая печать исключалась, как и провинциальные издания. Доступ получили сотрудники «Биржевых ведомостей», «Речи», «Русского слова» и «Русских ведомостей». Но наладить эффективную работу Бюро никак не удавалось, оно практически бездействовало.

В 1915 г. в докладе царю говорилось о необходимости «более широкого осведомления отечественной печати и прессы дружественных России государств о ходе военных действий». Николай II после раздумий повелел влиятельным органам прессы послать своих корреспондентов в ставку. Но и имея информацию с фронтов, напечатать что-либо было трудно. Департамент полиции, который наделили правом цензора, запрещал даже рубрики «из действующей армии». Иногда из уже набранного материала цензура вырезала целые куски и газеты выходили с белыми пятнами. Ужесточилась проверка писем, направляющихся с фронта. В марте 1916 г. Дума подготовила проект нового закона о военной цензуре. Запрещалась критика Совета министров. В начале февраля 1917 г. на имя старших цензоров при телеграфе, Бюро печати и Петроградского телеграфного агентства спущено распоряжение военного министра «принять меры к недопущению печатать какие-либо сообщения о забастовках на заводах». Запрещалось также печатать речи оппозиционных депутатов Думы, не допуская, однако, «белых пятен в газете (на месте изъятых речей), а равно каких-либо заметок по поводу этих речей». Все эти меры принимались в первую очередь против социалистов и их печати.

Чтобы целенаправленно излагать официальную точку зрения о ходе войны, министр внутренних дел А. Протопопов попытался создать такой орган периодики, который путем своего либерального направления мог бы подавить остальные влиятельные петроградские газеты и затем, оставшись единственным крупным ежедневным изданием, встал бы на защиту интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде.

[34] *Мельгунов В. С.* О современных литературных нравах. — М., 1916. — С. 65, 67.

Такие задачи возлагались на газету «Русская воля». Большой общественный резонанс вызвало то, что в ней согласился работать один из известных писателей демократического лагеря — Л. Андреев. Он разослал приглашения писать в газету многим русским писателям — почти все отказались.

В недрах министерства внутренних дел с целью воздействия на трудящиеся массы и привлечения рабочих на свою сторону создана также правительственная газета «Русский рабочий» (1916–1917 гг.). Выполнение этих же задач требовало правительство и от «Губернских ведомостей». В начале 1916 г. министерство внутренних дел провело съезд представителей официальной провинциальной печати. Министр высказал недовольство содержанием «Ведомостей» и потребовал от редакторов неукоснительно следовать указаниям министерства. Но это не изменило ситуацию.

Затяжной и пораженческий характер войны отрезвил даже самых верных патриотов самодержавия. Бездарное руководство армией и страной, военные неудачи, нарастание трудностей в тылу вызвали брожение и подъем революционных настроений во всех слоях русского общества. В 1916–1917 гг. значительно увеличивается количество нелегальной периодики и листовок протестного содержания, в которых открыто говорится о необходимости свержения царизма.

И СНОВА НЕЖДАННАЯ...

Февральское небо 17-го хотя и было затянутым темными тучами, но не предвещало грозы. А она, вопреки всему и всем, разразилась... в студеную зимнюю пору — не в небе, на земле.

В первые годы войны Россия жила относительно спокойно — людей сдерживали законы военного времени. Но нет-нет да забастовки, стачки случались. В мае 1915 года в Москве произошел антинемецкий погром, в августе 1915 забастовали Иваново-Вознесенские рабочие. Применение властью силы для подавления забастовки породило новые стачки солидарности, писала пресса. В январе 1916 года рабочие Петрограда отметили годовщину «Кровавого воскресенья» забастовкой, в которой участвовало более ста тысяч человек. В феврале прошли забастовки в столице. Летом того же года восстали туземцы Туркестана, коренное население этого района возмущалось тем, что у него отнимали лучшие земли в пользу русских переселенцев. Во время войны резко возросли налоги, и наконец в разгар сельхоз работ по царскому указу почти 500 тысяч человек самого трудоспособного возраста мобилизовали на строительство укрепрайонов в прифронтовой полосе.

Заметно поменялась за годы войны русская армия, отмечала печать. Она выросла численно, место миллионов погибших, составлявших цвет армии, заняли вчерашние крестьяне. С лета 1914 и до осени 1917 гг. мобилизовали почти шестнадцать миллионов человек. Из них тринадцать миллионов, то есть подавляющее большинство, крестьяне. Они едва ли могли найти на карте Сербию, из-за которой вспыхнула мировая война, и просто не понимали, за что их отправили умирать.

К началу 1917 года в Петрограде скопилось около 200 тысяч солдат, писали газеты. Большей частью новобранцы, не нюхавшие пороха и вышедшие из госпиталей раненые. Накапливались резервные силы, предполагалось бросить их на фронт в марте, к началу планировавшегося наступления.

В казармах на нарах в три этажа в основном рабоче-крестьянская масса жила интересами своих семей, рабочих фабрик и заводов, крестьянских хозяйств. Будто губка, она впитывала все слухи, сплетни. Побывавшие на фронте, залечившие раны солдаты рассказывали об ураганных атаках, о газах, вшах и других превратностях окопной жизни. Эта масса отнюдь не хотела на фронт, наоборот, была проникнута ожиданием некоего чуда, которое избавило бы от необходимости «идти на убой». К концу 1916 года высшая государственная власть оказалась дискредитирована скандалами вокруг Г. Распутина и его окружения. Возмущение распутинщиной пошло гулять по городам и весям, достигло российских вооруженных сил — как солдат, так и офицерства. В окопах и очередях у булочных поговаривали об интимной связи императрицы и Распутина, об измене, проникшей на вершину власти. Свояченица Сталина, Анна Аллилуева, вспоминая те дни, отмечала: «Окраина волновалась, становилась все более дерзкой, не боялась полиции. „Дети голодают, мужья умирают на фронте! — возмущались женщины. — За что? Чтобы царь с царицей пьянствовали с прихлебателями! Это немка... это Алиса погубила Россию. Перебить их всех!“ Камни летели в окна магазинов. „Чертовы спекулянты! Погодите, вам покажут, как обирать народ!“».

Главной предательницей общественное мнение считало императрицу Александру Фёдоровну. Многие циркулировавшие в обществе слухи об императрице носили откровенно фантастический характер, как то: «в Царском Селе якобы находился прямой провод для связи ее с Берлином»; «дороговизна оттого, что государыня отправила за границу 30 вагонов сахару», нет-нет да и сообщали друг другу, что она уже арестована за шпионаж.

Ситуация, сложившаяся к середине февраля 1917-го, отражена прессой тех дней. Газеты сообщали о нехватке продуктов и топлива в столице, «хвостах» (очередях) в магазины, писали, что 14 февраля, в день открытия

очередного заседания Государственной Думы, рабочие и солдаты придут к Таврическому, дабы передать наказы народным избранникам. Родзянко через «Биржевые ведомости» обращался к петроградцам: «Я считаю, все уличные выступления крайне вредными для нашего общего дела... Искренне надеюсь, что рабочие от этого воздержаться...». Командующий Петроградским военным округом С. Хабалов в тех же «Биржевых ведомостях» 14 февраля успокаивал народ: «Благодаря принятым мерам, продовольственный кризис удалось на время ослабить. Железнодорожные пути освобождены от снежных заносов и в последние дни в столицу прибыли большие партии муки, примерно, в среднем по 25 поездов в день.

Рабочий, проведя весь свой трудовой день за станком, мало интересуется политикой, как таковой, и на этой почве ожидать выступления рабочих масс вряд ли приходиться...».

20 февраля «Речь» писала: «Истекшая неделя представляет исключительный политический интерес благодаря открытию сессии Государственной Думы... Надежды на сознательное отношение рабочего класса к важности переживаемого момента вполне оправдались...».

До революции оставалось несколько суток, но, как видим, прихода ее пресса и общество не чувствовали. Волнения, забастовки, многотысячные митинги, манифестации и даже мелкие стычки с полицией случались, но к ним уже привыкли, они не перерастали в революцию. Почему? Не видно было предводителя, за которым бы пошел народ, и главное — не определилась армия. А армия — это многомиллионная масса, и хотя она состояла из вчерашних рабочих и крестьян, которые несли на своих плечах тяжелое бремя нужды, но солдатские массы колебались. Во-первых, они все еще верили в доброго царя-батюшку, а все зло видели в его окружении, во-вторых, семьей и церковью воспитаны в повиновении, а армия приучила к дисциплине. Перешагнуть это не так просто. А еще был и страх — они знали, как карают смутьянов.

В. Шульгин в своих воспоминаниях воспроизводит рассказ социал-демократа Н. Соколова о том, как представители рабочих агитировали солдат выйти на улицы Петрограда, подключиться к демонстрации. Они ответили: «Для чего вы нас зовете? Если для революции, то мы выйдем на улицы, но если для манифестации, — то не выйдем, потому что, вы, рабочие, после уличных манифестаций можете вернуться к себе на фабрики, а мы, солдаты, не можем — нас будут расстреливать. Представители рабочих признали эти соображения правильными и заявили, что к революции они не готовы... Они, революционеры, не были готовы, но она, революция, была

готова. Ибо революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть три четверти, состоит в ощущении властью своего собственного бессилия», — заключает Шульгин[35].

Шульгин прав, власть металась, не зная, как быть. И без того сложную ситуацию в стране обострила суровая зима 1916–1917-х. В январе разразились трескучие морозы, в феврале — снежные заносы буквально парализовали пол России. В обществе создалось напряжение. По городу поползли слухи, что хлеба скоро вообще не будет, вот-вот грянет голод. И слухи имели под собой основания. На железнодорожных станциях сосредоточилось более 150 тысяч вагонов и паровозов, подвоз продовольствия к Петрограду практически приостановился. На Урале, на Дону специально задерживались эшелоны с хлебом для Центральной России[36]. Люди начали делать запасы, сушить сухари. Точно такие же проблемы возникли и с топливом. Эшелоны с углем до Петрограда не доходили.

- Кто останавливал поезда с хлебом, углем?
- По чьей команде?
- Кто распускал будоражащие людей слухи?
- Какая преследовалась конечная цель?

Ответа на эти вопросы нет и доныне. Ясно одно — это осознанные действия. Они преследовали одну цель — вызвать недовольство народа. Некоторые авторы делают туманные намеки на некие могущественные силы. Так, С. Ольденбург приводит выступление Н. Маклакова 26 ноября 1916 года в Государственной Думе. «С самого начала войны, — сказал он, — началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая и искусная работа... Русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности должно было вести к разложению и распаду... Это была ложь, господа, для большинства бессознательная, а для меньшинства, стремившегося захватить руководство политической жизнью страны, ложь сознательная. И, едва ли не преступная...»[37].

Маклакова дополняет Шульгин: «Сионские протоколы очень талантливо рисуют такую схему. Революционной, демагогической пропагандой разрушив современные общества, перво-наперво ввергнуть людей в ужасы голода, нищеты и всяких бедствий. Когда это будет сделано, люди через некоторое время потеряют всякую силу сопротивления. Они превратятся

[35] *Шульгин В. В.* Дни. — М., 1989. — С. 165.
[36] Известия. 01.02.07 г.
[37] *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. — Ростов н/Д., 1998. — С. 530.

в метущееся жалкое стадо, молящее только о хлебе насущном, крове и тепле. Всякая гордость человеческая будет утеряна в сердцах. И вот тогда, на эту психологию, придет человек, который даст им элементарные возможности жизни. Естественно, что этого человека морально сломленные, примут как спасителя, как вождя, как владыку, как царя... Человек, который имеет некий достаток, жалуется, что ему плохо. Надо ввергнуть его в горчайшую нищету, и тогда половина того, что он имел раньше, покажется ему раем»[38].

Маклаков, занимавший накануне революции должность министра внутренних дел, знал больше других. Не мог не знать о решениях съезда масонов в Париже, об активных действиях социал-демократических партий, не мог не знать и о заявлениях еврейского авторитета Шиффа, который обещал свергнуть российское правительство, финансировал Японию в войне с Россией и революцию 1905-го года, продолжал это делать и все последующие годы, содержа на свои деньги не одного только Л. Троцкого, который в это время был в Америке и готовился с сотоварищами ехать в Петроград для воплощения задумок того же Якова Шиффа и других еврейско-финансовых воротил, для свершения революции в России. При этом действовал тот же сценарий, что и в 1905 году, но с учетом допущенных ошибок и возникающих новых реальностей. Он повторен будет и в 1991, 1993 годах.

Незадолго до свержения самодержавия в Петроград прибыл один из лидеров мирового масонства — еврейский банкир лорд Мильнер. Его миссию ирландский представитель в британском парламенте прокомментировал так: *«Наши лидеры послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить эту революцию»*.

Накануне Февраля посольства Англии и Франции в России стали местом совещаний масонов-заговорщиков. На одном из них присутствовал и командующий Северным фронтом генерал Рузский, сыгравший важную роль при отречении Николая II от престола. На этом совещании, пишет журнал «Наш современник»[39], обсуждался план свержения русского царя. Собравшиеся назвали даже конкретную дату, когда сие случится, — 22 февраля 1917 года. Получается, что отнюдь не случайно начались волнения в Петрограде. Охранное отделение докладывало министру внутренних дел: «Никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов, как в настоящее время... Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видать».

[38] *Шульгин В. В.* Дни. — М., 1989. — С. 130.
[39] Наш современник. — 1995 г. — № 11. — С. 202–203.

Первая мировая война перевела продовольственный вопрос в разряд политических. Во всех воюющих странах продовольствия не хватало. Особенно в Германии и Австро-Венгрии. От голода погибло около шестисот тысяч немцев и австрийцев.

В русской армии до войны мясной паек составлял один фунт (четыреста граммов), после начала войны его увеличили до полутора (шестьсот граммов). Утвердили требования к мясу, которым можно кормить армию: мясо должно быть вполне доброкачественное, свежее, от здорового, хорошо упитанного скота. На ощупь — упругое, в отличие от дурного мяса, мокрого и дряблого. Запах — приятный мясной, слегка ароматный. В феврале 1915 года Совет министров разрешил заменять говядину свининой и бараниной, рекомендовал шире использовать соленую, сушеную и вяленую рыбу, а также яйца. Как отмечала официальная пресса, миллионы людей, которые до войны не ели мяса или ели очень редко, стали его теперь получать как необходимый продукт ежедневного питания.

Накануне революции Ставка уточнила: при замене мяса колбасой, сосисками, салом или соленой, сушеной и вяленой рыбой все эти продукты выдавать в равном с мясом весе, а копченую колбасу и копченое мясо по семьдесят два золотника за фунт (то есть не четыреста граммов, а триста). Продовольствия стране хватало. Проблемы, как отмечалось выше, возникли с доставкой. Подвоз продовольствия, скорее всего, возобновился бы в полном объеме. Но волнения в Петрограде стали желанным поводом для давно подготовляемой атаки на императорскую власть. В результате подвоз хлеба и топлива для столицы тормозился. И Петроград вспыхнул!

В Государственной Думе и даже Государственном совете заговорили о недоверии правительству, требуя устранить «темные силы» и сформировать правительство, которое пользовалось бы «доверием страны». 14 февраля 1917 года в Думе монархист и националист Пуришкевич заявил, что нельзя сотрудничать с правительством изменников. Социал-демократ (меньшевик) Чхеидзе потребовал взять власть в свои руки.

В Петроград приехала делегация союзников. А. Гучков, бывший председатель Думы, страстно ненавидевший Николая II и Александру Федоровну, раскрыл глаза на происходящее в России будущему президенту Франции Гастону Думергу: борьба ведется против «тех, кто не хочет победы в войне, — против Царского Села». То есть против императора и его семьи. И вот что определило судьбу Николая II, монархии и всей страны. Думцев поддержали генералы.

Командированный в Россию британский дипломат Брюс Локкарт докладывал в Лондон: *«Прошлым вечером я обедал вдвоем с начальником генерального штаба. Он мне сказал: „Император не изменится. Нам надо менять императора“»*.

И начали менять...

18 февраля в Петрограде в связи с заносами на дорогах ухудшилось снабжение продовольствием и топливом. В городе ввели продовольственные карточки. На следующий день у дверей пустых булочных выстроились огромные очереди. В тот же день, писала «Правда», «на Путиловском заводе забастовала одна мастерская... Избрана делегация к дирекции для предъявления требований. Делегация ходила к директору, который грозил расчетом.

21-ого митинги были по всему заводу. 22-ого объявлен локаут. Рабочие к работе не приступили, а 22-ого, когда они явились на работу, увидели объявление о том, что завод закрыт на неопределенное время...»[40].

С Путиловского забастовки перекинулись на другие предприятия. Представители легальной, думской оппозиции (меньшевик Н. С. Чхеидзе, трудовик А. Ф. Керенский) попытались установить контакты с заводскими организациями. Был создан комитет для подготовки демонстрации 23 февраля.

По сообщениям «Биржевых ведомостей», 21 февраля на Петроградской стороне начался разгром булочных и мелочных лавок, продолжавшийся затем по всему городу. «Толпа окружила пекарни и булочные и с криками: „Хлеба, хлеба“ двинулась по улицам».

В 3 часа того же дня — начальник Петроградского охранного отделения генерал Глобачев доносил министру МВД Протопопову: «После заявления администрации булочной о том, что нет хлеба, оставшиеся неудовлетворенными 300 человек стали бросать в окна магазина глыбы снега и льда, после чего, проникнув в магазин, провели там полный разгром».

На улицах, заводах и фабриках, в казармах появились первые листовки Петербургского межрайонного комитета РСДРП. В них говорилось: «...Уже третий год тянется эта ужасная бойня. Отцы наши, мужья и братья гибнут. Близкие приходят домой несчастными и калеками. Царское правительство послало их на фронт и искалечило, убило, а о пропитании не заботится. Оно без конца лило и льет рабочую кровь... Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна. В деревнях отнимают последний хлеб и скот на войну. Мы часами стоим в очередях. Дети наши голодают. Сколько

[40] Правда. 5 марта 1917 года.

их вовсе осталось без присмотра и потеряло родителей...» В конце листовка призывала: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует Временное революционное правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!».

Волнения, возникшие в Петрограде и других городах из-за перебоев с хлебом и топливом, начали принимать угрожающие размеры. Гром грохотал над Россией все раскатистей. Власти пытались не допустить бури. «...Под председательством Председателя Совета министров кн. Н. Д. Голицына состоялось экстренное совещание, посвященное продовольственному вопросу в столице», сообщают «Петроградские ведомости» (№ 37). «Новое время», 24 февраля пишет: «...Совещание пришло к единогласному заключению о немедленной передаче заведывания продовольственным делом в Петрограде неправительственному городскому управлению... в Петрограде в данный момент имеются достаточные запасы ржаной муки в количестве 460 тысяч пудов...». Газета публикует объявление Петроградского градоначальника генерала Хабалова: «За последние дни отпуск муки в пекарни и для выпечки хлеба в Петрограде производится в том же количестве, что и прежде, — говорится в нем. — Недостатка хлеба в городе не должно быть. Если в некоторых лавках хлеба иным не хватало, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве, и ее подвоз идет непрерывно».

Власти сначала рассматривали выступления как стихийные продовольственные беспорядки, пытались успокоить народ. Однако это не действовало, события нарастали с каждым днем. 25 февраля в забастовке приняло участие уже 80 % рабочих города — свыше 300 тысяч человек. На демонстрациях появились политические лозунги: «Долой монархию!», «Да здравствует республика!». Митинги и демонстрации проходили на главных площадях, проспектах и улицах города. Наряды казаков отказались разгонять народ, в конных городовых демонстранты бросали камни.

Генерал Глобачев подробно, на 5 листах, докладывал шефу. «Происходившие вчера (24 февраля — *Авт.*) забастовки рабочих по поводу недостачи хлеба сегодня продолжались, причем в течение дня не работало 131 предприятие... Явившись с утра на заводы, мастеровые решивших бастовать предприятий, после непродолжительных совещаний, расходились частью по домам, а часть выходили на улицы и производили беспорядки.

В 9 часов утра, вышедшая с завода Кона, толпа рабочих соединилась на Б. Пушкарской улице с вышедшими ей навстречу рабочими завода Эриксон и направилась по району 1-го участка Петроградской части, и по пути

снимала с работ, не нарушивших до их появления порядка мастеров. Таким образом, толпа вскоре разрослась до 2–3 тысяч человек...».

Из донесения следует, что рабочие начали громить лавки, произошли первые стычки с полицией. Но в основном рабочие в городе шли на митинги, ораторы призывали к ниспровержению существующего строя. Кто-то из ораторов призывал идти за поддержкой и справедливостью к Государственной Думе. Рабочие верили депутатам, тем более что накануне Дума инициировала спешный запрос 30 депутатов Председателю Совета Министров, Военному и Морскому министрам по поводу забастовок на Путиловском и Ижорском заводах. В дополнение к этому запросу в конце заседания Думы Милюков от имени Прогрессивного блока внес следующий проект резолюции: «Признавая необходимыми: 1) чтобы правительство немедленно приняло меры для обеспечения продовольствием населения столицы, так же, как и других городов, 2) чтобы, в частности, были немедленно удовлетворены продовольствием рабочие заводов, работающие на оборону, 3) чтобы для распределения продовольствия были теперь же широко привлечены городские самоуправления и общественные элементы и организованы продовольственные комитеты».

От имени трудовиков Керенский предлагает еще один пункт: «Все уволенные рабочие Путиловского завода должны быть приняты обратно и деятельность завода немедленно восстановлена»[41]...

Но резолюция эта никакого эффекта не имела, напряжения не сняла, наоборот, оно нарастало. Расшатывались скрепы, надламывались спайки, слышался везде зловещий треск — весь государственный уклад России разваливался — грянула революция.

К сожалению, мы не можем по страницам газет тех дней проследить шаг за шагом ход Февральской революции, ибо с 25 февраля к забастовкам присоединились типографские рабочие, печатные машины замерли, и газеты перестали выходить, кроме «Русского инвалида», который печатал лишь официальные материалы. Газеты снова вышли только 2–8 марта и попытались рассказать своим читателям о происшедшем. Наиболее полно это удалось сделать. «Утру России» и «Русским ведомостям». Анализ газетных публикаций позволяет сделать вывод, что правительство не ставило перед собой принципиальных задач: идти вперед было ему страшно (да, пожалуй, и поздно), идти назад — было стыдно, да и царь не велел. Оно действовало, ни на кого не опираясь. Оно не удовлетворяло ни крестьян, ни рабочих, ни

[41] Государственная Дума российской империи. Четвертый созыв. Стен. отчет о заседании... — СПб., 1914. — С. 1739–1758.

землевладельцев, ни торгово-промышленные круги, ни чиновничество, ни общественных деятелей, ни левых, ни правых. Не удовлетворяло оно ни фронт, ни тыл. Оно оказалось как бы под колпаком, в вакууме, ничего особенного не опасаясь, хотя, как уже говорилось выше, в Петрограде начались забастовки. Шеф охранки, генерал Глобачев продолжает слать секретные доклады «наверх», в которых сообщает о нарастающем недовольстве населения, высказывает опасение, как бы это не явилось последним этапом на пути к началу беспощадных эксцессов самой ужасной из всех революций. «Наверху» его не слышат, проявляя олимпийское спокойствие.

...Придя в духовное равновесие после похорон «друга семьи» Распутина, царь 22 февраля 1917 года уезжает на фронт, в Ставку, которая находилась в Могилеве.

Американский историк Р. Пайпс отмечает, что «революция разворачивалась на фоне несмолкающей трескотни антиправительственных речей в Думе. И повели наступление на власть все те же, знакомые нам лица: Милюков, Керенский, Чхеидзе... Обвиняя, требуя, угрожая...»[42].

Напряжение в Петрограде нарастает под действием революционных партий, всевозможных листовок, митингов. Лозунг «Мира и хлеба!», доминировавший на первых порах, тонет среди транспарантов с призывами — «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Казаки и другие воинские части, вызванные на помощь полиции, пытаются разгонять манифестантов. Но тщетно. Рассеянные на одной улице, они тут же собираются на других. Занервничала императрица, требуя от супруга наказать не только зачинщиков, но и депутатов. 24 февраля она сообщала царю о беспорядках на Васильевском острове и на Невском, о том, что люди приступом брали булочные, и высказывала пожелания повесить Керенского за его ужасную речь в Думе, что послужит уроком для других смутьянов.

Спустя день царица снова информирует Николая II, что хулиганские действия продолжаются, но считает, что это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя, высказывает пожелание строго наказывать участников, ибо теперь военное время.

Тем временем волнения не утихают, идут демонстрации, митинги, ширятся забастовки. Командующий Петроградским округом генерал С. Хабалов посылает Николаю II донесение о начавшихся волнениях в городе. Из Могилёва следует высочайшее повеление: «прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

---

[42] *Пайпс Р.* Русская революция. В 3 кн. — М., 2005. Кн. 1. — С. 374.

Во исполнения его Хабалов приказывает силой разгонять демонстрантов и арестовать наиболее активных деятелей. В кутузках оказалось около 200 человек.

26 февраля, в воскресенье, демонстранты с красными знаменами и пением революционных песен вновь собрались в центре Петрограда. На Знаменской площади и у Казанского собора шли митинги. По приказу Хабалова по демонстрантам открыт огонь из пулеметов, арестовано 170 человек. Расстрел демонстрантов не погасил костер, а, наоборот, подлил масла в огонь, вызвал сильное возмущение солдат столичного гарнизона и оказал решающее воздействие на их переход на сторону революции: 4-я рота запасного батальона Павловского полка отказалась подчиняться властям.

Газеты сообщают о телеграмме Председателя Государственной Думы Родзянко царю: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. На улицах идет беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга». В ответ царь повелевает прервать занятия Думы с 26 февраля до апреля 1917 года.

27 февраля депутаты принимают решение сформировать из своего состава Временный комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами. Председательство предлагается Родзянко, он колеблется, но потом соглашается. Однако центральной фигурой во Временном комитете становится Керенский, его кандидатуры вначале не было, он сам напросился, свое место ему уступил Шульгин.

Несмотря на старание Комитета восстановить порядок, он не мог взять под контроль ситуацию в стране. Более действенной революционной властью становились возрождавшиеся в ходе революции Советы. В 27 февраля в Таврическом дворце явочным порядком образован Временный исполнительный комитет Петроградского Совета депутатов трудящихся, председателем которого стал меньшевик Н. Чхеидзе, его заместителями — А. Керенский (вопреки решению депутатов не входить ни в какие политические объединения) и меньшевик М. Скобелев. Большинство в комитете принадлежало меньшевикам и эсерам — в то время самым многочисленным влиятельным левым партиям в России. 28 февраля вышел первый номер «Известий Совета рабочих депутатов» (редактор — меньшевик Ф. Дан).

С образованием Петроградского Совета и Временного комитета Государственной Думы в стране фактически стало складываться двоевластие. 2 марта после состоявшихся между обоими комитетами переговоров, сформировано Временное правительство.

В него вошло 12 человек — 10 министров (9 из них являлись депутатами Государственной Думы), 2 приравненных к министрам главноуправляющих центральными ведомствами. Председателем Временного правительства стал князь Г. Е. Львов (кадет). Временное правительство объявило себя на переходный период — до созыва Учредительного собрания — верховной, законодательной и исполнительной властью в стране.

2 марта, сообщали газеты, Николай II отрекся от престола от своего имени и от имени сына Алексея в пользу брата Михаила.

«Мы, Николай Второй, Император и самодержец Всероссийский, Царь польский, великий князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая, — гласил Манифест. — Объявляем всем верным нашим подданным.

„В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победоносного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, может окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную Власть.

Не желая расставаться с любимым сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского.

Да поможет Господь Бог России“.

НИКОЛАЙ.

2 марта 15 час. 1917 г.

Г. Псков.»

Чуть позже отрекся от престола и Михаил в пользу народа: он призвал «подчиняться Временному правительству, облеченному всей полнотой власти». Февральская революция закончилась. Свергнутый с престола царь был арестован и препровожден в Царское Село, где со своей семьей он содержался под домашним арестом. Затем его отправили в Тобольск.

...Из небольшой тучки, забастовки в одной из мастерских Путиловского завода, разразилась буря, перевернувшая вековые российские устои. Царское самодержавие пало, к власти пришло Временное правительство, в состав которого вошли представители нескольких буржуазных партий. Рупор новой власти, его официальный орган — «Вестник Временного правительства», который стал продолжением «Правительственного вестника» и сохранил его дореволюционную нумерацию. Содержание «Вестника Временного правительства» в марте 1917 г. не позволяет судить о каких-либо кардинальных переменах во внутренней и внешней политике страны, наоборот, свидетельствует о сохранении того же правительственного курса, который существовал при царе, о поддержке лозунга «Война до победного конца!»

5 марта 1917 года «Вестник» с радостью сообщал, что все крупнейшие столичные газеты — «Русское слово», «Новое время», «Речь», «Биржевые ведомости», «День» и другие — приветствуют Временное правительство и призывают к его поддержке.

Постоянными рубриками «Вестника Временного правительства» были: «Постановления Временного правительства», «Административные известия», «Война», «По России». То есть по типу «Вестник Временного правительства» оставался официальным изданием, где публиковались обращения правительства, законы и законопроекты, распоряжения, дипломатические ноты, информация с фронтов Первой мировой войны, отчеты о заседаниях правительства и так далее. Однако появлялись на страницах газеты и воззвания, и публицистические статьи. 21 апреля 1917 года Временное правительство, продолжая издание «Вестника», выпустило новый печатный орган — «Народную газету». Практически во всех регионах продолжали выходить «Губернские ведомости», перешедшие на сторону Временного правительства.

Периодика Февраля – Октября с точки зрения идейно-политического направления представляла весьма пеструю картину: часть изданий выражала интересы имущих людей и поддерживала Временное правительство, считая революцию завершенной, другая часть выступала за ее продолжение. Внутри этих частей имелись всевозможные более мелкие политические течения и воззрения, отражающие взгляды партий, объединений и групп. Петросовет, а затем ЦИК Советов, Советы депутатов на местах как органы революционной власти после свержения самодержавия взяли под свой контроль издание газет. В Петрограде ввели их лицензирование, создав для этого комиссию в составе Н. Стеклова, Н. Суханова, П. Александрова.

5 марта Исполком Петросовета воспретил к выпуску монархические и все черносотенные издания: «Земщина», «Голос Руси», «Гроза», «Колокол», «Русское знамя» и другие.

Возникла парадоксальная ситуация — с одной стороны, провозглашалась свобода слова для всех, с другой — вводилось ее ограничение для националистов и монархистов, в-третьих — отсутствовал механизм выдачи лицензий, и некоторые издания не могли их получить. Кадеты пригрозили массовой демонстрацией. 10 марта Исполком принимает постановление — разрешить свободный выход всем изданиям без различия направлений, оставив за собой право принимать меры против тех, кто будет вредить делу революции. Но и это постановление не внесло ясности. В 20-х числах марта в газете «Русское слово» кадеты опубликовали разработанный ими проект «Закона о печати». Он открывался словами: *«Печать свободна. Цензура отменяется отныне и навсегда»*. 27 апреля 1917 года Временное правительство приняло этот Закон, провозгласивший свободу слова и печати, как основной принцип демократии, беспрепятственный выпуск, распространение и торговлю печатными изданиями любых политических направлений[43].

Закон способствовал дальнейшему развитию в центре и на местах общественно-политической, многопартийной, многонациональной журналистики. В системе печати данного периода, наряду с правительственными и поддерживающих Временное правительство изданиями, усиливается влияние на массы партийной либеральной и оппозиционной периодики, появляются лево- и правоэсеровские, анархистские издания, растет сеть солдатских и крестьянских газет, а также газет на национальных языках.

В течение марта только у большевиков появилось 16 новых газет. Кадеты в дополнение к уже имевшимся изданиям стали выпускать журнал «Вестник партии народной свободы». Они ратовали за политику Временного правительства, считали революцию законченной и видели дальнейший путь в конституционном развития страны. Расширили воздействие на массы эсеры, начав выпуск новых изданий. С июня 1917 года органом ЦК стало «Дело народа», тираж доходил до 300 тыс. экземпляров. К числу популярных эсеровских газет относились «Воля народа» (отражала взгляды правого течения в ПСР, выходила в Петрограде), «Труд» (орган московского комитета ПСР), «Земля и воля» (газета для крестьян, Москва), «Знамя труда» (орган левого течения, Петроград), «Вольный голос Севера» и другие. Кроме того, ЦК ПСР издавал журнал «Партийные известия». Печать эсеров пропагандиро-

[43] Вестник Временного правительства. — 1917. — № 55.

вала идею демократического социализма, который виделся им как общество хозяйственной и политической демократии. Они считали возможным переход России к социализму некапиталистическим путем, социализм же, полагали, раньше всего произрастет в деревне, а почвой для него, его предварительной стадией должна стать социализация земли. Программу эсеров написал В. Чернов.

Новая власть создает свою систему информирования населения, воздействия на массы. Российскую периодику Февраля – Октября можно условно разделить на пять неравных частей. Первую обозначить как печать новой власти, вторую — «промышленно-финансовую», третью — либерально-демократическую, четвертую — оппозиционную, пятую, я бы назвал, — издания для «ширпотреба», развлекательные, бульварные. Каждая из этих частей имела свою аудиторию, прежде всего воздействовала на нее, но вела агитацию и на других полях, полемизировала с оппонентами.

Популяризацией новой власти озаботился министр юстиции А. Керенский. По его инициативе при министерстве открылось Бюро печати, сообщавшее политические новости и информирующее о важнейших мерах, принимаемых правительством. В начале марта в Петрограде начал действовать комитет журналистов, издававший газету «Известия».

В советское время исследователи основное внимание уделяли в основном официальной и партийной печати, и в первую очередь большевистской, оставляя в тени другую прессу. А она имела не меньшее влияние на массы, выражая точку зрения какой-то группы. Одну из таких групп представляли собой финансовые круги. Они не были единой силой, хотя определенная консолидация в этой среде, естественно, имелась. Именно с этой группой связана деятельность книжно-газетного издательского дома А. Суворина, ядром которого являлась газета «Новое время», выражавшая самый широкий спектр мнений. Кроме «Нового времени», редакционная политика которого напрямую зависела от политико-экономических и чисто коммерческих интересов издателей и читателей газеты, Суворин издавал «Московский телеграф», «Русское знамя», «Земледельческую газету», журналы «Исторический вестник», «Наборщик и печатный мир» и другие.

Политический курс «Нового времени» всегда был близок, хотя и не тождествен курсу правительственному. Социально-политическая ориентация газеты, позиционировавшей себя в качестве печатного органа «независимой части русского общества», проделала эволюцию от либеральной направленности к государственническо-националистической и, как полагали современники из среды либеральной интеллигенции, определенно реакционной.

«Новое время» обладало устойчивой репутацией прежде всего в правоконсервативных кругах населения. Сам А. Суворин социальной опорой нововременства считал зажиточные слои крестьянства, купечество, духовенство и городскую буржуазию.

Следует отметить, что отношение к властным структурам на страницах «Нового времени» не было одинаковым на протяжении весны-осени 17-го. Постепенно в редакции нарастало недовольство и Временным правительством, и Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это совпадало с позицией крупнейшего финансиста А. Путилова, воспринявшего Февральскую революцию и последовавшие за ней события как хаос, разруху и анархию. Сетования на анархию, беззаконие, безвластие — постоянные мотивы публикаций «Нового времени». С его полос все сильнее и все чаще звучали призывы навести порядок в стране. Усиливались ожидания «сильной руки», прихода «крепкой власти», которая сможет этот порядок навести. Тем самым газета идеологическими средствами активно содействовала движению страны к военной диктатуре, по существу, взращивала Корнилова. В конечном итоге «Новое время» оказалось жертвой неудачной игры банковских кругов, прежде всего самого А. Путилова, поставившего все, и газету в том числе, на карту военной диктатуры и потерпевшего фиаско.

Лишившись сначала широкой общественной поддержки, а затем, утратив финансовую и идейную опору, газета практически потеряла реальную возможность держаться на плаву. Довольно агрессивные нападки «Нового времени» на большевистскую партию и политику, продолжавшиеся с марта 1917 года, привели к тому, что газета к осени фактически уже не представляла реальной угрозы для большевиков в идеологическом смысле. Влиятельными же у промышленной группы оставались «Утро», «Раннее Утро», «Русские ведомости». К буржуазному лагерю принадлежали и дешевые развлекательные, сенсационные, бульварные издания: «Копейка», «Маленькая газета», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Вечерняя почта» и другие.

Особняком стояло высокотиражное, влиятельное «Русское слова», выходившее еще с 1895-го года. Его редактор В. Дорошевич после Февраля потребовал от сотрудников газеты не сбиваться ни влево, ни вправо, т. е. не становиться на сторону ни Временного правительства, ни Советов. Однако между лозунгом и реальностью, как часто случается, возникают противоречия. В конце марта в редакции создан Особый комитет, который руководил газетой. Комитет объявил «Русское слово» беспартийным изданием, разрешающим себе поддерживать все социалистические партии. Но при этом

газета стояла на защите частной собственности, считая Временное правительство гарантом ее, единственной законной властью. В передовицах, статьях и фельетонах В. Дорошевича, Тэффи, Б. Веселовского, Туган-Барановского давалась оценка происходящего в стране, предлагались пути выхода из ситуации, звучали призывы к консолидации сил России. Ожесточенной критике подвергалась политика большевиков, позиции Ленина.

Если «Русское слово» старалось по возможности сохранять спокойный тон публикаций, давать как бы только информацию, не комментируя ее, за что получила прозвище «фабрики новостей», то материалы «Русской воли» (официально она считалась Сытинской, а фактически принадлежала банкирам Блоху и Шакевичу) более эмоциональные и целенаправленные. Газета критиковала, с одной стороны, правительство, которое плохо справляется с ситуацией, а с другой — большевиков, из-за которых происходят все беды: называла их *«ослушниками народа и демократии», «изменниками народному делу», «врагами революции»*. По мнению издания, их необходимо *«остановить, во чтобы то ни стало»*, даже с применением силы: *«проявить власть»* и *«подчинить своей воле разбушевавшуюся мутную стихию»*.

«Русская воля» постоянно подчеркивала, что «сами по себе большевики не представляют серьезной силы», это «ничтожная кучка людей», которая по воле случая, из-за «обстановки» приобрела свое влияние на массы. Большевики обвинялись в связях с немцами, их деятельность по мнению газеты прежде всего направлена на отвлечение сил русского правительства от наступления на фронте. Экспрессивные высказывания характерны для многих статей «Русской воли» — происходящее оценивается как «злодеяние», «преступление», газета призывает читателей: *«Мужайтесь, граждане!», «Долой интернационал!»,* предупреждает — *«Родина в опасности!»*.

Журналисты издания считали, что необходимо объединение всех сил для спасения России, нужно *«остановить отступление, экономическую разруху, восстановить финансы государства»*. Резко отрицательную оценку на страницах газеты получило выступление Корнилова. В августе 1917 г. «Русская воля» писала: «Мы хорошо помним, что дал нашей Родине старый режим. Мы являемся непримиримыми врагами народного бесправия, национального угнетения, безответственной власти и такой политики, которая от души презирает интересы трудящихся масс и готова все тяготы взвались на их плечи для блага немногих избранных и привилегированных. С первого дня своего существования мы защищали интересы свободы и демократии. Мы верны им и теперь, и именно поэтому, пока не стало совершившимся фактом столкновение сынов родного народа с оружием в руках, пока есть

возможность, хотя бы минимальная, избежать кровопролития, мы взываем к использованию для этого всех возможных путей, во имя народного блага и хотя бы относительного социального мира».

В газете публиковались нападки Бурцева на Горького, подчеркивался деспотизм Исполнительного комитета по отношению к печати.

Среди партийной печати по-прежнему пользовалась влиянием в массах, особенно у интеллигенции, кадетская печать, хотя, как и сама партия, ее пресса заметно увядала. До Февраля кадеты изо всех сил старались спасти монархию, когда это им не удалось, на VII съезде провозгласили: «Россия должна быть демократической и парламентской республикой». Центральный печатный орган кадетов — газета «Речь», во главе которой стоял П. Милюков, после падения самодержавия практически не изменилась — в ней остались те же рубрики: «Известия за день», «По России», «Печать». Кроме этого, у партии имелись петроградская газета «Современное слово», московские «Русские ведомости», которые многое сделали для повышения популярности кадетов, появились новые газеты — «Власть народа», «Война и мир», вновь начал издаваться журнал «Вестник партии народной свободы». Всего в период Февраля – Октября кадеты располагали 40 изданиями, при этом на позициях кадетов стояла и некоторая часть непартийной периодики.

После Февраля легализовала свою деятельность партия эсеров, ставшая самой многочисленной из социалистический партий — к 1917 году в ее рядах состояло более полумиллиона человек. Она провозгласила себя защитницей крестьянства, но это скорее было декларацией, на практике эсеры ближе были к интеллигенции. Взамен старого рупора, «Революционной России», сыгравшей свою роль в революции 1905 года, в марте 1917 года ЦК эсеров приступил к выпуску в Петрограде ежедневной газеты «Дело народа». В ней участвовали А. Керенский, В. Чернов, А. Гоц, В. Зензинов и другие лидеры эсеровского движения. Тираж — более 300 тысяч экземпляров. Газета выходила, как и другие издания эсеров, под девизом — «В борьбе обретешь ты право свое!». Выражая официальную эсеровскую идеологию, издание поддерживало Временное правительство, не исключало возможности содружества с ним, стояло на позициях оборончества и ожесточенно полемизировало с большевиками. Один из лидеров партии В. Чернов считал, что большевизм ведет «к политическому самоубийству», политика его «безответственна», «обречена на бесплодие, на голое отрицание, на разрушение». В апреле 1917 года в Петрограде вышла еще одна эсеровская газета — «Воля народа». Она издавалась правыми эсерами, в числе сотрудников — Е. Брешко-Брешковская, В. Миролюбов, Б. Савинков. Политическая линия

газеты почти не отличалась от «Дела народа». Кроме этих газет, в Петрограде правоэсеровскими являлись «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», газеты «Свободная Россия», «Самоуправление». Партия левых эсеров, образовавшаяся в ноябре 17-го, издавала «Знамя труда» (под редакцией М. Натансона, М. Спиридоновой, Г. Камкова).

В Москве эсеры издавали газеты «Труд», «Земля и воля», «Народное слово», «Власть труда», «Социалист-революционер», всего около десяти газет. Среди них выделялась ежедневная газета «Солдат-гражданин», которую выпускал эсеро-меньшевистский Совет солдатских депутатов. Газета поднимала вопросы, волновавшие крестьян: о наделении их землей, о тяжелом положении народа и так далее. Эсеровские газеты выходили в Киеве («Воля народа»), в Вологде («Вольный голос Севера»), в Казани («Голос труда»), в Екатеринбурге («В народ»). В Баку, Тифлисе, Владивостоке выходили газеты с одинаковым названием «Знамя труда». Под влиянием эсеров находились «Известия» некоторых Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Значительное место в послефевральской журналистике занимали «Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Созданные как органы Советов различных уровней, они тесно смыкались с изданиями социалистических партий, тем более что редакции «Известий» в большинстве своем были укомплектованы сотрудниками различных политических убеждений. Так, «Известия» Петроградского, Архангельского, Минского и ряда других Советов находились в руках меньшевиков и эсеров, а в «Известиях» Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района участвовали большевики и меньшевики. Противоборство тенденций в социалистическом движении России выражали «Правда» и «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». «Известия» резко полемизировали с «Правдой», которая в свою очередь обвиняла редакцию «Известий» в предательстве интересов революции. В августе 1917 года после образования Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов (ЦИК) «Известия» становятся органом ЦИК и переходят в руки большевиков.

Полемика в социалистической журналистике, развернувшаяся вокруг «Апрельских тезисов» Ленина и отношения к Временному правительству, достигла своей высшей точки в период июльских событий 1917 года, когда представители меньшевиков и эсеров, вошедшие в состав коалиционного Временного правительства, выступили против организации политической демонстрации 3–4 июля. В дни корниловского мятежа противоречия между социалистическими партиями и их печатью проявились с новой силой.

Действия Временного правительства, вставшего на путь установления жесткой власти, подавления демократических свобод, заметно поколебали доверие масс. Именно большевики подняли народ на борьбу с корниловщиной, выступили как защитники завоеваний революции — в то время как остальные партии заняли выжидательную позицию. В это время доверие к большевикам укрепилось в массах.

После июльских событий в социалистической журналистике проявились некоторые тенденции к объединению усилий против проявлений контрреволюции и наступления на демократию. В 1917 году в Москве выходил «Бюллетень социалистической печати», который совместно издавался редакциями газет «Известия Советов рабочих депутатов» (меньшевистский орган), «Солдат-гражданин» (эсеро-меньшевистская газета), «Труд» (эсеровский орган), «Вперед» (меньшевистское издание), «Социал-демократ» (большевистская газета). Главным назначением «Бюллетеня» было объединение усилий в борьбе с корниловским мятежом, освещение хода его ликвидации. В публикациях «Бюллетеня» нашли отражение и противоречия внутри социалистического лагеря, высказывалось критическое мнение эсеров и меньшевиков о политике, проводимой большевиками по отношению к Временному правительству.

Самыми тиражными в 1917 году были: «Русское слово» — свыше 1 млн экземпляров. «Биржевые ведомости» 120 тысяч экземпляров, «Петербургский листок» — 80 тысяч, «Новое время» — 60 тысяч, «Русские ведомости» — 50 тысяч, «Речь» — 40 тысяч экземпляров.

Совокупный тираж большевистских изданий в июле 1917 года составлял всего 320 тысяч. Издания же меньшевиков и эсеров имели совсем незначительные тиражи — например, центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» выходил в количестве 10–12 тысяч экземпляров. Общее число периодических изданий в 1917 г. превысило 4 тысячи.

Если практически вся русская легальная пресса считала Февраль высшим достижением в борьбе за демократию и республику, то после Октября большинство буржуазных общественно-политических органов прессы оказались в антибольшевистском, антисоветском лагере. Ситуацией, сложившейся после победы Февральской революции, воспользовались все социалистические партии, которые получили возможность легально работать. Поэтому вторая тенденция была связана с меньшевиками, эсерами и анархистами. Они призывали к сотрудничеству с Временным правительством, выражали недоверие большевикам и протестовали против установления диктатуры пролетариата.

Третью тенденцию выражала большевистская пресса. Она отстаивала идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, критиковала социалистические партии за их несогласие с большевиками, обвиняла меньшевиков и эсеров в примиренчестве, соглашательстве с Временным правительством.

С точки зрения большевиков, Февральская революция разрешила только ближайшую задачу партии — свержение царизма. Это была далеко не полная победа пролетариата. Было создано Временное правительство, но рядом с ним существовали Советы рабочих и солдатских депутатов. В стране создалось двоевластие. Меньшевики и эсеры захватили руководство в Советах, пытались превратить их в придаток Временного правительства.

Таким образом, после Февральской революции перед большевиками встала задача добиться перехода всей власти к Советам, завоевать в них большинство. Победа Февральской революции, разъясняла большевистская печать (а она была внушительной, возобновили свою работу в Петрограде издательства «Жизнь и знание», «Прибой», были созданы издательства «Волна» (Москва), «Голос социал-демократа» (Киев), «Пролетарий» (Харьков), «Звезда» (Екатеринослав), «Донецкий пролетарий» (Луганск) и другие), представляет собой начало нового исторического периода — перехода власти от «первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

Приехав из Швейцарии 3 (16) апреля 1917 года и, как писали «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (№ 32), восторженно встреченный в Петрограде, Ленин сразу же взялся за продолжение революции и прежде всего вошел в руководство редакции «Правды», раскритиковал позицию газеты, возложив вину на Каменева как более авторитетного и теоретически подкованного партийца. На заседании большевистского ЦК Сталин присоединился к критике Каменева и в ответ на удивленное замечание последнего, что «мы, кажется, вместе работали», заявил, что, дескать, сила в том, чтобы вовремя исправлять ошибки, а благородство — в том, чтобы не тыкать ими тем, кто их допустил.

Газета берет курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, провозглашенную Лениным, и начинает мощную пропагандистско-агитационную кампанию. 7 (20) апреля «Правда» опубликовала его Апрельские тезисы.

Апрельские тезисы, как и в целом программа большевиков, подвергались жесткой критике на страницах «Речи», «Русской воли», «Дела народа», «Единства», «Биржевых ведомостей», «Русского слова», «Утра», других проправительственных изданий. «Большевизм есть проповедь насильственного, захватного осуществления максимальных требований меньшинства, проповедь диктатуры меньшинства над большинством.

...Класс не может быть признан выше нации, как бы этот класс ни назывался: буржуазией или пролетариатом... Торжество большевизма представило бы большую опасность для дела только что народившейся свободы», — писали «Биржевые ведомости» (№ 69).

Кроме того, газеты намекали на шпионаж Ленина в пользу Германии, поскольку он смог появиться в России, проехав по территории Германии в опломбированном вагоне. «Правда» полемизировала с этими изданиями, защищала Ленина от нападок. Газета подробно освещала ход апрельской конференции большевиков, состоявшейся 24 в Петрограде, публиковала отчеты о заседаниях, резолюции, которые не только давали читателям представление о содержании докладов и прений, о положении на местах, а и являлись руководством к действию, указывала пути и способы борьбы за единовластие Советов. Знакомство с газетной периодикой весны и лета 1917 года не оставляет сомнений в том, что все более непримиримыми становились издания большевиков и других социалистических партий. Уже в первом номере возобновившей выход «Правды», как отмечалось выше, содержится требование к Советам и другим демократическим силам не оказывать никакой поддержки Временному правительству, которое продолжает вести войну, не решает назревших социальных проблем.

Ленин, войдя в руководство «Правды» до июльских событий, сам редактировал все ее номера, выступал с руководящими статьями, острыми памфлетами, обзорами и заметками. Статьи вождя большевиков появлялись почти в каждом номере. Он разоблачал действия Временного правительства, давал оценку сложившейся в стране политической ситуации, определял стратегию и тактику партии большевиков в новых исторических условиях. Его выступления указывали пошаговый путь движения к намеченной цели, эмоционально заряжали массы. Будучи непримиримым к инакомыслию, Ленин опубликовал в «Правде» несколько статей, отражавших его резко отрицательное отношение к действиям меньшевиков и эсеров и выступлениям их газет. В апреле 1917 года появились его статьи «Один из коренных вопросов», «Церетели и классовая борьба», ряд других, в которых констатировалось, что политика эсеров и меньшевиков представляет собой

политику прислужничества буржуазии. Плеханова и его сторонников называл «социал-шовинистами», обвиняя в отступничестве от идей революции и смыкании с кадетами. Всего по разным вопросам Ленин опубликовал в апреле – октябре в «Правде» более 150 материалов. В штате газеты состояло всего 7 человек, но газета имела разветвленную сеть нештатных авторов. Плодотворно работали здесь Крупская, Ольминский, Еремеев, Бедный и другие.

...Листаем «Правду» тех дней. Апрель. Май. Июнь. Начало июля... Пожелтевшие страницы воспроизводят бурное революционное кипение в России. Первый Всероссийский съезд Советов. Массовая 500-тысячная демонстрация 13 июня (1 июля) с большевистскими лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Пора кончать войну!». Гневный всенародный протест против начатого Временным правительством и вскоре провалившегося наступления на фронте. 3 (18) июля в Петрограде начались демонстрации, принявшие грандиозный размах. Большевики, хотя первоначально противились, тем не менее, возглавили их. Временное правительство двинуло против демонстрантов отряды преданных ему офицеров и юнкеров. Полилась кровь.

5 (18) июля в очередном номере «Правды» содержался рассказ об июльских событиях в Петрограде. Не успели печатники отпечатать тираж, как в помещение типографии ворвался отряд юнкеров. Редакцию разгромили, арестовали сотрудников. Но «Правда» не была побеждена. На следующий день большевикам удалось выпустить двух страничный «Листок „Правды“»: обращение ЦК РСДРП(б), статьи, написанные Лениным, разоблачали заговор контрреволюционных сил и в то же время призывали к спокойствию и выдержке.

В тот же день Временное правительство закрывает газету. 23 июля (5 августа) функции ЦО партии выполняет преемник «Правды» — «Рабочий и солдат». Выпущено 16 номеров. Газета закрыта 10 (23) августа. 13 (26) августа появился «Пролетарий» (свет увидело 10 номеров). 25 августа (7 сентября) начал издаваться «Рабочий» (12 номеров), запрещен 2 (15) сентября. На следующий день появился «Рабочий путь». Издано 46 номеров. Газета публикует ленинские статьи «О компромиссах», «Русская революция и гражданская война», «О героях подлога», «Задачи революции», «Кризис назрел», «Письмо к товарищам».

Каждая статья, напечатанная в этих изданиях, — своего рода указания революционерам, что конкретно нужно делать в данный момент. Газеты вселяли в среду рабочего класса и трудового крестьянства, революционно-

настроенных солдат и матросов уверенность в том, что в решающей схватке с буржуазным Временным правительством победа будет за ними. И добились своего в Октябре 17-го, одержав победу не только над Временным правительством, но и над меньшевиками, которые были наиболее ярыми противниками большевиков внутри рабочего движения. Более подробно о роли «Правды» в подготовке Октября я писал в монографии «Власть и журналистика»[44].

В начале марта 1917 года меньшевики также развернули активную издательскую деятельность: в центре и на местах выпускали около 60 газет и журналов. 7 марта в Петрограде вышла «Рабочая газета», представлявшая взгляды меньшевиков и ставшая рупором их лидеров: П. Аксельрода, Ф. Дана, В. Засулич, А. Потресова и других. Позже «Рабочая газета» стала Центральным органом меньшевиков, одной из первых начала полемику с апрельскими тезисами Ленина, утверждая, что социалистическая революция невозможна в стране, где пролетариат не составляет большинства населения.

В Февральскую революцию, замечает Р. Овсепян, меньшевики вступили заметно разобщенными. «Рабочая газета» отражала взгляды лишь одной партийной группы. Небольшая группа меньшевиков-оборонцев во главе с Плехановым стояли на правом фланге меньшевизма: эта группа получила название «Единство» и издавала газету под таким же названием. В редакцию газеты «Единство» входили Плеханов, Г. Алексинский, Л. Дейч и другие известные меньшевистские деятели. Газета выступала за поддержку Временного правительства, за союз с буржуазией, настаивала на установлении в стране «твердой власти». В газетах «Единство» и «Наше единство» были опубликованы статьи Плеханова, объединенные затем в цикл «Год на родине», — в нем Плеханов утверждал, что пролетариат и крестьянство не готовы к управлению государством, а потому не должны брать власть.

В апреле 1917 года появилось издание еще одной группы — сторонников Мартова и меньшевиков-интернационалистов. К ним примкнули писатели, сотрудничавшие в журнале «Летопись». В этой газете, получившей названием «Новая жизнь», участвовали М. Горький, Н. Суханов, В. Базаров и другие. После июльских событий у меньшевиков появились журналы «Рабочая мысль» (Петроград), «Мысль» (Астрахань) и другие. В Москве выходили бюллетени московского комитета Всероссийской организации «Единство», которые носили название «Освобождение труда».

[44] *Черняк А. В.* Власть и журналистика. — М., 2015.

Февральская революция несколько объединила устремления большей части социалистических партий России, побудила их к совместным действиям за утверждение демократического строя. В социалистической журналистике после июльских событий 1917 г. проявились и некоторые новые тенденции, связанные с объединением усилий против реальных проявлений контрреволюции, против актов, которые могли повлечь наступление на демократию. Так, в 1917 г. в Москве стал выходить «Бюллетень социалистической печати». Издавался он совместно редакциями газет «Известия Советов рабочих депутатов» (меньшевистский орган), «Солдат-гражданин» (эсеро-меньшевистская газета), «Труд» (эсеровский орган), «Вперед» (меньшевистское издание), «Социал-демократ» (большевистская газета). Главное назначение «Бюллетеня» — объединение усилий в борьбе с корниловским мятежом, освещение хода его ликвидации. В выступлениях «Бюллетеня» находили отражение и противоречия внутри социалистического движения, высказывалось критическое мнение эсеров и меньшевиков к политике, проводимой большевиками по отношению к Временному правительству.

Подтверждением тезиса о попытке объединить силы социалистов может служить и «Забайкальский рабочий», возобновившей выход в марте 17-го в Чите. В течение всего периода до Октябрьской революции и нескольких месяцев после ее свершения — до начала 1918 года — в состав редакции входили эсеры, меньшевики, кадеты, а также большевики. Вначале газета издавалась Комитетом объединенных организаций РСДРП. После выхода большевиков из редакции газета призывала к поиску путей согласия между всеми представителями социалистических партий. В августе 17-го «Забайкальский рабочий» перешел в руки «интернационалистов» и продолжал активно выступать против нежелания большевиков считаться с мнением других социалистических партий в вопросах революционной стратегии и тактики.

Более 30 газет и журналов выпускали и анархисты-коммунисты и анархисты-синдикалисты. Первым их изданием явилась газета «Хлеб и воля», выходившая в Женеве в годы первой русской революции, в 1917 году — в Харькове. В Москве издавались в 17-м «Анархия», «Голос труда», в Киеве — «Свобода внутри нас», в Кронштате — «Вольный Кронштат», в Петрограде — журнал «Коммуна». После июльских событий его закрыли, но, сменив название на «Свободную коммуну», он уже в сентябре продолжил выход. Вызывала интерес газета «Буревестник». Редакция ее несколько раз менялась, что, конечно, неблагоприятно отразилось на ведении дела. Первым редактором «Буревестника» был Гордин, но рабочие скоро стали недовольны несколько странными и малопонятными его статьями. Редакция была

переизбрана, и во главе ее стал писатель Ге. Кого интересует данная проблема, отправляю к книге А. Г. Менделеева «Печать русских анархистов».

Анализируя печать после Февральской революции, нельзя не заметить противоборства двух тенденций в социалистическом движении России. Его выражали «Правда» и «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». «Известия» резко полемизировали с «Правдой», которая в свою очередь обвиняла редакцию «Известий» в предательстве интересов революции. В августе 1917 года после образования ЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов «Известия» становятся органом ЦИК и переходят в руки большевиков.

Газетная полемика — распространенное явление в периодике того времени, она касалась как различных взглядов партий на дальнейшее развитие России, так и внутрипартийных дискуссий. Ленин писал в своих статьях о грядущей пролетарской революции, которая должна установить власть диктатуры пролетариата, что рабочие и крестьяне будут управлять государством. Плеханов, другие социалисты возражали, утверждая, что рабочие и крестьяне в силу разных причин, в том числе из-за неподготовленности и необразованности, еще не готовы к такой миссии. Во многом созвучны с утверждениями Плеханова и рассуждения М. Горького в серии статей «Несвоевременные мысли» в газете «Новая жизнь» в апреле 1917 г. Статьи-размышления Горького представляют собой своеобразную летопись революции: от Февраля к Октябрю. В «Несвоевременных мыслях» утверждалось, что в современных условиях России социалистическая революция преждевременна, гибельна для рабочего класса и передовой интеллигенции. Горький не соглашался с теми, кто путь к возрождению видел в перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. В этом споре его главный оппонент — В. Ленин. Предметом полемики между большевистскими и другими изданиями были практически все важные политические проблемы: отношение к Временному правительству, к вхождению в него; отношение к Советам («Вся власть Советам!», «Никакой власти Советам!»); отношение к выборам в Учредительное собрание и многое другое.

Современные исследователи (А. А. Антонов-Овсеенко, например) отмечают, что в 1917 году понятия свободы политической деятельности прямо отождествлялись со свободой печатного слова. В целом большинство политических, партийных газет в Петрограде в 1917 году оказывались не столько органом издающей их партии, не только трибуной для пропаганды и агитации, сколько своего рода олицетворением той или иной партии. Можно

сказать, что политическая борьба шла не между партиями, а между соперничающими друг с другом газетами. Возникновение нового, свободного качества российской печати в 1917 г. стало возможным только с появлением условий для формирования нового российского гражданского общества: реальная многопартийность, свобода слова обеспечивала представительство интересов различных социальных слоев населения, от малочисленного слоя крупной буржуазии до широких пролетарских и крестьянских слоев (в отличие от периода до Февральской революции, когда политическая конкуренция имела место на узком поле проправительственных партий и их изданий).

Политические споры велись не только о власти, управлении страной, но и о нравственных ценностях. Наглядно это демонстрируют многочисленные примеры из современных исследований проблем печати рассматриваемого периода. Например, в работе И. Ждановой отмечено, что Н. Бердяев, обличая радикальных социалистов в журнале «Русская свобода», обвинял их в «буржуазности», имея в виду, кроме борьбы за материальные блага, также «пошлость» и «хамство», которые вносятся в общественную и культурную жизнь массами. Социалистическая пресса в свою очередь постоянно обличала «буржуазное» корыстолюбие и стяжание. Демократический идеал социалистов тоже строился на альтруизме. Например, в «Новой жизни» в библиографическом отделе одна из брошюр называлась «вредной» на том основании, что в ней описание демократии содержало «мещанский призыв к обогащению, к труду, порядку». Таким образом, «социалистическая пресса обвиняла в „корыстном“ преследовании своих интересов „буржуазию“. Либеральная пресса обвиняла в „корыстном“ следовании своим интересам рабочих»[45].

За истекшие месяцы после Февраля провозглашенные свободы благотворно повлияли на периодику, журналистика в целом получила мощный импульс для развития. Но возникает вопрос: почему в равных общественно-политических условиях эффективней сработала большевистская печать, превзошел соперников рупор большевиков, которые и пришли к власти? И при этом большевистская печать уступала по количеству изданий и Временному правительству, и другим партиям (в сентябре – октябре большевики имели 76 газет, меньшевики, эсеры, кадеты и анархисты более 100, столько же и Временное правительство, поддерживающая его буржуазия). Суммарный тираж ежедневных газет, принадлежащих правительству и защищавшим его банковским, монархистским, промышленным и помещичьим груп-

[45] См. подр. Февральская революция 1917 г. и новое качество российской печати. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mediascope.ru/node/1090 (дата обращения: 20.04.2020).

пировкам, партиям, противодействующих большевикам, превышал 6 млн экземпляров (тираж одного «Русского слова» свыше 1 млн), а вся большевистская печать еле дотягивала до 3 млн. Авторитет большевистской прессы, разрастался как степной пожар вместе с ростом авторитета РСДРП(б). И это при том, что большинство газет вели яростную пропаганду против большевиков. Вот, к примеру, как писали вроде бы независимые «Петроградские ведомости» о большевистской газете «Окопная правда»: «Все нумера этой глупой, провокационной газеты тупо повторяют одни и те же басни и приевшуюся всем большевистскую ложь, очень удобную для немцев и опасную для России. Весь характер „Окопной правды“ таков, как будто она составлена в Берлине». И еще из той же газеты. «Наш большевизм странно соединил в себе дикие, анархические инстинкты с грубой беззастенчивой ложью и прикрыл её иезуитской моралью»[46].

И как же в такой ситуации пресса большевиков смогла донести до сознания самых широких масс свои идеи и лозунги? На этот вопрос в свое время ответил Л. Троцкий. Он говорил, что разгадка очень проста: лозунги, которые отвечают острой потребности класса и эпохи, создают себе тысячи каналов. Накаленная революционная среда отличается высокой идеепроводностью. Большевистские газеты читались вслух, зачитывались до дыр, важнейшие статьи заучивались, пересказывались, переписывались, а где возможно, перепечатывались. Сослужила большую службу делу революции большевистские типографии, в которых перепечатывалась масса отдельных статей из «Правды» и мелких брошюр, очень близких и доступных солдатам! И все это быстро отправлялось на фронт при помощи летучей почты, самокатчиков и мотоциклистов.

Одновременно буржуазная печать, бесплатно доставлявшаяся на фронт в миллионах экземпляров, не находила читателя. Тяжелые тюки оставались нераспакованными. Бойкот «патриотической» печати принимал нередко демонстративные формы. Представители 18-й Сибирской дивизии постановили призвать буржуазные партии прекратить присылку литературы, так как она «бесплодно уходит на кипячение котелков с чаем». Совсем иное применение имела большевистская пресса. Оттого коэффициент ее полезного или, если угодно, вредного действия был неизмеримо выше.

Обычное объяснение успехов большевизма сводится к ссылке на «простоту» его лозунгов, шедших навстречу желаниям масс. В этом есть часть правды. Целостность политики большевиков определялась тем, что в про-

[46] Петроградские ведомости. 5 мая 1917 г.

тивоположность «демократическим» партиям они были свободны от невысказанных или полувысказанных заповедей, сводящихся в последнем счете к ограждению частной собственности. Однако одно это различие не исчерпывает вопроса. Если справа от большевиков стояла «демократия», то слева пытались оттеснить их то анархисты, то максималисты, то левые эсеры. Однако же все эти группы не вышли из состояния бессилия. Отличие большевизма состояло в том, что субъективную цель — защиту интересов народных масс — он подчинил законам революции как объективно обусловленного процесса. Научное вскрытие этих законов, прежде всего тех, которые управляют движением народных масс, составляло основу большевистской стратегии. В своей борьбе трудящиеся руководствуются не только своими потребностями, но и своим жизненным опытом. Большевизму было абсолютно чуждо аристократическое презрение к самостоятельному опыту масс. Наоборот, большевики из него исходили и на нем строили. В этом было одно из их великих преимуществ. Революции всегда многословны, и от этого закона не ушли и большевики. Но в то время как агитация меньшевиков и эсеров имела рассеянный, противоречивый, чаще всего уклончивый характер, агитация большевиков отличалась продуманностью и сосредоточенностью. Соглашатели отбалтывались от трудностей, большевики шли им навстречу. Постоянный анализ обстановки, проверка лозунгов на фактах, серьезное отношение к противнику, даже малосерьезному, придавали особую силу и убедительность большевистской агитации.

Печать партии не преувеличивала успехов, не искажала соотношения сил, не пыталась брать криком. Школа Ленина была школой революционного реализма. Данные большевистской печати за 1917 год оказываются в свете документов эпохи и исторической критики неизмеримо более правдивыми, чем данные всех остальных газет.

Люди разочаровались во Временном правительстве, как и в других политических партиях, их печатных органах, которые занимались словословием и болтологией. Большевистская же печать предлагала и настойчиво пропагандировала простые и понятные людям лозунги: «Заводы и фабрики рабочим!», «Землю крестьянам!», «Мир народам!». Пресса стала властителем дум и чаяний народа потому, что авторы брали ответственность не только дать ответы на вызовы времени, но и конкретно указывали, что нужно делать сегодня, завтра и как делать. Популярность большевистской прессы среди самых широких масс, индекс цитируемости ее материалов в обзорах печати других изданий во многом был связан со степенью ее поддержки людьми, с влиятельностью той политической линии, которая проводилась газетами.

Это можно проиллюстрировать на примере «Правды», «Рабочего пути». В восьмом номере «Правды» появилась статья «О Советах Рабочих и Солдатских Депутатов». В ней ставилась задача дальнейшего развития революции, указывалась необходимость крепить союз рабочих и крестьян. «Органами этого союза, — писала газета, — и являются Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. — И чем теснее сплочены эти Советы, чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа, тем реальнее гарантии против контрреволюции.

Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы».

В тридцать девятом номере «Правды», в статье «Уроки кризиса», говорится: «Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения отсталых... Лозунг дня: разъясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны. Стройтесь крепче, шире, повсеместно в пролетарские ряды и колонны! Сплачивайтесь вокруг своих Советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство!».

В статьях «Землю — крестьянам» и «Съезд крестьянских депутатов» «Правда» звала крестьян организоваться в Советы и по-революционному решать вопросы земли и государственного управления. Накануне июньской демонстрации «Правда» звала на улицу рабочих и солдат. «Приложите все усилия к тому, чтобы наши требования громко прозвучали на всю страну. Нам нужна не просто прогулка. Нам нужен смотр сил. Нам нужна демонстрация, которая помогала бы практическому проведению наших требований в жизнь. Берите дело в собственные руки»[47].

Из номера в номер «Правда» организовывала и направляла силы революции. Рабочие заводов, солдаты воинских частей, Советы разных городов, затем и съезды Советов переходили на сторону большевиков. Страницы газеты заполнены яркими документами, рисующими этот переход. Создавались ревкомы, организовывались отряды Красной гвардии, вооружались рабочие, приводились в боевую готовность большевистские полки и флот. Разоблачались махинации меньшевиков, кадетов и эсеров, которые стремились закрепить в России строй буржуазного парламентаризма. В канун Октября «Рабочий путь» предлагал: «Нужно нынешнее самозванное прави-

[47] Правда. № 84.

тельство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями.

Нужно правительство Кишкина-Коновалова заменить правительством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь. Таким и только таким путем могут быть завоеваны мир, хлеб, земля, свобода».

7 ноября (25 октября) сорок пятый номер газеты «Рабочий путь» вышел под лозунгом «Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян!». Передовая газеты звала в бой за власть Советов — *«Станем все, как один человек, за свободу, мир, хлеб и землю!»*.

В целом для русской журналистики начала XX века характерно увеличение типологического разнообразия изданий, политического самоопределения печати и осознания своеобразия цели и задач журналистики как особой сферы деятельности. Данный период имеет и свои особенности: это капитализация издательского дела, ведение периодики как предприятия, способствовавшее формированию профессиональной журналистики, на первый план впервые выходят газеты, которые обращаются к самым разным слоям общества, идут процессы дифференциации литературной и публицистической деятельности, на страницах газет развиваются и ранее появившиеся жанры, отличающиеся от «литературной журналистики» XIX века, — репортажи с места событий, интервью. Деление периодики на общественно-политическую и бульварную — также явление начала XX века.

Таким образом, журналистика начала XX века чутко реагировала на происходящие в российском обществе события, изменяясь в соответствии с запросами читательской аудитории и потребностями властных структур. Анализ показывает, что большевистская печать стала главной трибуной для обсуждения актуальных вопросов русской жизни, усилила свое воздействие на самые широкие народные массы, стала играть важнейшую роль в формировании общественного мнения. Результат этого — Февральская и Октябрьские революции[48].

Подавляющее большинство русских газет и журналов с восторгом приняли Февральскую революцию. Только большевистская пресса находилась по отношению к новой власти в жесткой, непримиримой оппозиции. Она призывала солдат, рабочих, крестьян к борьбе с Временным правительст-

[48] История новейшей отечественной журналистики (Февраль 1917 – начало 90-х годов) / учебное пособие. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hi-edu.ru/e-books/xbook723/01/part-002.htm (дата обращения: 03.05.2020).

вом, требовала передачи всей власти Советам. Активная антивоенная агитация большевиков имела большой успех в армии, солдаты отказывались идти в бой, подчиняться офицерам. Период с февраля по октябрь 17-го насыщен большими историческими событиями. Они влияли как на судьбу страны, так и на развитие отечественной журналистики.

ЛЕБЕДЬ, РАК, ДА ЩУКА

Сегодня немало инсинуаций по поводу Октябрьской революции. Иные историки пытаются опровергнуть все то, что ранее писалось в выпущенных при советской власти книгах, исследованиях. Предлагаем читателям проследить основные этапы ее развития по публикациям прессы.

Не успели отцвести цветы и листья опасть, как широкие массы стали разочаровываться в Февральской революции. Это разочарование, как отмечали газеты в те дни, прежде всего шло от ухудшения экономического положения в стране. Быстро обесценивались деньги, с обострением товарного дефицита увеличивался разрыв между заработной платой и возрастающей стоимостью жизни. Нехватка сырья из-за развала транспорта вынуждала владельцев сокращать производство, что повлекло рост безработицы. Расцвел махровым цветом криминал. Нерешенным оставался национальный вопрос. Бурлила Финляндия, Польша...

Не принесла радости революция и людям в солдатских шинелях, хотя на первых порах они отстранили ненавистных офицеров, приветствовали демократические порядки — выборы командиров и комитетов с широкими, но неопределенными полномочиями. Солдатские массы ждали окончания войны, быстрейшего возвращения домой. Словом, у народа день ото дня нарастало недовольство Временным правительством во главе с кн. Львовым, которое воспринималось как орган имущих классов, пренебрегавший интересами простых людей.

Уже в апреле произошел и первый серьезный конфликт между Временным правительством и Исполкомом Петросовета как раз по вопросу о войне. Министр иностранных дел Милюков, сообщали газеты («Русская воля», «Речь», «Русское слово»), подготовил для союзников ноту, в которой заверял их, что Россия будет вести войну до победного конца. Петросовет, писали «Известия», осудил эту ноту, принял резолюцию, где говорилось, что революционная демократия не допустит лить кровь народа ради завоевательских целей, война будет вестись только до подписания мира без аннексий и контрибуции. Большевики вывели на улицы рабочих. Коман-

дующий Петроградским военным округом генерал Корнилов, прибыв на заседание Временного правительства, заявил о своей готовности разогнать «мятежников». Министры уговорили его не прибегать к силе.

«Речь» напечатала воззвание в поддержку Милюкова, призвав людей выйти на улицу для его поддержки. Призыв этот услышали офицеры, студенты, чиновники, т. е. электорат партии Народной Свободы. «Речь» сообщала: *«Они несли лозунги „Да здравствует Милюков“, „Долой Ленина...“»*. 20 апреля две колонны манифестантов (за Милюкова и за Ленина) столкнулись на Невском, и лишь благодаря усилиям Исполкома Петросовета удалось избежать, казалось бы, неминуемого кровопролития.

На 21 апреля большевики наметили свою демонстрацию. Как отмечают некоторые историки (Е. Сикорский, например), видимо, готовилась акция по свержению Временного правительства вооруженным путем, хотя подтверждения этому в документах руководящих органов РСДРП(б) нет. Да и большевики еще не были силой, и взять власть они едва ли смогли бы. Демонстрация состоялась, хотя не столь грандиозная, как предполагалось. Опять же произошло столкновение двух процессий, одни скандировали: *«Да здравствует Временное правительство!»,* другие — *«Долой Временное правительство!»*. На этот раз раздались и выстрелы... Погибло три человека. Исполкому Петросовета удалось уладить конфликт, принять решение о запрете всех демонстраций на 48 часов и без зова Исполкома на улицы с оружием не выходить.

Между Временным правительством и Исполкомом Петросовета наметились серьезные разногласия по отношению к войне и о распоряжении военной силой государства (выход войск на улицу только с разрешения Исполкома). На совместном заседании Исполкома Петросовета и Временного правительства 21 апреля кн. Львов попытался выяснить отношение членов Исполкома к кабинету министров. Получив ответ Исполкома, что в принципе кабинет министров устраивает его, кн. Львов высказал мысль о создании коалиционного правительства с приглашением социалистов. В штыки встретил это предложение военный министр Гучков, обвинив Временное правительство в неумении решать стоящие перед ним вопросы, посоветовал отчитаться перед народом о проделанной работе и всем кабинетом сложить полномочия. Коллеги не согласились с ним, и тогда Гучков ушел в отставку в гордом одиночестве, опубликовав 1-го мая в печати заявление. В беседе с сотрудником «Раннего Утра» (№ 97) он заявил: «Невозможно управлять армией и флотом, когда через вашу голову делаются распоряжения, совершенно противоположные тем, которые делаете вы...».

Вслед за Гучковым кабинет министров покинул и П. Милюков. Но не совсем по собственному желанию. Под нажимом общественности и Петросовета кн. Львов предложил ему вместо поста министра иностранных дел пост министра образования, на что Милюков не согласился.

5 мая 1917 года, сообщала печать[49], кн. Львов сформировал новый кабинет Временного правительства. Члены правительства теперь должны были нести ответственность и перед партиями, стало быть, менялся их статус, терялось и без того иллюзорное единовластие. Против коалиции особенно возражали кадеты и большевики, с диаметрально противоположных позиций: кадеты ратовали за признание за кабинетом единоначалия, большевики высказывали свое полное недоверие «временщикам».

Перетасовка не привела к заметным изменениям в правительственной политике, констатировала пресса. Кабинет министров разделился на либералов и умеренных социалистов. Либералы стремились оттянуть осуществление кардинальных реформ до созыва Учредительного собрания и занимались исключительно вопросами восстановления авторитета власти, укрепления армии и продолжения войны до победного конца. Умеренные социалисты, представлявшие Советы, старались удовлетворить требования масс о проведении реформ и надеялись возглавить переговоры о скорейшем окончании войны на основе отказа от аннексий и контрибуций. Поэтому сформированное в мае коалиционное правительство оказалось еще менее способным взяться за решение национальных проблем, чем его предшественники.

4–28 мая в Петрограде проходил I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. «Торжественно, пышно и даже величаво совершено его открытие 4-го мая, — писало „Русское слово“ (№ 101). — Были министры свои и иностранные, в лице французского гостя Альбера Тома. Были герои революции...». С фронта прибыло 558 делегатов, с мест — 609. Эсеры избрали 537 делегатов, большевики — 9. Естественно, ленинское предложение немедленно стать на позиции организованного захвата помещичьих земель и в целом ликвидации частной собственности на землю не получило одобрения. Съезд проголосовал за эсеровскую резолюцию, одобрявшую политику Временного правительства.

Выступивший на съезде 22 мая Ленин говорил: «...У нас с нашими противниками основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон... Помещичья собственность была и остается величай-

[49] Русское слово. — № 100.

шей несправедливостью. Бесплатное владение крестьянами этой землей, если владение это будет по большинству, не есть самоуправство, а есть восстановление права... И потому ни одной недели, ни одного часу ждать с устранением этой кабалы нельзя, но всякий захват должен быть захватом организованным, не в собственность, не в раздел, а только в общее пользование землей общенародной...»[50].

За предложение Ленина проголосовало 6 депутатов, предложения Временного правительства поддержало 800 делегатов.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Перетягивание «каната власти» продолжилось на I Всероссийском съезде Советов, который проходил 3–24 июня 1917 года. Он представлял 379 Советов, армию и флот. На нем первую скрипку играли социал-демократы меньшевики (248 мандатов, эсеры — 285 мандатов). У большевиков было лишь 105 мандатов. Еще около ста имели умеренные социалистические партии и кружки. 6 июня 543 делегата при 126 «против» и 52 воздержавшихся одобрили решение Исполнительного комитета принять участие во власти в коалиции с буржуазией. Большевики внесли свою резолюцию. В результате Съезд принял противоречивое решение: поддержать Временное правительство и создать «единый полномочный представительный орган всей организованной демократии России» из представителей съездов рабочих и крестьянских депутатов.

Но делегатам стало известно, что на съезд готовится нападение. Было обнаружено два штаба — один на даче Дурново, где заседали 123 анархиста, готовых поднять народ и выступить против Временного правительства, другой — в казармах Измайловского полка. Газета «Утро России» (№ 138) сообщала о захвате анархистами по очереди дачи Шувалова, помещения герцога Лейхтенбергского, редакции «Русской Воли». «Временщики» обвинили в этом большевиков, но те отмежевались от этих центров, более того — 10 июня «Правда» призвала трудящиеся массы на улицы не выходить. Таким образом, демонстрация была сорвана. Съезд объявил свою манифестацию на 18 июня, поставив в повестку дня созыв Учредительного собрания.

I съезд Советов вошел в историю еще и тем, что здесь большевики официально заявили, что готовы взять власть в свои руки. 3 июня с трибуны съезда лидер меньшевиков и министр Временного правительства Церетели,

[50] Правда. 23 мая 1917 года.

говоря о необходимости начать наступление революции, заявил, что кроме коалиционного правительства в России нет партии, способной стать у руля государства и навести порядок в стране.

И вдруг, словно выстрел, в зале прозвучало:

— *Есть!*

Это заявление сделал Ленин. Он же провозгласил основные программные требования своей партии: «Вся власть Советам!», «Хлеб трудящимся!», «Землю крестьянам!», «Мир народам!». От имени фракции большевиков съезду Советов предложил резолюцию, в которой большевики требовали перехода всей государственной власти в руки Советов, призывали покончить с войной без аннексии и контрибуции. Эсеры, меньшевики и кадеты, используя свое большинство, призывали Временное правительство отклонить требования большевиков о прекращении войны и передачи власти Советам. В ответ на это Керенский заявляет: *«То, что предлагает Ленин, — детский лепет»*[51].

ЦК и ПК РСДРП(б) призвали своих сторонников высказать недоверие «временщикам» и выйти 10 июня на демонстрацию. Съезд Советов запретил ее и с целью примирения социалистов, наметил общий митинг на 18 июня, для того чтобы почтить память жертв революции и возложить венки на их могилы. Однако большевики хотя и приняли в ночь с 9 на 10 июня постановление об отмене демонстрации, не сумели ее приостановить. Более миллиона человек вышло на улицы. Демонстрации прошли и в Москве, Киеве, Риге, Иваново-Вознесенске...

Новые власти потихоньку теснят социал-демократов. «Биржевые Ведомости» (№ 16285), «Русские Ведомости» (№ 132), сообщают о выселении ЦК большевиков из дома Кшесинской. «Русская воля» (№ 142) пишет: «Дворец балерины, построенный бывшим царем на народные деньги, должен быть признан народным достоянием, поэтому солдаты решили его балерине не возвращать. Во дворце утверждается клуб солдат петроградского гарнизона...».

Не происходит примирения и между социалистами. 18 июня партии социалистической ориентации оказались на противоположных полюсах: эсеры и меньшевики с Временным правительством, большевики и анархисты против него. В демонстрации участвовало свыше 400 тысяч человек.

Колонны шли под лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!», «Вся власть Советам!».

[51] Утро России. № 139.

Читаем прессу. «Правда». 20 июня 1917 года: «Ясный солнечный день. Бесконечная лента демонстрантов. Шествие идет к Марсовому полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен. Закрыты все предприятия и заведения. Движение приостановлено. Мимо могил демонстранты проходят с наклоненными знаменами. „Марсельезу“ и „Интернационал“ сменяют „Вы жертвою пали“. От возгласов в воздухе стоит гул. То и дело раздаются: „Долой десять министров-капиталистов!...“, „Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!“. В ответ со всех сторон несется громкое одобрительное „Ура!“...

Демонстрация 18 июня была демонстрацией чисто пролетарской, ибо главными ее участниками были рабочие и солдаты. Кадеты еще накануне 18 июня объявили демонстрации бойкот...

...Громадное большинство демонстрантов... выразило прямое недоверие политике соглашения с буржуазией — демонстрация прошла под лозунгами нашей партии. (РСДРП(б) — *Авт.*)».

Эти строки из статьи в «Правде» И. Сталина. Там же, в «Правде», напечатана и статья Ленина: «...18-е июня было первой политической демонстрацией действия, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы — разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше...».

Между тем ситуация в стране ухудшалась. Пресса с тревогой пишет о промышленной разрухе, которая идет «не по дням, а по часам („Новое Время“, № 14780, „Раннее Утро“ № 131), бьет тревогу по грядущему продовольственному кризису, сообщает о введении карточной системы, незаконном перераспределении земли в Пензенской губернии». «Московский листок» (№ 145) лелеет надежду на закон о хлебной монополии. «Утро России» (№ 140) информирует о решении коллектива Ростокинской красильно-аппретурной фабрики взять управление предприятием в свои руки.

На заводах и фабриках активизировалась борьба за рабочий контроль, в коем люди видели спасения предприятий от закрытия (в июне вновь остановилось более 330 заводов и фабрик), а значит, и спасение своих семей от голода. Они создавали свои организации — завкомы, фабкомы, вводили свои порядки: 8-часовой рабочий день, нанимали и увольняли персонал, создавали охрану (отряды Красной Гвардии), посылали своих людей в деревню не только за продуктами, но и вести агитацию. По 43 губерниям прокатились крестьянские волнения. Люди требовали решить земельный вопрос, захватывали участки самовольно.

Все партии, как и Временное правительство, боролись за усиление своего влияния в армии.

Керенский в первый же день после получения портфеля военного и морского министра издал грозный приказ:

«1) Отечество в опасности и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе, невзирая на все тяготы. Никаких просьб об отставке лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу;

2) самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок; (15 марта с. г. — *Авт.*);

3) нарушившие этот приказ подвергнуты будут наказанию по всей строгости закона»[52].

11 мая газеты публикуют приказ Керенского «О правах военнослужащих» и восстанавливает права офицеров подвергать подчиненных дисциплинарным взысканиям, включая использование силы в случаях нарушения субординации во время боевых действий на фронте.

Далеко не все в войсках одобрили этот приказ. Свое полное неудовольствие им выразил командующий Западным фронтом генерал Ромейко-Гурко. Осудил этот приказ вождь большевиков Ленин, опубликовав в «Правде» статью «Декларация о бесправии солдат». Кстати, влияние большевиков в армии росло.

В мае создан Центробалт — высший выборный орган революционных частей, который координировал работу флотских комитетов. В нем главенствовали анархисты и большевики. Центробалт фактически установили контроль над всем Балтийским флотом, без его санкции не имел силы ни один приказ Временного правительства. К лету 60 организаций большевиков вели работу в подразделениях на фронтах. К осени их направляла военная организация РСДРП(б) — «Военка».

Половинчатые меры Временного правительства никого не удовлетворяли. И в самом кабинете министров априори не могло быть и речи о единстве — каждый, как в басне Крылова, тянул воз на себя. Под давлением кадетских министров и Керенского 18 июня на фронте началось летнее наступление, которое на первых порах было успешным. «Речь» (№ 147) ликует, но вскоре вынуждена констатировать, что войска остановились.

Правительство кн. Львова все более и более теряло авторитет, отмечали СМИ. Боясь, что народ призовет к ответственности за фактически неподготовленное и потому потерпевшее крах наступление войск, инспирированное кадетами, 2 июля запросились в отставку А. Мануйлов, В. Шаховской,

[52] Вестник Временного правительства. 6 мая 1917 (19 мая). № 49.

А. Шингарев, В. Степанов. Правда, официально они мотивировали свой уход из правительства несогласием якобы с решением своих коллег Церетели и Терещенко, которые заключили без уполномочия Правительства о предоставлении автономии Украинской Раде. Комментируя кризис в своем правительстве, кн. Львов заявил: «Причиной кризиса является, собственно, не украинский вопрос, это не больше чем повод, причину же надо искать значительно глубже — в расхождении точек зрения социалистической и буржуазной...»[53].

В России снова запахло грозой, назревал взрыв...

КОНЕЦ ДВОЕВЛАСТИЯ

И взрыв произошел. 3 июля, сообщают «Петроградская газета» (№ 153), «Биржевые ведомости» (№ 16315), другие издания, на улицы с оружием в руках вышли солдаты Первого пулеметного полка с требованием свержения Временного правительства. Вскоре по зову пулеметчиков к ним присоединились подразделения Московского и Гренадерского, Павловского полков. К военным колоннам примкнуло около 20 тысяч путиловцев, рабочих других предприятий. С июля не работало более 300 000 человек. В столицу прибыло для участия в демонстрации 15 тысяч моряков из Кронштадта...

В советской историографии утверждалось, что большевики противились выводу людей на улицы 3-го июля. Накануне ЦК РСДРП(б) принял решение воздержаться от участия в демонстрации, мотивируя несвоевременностью момента. Действительно, 3 июля, во второй половине дня, ЦК проголосовал еще раз против участия в демонстрации. В Петрограде не было и Ленина, главного закаперщика продолжения революции — 29 июня он уехал в Финляндию отдохнуть и подлечиться и срочно вернулся 4-го июля, когда узнал, что демонстрация все-таки началась.

Некоторые историки после развала СССР (Е. Сикорский, например) утверждают, что события 3–4 июля — это попытка большевиков свергнуть Временное правительство с помощью силы, вооруженным восстанием. Зарубежные историки возражают, профессор Р. Пейн считает, что демонстрация 3–4 июля стихийная. «Это была неорганизованная толпа»[54]. Ему вторит коллега Р. Слассер: «Инициатива вооруженной демонстрации 3 июля исходила, судя по всему, от самих солдат, которых подстегивала нависшая

[53] Биржевые Ведомости, № 16315; Петроградская газета, № 153.
[54] *Р. Пейн*. Ленин. — С. 339.

над ними опасность переброски из столичного гарнизона на фронт для подкрепления терявшего силу наступления»[55]. И еще один американский профессор — А. Рабинович считает, что «июльское восстание было, конечно, прежде всего, мятежом гарнизона»[56]. И, думается, они правы. «Правда» (№ 98), «Известия» (№ 108) публикуют обращение к массам Бюро ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Бюро ВЦИК Совета крестьянских депутатов не выходить на улицы с оружием. И хотя все высказались против демонстрации, она все-таки состоялась.

Читаем прессу. «Правда» (№ 98), 2 июля 1917: «Первый революционный народный пулеметный полк устроил в воскресенье в народном доме митинг, который прошел с исключительным подъемом радости зреющего революционного движения... С особым подъемом сказал свою речь тов. Троцкий, указав, что, как в вертящейся воронке, в чаду, угаре, не может вырваться и тонет светлая русская революция в схватке этой войны.

Отданным приказом о наступлении открыта глава, окончание которой неизвестно...

...Речи перебивались несколько раз аплодисментами, доходившими до оваций, в особенности первым двум ораторам (Луначарскому и Троцкому — *Авт.*)».

«Новая жизнь», 4 июля 1917 г.: «Эти, бешено мчавшиеся по городу автомобили, нагруженные и перегруженные солдатами с винтовками, штыками, которые взъерошенной щетиной направлены были на ничего не понимающих людей... Эти пулеметы (по 3, по 5, по 6 штук на автомобиле), своими дулами направлены на обалдевших обывателей... Эти дрожащие пальцы на курках винтовок и затворов пулеметов. Эти вытянутые в пространство руки с револьверами... Этот бесшабашный и дикий свист с автомобилей...

В чем дело, в кого должны стрелять эти пулеметы и разве не могли они сами начать стрельбу, если дрожат от страха руки? И ночью стрельба была. Мы не знаем, кто ее начал, мы не знаем, сколько крови пролито в душную июльскую ночь на улицах Петрограда. Но мы знаем одно: эта кровь, если она пролита, пролита не в жертву разума и свободы, не в жертву великой революции».

«Рабочая газета» (меньшевистская), 4 июля 1917 года: «...В тот момент, когда началось наступление, когда гибнут тысячи людей, в некоторых частях на фронте темные, преступные личности, всякие проходимцы, освобожденные уголовные, бывшие городовые и жандармы, немецкие шпионы

[55] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. — М., 1989. — С. 160.
[56] *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. — С. 55.

и т. д. определенно призывают солдат не подчиняться боевым приказам... Они усиленно подстрекают несознательных солдат против Временного правительства, особенно министра Керенского, против всей революционной демократии...».

«Речь», 4 июля: «...Фактически страной распоряжается революционная демократия, когда центральная правительственная власть составляется по согласованию с Советом..., когда местное самоуправление уже в руках социалистического большинства, — всякое применение оружия может быть только на пользу притаившимся темным силам контрреволюции».

...В десять часов вечера к митинговавшей в Таврической колонне вышли представители Военной организации РСДРП(б) Подвойский и Невский, призывавшие солдат вернуться в казармы. Их освистали...

3 июля в Кронштадте побывали посыльные из Первого пулеметного полка с целью убедить моряков присоединиться к демонстрации. Прежде чем делегатам от пулеметчиков разрешили выступить на митинге перед моряками, по утверждению Раскольникова, он позвонил в большевистский штаб. Каменев его предупредил, что солдаты игнорируют решение ЦК и уже носятся вооруженные по улицам в автомобилях. Каменев повторил, что партия считает демонстрацию несвоевременной.

Однако в Кронштадте митинг уже наэлектризовался, Раскольникова не стали слушать. Но и он не сдался просто так — предложил создать комиссию для выяснения ситуации в Петрограде. Как член только что созданной комиссии снова позвонил в столицу. На этот раз услышал от Зиновьева, что большевики готовы поддержать демонстрацию как вооруженную, так и мирную. «Так брать ли оружие?» — спросил Раскольников. И по утверждению Д. Бедного, якобы Сталин ему ответил: «Это ваше дело. Мы же, журналисты всегда ходим с карандашами». (Сталин тогда работал в «Правде» — *Авт.*) Прибыв к дому Кшесинской с оружием, матросы пожелали встречи с Лениным. Он сначала отказывался выходить, пытаясь этим выразить свое согласие с демонстрацией, но все же уступил требованиям манифестантов. Направляясь на балкон, чтобы приветствовать моряков, по воспоминанию М. Кедрова, сердито проворчал, обращаясь к членам «Военки»: «Бить вас всех надо!»[57].

Ленин оказался в трудном положении. Отправить обратно в казармы моряков не мог, революционно настроенные моряки просто не поняли бы его. Призывать открыто к свержению Временного правительства тоже не мог — у него не было рычагов управления массами, да и события преды-

[57] *Кедров М.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — М., 1956. Т. 1. — С. 485.

дущего дня подтверждали, что ВРП еще пользуется небольшой поддержкой у части людей. В своей речи, кстати, последней до октябрьского публичного выступления, Ленин выразил уверенность, что лозунг «Вся власть Советам!» в конце концов восторжествует, и закончил призывом к морякам проявить стойкость и бдительность. Те оказались в растерянности — как, зачем вооруженной колонне, которая рвалась в бой, шествовать по городу и не свергать «временщиков»? Революционный запал их проходил, чертыхаясь, они шли к Таврическому.

Читаем прессу. «Биржевые ведомости» 4 июля: «Во втором часу дня с Васильевского острова стройными колоннами двинулась 100-тысячная манифестация, в состав которой входили рабочие, кронштадские моряки, вооруженные винтовками и бесконечной лентой тянулись солдаты. Громадную толпу сопровождали бронеавтомобили и автомобили с пулеметами, вооруженные солдатами.

Над морем голов колыхались красные знамена с надписями: „Долой Временное правительство!“, „Вся власть — Советам рабочих и депутатов!“. Кронштадцы несли черное знамя с девизом „Да здравствует коммуна“.

До двух часов дня манифестанты шли спокойно, направлялась к Таврическому дворцу. Первый выстрел раздался на углу Садовой улицы и Невского проспекта.

Полки безоружных рабочих и множество публики бросились в разные стороны, давя друг друга. Большинство бросились в подъезды, в частные коридоры, умоляя впустить их и спасти от шальной пули...

Через несколько минут порядок был восстановлен...

Драма разыгралась на углу Троицкой и Невского пр., около кофейни Филиппова. Вооруженные солдаты успели повернуть на Линейный проспект. Шествие замыкалось рабочими с кронштадскими моряками. В это время, совершенно неожиданно и неизвестно откуда, раздались несомненно провокаторские выстрелы. Замыкавшие шествие матросы повернули налево — кругом и открыли беспорядочную стрельбу, не зная, куда и в кого стреляют...

...Солдаты другого полка, шедшие по Невскому, вблизи Гостиного двора услышали пальбу и начали в свою очередь стрелять. Затем беспорядочная стрельба загремела по всему протяжению Невского проспекта. Что там творилось в это время, — описанию не поддается. Тысячи людей заметались в ужасе, бросаясь на землю, вставая, падая... Солдаты — манифестанты смешались с толпой.

...После 12 часов ночи стрельба на улицах прекратилась. Невский опустел, вооруженные автомобили исчезли...

У Таврического дворца идет митинг...

К 2 часам ночи к Дворцу пришли путиловцы и своей массой заняли всю площадь...».

Прибыв к Таврическому, моряки потребовали у министра юстиции Переверзева объяснения, почему арестованы их товарищ — матрос Железняков и его другие анархисты. Вышедший к ним Церетели заявил, что Переверзева здесь нет и что он уже подал в отставку (хотя тот пока этого не сделал). Сообщение несколько обескуражило митингующих, но они посчитали, что все министры ответственны друг за друга, и заговорили об аресте Церетели, но тот успел скрыться. Собравшихся попытался успокоить Чернов, но они, наоборот, разгорячились — требовали немедленно объявить, что земля переходит к крестьянам, а власть — к Советам! Когда же узнали, что Чернов, член ВЦИК Советов, схватили и потащили в автомобиль в качестве заложника, чтобы Советы взяли власть. Чем бы все закончилось, сказать трудно, но тут произошло нечто...

Читаем прессу. «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», № 109: «Освобождение В. М. Чернова состоялось следующим образом: Троцкий, случайно вышедший на улицу и заметивший арестованного Чернова, обратился к кронштадцам со словами: „Революционная гордость русской революции! Кто из вас за насилие?“ В ответ — молчание...

Троцкий взял за руку Чернова и проводил его в зал заседаний, где министра встретили шумными аплодисментами».

Обратите внимание — «случайно вышедший на улицу Троцкий» тут же успокоил разгоряченную толпу. Как помните, члены «Военки», большевики Невский и Подвойский были освистаны, председатель Петросовета меньшевик Церетели еле ноги унес, а Лев Давидович, словно маг, загипнотизировал скопище людей, просто-напросто, будто пригласил на танец, взял из рук разгоряченных матросов уже изрядно потрепанного своего единомышленника и спокойненько препроводил его в Таврический дворец. Чудеса, да и только! Впрочем, чудеса ли? Тот же Троцкий накануне проводил митинги в Первом пулеметном, Гренадерском, Московском полках. Судя по всему, он их вывел на улицы, и только ему они подчинялись. Вот и здесь у Таврического преобладали солдаты этих частей и кронштадтские матросы. Собравшиеся, не смея перечить, отпустили Чернова.

Небольшие вооруженные группы занимали все ключевые точки Петрограда — основные типографии, Финляндский и Николаевский вокзалы, Петропавловскую крепость. Был отрезан штаб Петроградского округа от места пребывания Временного правительства. Кульминационным пунктом

этого действа, подготовленного и шедшего в основном, судя по всему, под руководством Л. Троцкого (правда, он отказывается от своей руководящей роли). *«В „уроках Октября“ утверждает: „В июльском движении момент самочинного напора питерских масс играл решающую роль“»*[58]. Кульминацией должно было стать прибытие делегации 54 фабрик и заводов в Петросовет с предложением Совету взять власть в свои руки. Кто-то же это подготовил, ведь поднять коллективы 54 предприятий без координатора невозможно.

Но тут, как отмечала пресса, случилось непредвиденное — у Таврического прозвучал выстрел, солдаты и матросы схватились за винтовки и началась пальба наобум Лазаря. Толпа частью бросилась врассыпную от дворца, а часть ринулась во дворец, будто на штурм его. Чем бы дело кончилось, сказать трудно, не подойди 176 пехотный полк, вызванный ранее из Красного большевиками для защиты Исполкома Петросовета. Однако руководство большевиков не встретило солдат, и они стояли, не зная, что делать. Один из лидеров меньшевиков — Ф. Гуревич (Дан), редактор «Известий», первым подошел к прибывшим и велел исполнять только его приказания, и тут же распорядился занять оборону вокруг Таврического. Вскоре в город стали прибывать и войска, подчинявшиеся Керенскому. К утру Петроград успокоился. Временное правительство удержалось и приступило к наведению порядка, прежде всего отдало распоряжение об аресте большевиков. *«Нет больше большевиков!»* — радостно извещали своих читателей буржуазные газеты.

Поздним вечером 3 июля министр юстиции П. Переверзев предложил опубликовать в газетах материалы, будто бы Ленин получает финансовую помощь от германского генштаба. С момента возвращения Ленина из-за границы в столице постоянно муссировались слухи о нелояльности большевиков и их служении германским интересам, что оказывало значительное воздействие на умонастроения, особенно в армии...

Большинство членов Временного правительства поддержало предложение Переверзева, а бывшего члена большевистской партии Григория Алексинского уговорили выступить в роли главного обвинителя и с его помощью разоблачить предательство Ленина. К вечеру 4 июля Переверзев подготовил материал, и редакции всех городских газет оповестили о том, что их представителей приглашают на пресс-конференцию, где будет распространена информация обо всей этой истории[59].

---

[58] *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. — М., 1990. — С. 264.
[59] Подр. *Слассер Р.* — С. 166.

«Живое слово» 5 июля вышло под шапкой «Ленин, Ганецкий и Ко — шпионы!», другие газеты писали, что Германское правительство дает Ленину деньги для агитации против войны с Германией. «Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступившим сведениям, — сообщало „Живое слово“, — такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевики Яков Фюрстенберг, известный больше под фамилией Ганецкий, и Парвус (доктор Гельфанд). В Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого — Суменсон, занимающиеся совместно с Ганецким спекуляциями и другие. Козловский является главным получателем немецких денег... в настоящее время на его счету имеется свыше 2 000 000 рублей...».

В случае успеха задуманного Временное правительство рассчитывало на негодование самых широких масс против большевиков, а также надеялось, что воинские части выделят необходимые силы для защиты кабинета министров. «Я сознавал, что сообщение этих сведений должно было создать в сердцах гарнизона такое настроение, при котором всякий нейтралитет станет невозможным. Мне предстояло делать выбор между предполагавшимся (когда неизвестно) окончательным выяснением всех корней и нитей грандиозного преступления (имеется ввиду расследование шпионской деятельности Ленина — *Авт.*) и верным подавлением мятежа, грозившего ниспровержением власти», — признавал в «Биржевых вестях» министр юстиции[60].

М. Козловский, член ЦК Совета рабочих и солдатских депутатов делает в печати заявление: «1) Никаких сношений с кем-либо из агентов Германского Генерального штаба у меня не было. 2) На текущем счету в Сибирском или в каком-нибудь другом банке 2 миллиона рублей я никогда не имел. Вся сумма, имеющаяся у меня на текущем счету, не превышает несколько тысяч рублей. 3) Получателем „немецких денег из Берлина в Стокгольм“ или другим каким-либо путем я никогда не состоял...».

Козловского власть предержащие не услышали. Маховик дискриминации большевиков раскручивался. Вслед за разгромом редакции «Правды» последовал разгром и ее типографии, в которой половинным форматом газеты едва успели отпечатать «Листок „Правды“». В «Листке», вышедшем 6 июля, были опубликованы статьи В. И. Ленина «Где власть и где контрреволюция», «Злословие и факты», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Близко к сути», «Новое дело Дрейфуса». Ленин опровер-

[60] Биржевые вести, 9 июля. Утренний выпуск.

гал распространившиеся в прессе утверждения, что большевики 3–5 июля хотели силой овладеть городом, посягали на власть Советов. Но, несмотря на это, враждебность к большевикам возрастала, что проявилось и в отношении к «Листку „Правды“». Казачьи разъезды и патрули преследовали его распространителей. На Шпалерной улице был убит один из них — рабкор «Правды» И. Воинов.

Антидемократические действия Временного правительства не только не встретили осуждения, но и были одобрены социалистическими газетами, не говоря уже о буржуазных. «Большевики открыто идут против воли революционной демократии, — заявляла правоэсеровская газета „Воля народа“. — Революционная демократия обладает достаточной силой, чтобы заставить всех подчиниться своей воле. Она должна это сделать... В наши горячие дни всякое промедление смерти подобно». Не менее суровыми в адрес большевиков были и обвинения Г. Плеханова. «Беспорядки на улицах столицы, — писал он 9 июля в „Единстве“, — очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому с своей стороны явиться составной частью плана русской национальной самозащиты... Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все, что загораживает дорогу».

«Пропагандистская компания Временного правительства, — вспоминает Церетели, набрав обороты, застопорилась, — кн. Львов лично, обратился к прессе с просьбой не раздувать этого дела. Особенно шпионажа и использования немецких денег, и просил снять материалы с обвинениями Ленина о шпионаже в пользу Германии»[61]. Не только Церетели, но и Милюков, со ссылкой на Керенского, замечал, что вопрос о немецких деньгах был очень щепетильным для Керенского и всех других революционных партий. Но менее всего для РСДРП(б). Тот же Ленин категорически отверг предложение Парвуса о финансировании его.

Вопрос о якобы финансировании немецким Генштабом большевиков муссируется до сегодняшнего дня, хотя прямых доказательств этому нет. Как нет и никаких документов. Наоборот, есть убедительные факты, что это ложь. Известный английский разведчик Джордж Хилл в автобиографической книге «Моя шпионская жизнь» рассказывает, кто изготовил поддельные документы о финансировании большевиков немцами. Инициатором легенды о том, что большевики, в частности Ленин, были аген-

[61] *Церетели И. Г.* Воспоминания о февральской революции. — Париж, 1963. — Т. 2. — С. 333–334.

тами Германии, утверждает он, стал министр вооружений Франции Альбер Тома, а разработчиком и исполнителем — капитан французской разведки Пьер Лоран. Он-то и озвучил и усиленно пропагандировал летом 1917 года идею об использовании немцами большевиков и лично Ленина как «платных германских агентов». В распространении этой информации ему помогал начальник контрразведки Временного правительства Борис Никитин.

Фальшивка получила в журналистике и исторической литературе название «документы Сиссона» (по имени американского издателя Эдгара Сиссона). В России до сих пор принято ссылаться на многотомные дела правительства Керенского и на созданную им специальную комиссию, якобы установившую факт участия «германского золота» в русской революции. Комиссия эта действительно была создана, и некоторые факты она установила. Оказалось, что германский генштаб никаких денег на русскую революцию не давал: война поглощала все ресурсы Германии. В действительности же деньги на революцию поступали из Франции, но только не большевикам, а партии эсеров, члены которой входили в состав правительства Керенского, потому то следствие было тихо свернуто, а сами дела сданы в архив.

Спустя три дня после начала пропагандистской кампании против большевиков ушел в отставку министр юстиции Переверзев, подвергнутый критике за то, что без санкции Временного правительства начал эту компанию.

«Живое слово» в очередном номере (№ 53) отреагировала на сообщение, что Исполнительный Комитет как будто пытается замять дело обличенных в Государственной измене ленинцев. Газеты занялись поиском самого Ленина. Печать высказывала самые разные версии.

Читаем прессу. «Петроградская газета», 12 июля 1917 г.: «Точных сведений о месте пребывания этого запломбированного слуги кайзера пока еще нет. По частным же сведениям, он перебрался в Кронштадт, переодевшись матросом...».

«Петроградская газета», 14 июля: «...Окончательно установлено, где скрывается Ленин, он же В. И. Ульянов. Как наша газета давно указывала, Ленин бежал через Лисий Нос в Кронштадт. Там большевики укрывали его под видом арестанта в одном из тюремных помещений».

«Биржевые вести», 14 июля. Вечерний выпуск: «По сведениям из официального источника, Ленин из Стокгольма отправился в Германию, где в настоящее время и находится...».

«Русское слово», 25 июля: «Прокурор петроградской палаты И. С. Коринский приказал начальнику уголовной милиции арестовать гг. Троцкого и Луначарского».

«Петроградская газета», 27 июля: «Ленин и Зиновьев, вопреки сообщениям газет, за границу не выезжали и находятся в постоянном контакте с Центральным Комитетом большевистской партии...».

...Буквально за несколько минут до разгрома «Правды» Ленин ушел из редакции домой, на Карповку. Здесь он скрывался несколько дней, написал пять коротких статей, в которых отрицал намерение большевиков взять власть и клеймил позором «подлых клеветников», пытавшихся представить его германским шпионам. В «Новой жизни» Ленин писал: «...С каким неслыханным... легкомыслием (это — неподходящее, слишком слабое слово) ведется эта травля, показывают следующие простые факты. „Живое Слово“ сначала напечатало, что Ленин — шпион, а потом, под видом не меняющей дело „поправки“, заявило, что в шпионстве он не обвиняется!...

...Приплетают имя Парвуса, но умалчивают о том, что никто с такой беспощадной резкостью не осудил Парвуса еще в 1915 году, как Женевский „Социал-Демократ“, который мы редактировали и который в статье „У последней черты“ заклеймил Парвуса как „ренегата“, „лижущего сапог Гинденбурга“ и т. п. Всякий грамотный человек знает или легко может узнать, что ни о каких абсолютно политических или иных отношениях наших к Парвусу не может быть и речи.

Припутывают имя какой-то Суменсон, с которой мы не только никогда дел не имели, но которой никогда и в глаза не видели. Впутывают коммерческие дела Ганецкого и Козловского, не как, коммерция была прикрытием шпионства. А мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но и вообще ни копейки денег, ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали...».

Объяснение объяснениями, а распоряжение об аресте висело над ним как дамоклов меч. И это заботило не только Ленина, но и всю партию — часть его единомышленников возмущалась тем, что он исчез, бежал, считая, что Ленин обязан явиться на суд и раз невиновен, доказать это, превратив судебный процесс в процесс над Временным правительством. Ленин и сам, по воспоминаниям Крупской, склонялся к этому, но колебался. Когда Елена Стасова сообщила Ленину, что якобы в полицейских архивах найдены документы, изобличающие Ленина в шпионаже, он решительно заявил, что в таком случае у него один выход — сдаться и добиваться суда.

Но прежде чем передать двух своих вождей (Ленина и Зиновьева) в руки властей, большевики выставили свои условия. Они потребовали, чтобы Ленин и Зиновьев были заключены в Петропавловскую крепость, потому что доверяли стражам только этой тюрьмы. Требовали и гарантии открытого суда. Гарантий таких никто не давал, и потому руководство РСДРП(б) посоветовало Ленину уйти в подполье.

Первоначально он скрывался на чердаке у большевика Емельянова, почти месяц жил в шалаше в Разливе, а когда пошли дожди и основательно похолодало, 9 августа его на паровозе под видом кочегара переправили в Финляндию к тестю Эйно Рахья, который жил в небольшой деревушке Ялкала, близ станции Териоки. Через неделю Ленин перебрался в Гельсинфорс, где полиция не так усердствовала, как в России, ибо ее возглавлял социал-демократ Густав Ровио. Кстати, поселился на его квартире. И сразу же засел за фундаментальный труд «Государство и революция», который начал писать еще в Разливе.

Противоречивые газетные сообщения тех дней, приведенные выше, и послужили основанием некоторым нынешним историкам утверждать, что Ленин, переодевшись в женское платье, вначале укрывался в Кронштадте, потом в Германии. Документов, других материалов, кроме приведенных выше газетных «уток», они не приводят. Не приводят историки и серьезных документов о связях Ленина с германской разведкой. Их не обнаружили, проводившие тщательное расследование контрразведчики Временного правительства, ни кадеты, ни эмигрантские, ни нацистские, ни нынешние исследователи. Германским шпионом, как это признают сами германские источники, он никогда не был, говорил автору этих строк известный ученый-германист, бывший посол СССР в Германии, ознакомившийся с немецкими архивами Ю. Квецинский. Кстати, он же утверждал это и в статье, опубликованной в журнале «Наш современник»[62].

Хрупкий гражданский мир окончательно разрушен во время июльских событий и расстрела политической демонстрации — на улицах Петрограда убито и ранено свыше 700 человек. Временное правительство принимает ряд жестких мер против оппозиционной прессы. С 12 июля начинается закрытие изданий большевиков — «Правды», «Солдатской правды», «Окопной правды» и др. Аресты видных лидеров большевизма приветствовались практически всей буржуазной печатью. Газета «Речь» с явным одобрением и удовлетворением писала: *«Большевизм умер, так сказать, внезапной смертью»*.

[62] Наш современник. 2006, № 2. — С. 177.

К ВЛАСТИ ПРИХОДИТ КЕРЕНСКИЙ

После июльских дней в стране окончилось двоевластие. Газеты сообщили об образовании нового коалиционного правительства во главе с Керенским. «В кабинет входят социалисты, кадеты, радикал-демократы, — 26 июля писало „Русское Слово“. — Ни для никого не тайна, однако, что представительство всенародное, какое желали бы видеть в правительстве, не нашло себе полного выражения... Ведь кабинет образован лично Керенским без участия Временного комитета Гос. Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов...». И хотя Керенский игнорировал Советы, они приняли его сторону. «В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат, — негодовал Ленин. — Советы теперь бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией». Он предложил временно снять лозунг «Вся власть Советам!», так как он мог быть понят массами как призыв к переходу власти именно к данным Советам. Но в будущем, после завоевания власти большевиками в Советах, он снова поставит этот лозунг в повестку дня[63]. Загнанным в подполье большевикам ничего не оставалось, как взять курс на завоевание власти вооруженным путем.

Многие удивлялись быстрому восхождению на Олимп власти Керенского. Исследователи установили, что он был масоном, кои с первых дней Февральской революции делали ставку на него. Неслучайно в последнюю минуту Керенского ввели в состав Временного комитета Думы, потом и в первое правительство кн. Львова, во втором правительстве добились передачи ему очень весомого портфеля военного и морского министра, а после отставки кн. Львова сделали все возможное, чтобы поставить во главе нового коалиционного правительства.

Впрочем, Керенский уже в начале июльского кризиса был главной фигурой во Временном правительстве. Именно действия Керенского ускорили двойной кризис, который едва не свалил правительство: будучи инициатором военного наступления, он спровоцировал тем самым к открытому мятежу ряд военных подразделений Петроградского гарнизона и он же пошел на компромисс с украинскими националистами. Министры — кадеты ушли в отставку, что послужило началом правительственного кризиса, считает Р. Слассер[64].

---

[63] *Ленин В. И.* ПСС. — Т. 34. — С. 17.
[64] *Слассер Р.* — С. 175.

Как отмечали СМИ, Керенскому не сразу удалось сформировать новое коалиционное правительство — упорствовали в своих требованиях кадеты. Он делает ход конем — 21 июля заявляет об отставке. Ее не принимают, тогда Керенский требует полной свободы действий при формировании кабинета министров. Получив «добро», отказался от представительского принципа в подборе членов кабинета, таким образом министры уже не являлись представителями партий и не отвечали перед Советами. Кабинет в целом не связан был и с Декларацией, что основательно урезало силу Советов. «Новое слово» (№ 169) пишет, что кабинет образован единолично Керенским *«на началах ответственности перед собственной совестью и родиной»*. В состав кабинета вошли восемь социалистов и семь либералов. Керенский расчистил политический плацдарм, казалось, теперь ему ничто и никто не мешает наводить порядок. Одним из первых его шагов в роли главы Временного правительства стал приказ провести тщательное расследование только что улегшихся событий, едва не переросших в настоящее восстание. Он отдал приказы о расформировании Первого пулеметного полка и отправке на фронт других частей.

Еще пару месяцев назад, ратовавший за свободу слова, Керенский, возглавив Временное правительство, наступает на завоеванные в феврале свободы, а также на провозглашенную в апреле свободу печати. 22 августа «Вестник Временного правительства» опубликовал новые «Временные правила о специальной военной цензуре» и утвержденное правительством положение «О военной цензуре печати». В этих документах было записано, что «за не предоставление экземпляров периодических или непериодических изданий военно-цензурным комиссиям, издатели подвергаются заключению в тюрьме на время от восьми до одного года и четырех месяцев или аресту от трех недель до трех месяцев, или денежному взысканию от трехсот до десяти тысяч рублей».

В соответствии с этими новыми правилами последовал приказ Керенского о запрещении «Пролетария». 24 августа в его типографии были разбиты матрицы, а отпечатанные номера газеты конфискованы. В конце августа были закрыты также большевистские газеты «Циня» («Борьба», Рига), «Звезда» (Минск), а 2 сентября ЦО РСДРП(б) газета «Рабочий». В это же время закрытию подверглась «Новая жизнь» М. Горького, выходившая с 2 по 6 сентября под названием «Свободная жизнь».

Но эта его политика успокоения людям не приносила. Страна жила в перенапряжении. Экономика трещала по всем швам, с фронта приходили нерадостные вести. Даже лояльная правительству пресса не могла не писать о том.

Читаем прессу. «Русское Слово» (№№ 171, 173): «В Донбассе в настоящий момент остановлено 77 каменно-угольных и столько же антрацитовых предприятий, в Царицыне, на Волыни, в других регионах правит бал анархия. Рязанские, тамбовские крестьяне начали делить хлеб, убранный с помещичьих земель». «Петроградский листок» (№ 182) пишет, что столичный продовольственный рынок доведен до полного истощения. «Продуктов нет. Подвоза не предвидится никакого. Частная торговля убита совершенно... Голод с каждым днем все больше и больше дает себя чувствовать...». «Английские и японские банки прекратили прием русских денег..., — сообщало „Русское Слово“, (№ 161). — Сегодня номинальный курс за японскую иену 2 р. 85 к. До войны иена стоила 98 коп. Американский доллар — 5 р. 60 к. (до войны — около 2 р.). Товары сильно вздоражали...». «Московский листок» (№ 161) уведомляет читателей о дальнейшем отступлении наших войск, спешной эвакуации Каменец-Подольска, гибели ревельского «батальона смерти». В № 165 приводит леденящие душу цифры общих потерь на войне: «7 миллионов убитых и 5 миллионов калек. На долю России приходится приблизительно 2 250 000 убитых, 1 625 000 калек, 5 800 000 раненых...».

Временное правительство, видя, что брожение в армии нарастает, пытается погасить его сменой руководства и жестокостью. Пресса сообщает об аресте на станции Могилев-губернский влиятельного в войсках большевика, прапорщика Крыленко. В Минск под конвоем доставлены с позиций 29 офицеров и солдат, агитировавших против войны[65]. Мягкотелого, по мнению «временщиков», Верховного Главнокомандующего генерала Брусилова меняет на более жесткого генерала Корнилова, предложившего, как писало «Современное Слово» (№ 3381), восстановить на время войны для военнослужащих смертную казнь. «Русское Слово» (№ 157), утверждает, что *«в военных кругах приветствуют назначение ген. Корнилова...»*.

БОЛЬШЕВИКИ МЕНЯЮТ КУРС

В этой связи хотелось бы обратить внимание читателей на такой весьма интересный факт. Предложения большевиков потерпели фиаско на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, на I съезде Советов крестьянских депутатов, в июльские дни. Большевиков облили грязью с ног до головы, после 4 июля их лидеры перешли на нелегальное положение. Иные политики посчитали, что РСДРП(б) ушла с политической сцены.

[65] Русское Слово. № 164.

Читаем прессу. «Речь», 7 июля: «Большевизм скомпрометировал себя безнадежно...».

«Живое Слово», 8 июля: «Большевики скомпрометированы, дискредитированы и уничтожены... Мало того, они изгнаны из русской жизни, их учение бесповоротно провалилось и оскандалило себя, и своих проповедников перед целым светом и на всю жизнь...».

Эти пророчества оказались несостоятельными. Уже в августе влияние большевиков начало быстро расти. Что это? Извечная русская симпатия к обиженным? Возможно, но ведь царя обидели больше, а его пожалели лишь спустя 90 лет, признав великомучеником. Тогда что же? Прежде всего неспособность Временного правительства навести в стране порядок. Большевистская пресса уловила этот, еще только чуть-чуть наметившийся поворот в сознании масс — переоценку их отношения к Советам и Временному правительству сразу же после июльских событий. 13 июля, менее через две недели после их, ЦК РСДРП(б) созвал в Петрограде тайное совещание по вопросам стратегии. Ленин подготовил тезисы, в которых отошел от июльских установок, доказывал, что контрреволюции удалось при полной поддержке меньшевиков и эсеров взять под свой контроль правительство и революцию. Не только партии умеренных социалистов, но и Советы превратились в «фиговый листок» контрреволюции. Трудящиеся массы это долго терпеть не станут, мирный путь развития революции, по его мнению, исчерпан.

Однако не все участники совещания согласились с Лениным — его аргументы были отвергнуты. Большинство высказалось за сотрудничество с другими партиями. В принятой резолюции ничего не говорилось об окончании мирного периода революции и необходимости готовиться к вооруженному восстанию. Когда Ленин узнал о принятой резолюции, рассердился и встревожился — его явно не хотели понимать. На отклонение своих тезисов он ответил трактатом «К лозунгам»[66]. Еще не дав высохнуть типографской краске на нём, «Биржевые ведомости» в № 16381 дают свой комментарий: «Вышла брошюра некоего большевика Н. Л. „О лозунгах“. Вывод из нее таков: „Мирным путем“, путем мирного потакания развивающейся анархии, ленинцы потеряли надежду придти к своей диктатуре. И они отказываются от мирного пути. Они выбрасывают свой лозунг — „Вся власть Советам“...

Иначе говоря, Н. Л. зовет ко второй революции, революции пролетарской, — революции, которая должна отдать власть в руки не большинства населения, а его незначительного меньшинства. Не к торжеству пролетариата

[66] *Ленин В. И.* ПСС. — Т. 34. — С. 15.

и его целей приведут попытки такой революции, а к поражению пролетариата и поражению революции...».

Разработкой новой тактики в ввиду изменившейся обстановки занялся VI съезд РСДРП(б), собравшийся полулегально в Петрограде 26 июля. Ленин не мог присутствовать на съезде, скрывался в Разливе, но подготовил тезисы «О политическом положении». Они и его статьи «К лозунгам», «Уроки революции» легли в основу доклада И. Сталина. Наряду с важнейшими вопросами о свершении социалистической революции делегаты съезда значительное внимание уделили партийной печати. Было отмечено, что с 5 марта по 5 июля вместе с «Правдой» издавались «Социал-демократ» (Москва), «Приволжская правда» (Самара), «Борьба (Царицын), «Пролетарий» (Харьков), журналы «Спартак», «Жизнь работницы» (Москва) и др.

На этом съезде большевики в очередной раз обсуждали и вопрос «об объединении партии». Большинство делегатов высказались против объединения с меньшевиками, ставшими прислужниками империализма, признали своей задачей разоблачать их продажную политику. Но съезд принял в партию «межрайонцев» во главе с Троцким, заявивших, что они согласны со всеми положениями большевиков.

Группа «межрайонцев» сложилась еще до войны из части большевиков и меньшевиков. Во время войны они заняли центристские позиции, признавали войну империалистической, были против оборонничества, но не соглашались на полный разрыв с меньшевиками. Группу эту «влил» в РСДРП(б) взявший ее под свое крылышко Лев Давидович Троцкий, прибывший, как помним, со специальным поручением Якова Шиффа развивать революцию, не допустить возрождения монархии. Присматриваясь первое время к обстановке, имея деньги, Троцкий держался независимо, но, потерпев фиаско с июльской демонстрацией и увидев рост влияния большевиков, запросился в ряды РСДРП(б). И большевистский лидер пошел ему навстречу. В кратких заметках, которые Ленин оставил на листке во время встречи с Троцким, есть таинственные слова: «Бюро — (Ц[ентральный] К[комитет]...) приемлемо»[67].

После VI съезда Троцкий ринулся не во внутрипартийную работу, а в более широкий мир — в мир рабочих митингов, солдатских и матросских собраний, всевозможных публичных сборищ. Ему надо было стать вождем масс и занять руководящую роль в Петросовете, который становился все более и более истинным органом власти. И он это сумел сделать.

[67] Ленинский сборник. — № 4. 1925. — С. 303.

Не дремал и Керенский. Дабы укрепить свою власть и видя, как падает авторитет правительства в массах, Керенский созывает 12–14 августа в Москве государственное совещание, надеясь найти поддержку своей политики. Собралось почти 2,5 тысячи человек — *«весь цвет русского общества»,* писала пресса. В политическом плане делегаты делились на две практически равные половины — твердо поддерживающих Керенского и тех, кому симпатичен Корнилов с его крутыми мерами. Большевики бойкотировали совещание, вопреки решению Московского Совета организовали стачку, в которой участвовало свыше 400 тысяч человек. Эта акция показала силу рабочего класса, возрастающее влияние РСДРП(б), «Известия» Московского Совета вынуждены были признать: «пора наконец понять, что большевики — это не „безответственные группы“, а один из отрядов организованной революционной демократии, за которым стоят широкие массы, быть может, не всегда дисциплинированные, но зато беззаветно преданные делу революции».

Но государственное совещание не поняло этого. Делегаты говорили о наведении порядка в стране жесткой рукой. Внешне вроде цель совещания — добиться единения государственной власти со всеми организованными силами — была достигнута.

Следует обратить внимание на освещение Государственного совещания прессой. Посмотрите газеты «Биржевые ведомости» № 16385 (вечерний выпуск), № 16386 (утренний выпуск), № 16390 (утренний выпуск); «Вечерние новости» № 118; «Русское слово» № 186; «Современное слово» № 3410, и вы будто побываете на том совещании. Материалы, помещенные на страницах указанных номеров, дают такую же картину Государственного совещания, которую сегодня может дать телевидение, ведущее прямой репортаж. Используются различные жанры: короткие информации, расширенные отчеты с комментариями, корреспонденции, репортажи, интервью...

12-е августа. Читаем небольшую заметку: «В зале Совещания»: «В Большом театре, начиная с 12. ч. дня, начинают собираться члены Государственного совещания. Большой театр охраняется тщательно. На Театральной площади стоят солдаты. Билеты тщательно проверяются у входов юнкерами и офицерами... К двум часам дня зал театра почти полон... К 2, и одна вторая час, появляются члены Временного правительства. Ждут А. Ф. Керенского. Настроение напряженное и несколько приподнятое...».

Корреспонденция «Открытие». «Государственное совещание в Москве открылось речью А. Ф. Керенского:

— Временное Правительство созвало Совещание не для взаимных распрей... Временное Правительство созвало Государственное Совещание, чтобы открыто и прямо сказать подлинную правду о том, что ждет нас и что переживает сейчас великая, но измученная, исстрадавшаяся родина наша... Какие бы то и кто бы мне ультиматумы не предъявлял, я сумею его подчинить верховной власти и мне, верховному главе ее... Всякая попытка большевизма найдет предел во мне...».

Ознакомив с речью Керенского, газета дает краткий комментарий: «Речь А. Ф. Керенского произвела сильное впечатление. Правые и крайне левые недовольны речью».

13-е августа. Материал «Впечатления дня», помещен под шапкой — «Намечается полный раскол». «Весь день до глубокой ночи проходили собрания. Некоторые собрания проходили до утра... Прения носили бурный характер. Раскол полный. Главный камень преткновения между буржуазными и социалистическими течениями — существование Совета рабочих депутатов. Одни находят, что историческая роль Советов кончилась и им подлежит выполнять лишь профессиональные задачи, другие говорят, что революция продолжается, что Советы имеют высокое государственное значение...». «Сообщается о помпезном приезде в Москву на Государственное совещание в окружении большого количества военных Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, завернувшего по дороге к Иверской часовне, торжественной встрече его, «большие толпы москвичей встретили генерала громовым „Ура!“».

«Ораторы». Пресса сообщает о тех, кто примет участие в прениях и изложит точку зрения уполномочивших их. «В утреннем заседании 14-го августа должны выступить ораторы от первых трех дум, от духовенства и мирян, от старообрядцев..., от всероссийского крестьянства, от трудовой интеллигенции и от лиги равноправия женщин — всего 21 оратор. В вечернем заседании намечено выступление от 4-й Государственной Думы..., от городских и земских служащих и рабочих..., от академической группы и от учительского союза — всего 12 ораторов.

15 августа в утреннем и вечернем заседаниях выступят представители георгиевских кавалеров, союза офицеров армии и флота... — всего 50 представителей». Как видим, пресса имела основания писать, что на Государственное Совещание собрался весь цвет и звучал голос всей России. Журналисты в своих корреспонденциях излагали основные мысли выступавших в прениях. «...Кропоткин ...подчеркнул необходимость соединения знаний, которые есть у правой части зала, с трудом, который представляется левой

частью зала..., предложил, чтобы Государственное совещание провозгласило Россию республикой. Это пожелание было встречено шумными аплодисментами всего зала. Сидит один Пуришкевич». «...Плеханов очень ярко и ясно начертил связь, которая должна существовать между торговопромышленным классом и пролетариатом. Промышленность может существовать и развиваться в России, лишь если она пойдет на широкие социальные реформы...». «Крайне осторожно выступил вождь торгово-промышленного класса Рябушинский...». «То, чего не сделал Рябушинский, сделал Бубликов... Сходя с трибуны, Бубликов пожал руку Церетели, при общих аплодисментах всего зала... Это рукопожатие является символом объединения представителей торгово-промышленного класса... и представителей труда и революционной демократии.

...Все совещание показало, что почва для соглашения есть, и что необходимость его ясно осознают обе стороны...».

14 августа газеты информировали о приезде на Совещание и выступлении на нем генерала Корнилова. «С 11 часов утра зал Большого театра переполнен. Собралось более 2 500 человек... Корнилов в половине двенадцатого приехал в театр. Как только он появился на сцене, разразились аплодисменты...Так продолжалось несколько минут.

...Маленького роста, со строгим, несколько монгольского типа лицом, верховный главнокомандующий говорит, как и подобает солдату резко, отрывисто, четко. Говорит, как командует. В зале мертвая тишина.

...Армии без тыла нет...Меры, принятые на фронте, должны быть приняты и в тылу... Между тем... наша железнодорожная сеть в настоящее время в таком состоянии, что к ноябрю она будет не в состоянии подвозить все необходимое для армии...

...В настоящее время производительность наших заводов, работающих на оборону, понизилась в такой степени, что теперь в круглых цифрах производство... орудий понизилось на 60 %, ... снарядов — на 60 %, по авиации на 80 %... Если суждено недоедать, то пусть недоедает тыл, а не фронт...»

«Речь Корнилова левой стороной была встречена с молчаливой враждебностью, и как будто для того, чтобы подчеркнуть глубокое проникновение партийности в ряды армии, солдаты, сидевшие на левой стороне, демонстративно остались сидеть, когда все Совещание стоя приветствовало в лице Корнилова русскую революционную армию...».

Уже в изгнании Керенский корил себя, что не придал значения существенному факту этого совещания — пышной встрече, которую организовали делегаты генералу Корнилову. Его засыпали цветами, оглушали здравицами.

«Вы теперь символ нашего единства, — заявил в приветственной речи от имени собравшихся кадет Ф. Родичев. — На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас»[68].

Государственное совещание потребовало «сильной внепартийной власти» — а это был звонок председателю ВРП. Керенский тогда его не расслышал. Корнилов же не пропустил мимо ушей, хотя на совещании, поддавшись на уговоры Керенского не гнать волну, выступил сдержанно.

После совещания премьер и главковерх вроде поняли друг друга, но трещина между ними пошла вглубь: оба видели только себя, а не другого в качестве сильной личности — спасителя России. Корнилов начал снимать с фронта и концентрировать вокруг Петрограда на всякий случай самые дисциплинированные войска. Американский историк А. Рабинович замечает, что «главный комитет Союза офицеров и Военная лига подготовили детальный план правого путча, который должен был произойти при приближении к Петрограду фронтовых воинских частей. Этот план, как видно, увязывался с серией массовых митингов, посвященных шестимесячному юбилею Февральской революции, которые руководство Советов намечало провести 27 августа»[69]. Керенский, зная об этих приготовлениях, распорядился удалить из Могилева комитет Союза офицеров и арестовать его активистов. Корнилов пытался убедить Керенского сформировать новое правительство и перейти к решительным мерам. Посредником между их переговорами стал Б. Савинков. Обе стороны начали предлагать различные варианты выхода из кризиса.

Навести мосты между Керенским и Корниловым взялся бывший обер-прокурор Синода В. Н. Львов. Встретившись 22 августа с Керенским, изложил ему позицию «определенных групп внушительной силы» — спасение России в создании мирным путем «национального правительства», состоящего из представителей основных патриотических сил. По утверждению Львова, Керенский согласился с этим и предоставил ему полномочия вести переговоры с Корниловым, и он выехал в Могилев для переговоров с Главковерхом. Керенский, уже будучи в эмиграции, отрицает это, излагает иную интерпретацию, дескать, он согласился на переговоры лишь для того, чтобы иметь побольше информации из стана главковерха. Как бы там ни было, пообщавшись с главой ВРП, В. Н. Львов 24 августа встречался в Могилеве с Корниловым. Переговоры шли несколько часов, генерал подробно расспрашивал Львова, тоже хотел иметь побольше информации.

[68] *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. — С. 139.
[69] Там же. С. 142.

26-го августа вернулся из Могилева, в 12 часов ночи во время заседания Временного правительства прибыл в Зимний дворец, — сообщала пресса[70], и привез требование Корнилова «о передачи в его руки всей полноты гражданской и военной власти. Заседание Временного правительства было прервано... После переговоров с ген. Корниловым по прямому проводу заседание возобновилось...».

Пресса рассказывает о разгоревшихся торгах за власть между Керенским и Корниловым. Ссылаясь на вполне осведомленные источники, «Биржевые ведомости» пишут: «Нам сообщают следующие подробности конфликта между Верховным Главнокомандующим генералом Корниловым и Временным правительством:

...В. Н. Львов от имени Корнилова предложил А. Ф. Керенскому занять в Новом правительстве пост министра юстиции, пост же военного министра будет предложен Б. В. Савинкову. А. Ф. Керенскому и Б. В. Савинкову предложено немедленно выехать в Ставку...»

«Продолжившиеся утром 27-го августа переговоры с ген. Корниловым не привели ни к каким результатом. Ген. Корнилов отказался исполнить приказ Временного правительства сдать должность Верховного Главнокомандующего и покинуть Ставку...». Корнилов настаивал на своем: «Петроград должен быть объявлен на военном положении, а вся власть, военная и гражданская, передается Верховному главнокомандующему...».

«...26 августа, — рассказывает Корнилов, — у меня в кабинете... был набросан проект „совета народной обороны“, с участием Верховного главнокомандующего, Керенского, Савинкова, ген. Алексеева, адм. Колчака и Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществлять коллективную диктатуру, так как единоличная диктатура была признана нежелательной...»[71].

Керенскому, Родзянко, кн. Г. В. Львову и Милюкову были посланы телеграммы с просьбой прибыть в Ставку не позже 29 августа. Керенский, выслушав предложения и связавшись с Корниловым, попросил повторить все сказанное. Но, видимо, поста военного министра ему показалось мало, и он тут же нарушил сговор. С телеграфной лентой пошел в Малахитовый зал, где заседало правительство, обвинил Корнилова в измене и потребовал предоставить ему всю полноту власти для принятия в данной обстановке таких мер, которые он сочтет нужными. Кадеты Кокошкин и Юренев высказались против. Большинство же поддержало и официально предложили отставку кабинету, дав таким образом возможность Керенскому сформиро-

[70] Биржевые ведомости, № 16411; Русское слово, № 196.
[71] Раннее утро. 2 октября 1917 г.

вать новый кабинет министров таким, каким он его видит. Керенский принял отставку, но попросил всех оставаться на своих местах в качестве и. о. Кокошкин отказался. В конце заседания, уже утром 27 августа, Керенский телеграфирует в Могилев о смещении Корнилова с поста главковерха и назначении на этот пост генерала Лукомского. Тот отвечает премьеру: «Остановить начавшееся с Вашего одобрения дело невозможно... Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым... Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых еще Россия не переживала... Не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова»[72].

28 августа пресса информирует, что конфликт между Временным правительством и Главковерхом вылился в поход Корнилова на Петроград для свержения «временщиков» и наведение порядка в России[73]. Корнилов поручает Крымову немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы.

Такого поворота событий Керенский не ожидал и ввел в Петрограде военное положение, поручил Савинкову организовать его оборону, обратился за помощью к Советам. Большевики, боясь, что Корнилов реставрирует монархию, поднимали массы на борьбу с корниловщиной, но при этом заявили, что они не защищают ВРП, а спасают революцию. По призыву РСДРП(б) начали создаваться отряды Красной Гвардии (в Петрограде в первые дни в ее отряды записалось 40 тысяч добровольцев), рабочие Обуховского завода спешно изготовили 100 пушек. Рабочие рыли траншеи, делали проволочные заграждения. На защиту Петрограда прибыло 3 тысячи моряков из Кронштадта. Большевики отправили агитаторов в корниловские части. Многим казалось, что положение Керенского безнадежное. Войска, по велению Корнилова ведомые Крымовым, шли на Петроград. Глава ВРП впал в отчаяние. 28 августа на своем заседании кабинет министров решал, что делать с Корниловым и Временным правительством. Приняли резолюцию оставить правительство в том же составе, лишь дополнив образовавшиеся вакансии и в ближайшее время созвать новое государственное совещание. Керенский же настаивал на создании облеченной всей полнотой власти Директории из 5 человек.

---

[72] В обобщенном виде данная информация изложена в «Революционное движение в России в августе 1917». — М., 1959. — С. 448.

[73] Русское слово, №№ 196, 197; Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, (экстр. выпуск 28.08); Биржевые ведомости № 16411–16414; Новое время, № 14866.

Меж тем Крымов наступал на Петроград. Советы создали чрезвычайный оборонительный орган — Комитет народной борьбы с контрреволюцией, который начал действовать во второй половине дня 28 августа. Как грибы после дождя подобные комитеты стали появляться по всей стране — с 28 по 30 августа их было создано 240. На борьбу с Корниловым поднялись самые широкие массы. Многое сделали железнодорожники (ВИКЖЕЛЬ), задерживая и изменяя направление движения войск, игнорируя приказы Корнилова. 1 сентября газеты вышли под шапками: «Ликвидация восстания генерала Корнилова», «Самоубийство ген. Крымова», «Арест ген. Корнилова»...

«Меня обманули, — позже заявлял Корнилов. — Лица, бросившие меня в последнюю минуту, знали о каждом моем шаге. О, трусы! О, предатели! ... Судить меня военно-революционным судом им, по-видимому, не удастся... Ведь они прекрасно понимают, что на суде я раскрою эту неслыханную, чудовищную историю. У меня есть неопровержимые доказательства...»[74].

Своим козырем Корнилов считал шифрованную телеграмму от 27 августа Савинкову, свидетельствующую о соглашении Корнилова с военным министерством касательно подвоза к Петрограду конного корпуса.

После разгрома Корнилова в стране, по существу, установилась военная диктатура Керенского. «...Временное правительство в заседании 1-го сентября возложило непосредственное руководство делами Государства на министра-председателя А. Ф. Керенского, министра иностранных дел М. И. Терещенко, военного министра — генерала майора Верховского, морского министра — адмирала Вердеревского и министра почт и телеграфов А. М. Никитина»[75].

Судя по печати, в стране произошла новая расстановка политических сил. Потерпели поражения наиболее активные правые партии, движения и союзы, выступающие за реставрацию монархии. Чувствительный урон понесли кадеты — люди в очередной раз увидели, что слова у них расходятся с делом. Тяжелый кризис переживала партия меньшевиков — после спада в августе ее численность уменьшилась наполовину. Газета «Новая жизнь» писала: «Остается признать несомненный факт полного краха меньшевистского крыла социал-демократии, перехода его в политическое небытие».

Не лучшие времена переживали эсеры — от левого крыла ПРС откололась группа и образовала партию левых эсеров. А вот авторитет большевиков возрастал — в сентябре численность партии увеличилась до 350 тыс. человек.

[74] «Раннее утро». 19 сентября 1917 г.

[75] Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и Солдатских депутатов, № 161.

31 августа на заседании Петроградского Совета большинство проголосовало за политическую программу РСДРП(б), вновь выдвинутый лозунг «Вся власть Советам!». 5 сентября за такую же резолюцию проголосовал Московский Совет. Вслед за этим по всей стране прошел процесс большевизации Советов — 126 Советов направили в ЦИК резолюции с требованием разрыва с «буржуазным правительством».

Кстати, в Советах шла нешуточная борьба за влияние. Тем же Петросоветам руководил Президиум, состоящий из меньшевиков и эсеров. В него входили Чхеидзе, Церетели, Чернов, Дан, Скобелев, Гоц, Анисимов. Большевики поставили вопрос о пропорциональном представительстве. Это не встретило энтузиазма у их противников. И все же 25 сентября Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов был полностью реорганизован.

Читаем прессу. «Известия ЦК и Петрограского Совета рабочих и солдатских депутатов». 26 сентября 1917 года: «В выборах членов Исполкома Комитета участвовало 396 членов рабочей части Совета, при чем голоса распределились следующим образом:

За большевиков подано 230 голосов, за с.-р. 102 гол., за меньшевиков 54 гол. и за мень.-интернационалистов 10 гол.

Затем председатель предлагает собранию принять намеченный фракциями президиум в следующем составе: от большевиков тов. Троцкий, Каменев, Рыков и Федоров; от с.-р. тов. Чернов и Каплан, и от меньшевиков тов. Бройдо.

Состав утверждается собранием. Председателем Петр. С.-Р. и С. Д. избран тов. Троцкий».

Представляете, какую огромную политическую работу надо было проделать Льву Давидовичу, чтобы возглавить Петросовет! В ход были пущены и еврейско-масонские связи, и партийные, и дружеские связи, и огромные деньги, и дипломатия, и пр. Но Троцкий окончательно убедился к этому времени — именно этот пост дает ему возможность реально управлять ходом революции.

Напомним читателям, что после падения монархии между Временным Комитетом Государственной Думы и Исполкомом Совета было заключено Соглашение о том, что до созыва Учредительного собрания в стране не будет устанавливаться какая-либо определенная политическая система. Однако Керенский все время навязывал Советам, членам Временного правительства идею объявления России республикой, но не получал поддержки. Став же во главе Директории, протащил эту идею и 1 сентября провозгласил Российскую Республику.

Читаем прессу. «Русская Воля» (№ 209): «От Временного правительства... Считая нужным положить предел неопределенности государственного строя...

Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает РОССИЙСКУЮ РЕСПУБЛИКУ...

Министр-председатель А. Керенский.

Министр юстиции Зарудный».

Объявление России республикой завершило историю Российской империи, считают историки[76]. Распад государства ускорился. Государственное единство российских народов разрушалось. В бурном половодье революционного процесса активизировались национальные и региональные движения за независимость и автономию. Сепаратистские движения поддерживались и подготавливались западными державами с целью ослабления России и усиления своего влияния. На Украине создана буржуазно-националистическая Центральная Рада, выступившая за автономию с перспективой полного отделения. ВРП предоставляет Украине автономию, дает согласие на независимость Польши. Ширится движение за отделение от России Финляндии. На автономию заявило казачество.

Процесс отделения «всех от всех», а главное — от Центра охватил огромные территории страны. В регионах создаются свои правительства. На Дону, Тереке, в Оренбурге — казачьи круги, на Кубани — краевая Рада, в Крыму — Курултай, в Закавказье и Прибалтике — национальные Советы, в Сибири — областные Думы.

Объявив Россию республикой, Керенский озаботился и органом управления ею. По его инициативе[77] создан Временный Совет республики, или, как называли его эсеры, предпарламент. Это была попытка создать видимость введения парламентского строя, ставя основной его задачей заменить Советы, попавшие под влияние большевиков.

Меньшевики, эсеры, кадеты особые надежды возлагали на Демократическое совещание. Подготовка к нему шла полным ходом. Представители Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, городских дум, профсоюзов и других организаций получили 1 198 мандатов. Однако большинство было не за большевиками. Тем не менее в данный момент они поддерживали созыв Демократического совещания, надеясь сформировать социалистическое правительство и взять власть мирным путем.

[76] Курс отечественной истории IX–XX веков. — М., 2002. — С. 218.
[77] День, № 184.

С большим трудом Керенскому удалось сформировать коалиционное правительство. 24 сентября он его обнародовал, но состав новостарых министров не встретил одобрения народа. Так, «Рабочий путь» писал: «...Возьмите их послужной список:

Церетели — разоружил рабочих, вместе с генералом Половцевым „усмирил“ революционных солдат и одобрил смертную казнь для солдат.

Скобелев — начал с того, что пообещал отнять у капиталистов 100 % прибыли, а кончил... попыткой разогнать фабричнозаводские комитеты рабочих.

Авксентьев — посадил в тюрьму несколько сот крестьян, членов земельных комитетов, закрыл несколько десятков рабочих и солдатских газет.

Чернов — подписал царистский манифест о разгоне финляндского сейма.

Савинков — вступил в прямой союз с генералом Корниловым и не сдал Петроград этому „спасителю“ отечества только по не зависящим от Савинкова обстоятельствам.

Зарудный — вместе с Алексиинским и Керенским засадил в тюрьму тысячи революционных рабочих, матросов и солдат, помог сочинить клеветническое „дело“ против большевиков, которое ляжет таким же позором на русский суд, как дело Бейлиса.

Никитин — выступил в роли заурядного жандарма против железнодорожников.

Керенский — но о сем уже умолчим. Его послужной список слишком длинен...».

Да, Керенского люди уже раскусили. Съезд депутатов Балтийского флота в Гельсингфорсе принял следующую резолюцию: «Требовать от Всероссийских комитетов Р., С., Д. и Кр. Д. и Центрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, политического авантюриста Керенского, как лица, позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею весь революционный народ».

Дальнейшая деятельность «временщиков» обернулась очередным кризисом власти, ибо в стране царила анархия и разруха. Керенский проделывал всевозможные «перуа», чтобы удержаться у власти, делая основной упор на силу. Армия колебалась, но пока оставалась на его стороне. По распоряжению Керенского, неблагонадежные части выводились из Петрограда, Гельсингфорса и заменялись казачьими, формировались специальные ударные отряды, верные правительству. Керенский рассматривал и вариант сдачи Петрограда немцам, переезд правительства в Москву. Избавившись от Кор-

нилова, он теперь мнил себя единственным спасителем России. Но в реальности он шел по ступенькам вниз.

Читаем письма в газетах тех дней.

> «Берите назад свободу с революцией. Нам лучше жилось прежде, без „свободы и товарищей“. Пусть лучше ограниченная монархия...».
>
> «Устройте порядок, душа исстрадалась Армия ваша убивает и гробит своих, милиционеры ваши — убийцы и грабители. Дайте власть, пустите немца, и вся сволочь угомонится. Тоска и мрак кругом, грустно, У меня нет партии, я хочу порядка...».
>
> «Мое предложение — выберите военного диктатора. Только скорее...».
>
> «Выбирайте кого-нибудь хотя бы на три месяца, лишь бы только порядок установить, ну к чему эта вся ваша болтовня приведет?».
>
> «Товарищи рабочие! Куда вы смотрите? Новое правительства ведет Россию по сторону пути...».
>
> «Свергните всех министров Временного правительства во главе с министром Керенским...».

Даже этот небольшой анализ показывает настроение масс. Как заметил А. Деникин, «...власть падала из слабых рук Временного правительства, и по всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы»[78]. Главная газета московских кадетов «Русские ведомости» 20 сентября причитала о распаде демократии и усилении власти толпы «взбунтовавшихся рабов».

После февраля российская журналистика превратилась в мощный социальный институт. В начале 20 в. в России насчитывалось свыше тысячи, а к 1917 г. около трех тысяч газетных и журнальных изданий.

Свою роль сыграли на рубеже веков нелегальные периодические издании: они стали центрами формирования первых политических российских партий. Как помним, в 1900 году в Лейпциге начала выходить газета «Искра» — на ее основе формировалась социал-демократическая партия. В этом же году эсеры начали выпускать газету «Революционная Россия» — сначала в России, в 1902 года в Женеве. С 1902 года П. Струве организует журнал «Освобождение» (Штутгарт – Париж) — вокруг него группировались будущие кадеты. Таким образом, печатные издания становятся, по словам Ленина, не только коллективными «пропагандистами и агитаторами», но и «организаторами» политических партий — в этой роли газеты и журналы

[78] Курс отечественной истории IX–XX веков. — М., 2002. — С. 215.

выступили впервые в начале XX века. Революционная интеллигенция, овладевшая учением Маркса, объединяется с рабочим классом, берет на себя роль руководителя политическими акциями пролетариата.

Система российской печати, сложившаяся в 80–90-х годах, к 17-му не претерпела существенных изменений. Сохраняются основные общественно-политические группировки — монархическая, либеральная и демократическая, в которую входят теперь издания «легальных марксистов», увеличивается количество специализированных изданий, к которым можно отнести и журналы «русского модернизма». Наконец, на рубеже веков происходит объединение разрозненных политических группировок в партии, и в этом процессе важнейшая роль отводилась органам периодической печати. Газеты окончательно оттесняют журналы на второй план и по количеству, и по востребованности в русском обществе. И газеты, и журналы по-прежнему ориентируются и на традиционного интеллигентного российского читателя и стремятся к охвату как можно более широкой, массовой аудитории, что привело к делению прессы на авторитетную, популярную и массовую. Исследователи выделяют следующие аспекты развития дооктябрьской журналистики.

Авторитетная (большие газеты): формат А4, ежедневная. Это все партийные газеты. К ним относятся такие издания, как «Кадетская газета», «Русское слово» (издатель — Сытин, у которого было крупнейшее издательство в стране), «Новое время» (издатель — Суворин, редактор — Амфитеатров. Суворин купил бумажную фабрику, а потом, когда в стране начался дефицит бумаги, он продает ее по завышенным ценам. Суворин создает свой аппарат распространения газет: покупает право продавать газеты на ж/д станциях. Газета персонально обращается к читателю: *«несколько оперативной информации дает тираж гораздо больше, чем самый модный репортаж»*.

Массовая. Эти газеты рассчитаны на обывателя. «Московский листок»: редактор — Пастухов. В газете был отдел *«Советы и ответы»* — фельетоны из народного и купеческого быта. Газету называли «Кабацким листком», потому что она была напечатана на плохой бумаге, которая годилась на самокрутки.

Малая уличная пресса. У нее пестрый и провинциальный читатель. Это газеты-копейки (4 рубля за подписку). У нее низкосортная информация — беллетристика, сенсации, не представляющие опасности для царя. У цензурного комитета к ним не было претензий.

В начале XX века большое развитие получают отраслевые газеты и журналы: «Врачебная газета», «Пожарное дело» и т. д. А также сатирические

журналы: «Сатирикон», «Пулемет», «Зритель», иллюстрированные журналы («Нива» Маркса), деловые издания «Биржевые ведомости» Проппера.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДОКТЯБРЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

1905 год. Царский манифест — 17 октября 1905 года — об отмене цензуры, свободе печати («Медовый месяц» печати). В этот период появилось много новой печатной продукции, сатирических журналов-однодневок. Любой мог подать прошение об открытии издания.

1906 год — год штрафов и арестов.

1907 год — аресты редакторов, журналистов. В октинской полицейской части была даже специальная камера для журналистов.

1907–1917 — попытки царского правительства создать видимость оппозиции, открытие газеты «Россия» (отсылка к одноименному изданию, которое было закрыто за публикацию фельетона «Господа Обмановы» Амфитеатрова), но доверия к этой газете не было.

Период общественного подъема начался после Ленского расстрела 1912 г. Выходит газета «Правда», которая становится главной газетой большевиков.

Во время Первой мировой войны все военные сводки сводились к перепечаткам из «Правительственного вестника». В этот же период появляются листовки, прокламации.

В феврале 1917 года власть переходит в руки Временного правительства. Идут дискуссии, полемика между изданиями. Одни издания считали революцию завершенной и провозглашали дальнейший конституционный путь развития страны. Они выступали за продолжение войны и совместные действия с союзниками.

В апреле 1917 года Всероссийский съезд редакторов ежедневных газет утвердил закон о печати и передал его Временному правительству. 27 апреля он принимается. Закон о печати провозглашает свободный выпуск и распространение печати любых партий и отменяет цензуру.

Печать основной части социалистической журналистики (меньшевиков, эсеров, анархистов) призывали к содружеству с Временным правительством за предотвращение возможных путей наступления на демократические свободы. Они выражали недоверие большевикам, были не согласны с их политикой.

Большевистская пресса отстаивала идею перерастания революции в социалистическую, критиковала социалистические партии за их несогласие с большевиками, обвиняла эсеров в соглашательстве с Временным пра-

вительством. Большевистская пресса активно развивается за счет военных изданий. Газеты большевиков, в том числе и «Правда», призывали убрать Временное правительство и устроить социалистическую революцию. Именно за это 5 июля Временное правительство запретило «Правду» (потом вместо «Правды» появляется «Пролетарий», но и он разгромлен). Несмотря на противозаконность их действий, все их поддержали. С этого момента началось введение ограничений на свободу слова. Запрещаются газеты «Солдатская правда», «Окопная правда», а их редактора арестованы.

За время от Февраля к Октябрю все партии под руководством своих лидеров проделали определенную работу. Вот ее результаты.

Пожалуй, одной из самых влиятельных партий в Феврале являлась Конституционно-демократическая партия (или Партия народной свободы) во главе с П. Милюковым. В ее рядах числилось более 100 тысяч. И кадеты воспользовались плодами Февраля, им принадлежит руководящая роль в формировании Временного правительства, в состав которого вошли 5 представителей партии (П. Милюков, А. Шингарев, Некрасов, А. Мануйлов, Ф. Родичев). Кадетами являлась почти половина комиссаров, назначенных для руководства отдельными органами государственного управления. Но кадеты, как и в целом Временное правительство, не оправдали доверия народных масс и с каждым месяцем теряли свой авторитет, в Октябре 17-го в их рядах оставалось менее 70 тысяч.

Социалисты-революционеры же значительно прибавили: в Феврале 500 тысяч, в Октябре около миллиона. Правда, в партии шло брожение, к осени 17-го эсеры фактически распадаются на три партии (левые, центристы и правые), образовавшие параллельные партийные структуры. Умеренным течением стали правые эсеры (А. Керенский, Б. Савинков, Н. Авксентьев, Е. Брешко-Брешковская), близкие по взглядам к «трудовикам». Они полагали, что лозунг Ленина о социалистической революции преждевременен, и принимали широкое участие в деятельности Временного правительства. Из эсеров-центристов, доминировавших в партии вплоть до ее распада, можно выделить С. Маслова и эсеровского идеолога В. Чернова. В то же время в партии появляется и радикальное течение (М. Спиридонова, Б. Камков, Ю. Саблин). Свои идеи социалисты излагали в 85 изданиях, выходящих в стране.

Плодотворней других поработали большевики, их ряды увеличились более чем в 10 раз: в марте 24 тысячи, в октябре 350 тысяч. Партия меньшевиков выросла к октябрю с 45 тысяч до 195. В ней существовали две фракции: меньшевики-интернационалисты во главе с Ю. Мартовым и «оборонцы»

(«правые» — А. Потресов, «революционные» — И. Церетели, Ф. Дан (Гурвич), которые являлись лидерами не только крупнейшей фракции, но и во многом всей партии меньшевиков). Существовали также правая плехановская группа «Единство» (сам Плеханов, В. Засулич и др.) и левая «новожизненцы», которые порвали с партией меньшевиков. Часть меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю. Лариным вступила в РСДРП(б). Накануне 25 октября 1917 г. в стране выходили 52 меньшевистских изданий.

В этот период большевики уделили периодике особое внимание. К октябрю уже выходило 75 большевистских изданий, общий тираж которых составлял 3,5 млн экземпляров. С 4 октября в Москве начала выходить «Деревенская правда», с 12 октября в Петрограде — «Деревенская беднота» в Армении — «Нацук» («Опора») и др. Вся большевистская пресса, печатая ленинские и другие руководящие статьи, готовила массы к завоеванию власти Советами. Практически в каждом номере освещалась ситуация на фронтах Первой мировой войны.

...Учитывая ситуацию, большевики готовились к решительному штурму. Из-под пера Ленина, находящегося на нелегальном положении в августе – октябре (за 110 дней) вышло 65 статей, писем, циркуляров ЦК РСДРП(б) с указаниями, что и как делать. И хотя не все указания безоговорочно принимались, все же партия чувствовала направляющую руку и видела цель.

Если говорить о буднях Петрограда, который в 1917 году был центром политической жизни страны, то стоит обратиться к «Петроградскому листку» («Петроградский голос»), «Петроградской газете» («Новая Петроградская газета»). В них можно найти не только материалы, посвященные политике, но и заметки о вопросах, которые волновали каждого жителя города, — ценах на продовольствие и дрова, преступности, организации коммунального хозяйства. Броские, едкие карикатуры, которые публиковались как на страницах этих газет, так и в иллюстрированных приложениях к ним, наглядно демонстрируют, чем жил город в те переломные дни. Сопоставление точек зрения на ключевые моменты 1917 года (Февральскую революцию, формирование Временного правительства, кризисы его, двоевластие, Июльские дни, Корниловский мятеж, объявление России республикой, подготовку к выборам в Учредительное собрание), которые находим на газетных полосах, показывает неоднозначность восприятия современниками событий вековой давности. Материалы печати марта-октября отражают острую политическую борьбу различных партий. Четко прослеживаются два направления. Большевики, защищая интересы трудящихся масс, выступали против Временного правительства, призывали к перерастанию буржуазно-

демократической революции в социалистическую. Другие партии выражали интересы имущих людей, поддерживали Временное правительство, считая революцию завершенной. Внутри партий имелись всевозможные более мелкие политические течения и воззрения, отражающие взгляды объединений и групп. Все более обострявшаяся политическая борьба между буржуазными, буржуазно-демократическими и социалистическими партиями таила в 1917 г. самые различные перспективы: буржуазно-демократическую (Керенский), генеральско-диктаторскую (Корнилов), однородно-социалистическую (Мартов), большевистско-леворадикальную (Ленин).

Все это отражалось на страницах печати.

ОКТЯБРЬ В ЗЕРКАЛЕ ПЕЧАТИ

Петроградские газеты октября 1917 обрушивали на умы горожан лавины политической информации, касавшиеся, в том числе и грядущего большевистского переворота. *«В Петрограде только сейчас и разговоров, что о выступлении большевиков»* — лейтмотив многих газетных заметок и статей тех дней. Ходили слухи о точной дате 20 октября. Накануне и в этот день жители «бежали» из города, а движение из пригородов в столицу прекратилось. Чиновники, получавшие жалованье именно 20 числа, требовали его выплат заранее. Слухи о грядущем большевистском путче перемежались со слухами о скором немецком наступлении. Что было страшнее, никто не знал. Как отмечал в своем дневнике В. Вернадский, передавая настроение обывателей: они *«готовы „радостно“ встретить немцев. Своих боятся больше»*.

20 октября город прожил в ожидании переворота. 21 октября «Петроградский листок» опубликовал большой обзор ушедшему дню, когда ожидавшийся переворот (пока еще) не совершился. Итак, власти заверяли, что «приняты необходимые меры безопасности», «задержано 46 профессиональных громил, прибывших в Петроград на выступление большевиков», и, наконец, что «напали на след Ленина». В этот день, как обычно, работали магазины, хотя очередей не было — «хозяйки заблаговременно сделали запасы»; работали банки, но клиентов почти не было. Чиновники, по свидетельству газеты, еще накануне «заявили начальству о своем недомогании». Ожидание переворота сказалось и на внешнем облике горожан — политический контекст предопределил особенности одежды: «На улице кидалось в глаза то, что мужчины были в картузах, а не шляпах, женщины в платках, а не шляпках. По понятиям большевика шляпы носит буржуазия». Эмоционально-психологическое напряжение горожан в этот день было столь вели-

ко, что любое отклонение от привычного воспринималось как свидетельство переворота. Обозреватель «Петроградского листка» писал, что принял звуки выбиваемых ковров за выстрелы: *«Вошел быт. Прилетел на ковре-самолете. Стало совестно...»*. Небольшевистские и непартийные газеты призывали большевиков одуматься. Но, увы: «Ленин упорен и неумолим. Дружеские предостережения ему не помогают. В Петрограде снова запахло порохом», — констатировала газета «Современное слово» 12 октября. Ей вторил автор заметки в «Рабочем пути»: «То, что сейчас вытворяют большевики поистине беспримерно в истории двух революций. <...> ...вместо той свободы, которые они обещают, получится самая свирепая реакция».

«Петроградский листок» называл Ленина «фельдмаршалом русской разрухи», поднимающего «длани, благословляющие гражданскую войну»; в другой статье в этом же номере газеты обозреватель пророчески замечал, что Россия долго будет помнить «весь сброд, присланный нам из Германии, вот главе с Лениным».

С другой стороны, правительственные и околоправительственные газеты стремились внести упокоение в народные массы как до 20 октября, так и после. Одна из городских газет отмечала, что в правительственных кругах не придают серьезного значения циркулирующим в городе слухам о готовящемся на 20 октября выступлении большевиков. Между тем, отмечает газета, министр юстиции «продолжает давать распоряжения об освобождении большевиков из заключения. 11 октября освобожден из „Крестов“ под залог в 3000 рублей кронштадтский большевик Раскольников...». Сам же министр внутренних дел А. Никитин в интервью «Петроградскому листку», опубликованному 13 октября, утверждал, что *«слухи о выступлении 20 октября большевиков не имеют под собой никакой почвы»*. Спустя десять дней министр вновь убеждал общественность в интервью «Коммерсанту», что большевики не выступят *«за неделю до Учредительного собрания»*. Иные, как, например, бывший министр иностранных дел Временного правительства, П. Милюков, заранее обрекали большевистское выступление на неудачу: *«Временное правительство должно, в случае выступления большевиков, раз и навсегда покончить с ними»*.

Пресса призывала власти к энергичным действиям по наведению порядка. Власти через печать сообщали, что «предварительное следствие по делу большевиков закончено и материалы передаются прокурору для составления обвинительного заключения»; прокурору судебной палаты предписано министром юстиции П. Малянтовичем «сделать немедленное распоряжении об аресте Ленина».

Анализ прессы воссоздает картину тех дней: «Военка» организует новые отряды Красной гвардии, в Петрограде заработали курсы по подготовке инструкторов военного дела, рабочих обучали владеть оружием. На каждом крупном корабле появились боевые взводы, готовые по призыву большевиков в любой момент прибыть в столицу. На фронтах большевики формировали не афишируя боевые части.

Отслеживая это, Временное правительство подтягивало поближе к себе верные войска, одновременно пытаясь вывести из Петрограда революционно настроенные подразделения. На фронтах ненадежные части под видом передислокации брались в кольцо. Стремясь быть в центре событий, Ленин покидает Выборг и перебирается на окраину Петрограда. 10 октября он участвует в заседании ЦК РСДРП(б). Ленин заявил, что политическое положение вполне созрело для перехода власти к пролетариату, речь о самом восстании, ждать до Учредительного собрания, которое «явно будет не с нами», бессмысленно. Каменев и Зиновьев возражали против восстания, считая, что рабочий класс не способен пока осуществить социалистическую революцию, что Ленин переоценивает силу большевиков и, что еще далеко до поддержки революции международным пролетариатом.

Призыв браться за оружие одобрили десятью голосами против двух. Принятая резолюция стала документом, свидетельствующим об отказе партии от установки на мирное развитие революции. Эта резолюция направлялась во все партийные организации страны как руководство к действию.

Зиновьев и Каменев продолжали отстаивать свое мнение и официально изложили его в газете «Новая жизнь». Видимо, прочитав эту публикацию и узнав о решении большевиков свергнуть Временное правительство вооруженным путем, как писало «Раннее Утро» (№ 240): «Министр юстиции П. Малянтович предписал прокурору Петроградской судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина». Кстати, тот же Малянтович проинформировал большевиков об этом.

Ленин перешел на нелегальное положение. 16 октября ЦК РСДРП(б) собрался вновь. На этот раз на совместное заседание с большевистской фракцией Петросовета, Петербургского Комитета и представителей завкомов, фабкомов, гарнизона и Балтфлота. Ленин подтвердил необходимость начинать восстание. Был избран Военный революционный центр по руководству восстанием в составе А. Бубнова, Ф. Дзержинского, Я. Свердлова, И. Сталина, М. Урицкого.

Первоначально Ленин предлагал приурочить начало восстания к открытию съезда Советов Северной области 11–13 октября: делегаты его объявят

себя властью и дадут импульс Советам всей страны. Доклад на съезде сделал Сокольников и подчеркнул: *«Настал момент, когда нужно идти в бой за победу Советов... Проведение съезда в Петрограде не случайно, так как, может быть, именно он начнет восстание»*. Но съезд заколебался, и, почувствовав это, большевики не стали форсировать события — 13 октября съезд принял весьма сдержанную резолюцию, по сути, перенося взятие власти к Всероссийскому съезду Советов.

«Утро России» (№ 252) так объясняло это решение: «...сами большевики... обнаруживают большую нерешительность и неуверенность в успехе. С другой стороны, даже многие из тех военных частей, которые обнаруживают полную солидарность с Петроградским Советом...связывают свою готовность выступить с решением предстоящего съезда Советов».

После съезда Советов Северной области Ленин начал настаивать, чтобы восстание началось обязательно до II съезда Советов, намеченного на 25 октября. Но и тут не все ладилось. На заседании Петербургского Комитета РСДРП(б) 15 октября выступил один из руководителей «Военки» Невский и заявил, что часть членов военной организации вдруг сделались правой, они против свержения ВРП и вообще настроение масс сменилось. В деревне агитация только началась, в некоторых губерниях крестьяне говорят, что если случится восстание, они не дадут хлеба. Не обеспечена пока и крайне необходимая поддержка железнодорожников, 4-й армии Северного фронта. В целом, утверждал Невский, нет уверенности в победе над «временщиками», поэтому выступать рано. Его поддержали Зиновьев и Каменев. Ситуацию попытался переломить Бубнов, предлагая быстро разрубить все нерешенные проблемы.

На спешно созванном следующим вечером расширенном заседании ЦК Ленин утверждал, что настроения масс — дело временное. Люди поверили большевикам и ждут не слов, а дел, и если сидеть сложа руки, то доверия, безусловно, не будет. *«Власть нужно брать тот час, — убеждал Ленин, — каждый потерянный день может оказаться гибельным. История не простит, если мы теперь не возьмем власти»*.

Выступавший вслед за ним Крыленко от имени «Военки» говорил, что настроение солдат падает и не надо форсировать восстания. С ним согласился Зиновьев, некоторые другие. На голосовании поставили две резолюции — ленинскую и зиновьевскую. За ленинскую высказались 19 человек, за Зиновьевскую — 6. Каменев в «Новой жизни» опубликовал свою точку зрения, подал заявление о выходе из ЦК в знак протеста. Ленин объявил Каменеву и Зиновьеву войну и начал добиваться исключения их из рядов

партии, но 20 октября ЦК отклонил это требование, хотя принял отставку Каменева, а Зиновьева обязал не выступать больше в печати ни с какими заявлениями против решений ЦК.

Казалось, большинство на стороне Ленина, но оставалось неясным, поддержат ли выступление другие социалистические партии. Троцкий и Сталин считали, что власть должны взять Советы, а вооруженное выступление — это защита их от контрреволюции. Были расхождения и по вопросу о начале восстания. В советской истории утверждалось, что Ленин настаивал начать его именно 25-го, ибо гениально выбрал момент.

Гениальности тут особой нет. 25-го открывался II съезд Советов, Троцкий как руководитель Петроградского Совета полагал, что съезд и должен сказать последнее слово о восстании. На этом настаивали и военные, как сообщало то же «Раннее Утро». Но у Ленина не было стопроцентной уверенности, что съезд примет такое решение, ведь в Советах еще сохранялось влияние эсеров и меньшевиков. А если восстание начать, то съезд будет поставлен перед фактом. Тем более что 1 ноября должно состояться Учредительное собрание, а оно ничего хорошего большевикам не сулило, ибо там у них большинства не просматривалось, так как Собрание избиралось по старым спискам.

Центром подготовки восстания стал Военно-революционный комитет, созданный 16 октября Петросоветом. Положение о нем написал левый эсер П. Лазимир. Им предусматривалось, что ВРК устанавливает количество боевых сил и вспомогательных средств, определяет необходимые для обороны столицы и не подлежащие выводу из города воинские части, разрабатывает план обороны, принимает меры по укреплению революционной дисциплины среди рабочих и солдат и др.

Главная задача ВРК определялась решениями ЦК РСДРП(б) и состояла в том, чтобы проводить мобилизацию революционных сил на вооруженное восстание, обеспечить его военно-техническую подготовку, объединить в оперативном отношении Красную Гвардию, солдат гарнизона и матросов Балтийского флота. В ВРК входили представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б), военных партийных организаций, президиумов пленума Петроградского Совета и его солдатской секции, руководителей Красной Гвардии, Центробалта Центрофлота, профсоюзов, фабзавкомов, железнодорожного союза, почтовотелеграфного союза, Финляндского областного комитета армии, флота и рабочих, левых эсеров и других революционных организаций. Словом, это был представительный орган из нескольких десятков человек. С одобрения большевиков его возглавил

левый эсер Павел Лазимир, старший помощник военного врача, но вскоре он был оттеснен от штурвала корабля Антоновым-Овсеенко и Подвойским, подчиненными Троцкого.

На одном из таких митингов Троцкий заявил, что Петроград находится на грани сдачи немцам и рабочие, солдаты должны взять на себя защиту его от германцев, призвал свергнуть Временное правительство и взять власть в свои руки, закончить войну, отменить частную собственность, раздать крестьянам землю. По словам корреспондента «Речи», других очевидцев, выступление Троцкого крайне наэлектризовало аудиторию.

Увидев, что не только гарнизон, но и практически весь Петроград поддерживает ВРК, командующий Петроградским военным округом Полковников направляет к Троцкому посланцев с целью примирения. Но Троцкий, почувствовав слабину Полковникова, оставался непреклонным. Но и тот не собирался выбрасывать белый флаг — отдает приказ штабу Северного фронта о быстрой отправке в столицу пехотной бригады, кавалерийского полка и артиллерийской батареи. В ответ получает заявление, что отправка воинских подразделений без указания целей абсолютно невозможна.

Керенский на заседании своего правительства вносит предложение арестовать членов ВРК и ликвидировать этот орган, но тот же Полковников убеждает его не спешить, ибо на защиту ВРК встанут некоторые воинские части, что приведет к столкновению. Комиссары же действовали в войсках все активнее. На сторону ВРК полностью перешла Петропавловская крепость, орудия которой смотрели на Зимний. Комиссары взяли под свой контроль главный склад оружия и боеприпасов — Кронверский арсенал, который несколько дней назад отказался признавать ВРК.

Тогда 23 октября ВРК призвал на массовый митинг в арсенал самокатчиков и других солдат гарнизона. Когда на митинге появился Троцкий, его встретили овацией. Несколько часов длилось его выступление и закончилось, по воспоминаниям Лашевича, переходом большинства собравшихся на сторону ВРК. С установлением контроля над Кронверским арсеналом практически все основные оружейные склады оказались в руках ВРК. И вдруг в этой ситуации меньшевики-центристы Гоц и Богданов (представители ЦИК) вышли из ВРК, настаивая на отмене его решения о визировании распоряжений командиров воинских частей комиссарами ВРК. Чтобы не обострить ситуацию, ВРК пошел на это.

Расценив данный факт как слабость ВРК, Керенский стал настаивать на аресте всех комитетчиков. Однако не нашел поддержки коллег. Тем не менее кабинет министров согласился начать уголовное преследование членов

ВРК за подстрекательства населения и армии к неповиновению властям. Прежде всего решили заключить в тюрьму тех большевиков, кто выпущен был под залог, в том числе и Троцкого, Коллонтай, Раскольникова, закрыть большевистские газеты «Рабочий путь», «Солдат», а также издание правых — «Живое Слово» и «Новая Русь», — пишет «Новое время» (№ 14906).

К 24 октября весь гарнизон Петрограда, за исключением юнкерских училищ и казачьих полков, перешел на сторону Петросовета, сообщает то же «Новое время». Ночью юнкерам Павловского, Владимирского и Константиновского училищ, школе прапорщиков в Петрограде и Гатчине, батарее конной артиллерии в Павловске, казачьему полку в Царском Селе, женскому ударному батальону в Левашове начальник штаба ПВО Багрутини предписывает прибыть на Дворцовую площадь для выполнения мер, предпринимаемых Керенским по наведению порядка. По пути отряд юнкеров совершил налет на типографию «Труд», где печатался «Рабочий путь».

ВСЕ В СМОЛЬНЫЙ!

После совещания Троцкий дал команду: «Керенский выступил... Все в Смольный!». С этого момента Троцкий, Подвойский, Свердлов, Антонов-Овсеенко, Чудновский, Лашевич, по существу, и начали восстание. Первым делом составили и разослали своим комиссарам во все полевые комитеты военных частей и на важные объекты «Предписание № 1», которое гласило: «Петроградскому Совету грозит прямая опасность. Ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты „Солдат“ и „Рабочий путь“ закрыты. Настоящим предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений. Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции»[79].

Между тем в Петроград съезжались делегаты II съезда Советов. Ситуация складывалась непростая. К утру 24 октября в столицу прибыло значительное число делегатов съезда Советов, настроение которых позволяло сделать вывод о том, что при поддержке левых эсеров можно рассчитывать на прочное большинство голосов за передачу власти Советам и создание съездом полностью социалистического правительства. Однако выступление правительства Керенского против левых сил кардинально изменило ситуацию. Если бы Керенский не получил отпора, если бы ему удалось мобилизовать

[79] Петроградская правда, 5 ноября 1922 г.

значительные военные силы, верные правительству, и вновь упрятать левых лидеров за решетку, вполне возможно, съезд Советов мог бы вообще не состояться. Даже если бы он состоялся, то предпринимаемые и до сих пор успешные усилия ВРК, направленные на свержение правительства, либо непосредственно перед съездом, либо сразу после его открытия, были бы серьезно подорваны. С учетом этих соображений некоторые члены ВРК теперь выступили за немедленное начало вооруженного восстания.

Вызвав самокатчиков, Троцкий поручил им наладить связь с заводами, фабриками, воинскими частями, поддерживающими ВРК, а Литовскому полку и 6-му саперному батальону велел обеспечить открытие типографии «Труд» и взять ее под свою охрану. С типографией дело решилось быстро. Оказалось, что юнкера всего лишь опечатали двери типографии обыкновенным воском. Через годы Троцкий будет вспоминать, с чего началась очередная революция в России, — с того, что было сломано несколько миллиметров воска на опечатанных дверях редакции. Через несколько часов возобновился выпуск газеты «Рабочий путь». Дабы впредь не лишаться газет, Троцкий издает от имени ВРК декрет, запрещающий закрывать редакции и типографии большевистских газет.

Это был первый декрет большевиков. Второй последовал тут же и разослан во все подразделения Петроградского гарнизона. Он гласил: «Этой ночью враг народа предпринял попытку наступления. Военно-революционный Комитет возглавил сопротивление вылазке заговорщиков».

«Таким образом, Троцкий желал создать видимость, будто восстание явилось актом самозащиты, вынужденной мерой, направленной против коварного, ненавистного правительства, — делает вывод американский историк Р. Пейн. — Смысл всего этого был в том, чтобы большевики смогли оправдать начатые ими боевые действия, необходимые как бы из соображений революционной морали. Это был ловкий ход, в результате которого законное правительство России за одну ночь превратилось в кучку контрреволюционеров-заговорщиков.

Решение выслать вооруженный отряд охранять здание, где размещались редакция и типография большевистской газеты „Рабочий путь“, вывело Военно-революционный комитет на новый этап борьбы. До сих пор никто и не думал выставлять вооруженную охрану вокруг Смольного. Теперь же Смольный превратился в крепость, ощетинившуюся штыками ружей и дулами пушек. У главного входа стоял патруль, прилегающие улицы тоже охранялись.

В Смольный завозили мешки с картошкой, овощами и фруктами, чтобы поддержать осажденную крепость. Во дворе из дров возводили подобие

баррикад... За высокими колоннами вдоль фасада были выставлены минометы, а на лестницах, ведущих в главные помещения, установили пулеметы системы „Максим“. Для всех был введен пароль».

«24 октября в 4 ч. дня в Смольном институте состоялось закрытое совещание большевиков», — сообщал „День“ (№ 198). На нем присутствовали Троцкий, Свердлов, Ломов, Дзержинский, Бубнов, Ногин, Милютин, Иоффе, Урицкий, Берзин, Каменев, хотя он объявил о выходе из ЦК. Не было Ленина, который находился на квартире Фофановой на окраине Петрограда, не было Сталина, как главный редактор „Рабочего пути“ он занимался выпуском газеты.

...Две недели назад мы были лишены абсолютно всего... — говорил Троцкий. — Мы не имели ни газеты, ни кассы, ни войска. Но с того момента, когда Временное правительство, правительство дезертиров, собиралось вместе с предпарламентом удрать в Москву, обрекая Петроград на голод и сдачу немцам, мы вошли в полное соглашение солдатской секцией, и теперь наша позиция безусловно сильна...

...За исключением ударных батальонов и юнкеров, правительству не на кого опереться. Вчера правительством был отдан приказ крейсеру „Аврора“ выйти в море... Военно-революционный комитет отдал контрприказ не подчиняться Временному правительству. В результате „Аврора“ не только не вышла в море, но приблизилась еще к Николаевскому мосту...

...Наша задача, обороняясь, но расширяя постепенно сферу своего влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов. Мы глубоко убеждены, что завтра раздаться истинный голос страны, выявиться настоящая воля народа...».

Собравшиеся первым делом порешили: поскольку ситуация обострилась до предела, членам ЦК не покидать Смольный без особого разрешения. Были одобрены принятые Троцким меры по обеспечению регулярного выхода большевистских газет, обсуждены также вопросы обеспечения столицы продовольствием и поддержания тесных контактов с левыми эсерами.

Вел заседание ЦК Свердлов, а большинство предложений вносил Троцкий. Он же распределил обязанности между членами ЦК: Дзержинский должен взять под контроль почту и телеграф. Бубнов — железные дороги и вокзалы. Свердлов — наблюдать за действиями правительства. Ногин и Ломов отвечали за связь с Москвой, Милютин — за снабжение восставших продовольствием, Каменев и Берзин — налаживали отношения с левым крылом эсеров. Роль военного руководителя восстанием взял на себя, не колеблясь, Троцкий. Он же определил и запасной штаб большевиков,

если придется покинуть Смольный, — Петропавловскую крепость. Каменев дополнил Троцкого: *«еще один запасной штаб восстания — крейсер „Аврора“, где есть мощный радиоузел»*. Видимо, из-за отсутствия Ленина оставался не до конца решенным жизненно важный вопрос: «как быть с Временным правительством, следует ли немедленно арестовать или подождать до съезда Советов?».

Днем 24-го по Петрограду распространялась газета «Рабочий путь» со статьей Сталина, призывавшей рабочих и солдат формировать делегации в целях оказания прямого давления на Съезд Советов для замены правительства Керенского революционной властью. После полудня, выступая на заседании Петросовета, Троцкий заявил, что *«начинать восстание сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всероссийского Совета... Но если правительство захочет использовать тот срок, который ему осталось жить, — 24, 48 или 72 часа — и выступить против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо»*.

Временное правительство начало понимать, что ему не приходится рассчитывать на прибытие в Петроград верных Керенскому частей. Узнав, что в ряде районов Петрограда идет концентрация вооруженных рабочих отрядов, ВПР через Генштаб отдало приказ развести Литейный, Троицкий и Николаевский мосты через Неву, установить строгий контроль над единственным неразведенным — Дворцовым мостом. Однако этот приказ, как и другие, оказался трудновыполнимым. Во-первых, Троцкий играл с Керенским в кошки-мышки: как только узнавал об очередном приказе ВРП или Генштаба, тут же от имени ВРК издавал встречный, который сводил на нет волю кабинета министров. Во-вторых, Троцкий подкреплял свои приказы действиями. Вот и в данном случае для защиты мостов поднял людей. Юнкерам пришлось сдать свое оружие и, по требованию масс, вернуться в казармы. К вечеру все-таки удалось развести два моста. Изъявили желание вернуться в свои казармы самокатчики, охранявшие Зимний. К пяти часам вечера комиссар С. Пестковский, выполняя приказ ВРК, без единого выстрела занял Центральный телеграф. При этом среди более чем 2 тысяч его работников не было ни одного большевика. Солдаты Измайловского полка, первого крупного подразделения, протянувшего руку помощи «временщикам» в июле, на этот раз изменили Керенскому и, перейдя на сторону ВРК, заняли Балтийский вокзал, куда должны были прибывать с фронта верные правительству войска.

Один из наиболее значимых шагов левых сил — направление из Гельсингфорса в Петроград миноносцев, готовых послужить делу революции.

В целом к исходу дня 24 октября чаша весов явно склонилась в сторону поддержки ВРК и Петроградского Совета и его программы. При этом не наблюдалось каких-либо народных волнений, массовых демонстраций, как это происходило в феврале, июле. Троцкий занимался всеми делами столь активно, замечает исследователь Е. Сикорский, что в ночь с 24 на 25 октября с ним даже случился эпилептический припадок, обычно являющийся у него результатом перенапряжения физических и духовных сил.

Читаем газеты тех дней. «Русская Воля» (№ 252): «В течение вчерашнего дня (23 окт. — *Авт.*) в городе и на окраинах, на заводах и фабриках проходили митинги, организованные большевиками, но отличавшиеся немноголюдностью и общим упадком настроения».

«Биржевые ведомости» (№ 16510) выходят под «шапкой»: «На грани: нынешнее народное правительство Российской республики или диктатор Бронштейн-Троцкий 1-й! Войска Северного фронта готовы идти усмирять большевиков. Закрытый правительством „Рабочий путь“ распечатан солдатами». Далее идет хроника: «...самокатчики снялись с караула и завили, что нести охрану Зимнего дворца они не будут», «охрана возложена на ориенбаумских юнкеров», «...из Петергофа вызвана вторая школа прапорщиков», «К Зимнему дворцу прибыл женский добровольческий батальон в полном вооружении».

«День» (№ 197): «Надёжную опору большевики видят в обученной Красной Гвардии, которая насчитывает 40 тыс. человек... 23 октября с утра появились сведения о том, что караулы из частей петроградского гарнизона оказались отправиться для несения караульной службы без разрешения ВРК...».

«ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО»

Находясь на квартире Фофановой весь день 24 октября, Ленин был в неведении того, что происходит в Петрограде. Связь с ЦК, ВРК у него осуществлялась через Фофанову — вождю большевиков нельзя было появляться в городе, ибо 20 октября министр юстиции отдал еще одно предписание: о его немедленном аресте. Когда, по указанию Керенского, начали разводить мосты, Фофанова заметалась, ведь ей непросто самой с окраины будет добраться до Смольного. С трудом к вечеру 24-го она возвратились домой, рассказала обо всем, что видела и слышала, сгорающему от нетерпения Ленину. Тут же он попросил ее вернуться в город, чтобы получить последние известия, а сам сел писать очередное письмо в ЦК, призывая

к немедленному вооруженному восстанию, подозревая, что оно уже практически началось. Ленин писал: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно. Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами. Массой, борьбой вооруженных масс. Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского (военный министр, вышедший в отставку из-за разногласий с Керенским. — *Авт.*) показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. *Нельзя ждать!! Можно потерять все!!*

Цена взятия власти тотчас: защита народа (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть? Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет „или другое учреждение“, которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас, и послали немедленно делегацию в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-ого, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью. История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия. Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо добить его, во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно».

Письмо это, как и некоторые другие ленинские письма, оказалось непрочитанным вовремя. В официальной биографии Ленина сообщается, что оно было передано Крупской в ЦК. В воспоминаниях Крупской говорится, что она попала в Смольный, когда Ленин уже был там. Письмо это впервые напечатано в 1924 году. Написав его, Ленин в тот вечер, не дождавшись возвращения хозяйки, решил идти в Смольный, известив Фофанову запиской: *«Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич»*.

Надев парик, подвязав щеку платком, Ленин договорился с сопровождавшим его верным спутником Эйно Рахья в случае встречи с патрулем сослаться, что у спутника страшная зубная боль и поэтому он и рта раскрыть не может. До штаба революции добрались без особых приключений, а вот в Смольный без пропуска их не пускали. Пока охрана разбиралась, образовалась толпа, которая смяла караул и буквально внесла Ленина в здание. Рахья ринулся разыскивать Троцкого и нашел его в комнате под номером 100. Ленин тут же подсел к руководству ВРК.

Появление Ленина в Смольном придало импульс курсу на восстание. Большинство членов ЦК РСДРП(б), ВРК по-прежнему опасалось зайти слишком далеко и потерять поддержку масс, оставалось на позиции мирного взятия власти на II съезде Советов. И хотя ВРК уже осуществил захват некоторых объектов, но это была реакция на действия Временного правительства, не ставилась задача вывести массы на улицы. Позиция же Ленина была более активной — немедленно захватить власть, поставить делегатов Съезда перед фактом свержения Временного правительства. Той же ночью заработал полевой штаб ВРК в составе Н. Подвойского, В. Антонова-Овсеенко, Г. Чудновского, А. Бубнова, К. Еремеева и Г. Благонравова. Первоочередной задачей штаба стало обеспечение благоприятных условий работы II Съезда Советов, а также взятие Зимнего дворца и арест министров ВРП.

В 2 часа ночи 25 октября первая рота 6-го саперного батальона заняла Николаевский вокзал, комиссар ВРК М. Фаейрман доложил, что взял под свой контроль электростанцию и распорядился отключить электроснабжение большинства правительственных зданий. В руках комиссара К. Кадлубовского к этому же времени оказался Главпочтамт. Экипаж «Авроры» получил приказ восстановить движение по Николаевскому мосту, капитан корабля отказался исполнять его. Тогда комиссар А. Белышев и матросы взяли команду на себя. Однако пройти «Авроре» по мелкому извилистому фарватеру было непросто, и, чтобы не повредить крейсер, капитан вернул-

ся на мостик. В 3:30 «Аврора» встала на якорь у Николаевского моста, единственного моста, остававшегося под контролем правительства. Как только «Аврора» осветила мост своими прожекторами, охранявшие его юнкера разбежались.

В 6 утра 45 матросов овладели Государственным банком. Спустя час отряд солдат Кексгольмского полка во главе с комиссаром П. Калягиным занял Центральную телефонную станцию и сразу же прервал почти всю телефонную связь со штабом ПВО и Зимним дворцом. В 8 часов утра последний из трех крупнейших вокзалов — Варшавский — тоже оказался в руках Временного революционного комитета. При этом за всю ночь произошло лишь несколько коротких стычек — одна у Таврического, где красногвардейцы столкнулись с казачьим патрулем. Но боя не было.

Ночью в Смольном состоялось заседание ЦК большевиков. Историки отмечают, что протокола не велось, во всяком случае, он не опубликован, но во многих мемуарах упоминается, что на нем присутствовали Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Милютин, Зиновьев, Каменев и Берзин. Проанализировав ситуацию, сложившуюся в столице, решили проинформировать о ней народ.

Ленин написал обращение «К гражданам России». «Временное правительство низложено, говорилось в нем. — Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено!

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

25-го октября 1917 г., 10 час. утра».

Ленин несколько поспешил с обращением, в котором сообщал, что Временное правительство низложено. Оно еще существовало. Ночью были арестованы лишь два министра, оказавшиеся на улице и случайно наткнувшиеся на красногвардейцев, но потом отпущенные. Остальные же министры с Керенским во главе находились в Зимнем дворце. И власть еще не перешла к Советам.

Ленин выдавал желаемое за действительное. По воспоминаниям Керенского, «ночь с 24 на 25 октября прошла в напряженном ожидании. Мы ждали прибытия с фронта воинских частей. Я вызвал их загодя, утром

25 октября они должны были быть в Петрограде. Однако вместо войск поступали телеграммы и телефонограммы о блокаде и саботаже на железных дорогах.

К утру (25 октября) войска так и не прибыли. Центральная телефонная станция, почтамт и большинство правительственных зданий были заняты отрядами Красной гвардии. Здание, где всего лишь день назад проходили бесконечные и бессмысленные дебаты Совета Республики, также захватили красногвардейцы. Зимний дворец оказался в полной изоляции, с ним не было даже телефонной связи... После краткого совещания было решено, что я немедленно отправляюсь навстречу эшелонам с войсками...».

Но Керенскому не такто просто было выехать из Петрограда — город практически находился под контролем большевиков. Да и ехать было не на чем — у командующего ПВО Полковникова не оказалось ни одной машины. В конце концов, генштабисты выпросили машину у американского посольства.

Примерно в то же время, когда Ленин писал Обращение «К гражданам России», как явствует из периодики, Керенский в сопровождении помощника Полковникова, Кузьмина и двух штабофицеров помчался искать верные ему войска. Нет, он не переодевался в женское платье, как утверждалось в некоторых советских книгах. Он ехал под флагом США, караулы растерялись, у них не было никаких указаний насчет Керенского, и только на КПП у Московской заставы его попытались остановить, но водитель на большой скорости проскочил, а стрельба караульных не дала результата. Таким же образом проскочили Гатчину и к ночи добрались до Пскова, под крылышко генерала Краснова.

Собрав кое-какие войска, Краснов с Керенским двинулись на Петроград. Утро же 25-го октября в Петрограде начиналось как обычно. Пошли трамваи. Открылись магазины. Разносчики газет призывали покупать свежие новости.

Что же сообщала пресса?

«Раннее утро», 25 октября 1917 года: «По-видимому, всякие убеждения уже бесплодны, и большевистское восстание организуется и начинается... Неужели не ясно, что диктатура и террор не есть средство для организации страны? Неужели не ясно, что диктатура одной партии, будь она самой левой, громадному большинству населения будет так же ненавистна, как и самодержавие? И неужели не ясно, что попытка восстания во время подготовки выборов в Учредительное Собрание может быть не преступна только потому, что она совершенно безумна?».

И о погоде. *В этот день в Петрограде было +1...+3, сухо, к вечеру пошел дождь,* писали газеты.

...По газетным публикациям можно восстановить полную картину событий в Петрограде: вот сообщение о взятии Мариинского дворца отрядом под руководством Чудновского. Перепуганные депутаты Предпарламента не оказывали сопротивления, но по предложению Авксентьева заявили свой протест и спешно покинули дворец. В два часа пополудни в столицу прибыло подкрепление — корабли из Кронштадта. Линкор «Заря Свободы» стал на якорь у входа в канал гавани. Высадившиеся на берег моряки взяли под контроль Балтийскую железную дорогу между Лиговом и Ораниенбаумом. Остальные корабли малым ходом проследовали по каналу и вошли в Неву под шумные приветствия жителей столицы. Поменяла свое место и «Аврора», развернувшись на середине реки, чтобы лучше просматривался Зимний дворец. Рядом с крейсером бросил якорь «Амур», на палубе которого находилось более тысячи матросов-кронштадтцев. На борт корабля для уточнения диспозиции поднялся член ВРК Антонов-Овсеенко. По плану ВРК Зимний окружался плотным кольцом войск, чтобы его защитникам не оставалось ничего другого, кроме как сдаться без единого выстрела.

Главные же события происходили в Смольном. В 2 часа 35 минут Троцкий открыл Чрезвычайное заседание Петроградского Совета. Уже с первых слов стало ясно, что позиция его изменилась. Еще вчера он говорил, что *«вооруженный конфликт ни сегодня, ни завтра, ни накануне съезда не входит в наши планы»*, тут же, вслед за Лениным, сразу же «похоронил» Временное правительство, объявив от имени ВРК, что его больше не существует, Предпарламент распущен, некоторые министры уже арестованы, хотя заметил, что Зимний дворец еще не взят, но это дело ближайших часов.

Во время выступления Троцкого в зале появился Ленин. Троцкий уступил ему трибуну. Стоя рядом с ним, вождь большевиков произнес свою знаменитую речь: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть...

...Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма. Одной из очередных задач является необходимость немедленно закончить войну...

...Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции. В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

„Да здравствует всемирная социалистическая революция!“».

Конечно же, речь Ленина встретила бурные овации его сторонников и язвительные реплики меньшевиков: *«Вы предвосхищаете волю съезда Советов»*. Троцкий предложил немедленно направить на фронт и по всей стране специальных комиссаров сообщать о свержении Временного правительства и установлении Советской власти. В ответ на это меньшевики заявили о выходе из исполнительных органов Петросовета.

В Смольном ждали сообщения о взятии Зимнего дворца. Но, находясь в плотном окружении, он оставался в руках того самого Временного правительства, которого, по словам Ленина и Троцкого, уже не существовало. Ленин считал принципиальным вопросом взять последний оплот власти, арестовать Временное правительство. Троцкий же не придавал этому никакого значения, считал несопоставимым с тем, что уже сделано. Впоследствии Подвойский писал, что задержка была связана с надеждой ВРК избежать большой крови.

Думается, Подвойский несколько лукавит. У ВРК возникли некоторые трудности и появились новые обстоятельства со взятием Зимнего. В своих воспоминаниях Антонов-Овсеенко ссылается на плохую организацию дела[80]. Произошла заминка с мобилизацией частей Преображенского и Семеновского полков. Задерживалось и большинство отрядов из Гельсингфорса, на участие которых рассчитывал ВРК. Один из поездов остановился в чистом поле за Выборгом, ибо якобы вышел из строя паровоз, выделенный начальником станции, симпатизирующим Керенскому. Не все в порядке было и в Петропавловской крепости, пушки которой смотрели на Зимний, — иные оказались некомплектными и непригодными к боевой стрельбе. Не доставало снарядов нужного калибра...

День клонился к вечеру, а в Зимнем все еще находились министры Временного правительства, которых, правда, большевики уже не считали тако-

[80] Красная газета, 7 ноября 1919 г.

выми. Но в реальности они существовали. В полдень оставшийся за Керенского Коновалов созвал кабинет для обсуждения создавшейся ситуации. Министры чувствовали себя явно не в своей тарелке. И все приуныли, когда узнали, что у командующего ПВО практически нет войск. Выслушав это сообщение, военный министр заметил, что он не понимает, для чего это заседание собрано и зачем дальше заседать? *«У нас нет никакой реальной силы, а следовательно мы бессильны что-либо предпринять»,* — заключил он[81].

Последовало предложение провести совместное заседание с Предпарламентом, но узнали о роспуске последнего. Основную вину, что Кабинет министров оказался в бедственном положении, однако, возложили не на Керенского, а на командующего ПВО Полковникова и достигли единогласия, что его нужно заменить «диктатором» с предоставлением неограниченной власти для восстановления порядка. Споткнулись на том, кого же назначить этим самым «диктатором». После двухчасовых словопрений нашли такового в лице министра социального обеспечения Кишкина, кадета, врача по профессии, которого толком никто и не знал, так как в Петрограде он появился недавно.

Кишкин глазом не моргнув взялся навести порядок, вступил в должность генерал-губернатора после четырех часов пополудни, назначив своими помощниками, правой рукой небезызвестного Пинхаса Рутенберга, того самого, который вместе с попом Гапоном и Троцким, Парвусом организовывал в России первую революцию, затем уехал из страны и вот снова с Троцким появился в Петрограде.

Вторым помощником стал Петр Иокимович Пальчинский. Тоже участник революции 1905–1907 годов, отсидевший срок в тюрьме и уехавший в эмиграцию, где вступил в масонскую ложу. Вернувшись в Россию, занимался бизнесом. В феврале 1917-го А. Гучков позвал его в военную комиссию Временного Комитета Государственной Думы. Это он распорядился взять под охрану электростанцию и военные заводы, направил отряд для занятия телеграфа, телефонной станции, вокзалов, банка, Генштаба. Его кандидатура рассматривалась на пост военного министра Временного правительства, но предпочтение тогда отдали Гучкову.

С трудом добравшись до штаба, Кишкин сместил Полковникова, поставив на его место начальника штаба генерала Багратуни. Это смещение еще более усилило хаос, царивший в штабе ПВО. В знак протеста все сподвижники Полковникова вместе с ним ушли в отставку. Еще толком не перева-

[81] *Ливеровский А. В.* Последние часы Временного правительства. Исторический архив, 1960. — № 6. — С. 41–43.

рив свершившегося, Кишкин, Багратуни, Рутебнерг получили от комиссара Петропаловской крепости Г. Благонравова ультиматум, в котором говорилось: «Постановлением Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов „Авроры“, „Амура“ и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба.

Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать.

Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личности будут освобождены.

Для ответа вам предоставляется 20 минут. Ответ передать посланному.

Срок ультиматума истекает в 19.00 час. 10 мин., после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета Антонов,

Комиссар Петропавловской крепости Г. Б.

25 октября 1917 г.».

Кишкин и Ко пришли в замешательство. Им удалось уговорить одного из самокатчиков вернуться в Петропавловскую крепость и передать их просьбу о продлении срока ультиматума хотя бы на 10 минут, мол, надо проинформировать о нем Временное правительство.

Срочно прибыв в Зимний, «диктатор» сообщил об ультиматуме своим избранникам. Один из министров, посмотрев в окно, спросил адмирала Вердеровского: *«Что грозит дворцу, если „Аврора“ откроет огонь?». «Он будет превращен в кучу развалин, — ответил адмирал. И добавил: — У нее башни выше мостов. Может уничтожить дворец, не повредив ни одного здания»*.

Тем не менее министры решили не идти на капитуляцию, проигнорировать ультиматум — будь что будет.

Не все так просто, как описывалось в советской литературе, было и с выстрелом с «Авроры». В дни подготовки к 50-летию Октября бывший член ЦК Балтийского флота Ховрин, которого послали на крейсер комиссаром, представил в ЦК КПСС свой отчет о роли «Авроры» 25–26 октября 1917 г. Он писал, что команда находилась под влиянием эсеров и потому указания большевиков саботировались. В начале командир «Авроры», ст. лт Эрик-

сон заявлял, что на корабле нет боевых снарядов (вполне возможно их и не было, ибо крейсер ведь находился на ремонте). Ховрин запросил из Кронштадта баржу со снарядами, они вскоре прибыли.

Авроровцы снова поставили Ховрина в тупик, заявив, что на носовом орудии, единственном, с которого можно было стрелять по Зимнему с выбранной стоянки, снят прицел. Рубка, где он хранился, оказалась заперта, а ключ не смогли найти. Не став ломать замок, поскольку времени не оставалось, Ховрин приказал наводить орудие «по стволу». Но и тут помеха — как оказалось, в последний момент орудие зарядили холостым снарядом. Случайно или нет, факт остается не выясненным. По мнению Ховрина, эсеры по обыкновению заняли половинчатую позицию, т. е. если наутро окажется, что победили большевики, можно говорить, что «Аврора» выстрелила по Зимнему. А если вдруг верх будет на другой стороне, можно сослаться на то, что выстрел-то, мол, холостой.

Первоначально в Зимнем дворце находилось около 2,5 тысяч человек: юнкера, казаки, рота женского батальона полного георгиевского кавалера Бочкаревой, прибывшая с фронта из-под Сморгони, где ударницы показали чудеса храбрости, прорвав германскую осаду этого маленького белорусского городка, длившуюся 810 дней, но, не получив поддержки пехоты, вынуждены были отступить.

Часть войск, охранявших Зимний, ушло. Первыми покинули его после переговоров с ВРК самокатчики. Не договорились о компромиссе ни с Временным правительством, ни с ВРК казаки — и тоже ушли. Основательно поредели и ряды юнкеров...

Большевикам не было особой нужды штурмовать Зимний. С натяжкой его можно назвать символом власти, ибо таковым в действительности он не был, хотя в данный момент там находились министры Временного правительства. С 1915 года первые этажи дворца отдали под госпиталь для тяжелораненых солдат, которых патронировали Министерство двора и Красный Крест. Николай II с семейством перебрался в Царское Село. В Зимнем дворце обустроил свою квартиру Керенский, иногда проводя здесь заседания своего Кабинета министров. Но, как известно, он уехал из Петрограда в надежде привести в столицу верные войска. В ожидании этого здесь и собрались министры, призывая своих единомышленников прийти к ним на помощь, вместе противостоять большевикам.

В советское время в школьных учебниках истории КПСС, в кинофильмах утверждалось, что Октябрьское выступление большевиков началось штурмом Зимнего дворца, после залпа «Авторы». Кинокадры ярко показы-

вали, как матросы, красногвардейцы карабкались на литые, ажурные дворцовые ворота, ломали замки и распахнув их, людской поток с криками: «Которые тут временные, слазь! Кончилась ваша власть!».

Большинство мифов о революции пришло к нам из кинематографа, — считает доктор исторических наук, советник директора Государственного Эрмитажа Ю. Кантор. Первый же большой фильм о событиях 25–26 октября — «Октябрь». Сергей Эйнштейн транслировал почти все мифологические образы: запрудившую Дворцовую площадь, матросов на воротах, красногвардейцев. Не было огромной толпы. Дворцовая площадь вмещает около четырех – пяти тысяч человек, максимум семь тысяч человек. Между тем документально подтверждено, что в так называемом штурме Зимнего участвовали несколько сотен большевиков, т. е. запрудить всю Дворцовую площадь они никак не могли.

Не было и залпа «Авроры». Да, крейсер стал на середине Невы, демонстрируя силу большевиков, — «Аврора» с ее корабельными пушками главный козырь большевиков. Конечно, если бы крейсер полоснул огнем по Зимнему, то мало не показалось бы!

Но «Аврора», как отмечалось выше, не могла этого сделать и пальнула вечером только холостым с носового орудия, что послужило для восставших сигналом к взятию последнего прибежища Временного правительства, а для «временщиков» стало последним предупреждением: ультиматум истек, уговоры кончились, вступает в дело сила!

Не было и некого таинственного спецназа, якобы прибывшего по просьбе Троцкого то ли из Финляндии, то ли из Германии, о котором с придыханием повествует диктор за кадром в документальном фильме Е. Чавчавадзе, развенчивающем штурм Зимнего, показанном и по РТР в канун юбилея 90-летия Октября. Этого факта не подтверждают ни серьезные историки, ни вездесущие журналисты того времени, ни сами арестованные члены Временного правительства, оставившие обширные воспоминания, изданные за рубежом, ни участники взятия Зимнего, ни его защитники[82].

Решающая же роль во взятии Зимнего принадлежит малоизвестному Г. И. Чудновскому, прибывшему в Петроград из Америки вместе с Троцким. Он был правой рукой Льва Давидовича и в Петросовете, и в ВРК. Это он, без особого шума, выдворил из Зимнего дворца юнкеров, женский батальон. Чудновский сам повел еще днем, после полудня, в Зимний отряд специально отобранных солдат и матросов с пропагандистской целью — убедить защит-

[82] Интеррос, 2007. № 5. С. 43.

ников Зимнего не допустить кровопролития. Через черный ход со стороны Кановки отряд Чудновского вошел в Зимний. Вставшие на их пути юнкера хотели было арестовать прибывших, но вмешались Рутенберг и Пальчевский, помощники «диктатора» Кишкина, знавшие Чудновского, они о чем-то переговорили и велели не вставать на пути отряда Чудновского. О чем они переговорили — тайна. А явь следующая — растекаясь по многочисленным залам и кабинетам, пришедшие принялись за работу.

Зимний дворец в эти часы напоминал огромный улей растревоженных пчел. В залах, комнатах шли митинги, перепалки... Где свои, где чужие, разобрать трудно. Генерал Багратуни, командующий силами защитников, пройдя по дворцу и оценив обстановку, махнул рукой и ушел из Зимнего. Его арестовал большевистский патруль и доставил к Подвойскому, который в это время обходил позиции находящихся под его командованием революционных сил. К ночи защитников Зимнего осталось не более тысячи с двумя десятками пулеметов. *«Позже, отмечает американский историк Р. Пейн, вскрылось такое загадочное обстоятельство: многие пулеметы оказались с вынутыми затворами»*[83].

Кто это сделал? Тайна.

В 10 вечера, как уже отмечалось, пальнула «Аврора». За ней холостыми же залпами откликнулись пушки Петропавловской крепости. Зимний дал ответ ружейной и пулеметной пальбой. Тогда Петропавловка пустила в ход боевые снаряды, повредив часть карнизов, разбив кое-где окна. Обе стороны вели неприцельный огонь, стреляли в темноту. От шальных пуль погибло, по одним данным, десять человек из дворцовой охраны и шесть матросов, по другим — 9 человек. Когда началась стрельба, министры Временного правительства перешли в столовую, рядом с Малахитовым залом.

Постепенно тесня юнкеров, солдаты, матросы, вооруженные рабочие переходили из одного помещения в другое. И в 2 часа 10 минут ночи В. А. Антонов-Овсеенко открыл очередную дверь. На этот раз ту, к которой стремился, — где находились министры Временного правительства.

«...Мы сидели за столом. Стража уже окружила нас кольцом, — вспоминал П. Н. Малянтович, член Временного правительства.

— Временное правительство здесь, — сказал Коновалов, продолжая сидеть. — Что Вам угодно?

— Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы. Я председатель Военно-революционного комитета Антонов.

---

[83] *Пейн Р.* Ленин, жизнь и смерть. — М., 2003. — С. 396.

— Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития, — сказал Коновалов»[84].

Впоследствии Антонов-Овсеенко вспоминал: «...когда удалось выяснить, что юнкеров остается уже не много, мы с Чудновским повели атакующих внутрь дворца. Юнкера при нашем входе сопротивления не оказали, и мы свободно проникли вглубь дворца в поисках Временного правительства».

«Штурм» Зимнего действительно произошел как-то буднично и прозаично, что и стало причиной его последующей мифологизации, ибо «величайшее событие века», «первая победоносная социальная революция» не могут принадлежать сфере обыденного[85].

Между тем в 22 часа 40 минут Дан от имени ЦИК открыл II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Точный партийный состав съезда не известен. Однако, по-видимому, небольшое большинство голосов на съезде принадлежало большевикам и левым эсерам. Работа съезда протекала драматично. Хотя в президиум были избраны главным образом большевики и левые эсеры, съезд практически единодушно поддержал предложение Мартова об урегулировании политического кризиса мирным путем и о начале переговоров с целью создания коалиционного демократического правительства. Вслед за этим правые эсеры и меньшевики выступили с резким осуждением большевиков. Но не найдя поддержки, они покинули съезд. Мартов, желая «остановить развитие гражданской войны» и добиться согласия между социалистическими партиями, предложил резолюцию, которая осуждала большевиков за осуществление переворота до открытия съезда и требовала создания «общедемократического правительства». Однако после оваций, устроенных съездом прибывшим большевикам-членам городской Думы, и пламенной речи Троцкого, в которой он жестко высмеял предложение Мартова, меньшевики-интернационалисты ушли со съезда.

После перерыва Каменев объявил о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства. Колебавшиеся делегаты окончательно склонились на сторону большевиков. Под утро съезд заслушал и принял написанное Лениным обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам», в котором объявлялось о переходе власти II съезду Советов, а на местах — к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вечером 26 октября после доклада Ленина съезд принял Декрет о мире, в котором предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам на-

[84] Архив русской революции. — М., 1991. Т. IV. — С. 170–171.

[85] Время назад: революционная культура как повседневность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fikio.ru/?p=298 (дата обращения: 30.04.2020).

чать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» без аннексий и контрибуций. Обращение было направлено непосредственно народам воюющих стран, минуя правительства, и носило прежде всего пропагандистский характер.

Съезд принял Декрет о земле. Во многом он повторял эсеровскую аграрную программу и был серьезным отступлением от большевистской программы. Декрет предусматривал переход помещичьих и иных земель в распоряжение крестьянских комитетов и уездных крестьянских Советов впредь до окончательного решения всех земельных вопросов Учредительным собранием. Для практического руководства «великими земельными преобразованиями» в Декрет был включен Наказ о земле, составленный в августе 1917 г. редакцией «Известий» на основе 242 крестьянских наказов. Согласно Наказу, частная собственность на землю отменялась, земля объявлялась «всенародным достоянием» и подлежала (за исключением отдельных показательных хозяйств) уравнительному разделу между крестьянами по трудовой или потребительской норме.

Дискуссии, разгоревшиеся среди большевиков о принципах формирования нового правительства (общесоциалистическое или чисто большевистское), разрешили не только жесткая позиция Ленина, но и сами левые эсеры. Стремясь к компромиссу между социалистическими партиями и созданию широкой социалистической правительственной коалиции, они отказались войти в правительство. В результате на съезде было утверждено большевистское Временное (т. е. до созыва Учредительного собрания) рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК). Большевики не без труда сумели сформировать состав этого правительства. Многие видные большевики отказывались занимать посты в правительстве, старались переложить бремя совершенно незнакомых им управленческих функций друг на друга.

II съезд Советов избрал новый состав ВЦИК. Из 101 его члена 62 являлись большевиками, 29 — левыми эсерами, 6 — меньшевиками-интернационалистами. ВЦИК возглавил Л. Каменев, 8 ноября (после его отставки) его заменил Я. Ярославский. Председателем правительства (Совнаркома) стал В. Ленин.

Свои последние дни доживала независимая пресса. 25 октября газеты писали о «мятеже большевиков», о гражданской войне, провоцируемой большевиками, о пулеметах, доставляемых в Смольный, об «огромном количестве лимузинов у нашего пролетариата». Вскоре после переворота большевики закроют многие как партийные, так и непартийные издания,

объявив их контрреволюционными и издав специальный декрет. Однако еще до переворота редакции некоторых газет и журналов были разогнаны не в меру революционными матросами. Будущий комендант Кремля Мальков впоследствии воспоминал утро 25 октября 1917 года:

«В Питере издавалась газета „Биржевые ведомости“... Гнусная газетка. Всякую клевету по адресу большевиков и балтийских матросов печатала. <...> Вспомнил я про „Биржевку“... ...и поехал на минный заградитель „Амур“. Взял там 8 моряков, и мы отправились закрывать „Биржевку“. Подъезжаем к редакции. Ребята у входа стали — никому ни войти, ни выйти не дают. <...> Разогнали мы редакцию „Биржевки“, а рядом, в том же здании, журнала „Огонек“ помещение. Тоже поганый журнал был. Мы заодно и его закрыли».

Большинство изданий негативно отнеслось к свершившейся пролетарской революции. В статьях «Преступление совершилось», «Тем, кто у власти», «Пролог или эпилог» «День» заявлял, что большевистская авантюра обречена на «быстрый и полный провал», что при всеобщем бойкоте буржуазии большевики не смогут управлять Россией ни одного дня. Как плод «политического безумия и авантюризма» характеризовали большевистское вооруженное восстание и такие газеты, как «Речь», «Народное дело», «Воля народа», а «Утро России» 8 ноября заявляло: «Большевистские официозы продолжают утверждать, что в последних числах октября в России произошла революция и, что революцию эту совершили „рабочие, солдаты и крестьяне“. На самом деле ни в Петрограде, ни в Москве, ни на узловых станциях не было революции. Там были только солдатские бунты». А на следующий день эта же газета призывала «совместными усилиями ликвидировать большевистскую авантюру, положить конец царствованию Ленина».

Встретили в штыки образование на II съезде Советов новой государственной власти и все эсеровские, и меньшевистские издания. На другой же день после октябрьского переворота они обнародовали воззвание главы Комитета спасения Родины эсера В. Чернова, а также приказ А. Керенского, выпущенный им в Пскове, с призывом сохранить верность Временному правительству, не признавать «власти насильников» и не исполнять их распоряжений. Полностью солидаризируясь с Керенским и Черновым, оппозиционные большевикам газеты называли Советское правительство «кратковременным», а его представителей «рыцарями на час». «Начало конца» — такой приговор, раздававшийся со страниц всей оппозиционной прессы, не мог не вызвать экстренных ответных мер. И они последовали: уже 26 октября по постановлению Петроградского и Московского Военно-

революционных комитетов десять наиболее крупных буржуазных газет, в том числе «Речь», «День», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Утро России», были закрыты, однако некоторые из них возобновились под другими названиями.

Революция шла, а Петроград же жил своей обычной жизнью, отмечает исследователь А. Карпов. 25 октября вечером в Народном доме (Александровский парк, 3) давали «Дон Карлоса» с участием Ф. И. Шаляпина; в Троицком театре К. А. Марджанова — «Саломею», а питерский театр с московским названием «Летучая мышь» зазывал на дивертисмент с «2 оркестрами музыки, превосходной кухней, умеренными ценами».

Впрочем, чтобы более полно представить, что происходило в те дни, почитаем документ истории — «Хронику событий Октябрьской революции с 25 октября по 29 октября 1917 г. (по старому стилю)», изложенную в газете «Петроградский листок» от 12 ноября 1917 г. Хроника эта интересна тем, что расписана по часам и сделана по горячим следам. Газета антибольшевистская и закрыта постановлением Петроградского военно-революционного комитета. Судя по всему, это последний номер газеты, ибо объявленного продолжения Хроники не последовало.

«Петербургский листок» — политическая, общественная и литературная газета. Издавалась в 1864–1917 гг. Издатели и редакторы в разное время: Н. и А. Зарудные, А. С. Афанасьев-Чужбинский, И. А. Арсентьев, М. М. Стопановский, А. А. Соколов, В. А., А. В., В. А. (2 й), А. В. (2 й) Владимирские, Н. А. Скроботов и др.

В первом номере издателем была сформулирована программа газеты: «Мы будем говорить исключительно о петербургской жизни...

Столичная жизнь представит нам весьма много интересных подробностей, которые не могут показаться скучными...

Мы будем присматриваться к мелким явлениям петербургской жизни и даже не станем группировать их по категориям, а просто будем подхватывать на лету, что подвернется под руку, лишь бы новость была, так сказать, животрепещущая».

Эта программа определила первоначальный облик газеты: «П. Л.» стал первым в России частным изданием, поставившим главной целью освещение событий городской жизни. В. Буренин, сотрудник «Нового времени», в 1882 году назвал «Листок» и подобные ему издания «распивочными органами», подчеркивая специфику читательской аудитории газеты: А. В. Амфитеатров отозвался о «П. Л.» как о любимом уличном органе «дворников, швейцаров, извозчиков, мелких лавочников и тому подобно-

готемного люда». Тем не менее среди читателей газеты были и образованные люди.

Успех «П. Л.» обусловлен той нишей, которую издание заняло среди газет: оно стало первым среди газет, ориентированных на массового читателя. Тираж вырос с 10 тысяч в 1880 году до 31 тысячи, в 1917 призывал к поддержке Временного правительства и к войне «до победного конца».

ХРОНИКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГАЗЕТЕ «ПЕТРОГРАДСКИЙ ЛИСТОК»

от 12 ноября 1917 г. (по старому стилю)

Двенадцать дней печатное слово, уступая насилью, вынужденно молчало. Стоустая молва творила легенды в эти кровавые, скорбные дни позора России, заушения всех свобод, добытых ценой жертв ряда поколений.

Помещаемый «Дневник событий» за дни, когда сама газета не могла говорить с читателем, пусть послужит памятью об ужасах кошмара, до сих пор еще не изжитых, мимо которых не пройдет ни один будущий историк России.

***

Вечер, 24-го октября. Воззвание к населению Вр. Правительства за подписью заместителя мин.-председателя А. Коновалова.

Назначение Н. М. Кишкина генерал-губернатором Петрограда Временным Правительством в Зимнем дворце.

25 ОКТЯБРЯ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

2 ч. ночи. Переход Балтийского вокзала в руки революционного комитета (Кексгольмский полк).

4 ч. ночи. Совещание членов Правительства в главном штабе.

6 ч. ночи. Занятие революционным комитетом Гос. банка.

7 ч. утра. Прибытие двух крейсеров («Аврора» и «Заря Свободы») и миноносцев из Кронштадта.

Занятие Кексгольмским полком телефонной станции.

Гос. банк занят матросами.

8 ч. 30 м. Варшавский вокзал переходит к революционному комитету.

9 ч. Переезд Керенского и членов Вр. Правительства в Зимний дворец.

9 ½ час. Радиотелеграмма из Зимнего дворца: пусть ответит страна на безумную попытку поднять восстание.

10 ч. Заседание комитета общественной безопасности в гор. Думе.

11 ч. Освобождение по приказу рев. Комитета Рошаля, Хаустова, Захарова, Толкачева и др. «большевиков».

12 ч. дня. Керенский в сопровождении помощника главнокомандующего, поручика Козьмина и адъютантов в открытом автомобиле выезжает на один из вокзалов для отправления на фронт.

12 ½ ч. дня. Разгон Вр. Совета республики в Мариинском дворце. Арест министра продовольствия С. Н. Прокоповича на набережной и Гвоздева (оба освобождены).

1 ч. дня. Захват телеграфа. Цензура агентских телеграмм. Прекращение приема частных депеш.

2 ч. 35 м. дня. Заседание петроградского Совета Р. и С. Депутатов.

3 ч. Заседание городской Думы.

3 ч. Юнкера с орудиями у Зимнего дворца. Патрули военно-революционного комитета на улицах. Секвестр типографии «Биржевых Ведомостей».

3 ч. 45 м. Казанская площадь занята восставшими. Установка пулеметов.

4 ч. 30 м. Восстание на площади Зимнего дворца.

5 ч. 30 м. Слух, будто из Пскова идет к Петрограду армия во главе с Керенским.

6 ч. Миноносцы подходят по Неве к Зимнему дворцу.

6 ч. 40 м. Броневики военно-революционного комитета у штаба округа. Ультиматум военно-революционного комитета — двадцать минут для сдачи.

7 ч. 20 м. Красногвардейцы, матросы и солдаты окружают штаб. Отказ ген. Багратуни от командования округом.

7 ч. 40 м. Оставшийся в полном одиночестве без офицеров и солдат, ген. И. Н. Пораделов сдает штаб.

7 ч. 50 м. Совещание в Зимнем дворце с участием командующего округом г.-м Багратуни, ген.-губернатора и членов Вр. Правительства.

8 ч. 45 м. Арест членов Вр. Правительства: М. И. Терещенко и А. В. Карташева.

9 ч. веч. Перестрелка на улицах. Прибытие из Гельсингфорса четырех миноносцев и учебного судна «Верный». Занятие типографии «Русская Воля».

9 ½ час. Стрельба из орудий по Зимнему дворцу.

10 ч. 45 м. Открытие всероссийского съезда Советом Р. и С. Депутатов.

11 ч. веч. Воззвание Исполн. Ком. Всероссийск. Совета Кр. Депутатов. Проект директории большевиков: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев и Володарский.

Заседание гор. Думы. Решение отправиться в Зимний дворец, и если суждено погибнуть, то вместе с осажденными министрами.

11 ½ ч. веч. Половина Зимнего дворца в руках восставших.

Ужасы последних дней
С карт. художника В.В. Берингера

26 ОКТЯБРЯ
ВТОРОЙ ДЕНЬ

1 ч. 45 м. Известия о сдаче Зимнего дворца.

2 ч. ночи. После неудачной попытки проникнуть к осажденному Зимнему дворцу гласные Думы, члены различных фракций и Совета Крестьянских Депутатов открывают заседание для принятия мер спасения родины. Постановлено образовать комитет спасения родины и революции. В состав его вошли по 3 представителя от следующих групп: городской Думы, Исп. Комитета Совета Р. и С. Депутатов, Исп. Комитета Совета Кр. Депутатов, фракции соц.-рев. И соц.-дем., съезда советов, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, центрального комитета партии с.-д., Совета Российской Республики, фронтовых организаций.

В конце заседания гор. Думой вынесена историческая резолюция: «Принимая во внимание, 1) что Временному Правительству предъявлен ультиматум сдаться под угрозой применения против него оружия; 2) что единственным органом, призванным решить вопрос о власти, является Учредительное Собрание, созыв которого подготовлен Вр. Правительством, от выборов в которое отделяет нас менее 3-х недель; 3) что применение грубой физической силы в решении вопроса о власти при таких обстоятельствах совершенно недопустимо, — петроградская городская Дума, как единственный орган, правильно избранный населением столицы, выражает свой решительный протест против акта насилия и выражает Вр. Правительству, в состав которого делегированы и члены социалистических партий, свою моральную поддержку».

2 ч. 10 м. ночи. Арест всех членов Вр. Правительства, генерал-губернатора и его помощников в Зимнем дворце.

2 ч. 30 м. ночи. Постановления Всероссийского съезда Советов Р. и С. Депутатов: отмена смертной казни; право агитации в армии; амнистия.

3 ч. ночи. Уход из Совета Р. и С. Депутатов представителей всех партий, за исключением большевиков. Обыск в редакции «Наше Общее Дело». Арест В. Л. Бурцева. Арестованный отвезен в Петропавловскую крепость и заключен в Трубецком бастионе.

6 ½ ч. утра. Редакцией газеты «День» получено извещение Исп. Комитета петроградского Совета Р. и С. Депутат., что, по постановлению военно-революционного комитета газета приостановлена «за поднятую травлю советов».

7 ч. утра. Комиссар военно-революционного Комитета в сопровождении группы вооруженных матросов явился в редакцию «Нового» и «Вечернего Времени», объявив, что не допустит выхода обеих газет, а типография реквизируется для набора и печатания «Рабочего Пути», «Солдата» и «Деревенской Бедноты» — органов большевиков.

Манифест «Правительства 3-й революции»: «немедленное предложение мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством и создание советского правительства».

8 ч. утра. Газеты, за исключением социалистических, не вышли.

10 ч. утра. Большевик комиссар Урицкий посетил мин. иностр. дел и потребовал предъявления ему тайных договоров, заключенных между Россией и союзниками. Г. Урицкому в министерстве ответили, что служащим ведомства ничего о тайных договорах неизвестно, но, если г. Урицкому угодно, он может поискать в тех сотнях шкафов, которыми уставлены коридоры и комнаты министерства.

2 ч. дня. Заседание городской Думы. Посещение делегацией большевиков городской Думы. Ответ гор. Головы, что «не может быть речи о каких-либо „трениях“, так как налицо нападение не только на Временное Правительство, но и на городское управление».

— Вы овладели властью, — заявил гор. голова большевикам, — но это еще недостаточно — нужно общественное признание власти и, пока его не будет, гор. управление вас не признает.

На том же заседании гласный Думы В. И. Чарнолусский в присутствии группы гласных отказался подать руку Луначарскому, заявив: «Изменникам и предателям родины я не нахожу возможным подавать руку» («Рабочая Газета»).

2 ч. 35 м. дня. Экстренное заседание петроградского Совета Р. и С. Депутатов. Доклад Н. Троцкого: «Небывалый в истории

опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме потребностей солдат, крестьян и рабочих». «Лучшие силы буржуазной науки поймут, по словам Троцкого, что условия, созданные Советами Р., С. И Кр. Депутатов, — есть лучшие условия для их работы».

Речи Ленина, Зиновьева и Луначарского.

3 ч. дня. Заседание Всерос. Комитета Спасения Родины и Революции. Воззвание к гражданам по поводу насилия над Вр. Правительством и неслыханного преступления против родины со стороны большевиков.

Призыв к ополчению и отпору.

4 ч. дня. «Разгром сокровищ Зимнего дворца солдатами, набивавшими себе карманы всем, что попадется под руку, не щадя ничего» («Раб. Газета»).

4 ½ ч. дня. Вторичный арест мин. продовольствия С. Н. Прокоповича, препровожденного в Совет Р. и С. Депутатов в 8 ч. утра.

5 ч. дня. Отрядом солдат Кексгольмского полка, по распоряжению военно-революционного комитета, занято помещение военного министерства с помещающимся там прямым проводом со ставкой.

6 ч. вечера. Заседание гор. Думы, которую большевики грозят «разогнать» в случае противодействия их намерениям.

В заседании Думы единогласно постановлено:

В случае разгона гор. Думы немедленно создать ее в другом месте.

Объявить неприкосновенность частных жилищ и призвать через домовые комитеты население Петрограда давать решительный отпор всяким попыткам врывания в частные квартиры, не останавливаясь перед применением оружия в интересах самообороны граждан.

Признать, что должность члена гор. управы и звание гласного гор. Думы несовместимы с должностью комиссара военно-революционного комитета в гор. учреждениях.

Предложить членам управы, состоящим комиссарами военно-революционного комитета в городских учреждениях, выйти из состава гор. управы или оставить должность комиссара военно-революционного комитета.

Признать за центральной и районными гор. думами право немедленного закрытия всех заведений трактирного промысла, чайных, столовых и т. п.

7 ч. вечера. Призыв гор. общественного самоуправления к гражданам, городским и земским самоуправлениям объединиться и выступить на защиту завоеваний русской революции и независимости общественного самоуправления.

8 ч. вечера. Приказ военно-революционного Комитета: «Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к заговору, устроенному комитетом, должны быть немедленно арестованы, как враги».

9 ч. вечера. Заседание Всер. Комитета Спасения Родины и Революции. Известие о создании такого же комитета в Москве.

Найден в Мойке труп тов. воен. министра кн. Туманова, исколотого штыками солдат, производивших арест генерала, по постановлению военно-революционного комитета.

10 ч. вечера. Военно-революционный комитет постановил немедленно доставить ген. Корнилова и всех изобличенных участников его заговора в Петроград для заключения в Петропавловской крепости и для немедленного предания строгому военно-революционному суду.

Сопротивляющихся этому постановлению комитет объявляет изменниками революции и распоряжения их объявляет недействительными и не подлежащими исполнению. (Слухи о побеге ген. Корнилова).

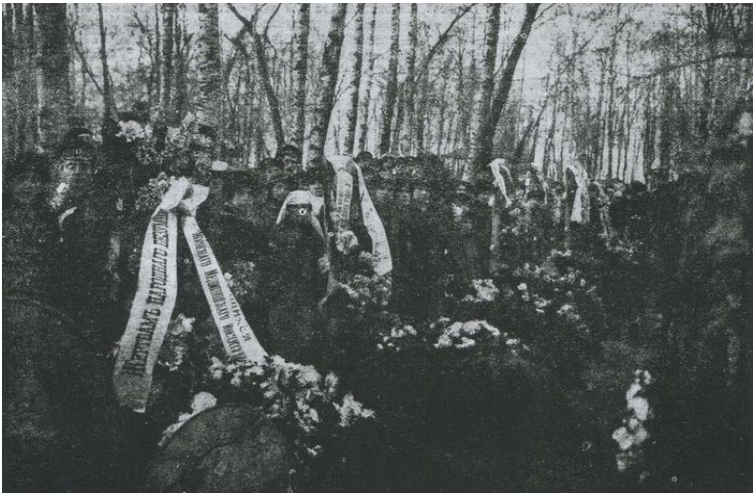
11 ч. вечера. У Царскосельского вокзала матросы останавливают воз с пачками номеров газеты «Речь»; по их приказу уличные мальчишки устраивают костры и предают сожжению номера газеты.

12 ч. ночи. Декрет и мире. Предложение всем правительствам и народам воюющих стран заключить перемирие не менее как на три месяца для переговоров о мире.

***

27 ОКТЯБРЯ
ТРЕТИЙ ДЕНЬ

НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ ПОСЛЕ ПОГРЕБЕНИЯ



Похороны юнкеров Винклера, Гофмана, Соколова, А. Концова, А. Журавлева, Моренко и четырех неизвестных в военной форме. Возле могилы стоят с венками депутаты от всех высших учебных заведений Петрограда С фот. Я. Штейнберга

Буржуазные газеты не вышли: им было предложено воздержаться от выхода до вторника. Большинство типографий их захвачено большевиками, печатающими в миллионах экземпляров «декрет о мире». Из чувства солидарности газеты решили не выходить. Революционная печать явно раскололась на два лагеря: торжествующих победу большевиков и социалистов всех фракций, называющих эту победу «распятием революции». В социалистических газетах плакаты с лозунгами: «Да здравствует комитет спасения родины и революции!», «Вся власть Учред. Собранию!».

Первый номер «Известий» большевистского исполнительного комитета. Отказ сотрудников от работы в издании. Призыв «Известий» бойкотировать в рабочих кварталах и казармах

«желтую» и «зеленую» прессу и «корниловские» социалистические газеты (?!). «Рабочий Путь» вышел под старым заглавием «Правда».

В социалистических газетах от имени объединенной партии с.-д., с.-р. и народных социалистов напечатаны воззвания, что «захват власти большевиками путем военного заговора над волей народа есть узурпация прав народа и что для защиты свободы и республики должны быть созданы комитеты общественного спасения».

Протест общеказачьего съезда против большевиков. Приказ верховного главнокомандующего всем начальникам и комиссарам сохранять, во имя спасения России, свои посты во время смуты, вызванной безумием большевиков.

Разрушение здания Владимирского юнкерского училища
С фот. Я. Штейнберга

Военно-революционным комитетом назначены временно, до утверждения их съездом советов:

Комиссаром министерства иностранных дел Урицкий, а по другой версии и Троцкий, министерств юстиции и внутренних дел Рыков, министерства труда Шляпников, министерства государственного призрения Коллонтай, министерства торговли и промышленности, путей сообщения и государственного контроля Гольден-дах-Рязанов, морского министерства — матрос Коврин (из кронштадцев), министерства почт и телеграфов Спиро, государственных театров Муравьев, по типогра-

фиям Дербышев, комиссаром гор. Петрограда поручик Нестеров и северного фронта — Позерн.

11 ч. дня. Комиссары большевиков явились в министерства. Служащие покинули здания министерств, не желая подчиняться новым ставленникам. Приказ комиссара министра труда Шляпникова служащим явиться на свои посты 28-го октября. Не явившиеся будут считаться покинувшими свои места.

Царское занято. Войска военно-революционного комитета бежали.

12 ч. дня. Телеграмма с Дона: казачьи войска заняли Донецкий бассейн. Все правительственные учреждения в руках казаков.

1 ч. дня. Экстренное заседание гор. Думы по вопросу о продовольствии. Хлебных запасов в столице хватило всего лишь на 10 дней. Постановление, за невозможностью печатать «Вестн. Гор. Самоуправления» (цензура комиссаров), печатать номера без цензуры на ротаторе. Избрание комиссии для редактирования воззвания к населению.

2 ч. дня. Военно-революционный комитет получил сведения, что на станциях Дно и Гатчина сосредоточены эшелоны казачьих войск и тяжелой артиллерии, идущие на Петроград для усмирения большевиков.

Арест военно-морским революционным комитетом состава центрофлота.

3 ч. дня. Заседание комитета спасения. Здание гор. Думы окружено матросами. Слухи о насильственном разгоне Думы. Обыски у выходящих с заседания.

4 ч. дня. Освобождение из Петропавловской крепости (под домашний арест) мин. Маслова, Салазкина и адм. Вердеревского.

5 ч. дня. Получены сведения, что в Гатчине казаки заняли вокзал и почту. Комитет общественной безопасности вступил в соглашение с профессиональными союзами дворников и домовыми комитетами для охраны города.

6 ч. вечера. Отказ наборщиков типографии «Правительственного Вестника» набирать очередной номер газеты — официоза большевистского правительства (номер набран и отпечатан в захваченной типографии «Русской Воли»).

7 ч. веч. Телеграмма из Гатчины, что там находится Керенский с войсками и тяжелой артиллерией.

Первое заседание нового исп. комитета Совета Р. и С. Депутатов. Временным председателем избран Розенфельд-Каменев, секретарем Ованесов.

8 ч. веч. Заседание гор. Думы. Делегат союза союзов заявляет о постановлении 16-ти организаций прекратить занятия во всех правительственных учреждениях и отдать все свои силы комитету спасения.

Посылка от имени гор. Думы трех эмиссаров в Гатчину для посредничества между двумя борющимися странами, для предотвращения кровопролития.

9 ч. веч. Известия из Нарвы, что местный гарнизон присоединяется к военно-революционному комитету.

10 ч. веч. Гор. Дума разослала за подписью начальника милиции телефонограмму комиссарам районов с предписанием всей милиции оставаться на постах и не подчиняться приказам из военно-революционного комитета, потребовавшего от комиссаров некоторых районов сдачи дел.

11 ч. веч. Служащие телеграфного агентства, убедясь в фабрикации агентских телеграмм комиссаром — большевиком, в знак протеста оставили работу в агентстве.

1 ч. ночи. Возобновление последнего заседания всерос. съезда советов. Законопроект о земельной реформе принимается большинством одного, при 8 воздержавшихся.

2 ч. ночи. На том же съезде принимается (после речи Троцкого против коалиции) однородный состав власти (из большевиков) под именем народных комиссаров. (См. ниже).

3 ч. ночи. Голосование за списки большевистских кандидатов в комиссары. Выборы в новый ц. исп. комитет Совета. Из ста человек комитета проходят — 70 человек большевиков, остальные левые с.-р., меньшевики-интернационалисты и т. д. Съезд, однако, постановляет, что состав Ц. И. К. может быть пополнен представителями демократических групп, воинских частей, а также представителями тех групп, которые ушли со съезда.

5 ч. ночи. Закрытие съезда советов. Список комиссаров утвержден большинством путем открытого голосования.

Предложение произвести поименное голосование. За поздним временем предложение снимается. Председатель (Каменев) объявляет съезд закрытым, не произведя подсчета голосов.

6 ч. утра. Список народных комиссаров:

Председатель Совета — *Владимир Ульянов (Ленин)*.

Народный комиссар по внутренним делам — *А. И. Рыков*.

Земледелия — *В. П. Милютин*.

Труда — *А. Г. Шляпников*.

По делам военным и морским — комитет в составе:

В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и Ф. М. Дыбенко.

По делам торговли и промышленности — *В. П. Ногин*.

Народного просвещения — *А. В. Луначарский*.

Финансов — *Н. И. Скворцов (Степанов)*.

По делам иностранным — *Л. Д. Бронштейн (Троцкий)*.

Юстиции — *Г. И. Оппоков (Ломов)*.

По делам продовольствия — *И. А. Теодорович*.

Почт и телеграфов — *Н. П. Авилов (Глебов)*.

Председатель по делам национальностей —

И. В. Джугашвили (Сталин).

7 ч. утра. Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным, в виду заявления железнодорожного союза, что до утверждения власти от всех соц. партий он не может поддерживать большевистское, узко партийное правительство.

8 ч. утра. Цензура военно-революционного комитета сообщений центрофлота. Декрет о его роспуске.

9 ч. утра. Ходившие по городу слухи подтверждаются телеграммой с Дона войск атамана ген. Каледина об образовании временно, до восстановления власти и порядка в России, в Донской области войскового правительства, обещающего поддержку существующему Врем. Правительству в союзе с правительством других казачьих войск.

Комитет спасения действует в составе делегатов (по три человека) кр. совета кр. депутатов, Ц. И. К. Р. и С. Депутатов (выбранного до захвата власти большевиками), от фракции эсеров, меньшевиков, нар. социалистов «Единства», центр. комитета эсеров и 9 представителей от гор. самоуправления (кадетов, эсеров, с.-д., нар. социалистов).

К комитету и резолюции гор. Думы, не признающей новой власти, присоединились служащие многочисленных учреждений столицы, союз увечных воинов и др. Матросы с крейсера «Аврора» вступили в переговоры с гор. Думой.

28 ОКТЯБРЯ
ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

Ночью. Арестованы эмиссары гор. Думы, посланные в Гатчину. Арестовавшие их солдаты издевались над делегатами; один из них, Гоц, под конвоем был доставлен в Смольный, откуда отпущен.

7 ч. утра. Из Гельсингфорса прибыли в Неву четыре миноносца.

8 ч. утра. Буржуазные газеты не вышли. Социалистические: «Вестник Гор. самоуправления» и «Известия Всер. Совета Кр. Депутатов» подвергнуты цензуре. «Народное Слово», «Дело Народа», «Воля Народа» и «Голос Солдата» отбирались у газетчиков красногвардейцами и уничтожались.

Служащие в экспедиции «Прав. Вестн.» отказались рассылать газету, перешедшую к большевикам, по адресам подписчиков. Опубликован декрет о печати за подписью Ульянова (Ленина), председателя «совета народных комиссаров».

Большевики обещают полную свободу печати по наступлении нормальной жизни. Пока же, согласно декрету, подлежат закрытию все органы печати: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению (?!) рабочему и крестьянскому правительству, 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов*, 3) призывающие к деяниям явно преступным, т. е. уголовно наказуемым**.

Запрещения могут быть временные и постоянные (?!), по постановлению совета народных комиссаров.

Советом народных комиссаров опубликован декрет о рабочем контроле и о расширении прав гор. самоуправления в области продовольственного дела, единоличным хозяином которого объявляется гор. самоуправление.

Постановление о созыве Учред. Собрания в назначенный срок 28-го ноября, при обеспечении «свободного и правильно-

го производства выборов», подписанное от имени правительства Росс. республики «председателем совета нар. Комиссаров Владимиром Ульяновым-Лениным».

Роспуск военно-революционным комитетом «центрофлота», приказ того же комитета об открытии всех лавок и магазинов и о реквизиции пустующих квартир и других помещений.

Сношения со ставкой прекращены. Железнодорожный телеграф и движение в руках железнодорожного союза. Центр. комитет союза выразил протест против захвата власти одной из политических партий.

Введение предварительной цензуры военно-революционным комитетом.

«Разрешенная» военно-революционным комитетом к выпуску газета «Текущий Момент» подвергается конфискации со стороны местного Василеостровского районного комиссара Совета Р. и С. Депутатов.

Цензура «Вестн. Городского Самоуправления» (заявление члена управы Петрова в заседании Думы). Требование комиссаром от рабочих типографии подписки, что они, без разрешения военно-революционного комитета, не выпустят газеты.

9 ч. утра. Войска Керенского в 2-х верстах от Царского.

Кубанское войсковое правительство объявило большевиков изменниками и предателями родины и постановило всемерно защищать Вр. Правительство.

В Калуге местный большевистский совет распущен за попытку овладеть властью. Образован орган губернской власти для поддержки Вр. Правительства.

10 ч. утра. Всеобщая забастовка в прав. учреждениях. Сенаторы заседают, не считаясь с правительством захватчиков. Гос. и частные банки закрыты. Большинство магазинов, вопреки приказу, стоят с заколоченными наглухо ставнями. Приглашенные комиссарами явиться для сдачи дел заведующие отделами и товарищи министров не явились. За работой — одни красногвардейцы: роют окопы на окраинах столицы. Отправка с вокзалов полков военно-революционного комитета и красногвардейцев навстречу «неприятелю».

Опровергается вчерашний «бой» под Гатчиной.

11 ч. утра. Над Каменноостровским появился аэроплан, разбрасывавший воззвания, подписанные А. Ф. Керенским.

Приказ о закрытии соц. газеты «Народное Слово» (за напечатание приказа ген. Крымова, командующего войсками, идущими на Петроград). Редактор — известный писатель, б. министр продовольствия, А. В. Пешехонов арестован.

12 ч. дня. Обращение к гражданам президиума вр. Совета республики, что «захваченная власть большевиков» должна быть признана врагом народа и революции; с ней необходимо бороться, ее необходимо свергнуть. Совет призывает граждан сплачиваться вокруг органов местного самоуправления, отказывать в повиновении и не исполнять приказов и запретов большевистской власти, которая должна быть низложена.

2 ч. дня. Разоружение красногвардейцев у гор. Думы публикой. Стрельба постовых солдат военно-революционного комитета.

3 ч. дня. Получено известие, что Царское занято войсками Вр. Правительства.

4 ч. дня. Войска во главе с Керенским на станции Александровской.

5 ч. веч. Мобилизация черных банд и погромщиков. Опасение погромов винных складов. Получено известие, что приставленная для охраны винных складов большевистская команда сама разгромила склады и перепилась.

Среди гарнизона брожение: масса начинает прозревать обман большевиков.

6 ч. веч. В вечерних газетах опубликовано требование начальника штаба верховного главнокомандующего от имени армии к большевикам прекратить немедленно насильственные меры, отказаться от захвата власти и подчиниться Вр. Правительству до Учр. Собрания.

7 ч. веч. Перестрелка на Знаменской площади между красной гвардией и отрядом инвалидов.

8 ч. веч. Заседание гор. Думы. Протест против большевиков со стороны телефонисток.

8 ч. 20 м. Из Смольного удалены представители социалистических газет. Информация всех газет возложена на сотрудника «Новой Жизни».

Мотив удаления: в Смольном небезопасно — он легко может подвергнуться обстрелу.

8 ч. 30 м. Слух, что Ленин и Троцкий бежали.

9 ч. веч. Гатчина в руках пр. войск.

Смольный укреплен мортирой и зенитными орудиями. Никто не пропускается без особых свидетельств.

10 ч. веч. Воззвание гор. Думы к населению: сохранить полное самообладание, не выходить без нужды на улицу, не устраивать митингов и проч.

* Большевистские «Известия», «Правда» и «Деревенская Беднота», уличенные в этом всей социалистической прессой, в счет не идут.

** За исключением состоящих под уголовным судом Ленина, Зиновьева и комп., конечно.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ
КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Печати приказано «свободолюбцам» молчать. Закрыть социалистический «Голос Солдата». Насилие в редакции «Голос Народа», который не вышел.

Заявление редакций «Р. Воли» и «Речи», что их газеты насильственно лишили возможности выходить.

Типография «Биржев. Ведом.» отдана военно-революционным комитетом в распоряжение анархистов. Рабочие и служащие выразили протест и отказались работать для захватчиков.

Заявление сотрудников «Петр Газеты», что они не признают возможным выпуск очередного номера, продиктованного военным отделом Совета Р. и С. Депутатов.

Вышедшее «Народное Слово» подтверждает приход большевистского комиссара с телефонограммой от «властей» о захвате газеты и аресте редактора.

Закрыт орган меньшевиков-оборонцев «Искра».

Цензурного насилия не избежала и ведущая примирительную линию между всей демократией и большевиками «Новая Жизнь»: часть наборщиков «стала чинить препятствия к набору и печатанию приказа Керенского, обращения ген. Краснова

к казакам и отдельных мест из сообщения о заседании в гор. Думе». Самосуды, расстрелы и пьяные разгромы во всех частях столицы.

Воззвание к Балтийскому флоту генерального комиссара Временного Правительства Онипко с призывом опомниться и не предавать страны бесчинству и гибели.

Приказ командующего войсками комитета спасения полк. Полковникова. Воззвание городской Думы о восстановлении порядка.

Продовольственных грузов прибыло всего 2 вагона. За 28-е октября — пять.

Призыв к сплочению около комитета спасения поддержан почти всеми профессиональными организациями. Заявление о присоединении к комитету начали поступать и от воинских частей Петрограда.

В «Известиях» напечатаны за подписью Ленина, Троцкого и Подвойского:

1) Приказ районным советам и фабрично-заводским комитетам поддержать армию (?!) и красную гвардию против «корниловских банд» (?!) Керенского; 2) постановление «правительства» о рабочей милиции за подписью комиссара по внутренним делам Рыкова и 3) обращение военно-революционного комитета «к всему населению», где Керенский объявляется обманщиком и «корниловцем» (?!), другом помещиков, капиталистов и спекулянтов, врагом народа и «бессильным буржуазным заговорщиком», которые все «будут раздавлены беспощадно».

(Окончание следует).

К сожалению, окончания не последовало. Газета закрыта постановлением ПВРК[86].

***

[86] Хроника Октябрьской революции в газете «Петроградский листок» от 12 ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://statehistory.ru/4342/KHronika-Oktyabrskoy-revolyutsii-v-gazete-Petrogradskiy-listok-ot-12-noyabrya-1917-g-/ (дата обращения: 30.04.2020).

ОТМЕЧЕННЫЕ БОЖЬЕЙ ИСКОРКОЙ

В начале XX века журналистика, наряду с известными репортерами и публицистами, впоследствии ставшими еще более известными писателями, о которых говорилось выше, пополнилась новыми именами. Большинство из них, сверкнув на страницах прессы, сегодня забыты или полузабыты. А они ведь делали погоду не только в своих изданиях, но и в целом в журналистике того времени. О некоторых из них вскользь говорилось выше, но есть необходимость рассказать более объемно.

Дорошевич В.

В «Русском слове» делал погоду Влас Дорошевич. Издание удваивало тиражи, когда там выступал этот «король фельетонов», повествователь сказок и легенд, автор судебных отчетов, театральных заметок, школьных очерков, зарубежных впечатлений. Даже Чехов и Горький поражались его популярности, отмечает исследователь А. Менделеев[87]. Редактор иностранного отдела «Русского слова» К. Орлов вспоминал, что Сытин предоставил Дорошевичу полную свободу действий, Сытин его побаивался, при том его одного[88].

Интересна судьба Власа Михайловича. Родители Дорошевича принадлежали к литературной «богеме». Отец — Сергей Соколов, журналист; рано умер. Мать, Александра Ивановна Соколова, происходила из богатого и знатного рода Денисьевых из Рязанской губернии, получила образование в Смольном институте, была отличницей, и потому ее звали «восьмым чудом света». Чудо оно и есть чудо — уйдя от мужа с полугодовалым ребенком, она уехала в Белоруссию, потом оказалась в Москве, бросила младенца с запиской: «Ребенок еще не крещен, прошу дать ему имя Влас, в честь Блеза Паскаля». Мальчика усыновила семья коллежского секретаря Михаила Ивановича Дорошевича.

Александра Соколова писала романы, печаталась в московской периодике под псевдонимами «Синее домино», «Помещица Анфиса Чубукова». Наиболее интересны ее мемуары «Встречи и знакомства» появлялись еженедельно в «Московском листке». Спустя 10 лет Соколова через суд сумела забрать сына к себе. Власу была нанесена тяжелая душевная травма. Впоследствии он не раз обращался к теме «О незаконных и о законных, но несчастных детях».

---

[87] *Менделеев А. Г.* Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. — М., 2001. — С. 61.
[88] Там же. С. 25.

Став журналистом, Дорошевич печатался в «Одесском листке», газете «Россия», журналах «Будильник», «Развлечение», «Волна». В «Московском листке» начал публиковать рецензии на произведения Соколовой подписываясь «Ваш сын Влас» или «Сын своей матери». Читатели были в восторге. В 1902 году Сытин пригласил Дорошевича в «Русское слово», где он стал ведущим журналистом.

В двух книгах — «Как я попал на Сахалин» и «Сахалин» (обе — 1903) — Дорошевич, как до него Чехов, старался «добыть настоящую правду» об учреждениях, быте, нравах каторги. Характеризуя Сахалин как «помойную яму», «мертвый остров», Дорошевич указывал на невозможность возрождения, «нравственного воскрешения» преступников в таких условиях. Социальные вопросы, поднятые Дорошевичем, их освещение сделали его заметной фигурой дореволюционной журналистики. В течение четырех лет длился судебный процесс по обвинению Дорошевича «в клевете в печати», возбужденный смотрителем Дуйской тюрьмы А. Фельдманом. В итоге Дорошевича оправдали.

Вместе с Л. Андреевым добился оправдательного приговора для братьев Скитских («дело Скитских»). В ряде очерков, статей и памфлетов («Пытки», «Детоубийство», «Исчезнут ли тягчайшие наказания» и др.) рассказал о применении пыток при следственных дознаниях, об истязании людей в тюрьмах и доведении их до самоубийства. Участие Дорошевича в судебных делах Золотовой, Коноваловой, Тальмы и др. позволило министру юстиции Н. Муравьеву назвать его «вторым прокурором, четвертым судьей и тринадцатым присяжным».

Дорошевич изобличил редактора реакционной газеты «Новое время» А. Суворина за «оды измене и нагайке» («Сцена у фонтана»), нововременского критика В. Буренина, деятельность которого приравнял к работе сахалинского палача («Старый палач»); критически писал о политическом либерализме видных государственных деятелей России («Вихрь», «Н. Дурново», «Граф Витте» и др.).

В 1917 году напечатал фельетон, героем которого был Керенский, глава Временного правительства. Александр Федорович, как известно, считал себя великим демократом, публично ратовал за свободу слова и печати, а тут — в тюрьму Дорошевича! Власа Михайловича вовремя предупредили, и он уехал из Петрограда в Ессентуки, а затем в Крым. Его уговаривали бежать за границу, но он, как вспоминала дочь, заявил твердо, что никуда из России не поедет. «Русский писатель имеет цену до тех пор, пока его ноги стоят на русской земле».

Писал он остроумно, блестяще владел словом, английским, французским, латинским языками, хотя образования системного не получил: из гимназий его исключили, он сдал экстерном, в университет не попал. Разработал «манифест» Дорошевича, верность принципам которого сохранил на протяжении всей жизни: «Я объявляю себя стоящим вне всяких партий, не принадлежащим ни к какой литературной корпорации и потому с большей свободой, основываясь только на здравом смысле, присущем всякому русскому человеку, буду судить о всех событиях общественной жизни, с калейдоскопической быстротой происходящих перед нами. „Карать“ и „клеймить“ тоже я не обещаю. Мое дело будет представить читателю факты, очистить их от всех затемняющих обстоятельств, осветить истинным светом».

Каждодневная работа над собой, усиленное чтение сделали его одним из образованных людей своего круга. Дочь, ставшая тоже журналисткой, отмечает, что в газетное дело внес свою лепту: сделал определения жанрам, статья — это форма рассуждения, фельетон — мысль, выраженная образами. Изобрел короткую строку, с полным пренебрежением к грамматике он резал фразу посредине. Точка оказывалась на месте запятой, глагол убегал от существительного в следующий абзац. Создавал неповторимый слог, ассоциации. Мысли порой скакали, сравнения и противопоставления получались неожиданными и яркими.

Насыщал свои материалы массой исторических параллелей, цитат, ссылок на те или другие произведения. Едкость и саркастичность стиля, сплавленного с универсальностью тем, сюжетов, энциклопедических знаний, были его оружием, отмечают исследователи (А. Менделеев, С. Букчин, Е. Телятник и др.). Дружил с Чеховым, Амфитеатровым, Гиляровским, Горьким... Любил Пушкина, Гоголя, Достоевского, Лермонтова, Некрасова... Своим учителем считал Салтыкова-Щедрина.

Дорошевич четко обозначил место печати и свое собственное в обществе: «Задачей честной и нравственной печати всегда было, есть и будет будить общественную совесть, протестовать против общественного зла, бороться, сражаться за те идеи добра и света, которые дороги обществу.

И иначе не может даже быть.

Ведь печать — это выражение общественного мнения».

В этой позиции нельзя не видеть и подчеркнутого достоинства профессии журналиста, которая была унижена в российском обществе и принадлежностью к которой Дорошевич всю жизнь гордился.

Он был свободным журналистом и дорожил независимостью. В конце 1916-го утверждал, как отмечалось выше, что руководимое им «Русское

слово» не принадлежит ни к одной из существующих партий, что оно «не знает ни „фильств“, ни „фобств“, что это газета „здравого русского смысла“. Справедливого и практичного.

„Газета здравого смысла“ неизбежно должна быть газетой прогрессивной. Здравый смысл не может быть иным». «Здравый смысл», как обозначение своей позиции, нужен еще был Дорошевичу и для отмежевания от тех либералов, которые болтовней заменяли дело. А настоящим делом для него могло быть только одно — служение обществу. «Дорошевич знал, — справедливо отмечает С. Чупринин, — что общественное служение — одна из святейших традиций отечественной литературы и публицистики, всей русской интеллигенции», поэтому он «готов был служить — но всему обществу в целом, а не той или иной из составляющих это общество группировок, направлений, партий».

Поэтому неслучайно темой его первых заметок еще в «Волне» становится независимость прессы: «Как сказал раньше, я не принадлежу к числу фельетонистов, составляющих штат существующих газет и журналов и за соответствующий гонорар обнажающих свои шпаги. Это дает мне возможность с большим удобством поговорить о царящих у нас литературных нравах и воздать должное „козлищам“ и „овцам“ нашей печати. <...> Может ли служить Суворин образцом безукоризненного редактора, а „Новое время“ беспристрастной газетой, не покровительствующей заведомо спекулятивным компаниям?

...Возьмите представителей „крупной“ московской прессы, получивших от Рыкова, директора Скопинского банка, „безвозвратные“ ссуды. Припомните только историю других петербургских газет, и вы увидите целый ряд „деяний“ крупной прессы, не уступающих проделкам мелких газеток, которые, пользуясь меньшим значением, должны довольствоваться меньшими кушами».

Это была довольно громкая заявка «заштатного фельетониста», и вполне вероятно, что издатель испугался возможных неприятностей и несколько месяцев Дорошевич не появлялся на страницах этого издания. Но в первом номере за 1885 год под криптонимом В. Д. были опубликованы куплеты «С заднего крыльца», в которых обличался «тип концессионера», добившегося «кредита и веры» не «умом и знаньем дела», а «лишь пронырством». На этом сотрудничество Дорошевича с «Волной» прекратилось, а вскоре, в начале 1886 года, прекратился и сам журнал. Расставание с «Волной» не стало некоей катастрофой для Дорошевича. Его охотно печатали другие издания. Но полную свободу и независимость он обрел в «Русском слове».

Дорошевич посвятит немало строк журналистскому ремеслу, коллегам по цеху. Всю жизнь он будет отстаивать взгляд на журналистику как на важнейший и неоцененный вполне вид общественной деятельности. И, конечно же, значительную часть горьких признаний и гневных упреков ему продиктовал собственный опыт, начиная с первых лет работы в прессе. Когда уже знаменитым журналистом он писал в «Одесском листке», что «репортеры стараются избегать своего звания» и просят написать в редакционном удостоверении «корреспондент», а не «репортер», ему, безусловно, вспоминалось собственное сотрудничество в «Голосе Москвы».

— Вон репортеришка бежит! — эта фраза была привычной. И никому не было дела до того, «что он бежит в сущности по общественному делу!». Само слово «репортер» мало отличалось, по общему мнению, от слова «клеветник».

«Если вы встречаете репортера в повести, романе, рассказе, — можете быть спокойны, что это лицо в лучшем случае только комическое, в худшем — самое презренное».

Впрочем, тут была своя «историческая подкладка»: в прежние времена можно было встретить репортеров, «каких еще до сих пор выводят и описывают гг. беллетристы.

Грязных, нечесаных, немытых, которых даже в редакциях не пускали дальше передней. Они подслушивали разговоры, сидя под столом, потому что их никуда не пускали, и их никуда нельзя было пустить. Это был безграмотный народ, писавший „еще“ с четырьмя ошибками и которых мазали за их „художества“ горчицей».

Времена изменились. Другими стали репортеры, но отношение к «этим людям, составляющим фундамент газетного дела», в обществе осталось прежним. Им платят гроши за краткие сообщения, иногда обходящие всю российскую, а то и мировую прессу. Дорошевич припомнил, как «лет пятнадцать назад», когда он был репортером, ему «удалось добыть одно сведение, очень сенсационное», которое «со свойственной репортерам краткостью» было изложено в семи строках. И вот за эту сенсацию, обошедшую «решительно все русские газеты» и вызвавшую полемику «во всех больших столичных газетах», он получил двадцать одну копейку. Вряд ли мы узнаем, что это была за сенсация и в какой газете она была напечатана. Но фактом остается то, что репортеру все еще неловко было «громко и открыто, с гордостью и достоинством» назвать свою профессию. Так «долго живут предрассудки».

Амфитеатров А.

Не мене колоритная фигура в журналистике этого времени А. Амфитеатров. В начале XX век всякий любитель чтения так или иначе знакомился с книгами и газетными статьями Александра Валентиновича Амфитеатрова, отмечают исследователи[89]. Критик В. Львов-Рогачевский считал, что он занимает по читаемости второе место (на первом — Анастасия Вербицкая). Спрос на него опережал спрос на книги Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Куприна[90]...

Он выходец из семьи, даже не из семьи, а представитель династии священнослужителей. Его прадед, дед и отец священники. Отец — протоиерей, настоятель Архангельского собора Московского Кремля, мать — Елизавета Ивановна, дочь мосальского протоиерея И. Чупрова, сестра профессора — богослова А. Чупрова. Ближайшие родственники — митрополит Киевский, епископ Казанский.

Но Александр не пошел по их стопам, а завернул в Московский университет, получил диплом юриста. И юристом не захотел быть, по наследству ему передался чудесный голос, уехал в Италию учиться пению, решил стать артистом оперного театра, его даже взяли в труппу Мариинского театра, пел вторым баритоном в Тифлисской и Казанской операх и писал под псевдонимом (их у него 62) фельетоны и сказки, юморески и памфлеты, пьесы и рецензии, рассказы и повести...

Но и опера ему вскоре разонравилась, уходит в журналистику — Тифлисскую газету «Новое обозрение», в котором ему было тесновато. Его печатают «Будильник», «Осколки», «Русские ведомости», «Новое время». В 1889-м вместе с Дорошевичем на деньги С. Мамонтова и С. Морозова издавали и редактировали «Россию». «Жарили мы с ним — (Дорошевичем — *Авт.*) публику в два ряда, так что каждый номер заставлял о себе говорить и заслонял старые газеты». «Дожарились» до того, что в 1902 году газету запретили из-за публикаций Амфитеатрова, а его самого отправляют в ссылку — сначала в Минусинск, потом в Вологду. В ссылке продолжал под псевдонимами сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Руси», «Русском слове» и других газетах, вернувшись в Петербург, работал в газете «Русь». В 1901-м вместе с Дорошевичем пришел в «Русское слово» Но ненадолго. В 1904-м вновь сослан в Вологду с запретом всякой литературной

[89] Например, *Менделеев А. Г.* Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. — М., 2001. — С. 127.
[90] Там же.

деятельности — на этот раз за статью «Листки» в газете «Русь», направленную против обвинений студентов Горного института в прояпонских настроениях. В том же году стал масоном и «по состоянию здоровья» выехал за границу. Находясь в эмиграции (Франция, Италия), издавал журнал «Красное Знамя».

В 1911-м Сытин предложил Амфитеатрову стать зарубежным корреспондентом. Отвечая на предложение издателя, писал, что работать в «Русском слове» «большой соблазн для каждого публициста, но такая же и ответственность... Вы человек умно-коммерческий и, когда того стоит, платите хорошо, иногда даже чересчур хорошо... Что касается моральных? — уже самое обращение Ваше ко мне является показателем Вашего намерения двинуть газету влево и утвердить ее на левом пути с большой твердостью и определенностью, чем было до сих пор. Разумеется, только при этом условии я мог бы войти в газету. Русская граница для меня закрыта. Надо просто выяснить совместно границу нашего идейного соприкосновения и условиться на большую и прочную программу, что бы затем не было недоразумений ни в темах, ни во взглядах, ни в лицах!»[91].

Амфитеатров стал корреспондентом «Русского слова». Из Италии, Франции слал очерки, корреспонденции, фельетоны, статьи... В 1916 году вернулся в Россию и возглавил отдел публицистики в «Русской Воле», печатался в «Петербургском Листке», журналах «Нива», «Огонке», редактировал журнал «Бич». Вновь преследовался за цикл «Этюды», содержавший нападки на министра внутренних дел последнего царского правительства А. Протопопова и сослан в Иркутск.

Вернулся в столицу после февральских событий 1917 года. Четыре послеоктябрьских года прожил в Петрограде. По отношению к новой власти занял резко враждебную позицию. В конце 1917 года редактировал газету Совета союза казачьих войск «Вольность», публиковал статьи, направленные против большевиков, в газетах «Петроградский Голос», «Петроградское Эхо», «Новые Ведомости». С ликвидацией свободной печати преподавал литературу в педагогическом институте, в женской гимназии, переводил с итальянского для издательства «Всемирная литература». В 1918–1921 годах трижды подвергался аресту, в том числе и во время Кронштадтского восстания. 23 августа 1921 года бежал с семьей в Финляндию, оттуда перебрался в Прагу, затем в Италию. Сотрудничал во многих периодических изданиях русской эмиграции: «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс), «Руль» и его приложе-

[91] Цит. по Менделеев А. С. 143.

ние «Наш мир» (Берлин), «За Свободу!», «Меч» (Варшава), «Понедельник», «Слово», «Сегодня» (Рига), «Новое Время» (Белград), «Время» (Шанхай), «Рубеж» (Харбин), «Возрождение» (Париж) и др.

После второй эмиграции уже из Советской России издал публицистическую книгу «Горестные заметы» (1922), сборник рассказов «Мечта» (Берлин, 1922), романы «Зачарованная степь» (1921), «Вчерашние предки», «Лиляша» (Рига, 1928), книгу «Литература в изгнании» (1929), сборник «Одержимая Русь. Демонические повести XVII в.» (Берлин, 1929). «Две Надежды» (1936, написана в 1921). Известность Амфитеатрову принесли многотомные романы — семейные хроники. Это, по словам критика А. Измайлова, «огромное литературное предприятие» «Концы и начала. Хроника 1880–1910 годов», «Восьмидесятники» (1907), «Девятидесятники» (1910–11), «Закат старого века» (1910), «Дрогнувшая ночь» (1914), а также серия «Сумерки божков» и задуманные, но не написанные «Шестидесятники» и «Семидесятники» должны были составить, по замыслу Амфитеатрова, «картину русской интеллигентско-дворянской эволюции и демократизации с николаевских времен по наше»[92].

Амфитеатров — один из самых плодовитых журналистов и литераторов. Исследователи не смогли подсчитать всех его публикаций в периодике. Рассеяны и до сих пор не собраны мемуарные очерки, статьи, полемические заметки, сказки... А вот часть беллетристики собрана и издана в 1911–1916 гг. в 37 томах!

Творчество Амфитеатрова не оставляло современников равнодушными. Свидетельство тому — многочисленные отклики и рецензии на его произведения. Даже З. Гиппиус, критик символистского направления, не разделявшая мировоззренческих и эстетических устремлений Амфитеатрова, вынуждена была отметить его «несомненную даровитость», «сочность», «гибкость» слога[93]. Проникновенно сказал о многосторонности дарования Амфитеатрова, широте его натуры И. Шмелев: «Он и романист, и публицист, и историк, и драматург, и лингвист, и этнограф, и историк искусства и литературы, нашей и мировой, — он энциклопедист... неуемный русский талант — характер, тратящийся порой без меры»[94].

Другой критик, И. Владимиров, отмечал: «Амфитеатров ставил перед собой задачу по возможности подробно и полно показать общественную и частную жизнь россиян на переломе двух столетий. Делал он это весьма

[92] Письмо А. Измайлову от 19 мая 1911 // РО ИРЛИ. Ф. 115.
[93] Новая жизнь.1912. № 11.
[94] Россия и славянство. 23 июля 1932.

талантливо, удачно выхватывая из гущи различных слоёв русского общества отдельные, характерные для того времени типы...».

Вербицкая А.

Две женщины, как яркие звезды, сияли в начале века на страницах русских газет и журналов, будто соревнуясь, кто блеснет ярче: Анастасия Вербицкая и Тэффи (Надежда Лохвицкая, по мужу Бучинская). Самой читаемой, по мнению некоторых исследователей, была Анастасия Вербицкая. Писать начала в 1883-м, первая публикация в «Русском Курьере», где одно время вела политический отдел. Позднее печаталась в «Русском Богатстве», «Жизни», «Начале», «Мире Божием», «Русских Ведомостях.», «Северном Курьере», «Живописном Обозрении», «Образовании»[95].

Вербицкая сама выступала как издатель своих произведений, а также помогала женщинам-переводчицам, публикуя переводные романы о женской эмансипации. Героини ее стремились вырваться из косной мещанской среды, порвать путы фальшивой семейной морали: романы «Вавочка», «Освободилась», повесть «История одной жизни» и др. Много сил отдавала Вербицкая работе в различных обществах, способствующих улучшению положения женщин и учащейся молодежи. Она — журналистка и писательница «идейная», ревностная феминистка по преимуществу, страстно отстаивающая общественную самостоятельность женщины и ее право располагать своим сердцем, предъявляет женщинам требование никогда не зависеть от мужчины и жить исключительно своим трудом, талантливо изображала катастрофический ужас одинокого существования человека в большом городе. Восторженно встретила революцию 1905-го, представила свою квартиру для заседания комитета РСДРП(б), что являлось актом гражданского мужества.

Тэффи (Лохвицкая Н.)

В отличие от Анастасии Алексеевны, Тэффи больше занималась журналистикой: писала фельетоны, статьи, обзоры, хотя современники знали ее и как поэтессу, драматурга, романиста. Надежда Александровна — дочь профессора криминалистики, издателя журнала «Судебный вестник» А. Лохвицкого, сестра поэтессы Мирры (Марии) Лохвицкой («Русская Сафо»). Псевдоним Тэффи, как указано ею самой, восходит к домашне-

[95] Подробнее на livelib.ru: Анастасия Вербицкая — о писателе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.livelib.ru/author/207149-anastasiya-verbitskaya (дата обращения: 30.04.2020).

му прозвищу слуги Лохвицких Степана (Стеффи), но также и к стихам Р. Киплинга «Тэффи из Уэльса, Тэффи был вором...». Фельетоны и рассказы, появлявшиеся за этой подписью в «Сатириконе», «Биржевых ведомостях», «Речи», «Почтальоне», «Огоньке», «Новой жизни», «Русском слове» и других, были настолько популярны в дореволюционной России, что даже существовали духи и конфеты «Тэффи».

Читатель Тэффи и Николай II, стал им с тех пор как в 1904 году прочел в «Биржевых ведомостях» ее стихотворный фельетон, герой которого петербургский голова, решивший засыпать Екатерининский канал... Позже, в канун 300-летия дома Романовых, у царя спросили, кого из журналистов пригласить на торжества, он ответил: «Тэффи! Только ее. Никого, кроме нее, не надо. Одну Тэффи».

Как постоянный автор журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» (Тэффи печаталась в них с первого номера, вышедшего в апреле 1908, до запрещения этого издания в августе 1918) снискала репутацию автора остроумного, наблюдательного и беззлобного. Ее отличало тонкое понимание человеческих слабостей, мягкосердечие и сострадание к своим незадачливым персонажам.

В «Сатириконе» Тэффи состязается с А. Аверченко — одновременно пишут фельетон или рассказ на одну и ту же тему. Один из номеров журнала посвятили пошлости. У Аверченко это — «веселые устрицы», у Тэффи — «человекообразные».

Излюбленный жанр Тэффи — миниатюра, построенная на описании незначительного комического происшествия. Краткий период революционных настроений, которые в 1905 побудили начинающую Тэффи сотрудничать в большевистской газете «Новая жизнь», где она общалась с Лениным, Горьким. Но это общение не оставило заметного следа в ее творчестве. Не принесли весомых творческих результатов и попытки писать социальные фельетоны со злободневной проблематикой, которых ожидала от Тэффи редакция газеты «Русское слово», где она публиковалась, начиная с 1910. Возглавлявший газету «король фельетонов» В. Дорошевич, считаясь со своеобразием дарования Тэффи, заметил, что «нельзя на арабском коне воду возить».

В конце 1918 вместе с А. Аверченко Тэффи уехала в Киев, где предполагались их публичные выступления, и после продолжавшихся полтора года скитаний по югу России добралась через Константинополь до Парижа. В книге Воспоминания (1931), которая представляет собой не мемуары, а скорее автобиографические очерки, Тэффи воссоздает маршрут своих

странствий и пишет, что ее не оставляла надежда на скорое возвращение в Москву, хотя свое отношение к Октябрьской революции она определила с самого начала событий: «Конечно, не смерти я боялась. Я боялась разъяренных харь с направленным прямо мне в лицо фонарем, тупой идиотской злобы. Холода, голода, тьмы, стука прикладов о паркет, криков, плача, выстрелов и чужой смерти. Я так устала от всего этого. Я больше этого не хотела. Я больше не могла».

В первом номере газеты «Последние новости» (27 апреля 1920) напечатан очерк Тэффи «Ке фер» (фр. *Que faire?* — «Что делать?» — *Прим. ред.*), и фраза его героя, старого генерала, который, растерянно озираясь на парижской площади, бормочет: «Все это хорошо... но que faire? Ферто ке?», стала своего рода паролем для очутившихся в изгнании. Публикуясь почти во всех видных периодических изданиях Рассеяния (газеты «Общее дело», «Возрождение», «Руль», «Сегодня», журналы «Звено», «Современные записки», «Жар-птица»), Тэффи выпустила ряд рассказов (Рысь, 1923; Книга Июнь, 1931; О нежности, 1938), показавших новые грани ее таланта, как и пьесы этого периода (например, Момент судьбы, 1937, написанная для Русского театра в Париже).

Вторую мировую войну и оккупацию она пережила, не покинув Париж. Время от времени соглашалась выступить с чтением своих произведений перед эмигрантской публикой, которой становилось все меньше с каждым годом. В послевоенные годы Тэффи была занята мемуарными очерками о своих современниках, от Куприна и Бальмонта до Г. Распутина.

Богданович А.

Яркая фигура этого времени — Ангел Иванович Богданович. Он из города Городок Витебской губернии. Дворянин, но еще будучи студентом Киевского университета, решил бороться за справедливость: стал членом народовольческого кружка, вел пропаганду среди рабочих. Исключен с 3-го курса и выслан в Нижний Новгород, где познакомился с В. Короленко и стал печататься в ряде волжских изданий. В Казани редактировал газету «Волжский вестник», в 1893-м перебрался в Петербург, стал одним из организаторов народнической группы «Народное право», сотрудничал в «Русском богатстве», отошел от народничества и примкнул к «легальным марксистам». С 1894-го до закрытия журнала в 1906 редактор журнала «Мир божий», на страницах которого пропагандировал обязательность образования для широких слоев русского общества, защищал демократические и реалисти-

ческие начала в русской художественной литературе. Спустя несколько месяцев Богданович выпустил журнал под новым названием — «Современный мир».

У современников Богдановича возникали ассоциации с личностью и творчеством Н. Добролюбова. В своих заметках на основе разбора двух — трех литературных произведений он умел делать общественно-политические выводы. Много шума, например, наделала его статья в апрельском номере за 1904 год, где на основе анализа малоизвестных романов на «женскую» тему автор высказал свой взгляд на положение и роль женщины в современном мире. По поводу статьи в газетах началась полемика.

Богданович в своей редакционной политике ориентировался на «среднего читателя». Когда его спрашивали, кто это такой, отвечал, что он сам средний читатель. Долго жил в провинции, оторванный от всех центров просвещения, не имея возможности ни выписывать много книг, ни пользоваться богатыми библиотеками, и потому знает, чего ожидает от ежемесячного журнала средний обыватель. В итоге «Мир божий» завоевал популярность в широких кругах читателей, преимущественно провинциальных. Если в начале века тираж его составлял 8 тысяч экземпляров, то к 1903 году увеличился вдвое.

Перед революцией вокруг «толстых» журналов группировались кружки людей, придерживающихся одного направления, совпадающего с позицией журнала. Если вокруг «Русского богатства» объединились поздние народники, то «Мир божий» собрал вокруг себя социал-демократов.

Он имеет особое значение для истории не только русской журналистики, но и для русской философской мысли: именно здесь появляются статьи Н. Бердяева, который в 1901 году заявил об отказе от марксизма и о переходе на позиции идеалистической философии. Его поддержал бывший «легальный марксист» С. Булгаков. Философы пришли к идее христианства, обновленного современной философской мыслью. В 1902 году издали сборник философских статей «Проблемы идеализма», где Н. Бердяев, С. Булгаков и С. Франк окончательно переосмысляют проблемы идеализма и марксизма, отказываются от него в пользу нравственности, духовности, христианства.

К сожалению, жизнь Богдановича оборвалась в расцвете сил, в 1907 году на операционном столе. Журнал «Современный мир» посвятил памяти своего редактора 4-й номер за 1907-й, в котором хорошо знавшие журналиста люди рассказали о его деятельности. «Богданович был редактором по призванию, редактором идейным, беззаветно и самоотверженно преданным своему делу, но редактором особого типа... Он читал в рукописи все статьи,

правил корректуру, вел громадную деловую переписку, принимал авторов, писал рецензии, критические статьи и т. д.». Об этом писал Ф. Батюшков — внучатый племянник поэта К. Батюшкова, критик, театральный рецензент, сменивший Острогорского на посту официального редактора «Мира божьего» и затем «Современного мира». Казалось бы, Богданович делал рутинную работу, знакомую всякому редактору. Но Батюшков добавлял подробность удивительную: «Обладая превосходной памятью, Ангел Иванович отлично помнил не только более или менее выдающиеся статьи, но даже небольшие очерки и обозрения, даже библиографические заметки, печатавшиеся в журнале за все 15 лет».

Янчевецкие Д. и В.

Не менее известные на рубеже веков — братья Дмитрий и Василий Янчевецкие. Особенно популярен Василий, впоследствии ставший писателем Яном. Жизненный путь Василия Григорьевича начался 23 декабря 1874 года (4 января 1875) в Киеве. Окончив в 1898-м университет, Василий Янчевецкий решил отправиться в пешее странствие по России, обратился к редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» с предложением писать репортажи во время путешествий. Два года он хаживал по стране, его заметки стали популярны среди читателей газеты. Янчевецкий получил предложение от «Нового времени» отправиться в Великобританию: побывал в Лондоне, Ньюкасле, Портсмунде, Ливерпуле и Шеффилде. Его очень расстраивал тот факт, что «английский нищий» был «обеспеченнее рядового русского мужика». Вернувшись из Англии, поехал на Вологодчину, затем в Закаспийскую область, где познакомился с руководителем Туркестанского края генералом Суботичем, который искал энергичных сотрудников.

По поручению Суботича, взялся освоить местные языки, знакомился с традициями жителей Средней Азии, а также сопровождать начальство в деловых поездках и писать для газет. Позднее появились поручения и особого рода: сбор информации о контрабанде из Персии и встречи с ханом Хивы. В 1902 году ездил через пустыню Каракумы с научно-статистическими целями в Хиву (проверял состояние колодцев на караванной тропе), участвовал в исследовательской экспедиции вдоль персидско-афганской границы.

Во время Русско-японской войны — военный корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства на Дальнем Востоке. Первая русская революция застала Василия Григорьевича в Самаре, где он редактировал «Голос Самары», издания, созданного «Союзом 17 октября». Но уже в 1906 г.

Янчевецкий вновь оказался в Средней Азии. Он по-прежнему странствовал: до 1917 года Василий побывал в Константинополе, Каире, Бейруте, а также сумел походить по водам Ледовитого океана, продолжал свою редакторскую деятельность в издании «Россия» и выпустил в 1908 году сборник очерков с подчеркнуто нравственным характером «Воспитание сверхчеловека». В нем высказал ряд националистических идей, главные из которых — «Овечьи добродетели погубят Россию», «Россия окружена врагами, которые ведут борьбу постоянно», «В будущем возможны войны, к которым надо подготовить сильное поколение», «Создайте русского сверхчеловека». Видимо, руководствуясь духом этих идей, из числа гимназистов в 1910 году создал один из первых скаутских отрядов «Легион юных разведчиков».

В 1907–1912 годах преподавал латинский язык в 1-й петербургской гимназии. Среди его учеников — будущий драматург Всеволод Вишневский и будущий поэт Всеволод Рождественский. Последний вспоминал: «Предмет свой (он) знал превосходно и всё же никогда не мучил нас грамматикой и академической сушью. Страница учебника была для него только поводом к широкой, сверкающей остроумными замечаниями беседе... Об исторических лицах говорил он как о простых, давно знакомых ему людях, а в строфах поэтов, отошедших в вековое прошлое, открывал волнение и тревогу страстей, понятных и близких нашей жадной ко всему юности». С осени 1910 г. по июль 1914 выпускал журнал «Ученик».

Перед началом Первой мировой — корреспондент телеграфного агентства в Турции, а с началом войны — в Румынии. В роли корреспондента неоднократно выполнял задания разведывательного характера, в 1911 году — в Персии (встречался с Мохаммед Алишахом, которого в борьбе за престол негласно поддерживала Россия), в 1912–1914 годах — в Константинополе (во время Балканской войны и до начала Первой мировой — собирал информацию о внутренней и внешней политике правительства Энверпаши, в том числе контактах с Германией), в 1915–1917 годах — в Румынии, в Бухаресте, затем в Яссах (выяснял настроения румынской политической и военной элиты). В конце 1917 – начале 1918 года причастен к формированию в Яссах добровольческой бригады полковника Дроздовского, которая затем влилась в Добровольческую армию генерала Деникина.

В 1918 году вернулся через белогвардейский Крым в Россию, оставив в Румынии жену, оперную певицу, а впоследствии известную югославскую исполнительницу русских романсов Ольгу Янчевецкую. В Гражданскую войну работал в походной типографии Русской армии адмирала Колчака в Сибири, в звании полковника — редактор и издатель фронтовой ежедневной

газеты «Вперёд». Девизом этого двухполосного издания (формата А3) слова «Верьте в Россию!».

После разгрома Колчака Янчевецкий — учитель, директор школы в селе Уюк Урянхайского края, корреспондент, а затем редактор газеты «Власть труда» в Минусинске, в которой публиковал свои очерки; писал пьесы для городского театра (в том числе для детей). Именно тогда он впервые стал подписываться псевдонимом Ян. В 1925–1927 годах служил в Самарканде экономистом в банке, публиковал в журнале «Всемирный следопыт» статьи и очерки о культуре Узбекистана. Вернувшись в 1928 году в Москву, приступил к написанию исторических повестей и рассказов.

Известными мастерами пера считались и Н. Бердяев, М. Меньшиков, Н. Минский, Г. Натансон, В. Розанов, М. Мельгунов, А. Гуковский, А. Пошехонцев, А. Бенуа, К. Арсеньев, В. Бурцев, В. Вернадский, А. Изгоев, А. Шахматов, Ф. Сологуб, В. Гольцев, К. Еремеев, А. Луначарский, М. Ольминский и многие другие.

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ ЛЮДСКИХ

Надо ли говорить о роли личности в истории?! В данном случае со страниц дореволюционной печати перед нами предстают властители дум человеческих своего времени: Плеханов, Струве, Милюков, Чернов, Керенский, Ленин, Троцкий, Сталин. Популярны были не только они, но они оставили наибольший след в отечественной истории и журналистике, им верили большие массы людей, они возглавляли партии и объединения, активные участники и двигатели двух революций в стране, приведшие к созданию государство нового типа — СССР. И делали это с помощью печати, они талантливые журналисты, редакторы. В прессе, исторической литературе в разное время о них писали по-разному. Скажем, после Февраля на устах у многих был Милюков, между Февралем и Октябрем — Чернов, Ленин и Троцкий, в июльские дни их чуть-чуть подвинул в сторонку Керенский, затем они заявили о себе в Октябре. Звезда Сталина по-настоящему засияла после Октября.

Февральская революция застает врасплох российских революционеров. Чернов, Троцкий, Ленин в эмиграции. В январе 1917 года, выступая перед молодыми швейцарскими социалистами, Ленин заявляет: *«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»*.

В таком же духе выражается и лидер кадетов Милюков, отметивший, что «январь и февраль [перед революцией] 1917 года прошли как-то бесцветно». Эсеровский боевик Мстиславский отметил, что революция застала революционеров спящими, «как евангельских неразумных дев». По выражению Шульгина, «революционеры ещё не готовы, но революция готова».

Как отмечалось выше, Февральскую революцию не предвещала и российская печать. В отечественной исторической литературе доминирует мысль, что у нее не было и вождей. Но это не совсем так. Вернее — совсем не так. После упоминавшегося выше совещания революционеров в Париже, проведенного по инициативе Я. Шиффа, исполнителя воли Ротшильдов и Рокфеллеров, в начале XX века политические партии в России росли как грибы после хорошего дождя. В первой русской революции непосредственно участвовало 50 партий, всего же за период до 17 года их зарегистрировано более 80. Программные цели каждой — совершенствование власти в той или иной мере. Защищали царя и его правительство не более 5 партий. В 17-м на российской политической арене действовало 30 партий[96].

Но определяющую роль играли лишь несколько: кадеты, эсеры, меньшевики и большевики.

У каждой партии, естественно, свои вожди. Основоположники российского марксизма — Г. Плеханов и П. Струве. Их последователи, лидеры большевиков — В. Ленин, И. Сталин. У эсеров лидеры — В. Чернов, Н. Авксентьев, у кадетов — П. Милюков и соперничавший с ним М. Родзянко, пытавшийся стать вождем Февраля, но перехитрив себя самого, упустил власть. Между меньшевиками и большевиками суетился Троцкий со своими «межрайонцами», около 4 тысяч. У трудовиков переметнувшийся затем к эсерам, но особо не признанный ими и нашедший себя во Временном правительстве — А. Керенский. Одни на слуху до сих пор, другие — полузабыты.

Плеханов Г. В.

Мягко говоря, обделен вниманием исследователей журналистики Г. Плеханов. А ведь именно Георгий Валентинович Плеханов — один из основоположников марксизма в России, организатор борьбы за социальные права россиян. Ленин, как говорят в народе, еще под стол пешком ходил, когда Плеханов, подхватив у Герцена колокол, пытался разбудить Россию. Перевел на русский язык в 1882 году «Манифест Коммунистической партии»,

[96] Политические партии Российской империи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wiki2.org/ru/Политические_партии_Российской_империи (дата обращения: 30.04.2020).

(Ленину тогда было всего 12 лет), ввел в марксистскую литературу термин «диалектический материализм», отсутствовавший в трудах Маркса.

Плеханов будущее России связывал со свержением самодержавия, развитием капитализма и рабочего движения. Народовольческой модели, которую разделял на первых порах, позже противопоставил социалистический переворот, состоящий из двух, следующих друг за другом с относительно небольшим (позднее пришел к выводу, что значительным) интервалом революций — буржуазно-демократической и социалистической. Главной движущей силой этих революций считал пролетариат, руководимый марксистской партией. Плеханов видел в крестьянстве, как и в нарождавшейся либеральной буржуазии, реальных союзников рабочих в их борьбе с самодержавием. Русская буржуазия, по мнению Плеханова, запоздала в своём социально-политическом развитии, поэтому ее господство не сможет быть продолжительным. Подготовку условий для социалистического (коммунистического) переворота (с целью установления диктатуры пролетариата, перехода средств производства в общественную собственность) Плеханов вслед за Марксом связывал с быстрой пролетаризацией крестьянства и городского мещанства, превращением наемных рабочих в самый многочисленный слой общества.

Он из небогатой семьи отставного офицера, с золотой медалью окончил Михайловскую Воронежскую военную гимназию, затем учился в юнкерском училище в Петербурге. В 1874 году поступил в Петербургский горный институт, через два года исключен «за невзнос платы». Женился на враче Розалии Марковне Боград. Его мать — внучатая племянница Белинского, он сам — племянник министра здравоохранения СССР Семашко.

Начинал как социалист-утопист — критиковал Успенского, который писал о расслоении в русской деревне. Но он вел пропагандистскую работу среди рабочих Питера (а на рабочих тогда смотрели, как на тех же крестьян, которые только пришли в город), и его точка зрения постепенно изменилась: пришел к выводу, что рабочие более революционны, чем крестьяне. В статье «Законы экономического развития и задачи социализма в России», опубликованной в газете «Земля и воля», Плеханов, оставаясь еще на позициях народничества, приходит к выводу, что и рабочий класс нельзя игнорировать. А вскоре вообще обращается к марксизму и роли крестьянства отводит в революции второстепенное значение.

Произнесенную в 1876 году у Казанского собора речь он закончил словами «Да здравствует „Земля и воля“!». Годом раньше, вступив в эту организацию, члены которой видели путь решения коренных социальных проблем

в сближении интеллигенции с народом и обретении ею утраченных ранее «истинных корней», вскоре становится одним из ее руководителей и приобретает известность как видный публицист и теоретик этого политического направления. После распада «Земли и воли» возглавил тайное общество «Чёрный Передел», выступавшее за изменение существовавшего строя методами, не выходящими за рамки существовавших законов. Тем не менее во избежание ареста в 1880 году Георгий Валентинович, спасаясь от преследования охранки, эмигрировал в Швейцарию, где в то время находилось много его соотечественников, также покинувших Россию. Создает в Женеве (1883 г.) первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда», в которую вошли В. Засулич, П. Аксельрод и др., выпускает серию брошюр и журнал «Социал-демократ». В 1895 г. написал книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (на позициях исторического материализма).

За пять лет Плеханов с группой единомышленников опубликовал 15 работ К. Маркса и Ф. Энгельса, основывал «Союз русских социал-демократов за границей». Позже принимает предложение петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» о совместном с группой «Освобождение труда» издание сборников для рабочего читателя. В 1899 г. использовал возможность пропаганды марксизма на страницах ежемесячного журнала «легальных марксистов» «Начало». В 1900 году вместе с Лениным основали и возглавили революционную газету «Искра», издававшуюся за рубежом и тайно переправлявшуюся в Россию.

Принимал участие в подготовке первой Программы РСДРП, был главным организаторам и открыл II съезд. Фактически второй съезд РСДРП учредительный, ибо I съезд, состоявшийся в Минске в 1898 году, оказался безрезультатным, его участников сразу же арестовали, и они ничего не успели сделать. При разработке редакцией «Искры» программы партии Ленин подверг критике ряд положений проекта, представленного Плехановым (отсутствие пункта о диктатуре пролетариата, недооценка революционных возможностей рабочего класса, его союза с крестьянством и т. п.). В 1903 г. из-за разногласий Ленин вышел из редакции «Искры», Плеханов, став одним из руководителей меньшевизма, до мая 1905 года со страниц «Искры» вел активную борьбу против ленинизма, особенно по вопросам стратегии и тактики пролетариата и его большевистской партии. С марта 1905-го в Женеве издавал «Дневник социал-демократа», где комментировал события, происходившие в России и РСДРП (выходил с большими перебоями до апреля 1912 г.). Во время первой русской революции

выступал за союз с либеральной буржуазией, осуждал курс на вооруженное восстание, считал главной парламентскую форму борьбы. Принимал участие в легальных изданиях — «Невской газете», «Русской жизни», в журнале «Современная жизнь», при его ближайшем участии выходил в Петербурге с октября 1906 по 1918 г. ежемесячный литературный, научный и политический журнал «Современный мир». В феврале 1908 г. в Женеве вышел заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов «Голос социал-демократа», где Плеханов — один из редакторов. В середине мая 1909 г. формально вышел из редакции.

Выступил против «ликвидаторства» и в большевистской «Правде» с серией статей «Под градом пуль» (апрель – май 1913 г.), сотрудничал в органе группы меньшевиков-партийцев и большевиков-примиренцев — листке «За партию» (выходил до 1914 г.). В мае 1914 г. стал во главе редакции легальной газеты «Единство», издававшейся в Петербурге группой меньшевиков-партийцев и большевиков-примиренцев. В июне газета закрыта. Во время Первой мировой войны Плеханов — оборонец, стоял на патриотических позициях, руководил группой «Единство».

После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию. 31 марта рабочие Петербурга торжественно встречали его на Финляндском вокзале, от имени Петроградского Совета приветствовали Н. Чхеидзе, И. Церетели, М. Скобелев. Но в состав Исполкома Совета не ввели. Причиной была «оборонческая» позиция Плеханова, которую не разделяли деятели Совета с антивоенной позицией. Ему предлагали войти во Временное правительство, но противостоял Петросовет.

Практически остался не у дел и был вынужден ограничиваться редактированием своей газеты «Единство», где публиковал статьи с откликами на важнейшие политические события, вел спор с оппонентами и идейными противниками. Выступал за поддержку Временного правительства и продолжение войны с Германией. Единственная государственная должность, которую занимал в 1917 году по просьбе министра путей сообщения Н. Некрасова, — руководитель комиссии по выработки новых ставок оплаты труда железнодорожников.

Плеханов — публицист вышел из рядов народничества, и это в значительной мере определило его меньшевистские взгляды. Порвав с народничеством, судя по его публикациям, остерегался «сползти» на народнические позиции и потому отрицал роль беднейшего крестьянства в русской революции, считал также, что рабочие в массе своей не созрели для революционного переворота, и потому был против восстания. Крупнейшие политики

и авторитеты журналистики отмечали, что Плеханов — мыслитель первой величины в общественно-духовной жизни рубежа XIX–XX вв.[97].

И если Плеханов как автор работ *по философии, социологии, эстетике, этике и истории общественной мысли России,* как политик, революционер худо-бедно известен в стране и сегодня, то Плеханова журналиста знает лишь очень небольшой круг исследователей. А ведь по сравнению с его страстными, весомыми публикациями как бы «завяли» многие «зубры» (Богданов, Базаров, Луначарский). Плехановский стиль отличался именно той «изящной простотой», которая порождена ясностью и новизной мысли, острым и гибким умом.

Прав обозреватель газеты «День» В. Шахов, высказавший упрек коллегам за то, что в «Истории русской журналистики» нет главы о Георгии Валентиновиче Плеханове. Такая глава должна быть и в истории политологии, да и в целом в истории России. На рубеже XIX–XX столетий Плеханов, наряду с Лениным, возглавлял прогрессивную журналистику, представленную именами Воровского, Ольминского, Шаумяна, Луначарского, Еремеева, Скворцова Степанова, Спандаряна. По уровню художественного мастерства, глубине социально-психологического анализа «диалектики души» журнальная публицистика, газетная эссеистика Плеханова не уступала шедеврам М. Горького, В. Брюсова, В. Короленко, А. Серафимовича, А. Толстого. *«Статьи Плеханова превосходны»* — аттестация Фридриха Энгельса в письме К. Каутскому от 3 декабря 1891 года.

Энциклопедически образованный, владеющий огромным объемом разнообразной информации, обладающий «магическим кристаллом» творческого анализа и синтеза, он умел «спрессовать» в нескольких строках или параграфах уникальную информацию, представляющую движущуюся панораму мировой и отечественной культуры. Через частный факт передавалось глубокое социально-психологическое обобщение.

Можно составить несколько солидных томов из газетно-журнальной публицистики Плеханова, отмечает В. Шахов. Примечательно уже его первое выступление в марте 1878 г. в легальной печати (корреспонденция о забастовке рабочих на Новой бумаго-прядильной фабрике в Петербурге). В газете «Неделя» (1878, 24 декабря) появилось полемическое эссе «Об чём спор» (с размышлениями о нравственно-духовных исканиях Глеба Успенского и Н. Златовратского). Мастерски владел жанром рецензии, обзора, краткого

[97] См. подробнее: Плеханов Георгий Валентинович: краткая биография, семья, основные идеи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fb.ru/article/358282/plehanov-georgiy-valentinovich-kratkaya-biografiya-semya-osnovnyie-idei (дата обращения: 30.04.2020).

злободневного «отклика» (анализ сочинений Михайловского, Скабичевского, М. Горького, Л. Андреева, «пролетарских» лириков и прозаиков).

Особенность газетчика — подпольщика — именно конспирация, сокрытие авторства под псевдонимами. Немногие знали, что блестящий полемист «Алексеев», задиристый «Андреевич», рассудительный «Каменский», находчивый «Кирсанов», оперативный «Кузнецов» есть одно и то же лицо, то бишь Георгий Плеханов. А еще использовал псевдонимы Н. Бельтов, А. Максимов-Дружбинин, А. Волгин и другие. Словари псевдонимов таят в себе библиографическую информацию о жанрах Плеханова, которые в периодике России и Запада значились под псевдонимами «Симплициссимуса», «Утиса», «Idem». Было еще немало псевдонимов — просто буквенных обозначений.

Для становления и развития творческой индивидуальности Плеханова характерны его ранние публикации в «Саратовской неделе», ростовских и воронежских изданиях. И даже находясь в 37-летней эмиграции, Плеханов активно «присутствовал» в российской прессе. Солидны его публикации в «Отечественных записках», «Новом Слове», «Научном обозрении». Сочувственный резонанс вызвали его «Два слова читателям-рабочим» (1895).

Пожалуй, наиболее полно изучено участие Плеханова в газете «Искра», где им опубликовано более 50 статей. Часть наиболее злободневных материалов (в том числе плехановских) тиражировалась в виде отдельных листовок и брошюр. Но почти не исследована его работа в других изданиях, например в издававшемся одновременно с «Искрой» в журнале «Заря», которую редактировал, где была опубликована рецензия на роман фон Поленца «Крестьянин».

Георгий Валентинович констатировал: «До сих пор в „Заре“ почти не было отзывов о беллетристических произведениях. В будущем их, вероятно, появится очень немного: недостаток места заставляет нас ограничиваться в нашем обзоре новых книг литературными произведениями, имеющими более близкое отношение к социализму». Плеханов редактировал альманахи, посвященные наследию Пушкина, декабристов, Герцена, Чернышевского, Некрасова, беллетристов-народников.

Плеханов разделял две оценки художественного произведения: социально-идеологическую и художественно-эстетическую. При этом оценки могут не совпадать, и произведение социально полезное может быть малохудожественным, а идейно чуждое — эстетически совершенным. Примером правильного с социологической позиции, но слабого в художественном отношении произведения Плеханов называл роман Горького «Мать».

Он был оригинален, самобытен, самодостаточен. В одной из своих публикаций напоминает о древней латинской мудрости: когда двое говорят одно и то же, это — не одно и то же. Прекрасный полемист, принимал участие в дискуссиях, спорах в прессе. Вызвали живейший отклик его статьи и эссе «Толстой и природа» (1908), «Карл Маркс и Лев Толстой», «Ещё о Толстом» (1911), «Толстой и Герцен» (1912). Оригинальные трактовки «живой жизни» Толстого нашли читатели в плехановских эссе «Смешение представлений», «Заметки публициста — отсюда и досюда». Статью, посвященную «Апрельским тезисам» Ленина, называл «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен».

Считал «Апрельские тезисы», в которых говорилось о необходимости социалистической революции, преждевременными, писал, что человек, маломальски знакомый с марксизмом, не станет призывать к вооруженному перевороту в тот момент, когда рабочий класс находится в меньшинстве, а большая часть общества еще не «созрела» для революции. 18 июня 1917 г. в газете «Единство» опубликовал статью «Логика ошибки», в которой пытался показать, почему призывы Ленина к революции преждевременны (еще нет для этого условий, крестьянская масса не поддерживает рабочий класс и т. д.). Ратовал за патриотическое единение всех классов российского общества, негативно оценивал деятельность большевиков и требовал ареста Ленина, но не считал германским шпионом. И даже когда Октябрь уже состоялся, не поменял своих взглядов: 28 октября в газете «Единство» напечатано плехановское «Письмо петроградским рабочим», в котором говорилось: *«Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая заставит его отступить далеко назад от позиций, завоёванных в феврале и марте нынешнего года»*.

При этом предсказывал, что большевики взяли власть надолго и ни о каком серьезном сопротивлении им в данный момент не может быть и речи. Осудил организованное большевиками вооруженное свержение Временного правительства в Петрограде, роспуск Учредительного собрания и заключение Брестского мира 1918 года с Германией. И хотя они с Лениным стояли на разных позициях, лидер большевиков ценил его как теоретика. В 1921 г. в своей работе «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» призвал изучать все написанное Плехановым по философии, «ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»[98].

[98] *Ленин В. И.* ПСС. — Т. 42. — С. 290.

Плеханова читали. Одни разделяли и развивали его мысли, другие возражали, спорили, третьи — критиковали. Последних было немного, среди них и его ученик — Ленин. О его работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» в разных журналах и газетах дискутировали Н. Бердяев, Н. Кареев, Л. Мартов, В. Чернов, В. Ленин, М. Ковалевский. Читатели отечественной периодики заинтересованно следили за полемикой вокруг плехановских произведений (с участием В. Короленко, М. Горького, П. Струве, М. Ковалевского).

В годы первой российской революции принимал участие в легальных изданиях — «Невской газете», «Русской жизни», в журнале «Современная жизнь», при его ближайшем участии выходил в Петербурге с октября 1906 по 1918 г. ежемесячный литературный, научный и политический журнал «Современный мир». В феврале 1908 г. в Женеве начал издаваться заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов «Голос социал-демократа», где Плеханов был одним из редакторов. В середине мая 1909 г. он формально вышел из редакции. В 1910 году на короткое время вновь сблизился с Лениным, однако с 1911 года начал активно призывать к объединению большевиков и меньшевиков, критикуя Ленина и его сторонников за раскольничество, издавал газеты «За партию» и «Единство» (1912–1914). Одновременно работал над многотомной «Историей русской общественной мысли» (1914–1917, Т. 1–3, работа не завершена).

По приглашению редакции ЦО РСДРП — «Социал-демократ» Плеханов стал ее постоянным сотрудником, выступил также против «ликвидаторства» в большевистской «Правде» с серией статей «Под градом пуль» (апрель – май 1913 г.), сотрудничал в органе группы меньшевиков-партийцев и большевиков-примиренцев — листке «За партию» (выходил до 1914 г.) и выходившем в Петербурге до 1915 г. ежемесячном литературном, политическом и научном журнале «Современная жизнь». В мае 1914 г. стал во главе редакции легальной газеты «Единство», издававшейся в Петербурге группой меньшевиков-партийцев и большевиков-примиренцев. В июне газета закрыта. Во время Первой мировой войны Плеханов — оборонец, стоял на патриотических позициях, руководил группой «Единство». Ему до сих пор некоторые не могут простить резкого неприятия анархизма, террористического радикализма, его осуждение «безумной и крайне вредной попытки посеять анархическую смуту на Русской Земле», не могут простить предостережения, что «эгоистическое самоопределение — угроза революционному самоопределению народов России». Мировую известность Плеханову принесли работы «Социализм и политическая борьба», «К вопросу

о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «Основные вопросы марксизма» и др. «Пора, пора написать о Плеханове хорошую книгу...» — звучало во многих публикациях 1920-х годов. Эта задача злободневна и сегодня[99].

Струве П. Б.

В тот год, когда в свет вышел и начал будоражить общественную жизнь переведенный Плехановым на русский язык «Манифест Коммунистической партии», в семье Пермского губернатора Бернгарда Струве и его жены баронессы Розен родился мальчик Петр — будущий русский общественный и политический деятель, редактор газет и журналов, экономист, публицист, историк, социолог, философ.

Кстати, он тоже написал Манифест — I съезда РСДРП, который его организаторы приняли на съезде в Минске. Правда, вскоре Петр Бернгардович от него отказался и писал для других партий совсем другие манифесты и программы, в том числе послание царю. А еще написал сотни статей, их растолковывающих. Не было, пожалуй, в России той поры такой мятущейся личности. По воспоминаниям Н. Суханова, на одном из заседаний Думы «особенно неистовствовал „пионер российского марксизма“, бывший соратник Ленина и идеолог марксизма, бывший социал-демократ, потом радикал, потом националист, потом не знаю кто, но во всяком случае интереснейший тип и писатель — Петр Струве»[100].

Более пространную характеристику Струве дал Л. Троцкий, посвятив ему памфлет «Господин Петр Струве в политике». «Мы взяли г. Петра Струве, как олицетворенную беспринципность в политике, — писал Троцкий. — Если б мы стали искать для нашей цели другой фигуры, мы бы нашли их много, — но более законченной, более стильной, более принципиально-выдержанной беспринципности мы бы не нашли.

Политическая психология г. Струве — как она вырисовывается из его литературной деятельности — как бы персонифицирует беспринципность той политической идеи, которой он служит, и таким образом возводит эту последнюю в перл создания.

---

[99] Набатный колокол России: Герцен и Плеханов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/nabatnij_kolokol_rossii_gertcen_i_plehanov (дата обращения: 30.04.2020).

[100] П. Б. Струве и В. В. Шульгин: история взаимоотношений и сотрудничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://essaysonconservatism.ru/p-b-struve-i-v-v-shulgin-istorija-vzaimootnoshenij-i-sotrudnichestva/ (дата обращения: 30.04.2020).

Теоретическое миросозерцание г. Струве всегда находится в процессе непрерывного линяния, так что нередко начало статьи и конец ее относятся уже к двум философским формациям.

Г. Струве совершенно лишен физической силы мысли, которая, даже при недостатке нравственной силы, гонит политического деятеля по определенному пути.

С другой стороны, г. Струве не обладает и той нравственной упругостью, которая придает устойчивость общественной деятельности лица, наперекор шатаниям его мысли, гибкой, но неуверенной.

При таких данных г. Струве избрал своей сферой политику. Сперва он вошел в социал-демократию. Но здесь все: верховенство одного и того же принципа классовой борьбы над теорией и практикой, резкая постановка политических вопросов, контроль международной социалистической мысли, — решительно все было для него невозможным и делало его невозможным. Отсюда он ходом вещей оказался извергнут.

Он ушел в либерализм. Исторически-выморочный характер русского либерализма, его беспредметная тоска по теоретическому обоснованию, его беспредметная тоска по поступкам, его неспособность на инициативу, его отчужденность от рабочих масс, его трусливое стремление овладеть ими и его стремительная трусость перед ними, — все это создавало настоящую атмосферу для расцвета политической личности г. Струве.

Но он бы не был самим собою, если б в его политических передвижениях можно было указать момент мужественной ликвидации прошлого. Г. Струве всегда примиряет что-нибудь с чем-нибудь: марксизм — с мальтузианством и критической философией, социализм — с либерализмом, либерализм — с самодержавием, либерализм — с социализмом, либерализм — с революцией и, наконец, революцию — с монархией. Аргументация его при этом всегда такова, что он сам забывает ее через два дня.

Житейская мудрость говорит, что лжец должен обладать хорошей памятью, чтобы не попадаться в противоречиях. В еще большей мере это относится к беспринципному политику. Если прочитать под ряд то, что г. Струве говорит в течение нескольких месяцев, даже нескольких недель, можно подумать, что он издевается над читателями. А между тем это только его беспринципность издевается над ним самим.

Момент, когда пишутся эти строки — отлив революции и торжество реакции — создает благоприятную политическую акустику для либеральных Кассандр. Мы не сомневаемся, что события беспощадно раздавят эти голоса, как это уж было не раз, — и те группы демократической интелли-

генции, которые как будто прислушиваются к ним сегодня, завтра просто забудут их, не утруждая себя над их опровержением. Это — основное психологическое свойство широких кругов интеллигенции, лишенной объективной социальной связанности, общего теоретического критерия и... хорошей политической памяти: ее надежды качаются на волнах событий. Во время прилива „крайние“ партии являются органом ее помыслов, во время отлива либеральные скептики формулируют ее разочарование. Сейчас она переживает период увядания.

...Условия, при которых мы писали нашу работу, не позволяли нам располагать необходимым материалом: реставрацию недавнего прошлого приходилось воспроизводить по памяти. Это могло иметь только одно последствие: мы упустили целый ряд эпизодов, которые помогли бы нам несравненно ярче и детальнее охарактеризовать несравненную фигуру бывшего редактора „Освобождения“, ныне редактора „Полярной Звезды“, одного из лидеров конституционно-демократической партии, советника министров, друга монархии, — господина Петра Струве в политике...».

Но, возможно, Суханов, Троцкий, другие авторы, критически настроенные против Струве, не правы? Может быть. Но взглянем, как сейчас говорят, на его объективку.

1884 г. — в 14-летнем возрасте в своём дневнике он пишет: «...Я имею сложившиеся политические убеждения, я последователь Аксакова, Юрия Самарина и всей блестящей фаланги славянофилов. Я — национал-либерал, либерал почвы и либерал земли. Лозунг мой — самодержавие. Но у меня есть ещё лозунг: долой бюрократию и, да здравствует народное представительство с правом совещания (право решения принадлежит самодержцу)».

1888 г. — осознал себя социал-демократом.

1892 г. — молодой мыслитель начинает борьбу с тем же самодержавием в рамках литературного (легального) марксизма. В т. н. «манифесте легального марксизма» — статье «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) Струве, тем не менее, отвергает значительную часть философии ортодоксального марксизма, признавая лишь приоритет экономических факторов в общественно-политической жизни и неизбежность последовательного наступления капитализма и социализма. Впрочем, очень скоро он осознал важность идеальных факторов в экономической и общественной жизни, тем самым окончательно порвав с марксизмом. Учился в Граце (Австрия) у социолога Л. Гумпловича, тогда же начал литературную деятельность статьями против народников в немецкой социал-демократической прессе.

1889–1895 гг. — поступает на естественный факультет, но переходит и заканчивает юридический факультет Петербургского университета.

1894 г. — издает написанную с марксистских позиций книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии в России». В апреле арестован за связи с «Группой народовольцев».

1895 г. — автор «Открытого письма Николаю II», составленного по просьбе земских деятелей.

1896 г. — теоретик «легального марксизма», участник Лондонского конгресса II Интернационала.

1890-е гг. — редактирует журналы «Новое слово» и «Начало».

1898 г. — автор Манифеста I съезда РСДРП, написанного по просьбе члена ЦК РСДРП С. И. Радченко. Под его редакцией выходит 1-й том «Капитала» К. Маркса. Однако вскоре приходит к выводу, что в марксизме есть противоречие между социальными и экономическими формулами, отверг необходимость падения капитализма, за что Ленин назвал его «великим мастером ренегатства».

1900 г. — участвует в создании «Искры». Но после выпуска двух номеров переходит в стан российского либерализма.

1901 г. — участвовал в демонстрации петербургской интеллигенции у Казанского собора 4 марта; избит полицией, арестован и выслан в Тверь, откуда нелегально выехал за границу.

1902–1905 гг. — редактор журнала «Освобождение», который выходил в Германии и нелегально распространялся в России.

1905 г. — возвращение в Россию, после Манифеста 17 октября 1905 г. Член ЦК кадетской партии с момента ее создания. От оппозиции власти переходит к ее фактической поддержке. В сборнике своих статей за 1905–1912 гг. «Patriotica» утверждал, что главная опасность России грозит не справа, а слева, от безответственного, анархического революционизма.

1904 г. — участвует в организации «Союза освобождения».

1905–1906 гг. — издавал и редактировал еженедельный журнал «Полярная Звезда», в котором призывал к строительству правового государства на основе существующей «конституции» и к прекращению правительственного террора и революционной борьбы.

1906 г. — становится владельцем и редактором журнала «Русская мысль». Привлек к сотрудничеству в журнале Франка, Изгоева, Бердяева, Булгакова, Новгородцева и др. По май 1906 Струве сотрудник журнала «Свобода и Культура» (под ред. С. Л. Франка), в апреле — июне редактор газеты «Дума».

1906–1914 гг. — с 1906 — преподаватель, с 1908 — доцент по кафедре политэкономии, с 1914 — экстраординарный профессор, заведующий кафедрой политической экономии в Петербургском политехническом институте им. Петра Великого. Преподает политэкономию на Бестужевских женских курсах. Статский советник.

1907 г. — депутат II Государственной Думы.

1908 г. — сдал магистерский экзамен в Московском университете. Тогда же выдвинул концепцию «Великой России».

1913 г. — опубликовал сборник «Крепостное хозяйство», объединивший его исследования с 1899; в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Хозяйство и цена».

1909 г. — участник сборника «Вехи».

1909–1913 гг. — участвовал в работе Религиозно-философского общества.

1914 г. — в январе выступил со статьей «Оздоровление власти», видя необходимость «самоограничения» самодержавия и общества во имя «Великой России». С началом Первой мировой войны стал одним из руководителей Всероссийского Земского Союза.

1915 г. — в июне 1915 вышел из кадетской партии из-за разногласий по национальному вопросу (украинскому, но фактически отошел от партии в 1908).

1915–1917 гг. — председатель секретного Особого междуведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при Министерстве торговли и промышленности.

1916 г. — после опубликования труда по экономике «Хозяйство и цена» присвоены степень доктора и звание профессора.

1917 г. — с 8 апреля 1917 по 20 мая 1917 — директор Экономического департамента Министерства иностранных дел. В Киевском университете защищает докторскую диссертацию. Академик РАН (исключён в 1928 г.).

В ноябре 1917 прибыл в Новочеркасск, где вошел в состав «Донского гражданского совета» для организации Добровольческой армии. Ведет борьбу с большевиками, один из идеологов белого движения, член «Особого совещания» при генерале А. Деникине, министр в правительстве генерала П. Врангеля.

1918 г. — инициатор сборника «Из глубины». С февраля в Москве, участвует в деятельности ряда подпольных организаций. В декабре 1918 из Петрограда перешел по льду в Финляндию. В Гельсингфорсе стал членом «Русского комитета» и военно-политического центра при генерале Н. Юдениче.

1919 г. — в начале 1919 в качестве представителя кадетского Национального Центра находился в Англии и Франции с целью организовать материальную, политическую и дипломатическую поддержку контрреволюции Западом, включен Колчаком в состав «Политического совещания» в Париже. В конце лета вернулся на юг России, в Ростове редактировал орган Совета государственного объединения России газету «Великая Россия».

1920 г. — в эмиграции. Преподавал в Пражском и Белградском университетах. Автор работ по социально-экономической истории России, проблемам российской интеллигенции и др. Отказавшись от предложенной ему должности директора Экономического Института в Софии, возобновил издание «Русской Мысли» (1921–1925, 1927, Прага – Берлин), редактировал монархический журнал «Возрождение» (1925–1927) и «Россия» (1928).

1928–1942 гг. — проживая в Белграде, возвращается к научным занятиям, пишет труды по русской истории, экономике, философии. В 1930 участник съезда русских писателей в Белграде, становится председателем отделения общественных наук Русского Научного Института. Читает курс социологии в университетах Белграда и Субботицы. Участвовал в руководстве газетой «Россия и Славянство» (1928–1932).

1941 г. — арестован фашистами, выпущен после трехмесячного заключения в Граце. Два последних года жизни он провел в Париже в нужде и лишениях.

1944 г. — умер в Париже[101].

Вот такую жизнь прожил Струве. Петру шел 19-й, когда покончил с собой его отец. Отношения с матерью и раньше не складывались, потому сразу после похорон юноша перебрался жить к однокласснику, сыну сенатора А. Калмыкова. Тот, приведя Петра в дом, сказал своей матери — Александре Калмыковой: *«Вот тебе, мама, настоящий сын — ходит с опущенной головой, вечно думает, по истории знает лучше учителя»*.

На протяжении последующих десятилетий Калмыкова стала опекуном, спонсором, литсекретарем и любовницей Петра Струве. Когда же он, наконец, женился, то первое время молодожены жили на квартире у той же Калмыковой.

К будущей революционной деятельности Струве подходил с академической основательностью и начал не с изготовления динамита, а с изучения соответствующей литературы. Будучи студентом университета, отправил-

[101] Константин Абоимов. П. Б. Струве — русский националист, либерал-консерватор, идеалист Великой России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://golos.ruspole.info/node/448 (дата обращения: 30.04.2020).

ся за границу, чтобы послушать лекции известных профессоров, поработать в библиотеках, а заодно познакомиться с местными социал-демократами. Вернувшись на родину с чемоданом марксистской литературы, организовал студенческий кружок по изучению «неискаженного Маркса».

Первые статьи, которые написал и опубликовал Петр Бернгардович, изданы в одной из немецких социал-демократических газет во время его пребывания в Австрии. Публицистику Струве можно разделить на два этапа. Дореволюционный: корреспонденции, статьи и очерки, написанные до 1907 года, были частью процесса изучения и критики теорий Маркса. Также они отражают эволюцию идей Петра в области экономики и социологии. Послереволюционный: деятельность Струве в этот период заключалась в борьбе с целью сохранения единства России. Также проявляется критика, нацеленная на революционный максимализм. В целом публицистика этого периода представляет собой масштабный труд, излагающий и анализирующий внутренние процессы, происходившие в русском обществе того времени с точки зрения социологии. За основу своей теории Струве взял слова Столыпина о великой России без потрясений, разрешение «двух проблем духовного и государственного развития России: 1) проблемы освобождения лица и 2) упорядочения государственного властвования, введение его в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями населения». Но мысли его несколько сумбурны, нередко противоречащие друг другу. Неслучайно Ленин, Троцкий, Суханов, другие его современники дали Струве крайне отрицательную оценку, которая влияла на его репутацию на протяжении долгих лет.

Ленин В. И.

Главная идея Ленина — социальная справедливость для всех, создание бесклассового общества, дать каждому человеку возможность для удовлетворения всех потребностей. Идея не нова, она будоражит людей с появления их на земле, актуальна и сейчас. При этом Ленин не только провозгласил саму идею, но и изложил план ее осуществления, простой и понятный всем. Последовательно шел к ее осуществлению, опираясь на массы, и в октябре 17-го взял власть в свои руки, начал создавать бесклассовое общество.

Но в первые дни после Октябрьской революции на слуху у всех был Троцкий, ему отдавалась заслуга непосредственного руководства октябрьским вооруженным восстанием, поскольку Ленин находился на нелегальном положении и пришел в Смольный, когда восстание уже шло полным ходом.

На следующий день после ареста Временного правительства американские газеты сообщили, что в России под руководством Л. Троцкого произошла революция и он стал новым правителем России.

В первую годовщину Октября, 6 ноября 1918 года, Сталин опубликовал в «Правде» (№ 214) статью «Роль наиболее выдающихся деятелей партии», в которой писал: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного Комитета партия обязана, прежде всего, и главным образом, т. Троцкому». 19 ноября 1924 года, выступая на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, тот же Сталин заявил, что «никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого». Спустя неделю Сталин в статье «Троцкизм или ленинизм?», опубликованной в «Правде» (№ 269), развенчал Троцкого и поставил задачу перед партией «похоронить троцкизм как идейное течение».

Взяв это указание на вооружение, советские историки отодвинули Троцкого вначале на второй план, а потом и еще дальше, пока совсем не предали анафеме, считая, что организатором наряду с Лениным был Сталин. В годы нахождения у власти Сталина нет-нет да и выдвигался тезис о главенствующей роли Сталина в революциях 1917 г., дескать, он первым вернулся из ссылки в Петроград, стал у руля «Правды» и уверенно повел партию, руководствуясь указаниями Ленина к Октябрю, свержению «временщиков».

После разоблачения культа личности Сталина советские ученые-историки развенчали его и пришли к выводу, что единственным вождем Октября явился Ленин. Когда не стало СССР, у каждого автора появилась своя точка зрения. Лично я считаю, что организатором и вдохновителем революции 1917-го года являлся ЦК РСДРП(б). Большевистская партия вышла на сцену в начале XX века, приняв на II съезде программу своих действий. Программу писал Г. В. Плеханов, обсуждалась она коллективно, в проект только Ленин внес 30 замечаний, ее дополнили другие члены партии. Когда программу приняли, члены РСДРП под руководством Ленина взялись за ее реализацию, на последующих съездах, заседаниях ЦК, вносили конкретику текущего момента. Но далеко не все предложения безоговорочно принимались. Зачастую кипели такие страсти, что только держись! К примеру, вокруг первого пункта Устава, когда единая РСДРП разделилась на партию

большевиков и меньшевиков. Случалось и такое, что ленинские предложения не принимались или просто не рассматривались (часть «Писем из далека» например), но неукоснительно выполнялась коллективная воля партии, и каждый член РСДРП(б) вносил свой вклад в общее дело. Несомненным лидером был Ленин. Обосновывая в работе «Что делать?» необходимость создания в России боевой революционной политической организации, Ленин образно сравнивал ее с кучкой единомышленников, тесно связанных между собой, идущих, крепко взявшись за руки, по обрывистому и трудному пути, окруженных со всех сторон врагами, и идти приходилось почти всегда под огнем. Единомышленники объединились по свободно принятому решению именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого порицали их за то, что они выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения.

С первых шагов своей революционной деятельности Ленин понял, что без печати ничего сделать нельзя. Сам писал много, редактировал газеты, выдвинул и обосновал принцип партийности литературы: она должна была стать составной частью общепролетарского дела, неуклонно служить миллионам трудящихся. Более 60 статей опубликовал в газете «Искра», 70 — в газете «Вперед», 90 — в газете «Пролетарий», 20 — в «Новой Звезде», 90 работ вышло в издании «Социал-демократ». Лидером по количеству публикаций стала «Правда» — более 280 материалов. Кроме того, Ленин являлся автором десятков брошюр, фундаментальных исследований. По данным Большой Советской энциклопедии, до 1917 года произведения Ленина издавались 212 раз общим тиражом 594 тысячи экземпляров.

Выше рассказывалось о работе Ленина в «Искре», «Пролетарии», «Социал-демократе», «Правде» других газетах, его статьях, направляющих работу РСДРП. Обширна и литература о Ленине — журналисте и редакторе. Но давайте взглянем на него глазами тех, кто трудился с ним бок о бок в редакциях. Послушаем А. В. Луначарского: «...Несомненно, самым крупным работником не только по своей политической подготовленности, по своему авторитету, по своему трудолюбию, журналистской хватке, по количеству работы и по количеству результатов, которые эта работа давала, — был Владимир Ильич. „Вперед“ и „Пролетарий»“— это были органы прежде всего Владимира Ильича. Большинство статей были написаны им. Большинство корреспонденции, обработок, заметок писалось им, и мы трое остальные — Ольминский, я и Орловский, (В. В. Воровский — *Авт.*), вероятно, создали не более трети всего содержания номеров, а две трети, приблизительно, кроме корреспонденции, которые, конечно, переделывались, все основное

было результатом работы Владимира Ильича... Редакционная работа заключалась прежде всего в выработке плана номера. Общий план не обсуждался. Ясно было, что должны быть корреспонденции, фельетон, передовая статья, кроме того, несколько подстатей политического характера, и затем как можно больше материала русской хроники.

Западно-европейская хроника давалась очень незначительная, и мы останавливались на ней тогда, когда нам казалось, что есть какие-нибудь события в истории социал-демократии и т. п., которые освещали ту или другую нашу проблему. За русскими событиями мы следили чрезвычайно усиленно. Мы разделили между собой все газеты, но Владимир Ильич проверял все, и, таким образом, он читал свою порцию, а кроме того, и все наши порции. Точно так же читали мы и европейскую почту, и меньшевистскую прессу...

Мы старались вычитать и найти у них те определенные черты, которые ждал Ленин, который понимал, куда клонится меньшевистская линия. Таким образом, эти обсуждения имели характер обсуждений ближайшего номера... Никакая статья, в том числе и Владимира Ильича, никогда не шла в набор без того, чтобы не была прочитана и обсуждена. Не всегда статья коллективно обсуждалась до того, как писалась, но всегда коллективно обсуждалась, прежде чем была напечатана. Это было возможно сделать, ибо орган был еженедельный, материалов было не так много и можно было к ним относиться с чрезвычайной тщательностью. Часто бывало, что при вторичной читке статья в значительной степени менялась. Было немало моментов, когда первоначально статья была сначала написана Орловским или Ольминским, но в конце концов становилась произведением Владимира Ильича. Он ее так сильно изменял, черкал, переделывал...

Были и такие случаи, когда статьи Владимира Ильича подвергались переработке... Владимир Ильич был человеком в этом отношении без всяких внешних аллюров вождя. Вождем он был потому, что он быстрее всех понимал, шире других развертывал идею, крепче умел выразить, быстрее работал и все эти великолепные качества журналиста делали его вне всякого спора первым. Но какого-либо внешнего честолюбия, обидчивости, желания красоваться на первом Месте — у него совершенно не было... Он часто сам переделывал, искал лучшей выразительности, а когда ему указывали удачную форму, он с большим удовольствием ее принимал...

Владимир Ильич предоставлял своим сотрудникам довольно широкую свободу выражения и, так сказать, внешнего оформления. Да и к выбору тем он тоже широко относился. Маломальски тема подходящая, всем нравится, он говорил, — посмотрим, что выйдет. Но никак этого нельзя сказать отно-

сительно политической линии... Там, где он чувствовал отступления от правильной политической линии, он был беспощаден и не соглашался ни на какие уступки... Ему нужно было убедить. Каждая его статья есть определенного рода лекция, доклад, реферат, аргументация, которая должна оставить после себя определенный след, изменить определенным образом настроения, выводы, мнения той аудитории, к которой он обращался. Поэтому задача его либо непосредственная публицистическая, т. е. отражающая какой-нибудь вопрос дня, либо, если это философский вопрос, поскольку ему кажется, что этим даются предпосылки для разрешения вопросов дня, — тогда убеждающий стиль. При этом, убеждая, Ленин борется. Он имеет врага, который говорит противоположное, меньшевика, либерала или эсера (могли быть разные враги), либо воображает себе врага, который мог бы выставить против него другую аргументацию...

Кроме того, Ленин хочет быть понятным возможно большим массам. Есть такие произведения, которые вообще рассчитаны на всякого грамотного человека. Но если Ленин прекрасно понимал, что есть темы, которые нельзя излагать, чтобы они были понятны каждому грамотному человеку, например, каждому грамотному захолустному крестьянину, то его стремление, во всяком случае, всегда было возможно шире захватить круг публики. Он не любил, когда заменялся какой-нибудь иностранный термин, всем понятный, русским термином. Читатель должен был знать, что такое публицистика, социализм — это можно употреблять, не переводя на русский язык. Но каждый раз, когда кто-нибудь употреблял иностранное слово там, где можно было сказать проще, Ленин подтрунивал и говорил: нечего показывать свою ученость, вы пишете не для академиков, подумайте, как вам будет досадно, если 10 хороших рабочих собрались почитать нашу газету и никто не понял ее... Он никогда не вульгаризировал. Это определяет основы стиля Ленина и само собой это есть пролетарский стиль... В чем сущность методов работы Ленина над своими публицистическими произведениями? На этот вопрос еще труднее ответить. Он отчасти определяется тем, что я сказал о стиле; но как писал Ленин? ...Вообще он обладал чрезвычайной быстротой, находчивостью внешней формы... В тех случаях, когда дело шло о редакции, о тщательной проверке, Ленин считал чрезвычайно важным дать кому-нибудь прочесть и охотно выслушивал возражения и делал поправки».

Вот другие мнения. Р. Пейн, американский историк: «След, оставленный им (Лениным — *Авт.*) в мировой истории неизмеримо ощутимей наследия, скажем, Александра Македонского, Тамерлана или Наполеона — он один сумел изменить ход истории... Без него не было бы русской револю-

ции. Он называл себя марксистом, на деле же перекраивал и переиначивал Маркса, как ему было угодно для достижения собственных целей. ...Это был человек, ошеломлявший своей энергией, целеустремленностью, прямолинейностью, — притом, что ему также были свойственны сильнейшие внутренние переживания, бури чувств. Он постоянно страдал от нервного истощения и был подвержен приступам помрачения сознания, и в такие моменты он было словно одержим духом разрушения. Были вещи, которые ему дано было видеть, как ясновидцу, даже в темноте, но было и много такого, чего он не мог различить и в ярком свете дня...».

У. Черчилль, государственный деятель Великобритании: «Ни один азиатский завоеватель, ни Тамерлан, ни Чингисхан, не пользовались такой славой, как он. Непримиримый мститель, вырастающий из покоя холодного сострадания, здравомыслия, понимания реальной действительности. Его оружие — логика, его расположение души — оппортунизм... Его предназначение — спасти мир; его метод — взорвать этот мир... Интеллект Ленина был повержен в тот момент, когда исчерпалась его разрушительная сила и начали проявляться независимые, самоизлечивающие функции его поисков. Он один мог вывести Россию из трясины...»[102].

Хо Ши Мин, первый президент Демократической Республики Вьетнам: «После февральской революции 1917 года, Ленин выступал в прессе практически ежедневно. Его труды перепечатывались остальными большевистскими органами печати. Ленин — великий учитель пролетарской революции. Это человек самой высокой морали, он учит нас трудолюбию, чистоте, прямоте. Заветы Ленина будут жить вечно».

Г. Уэллс, английский писатель: «Я не сторонник теории об исключительной роли „великих людей“ в жизни человечества, но уж если говорить о великих представителях нашего рода, то я должен признать, что Ленин был, по меньшей мере, действительно великим человеком».

Л. Фейхтвангер, немецкий писатель: «Ленинское определение свободы прекрасно демонстрирует разницу между подлинным и ложным гуманизмом, между „гуманизмом“ и гуманизмом. „Гуманист“ видит свободу в позволении публично бранить правительство. Ленинский подлинный гуманист считает, что свободен тот, кто свободен от страха перед безработицей и голодной страстью, кто свободен от страха за судьбу своих детей...».

А. Эйнштейн, лауреат Нобелевской премии: «Я уважаю в Ленине человека, который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности

[102] Независимая газета, 09.04.1992.

использовал для осуществления социальной справедливости. Его метод кажется мне нецелесообразным. Но одно несомненно: люди, подобные ему, являются хранителями и обновителями совести человечества».

Г. Селзам, американский философ: «Ленин... — необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, неподдающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума».

Хотелось бы обратить внимание читателей на следующие документы. Обращение патриарха Тихона и членов Патриаршего Священного Синода в советскую прессу (газету «Известия») в связи со смертью Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) «Прошу через Вашу газету выразить соболезнование правительству Союза Советских Республик по поводу тяжкой утраты, понесенной им в лице неожиданно скончавшегося Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина). Патриарх Тихон Митрополит Тихон (Оболенский) Митрополит Серафим (Александров) Митрополит Петр (Полянский)» (24.01.1924).

Заявление

> «Священный Синод Русской православной церкви выражает искреннее сожаление по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства великого насилия и гнета на пути полной свободы и самоустроения. Да живет же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле. Мы знаем, что его крепко любил народ... Грядущие века да не загладят в памяти народной дорогу к его могиле, колыбели свободы всего человечества. Великие покойники часто в течение веков говорят уму и сердцу оставшихся больше живых. Да будет же и эта отныне безмолвная могила неумолкаемой трибуной из рода в род для тех, кто желает себе счастья. Вечная память и вечный покой твоей многострадальной, доброй и христианской душе».

После смерти Ленина к Патриарху обратилось множество приходов и мирян с вопросом: могут ли они служить панихиду по Владимиру Ильичу?

Тихон ответил: *«По канонам Православной церкви возбраняется служить панихиду и поминать в церковном служении умершего, который был при жизни отлучен от церкви... Но Владимир Ильич Ленин не отлучен от православной церкви высшей церковной властью, и потому всякий верующий имеет право и возможность поминать его. Идейно мы с Владимиром Ильичем Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей и поистине христианской души»*.

Можно привести еще множество оценок Ленина, но, думается, достаточно и приведенных выше. Тем более что оценки эти совершенно разных людей, по-разному относившихся к Ленину, и потом они даны в разные исторические периоды — в начале его деятельности, после Октября и, наконец, в постперестроечное время. А это очень важно. Ведь в СССР из Ленина делали даже не икону, а нечто большее — поднимали его выше самого господа Бога. С распадом же Советского Союза низвергли с пьедестала и попытались изобразить извергом, принесшим человечеству массу горя. На Украине, обезумев, повели борьбу с памятниками Ленину, который, кстати, отдал им всю Новороссию. Но вот бурный словесный поток и в той и в другой реках ослаб, пена осела, и все становится на свои места, Ленин — вдохновитель и организатор Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Рядом с Лениным находились его сотоварищи: Г. Зиновьев, И. Сталин, Я. Свердлов, А. Каменев, А. Бухарин, Ф. Дзержинский, А. Бубнов, В. Ногин, Ф. Дзержинский, А. Сокольников, В. Милютин... И Троцкий — тоже.

Троцкий Л. Д. (Лейба Бронштейн)

Родился 26 октября (7 ноября) 1879 в с. Яновка Елизаветградского уезда Херсонской губернии в зажиточной еврейской семье; его отец был состоятельным землевладельцем-арендатором. С семи лет посещал еврейскую религиозную школу — хедер, которую не закончил. В 1888 послан учиться в Одессу в реальное училище, затем переехал в Николаев.

Проникся идеями народников. В 1896 в Николаеве принял участие в деятельности Южно-русского рабочего союза, поставившего своей задачей политическое просвещение рабочих и борьбу за их экономические интересы; писал листовки, выступал на митингах, издавал вместе с единомышленниками подпольную газету. В январе 1898 арестован; отправлен в Москву. Во время следствия в Бутырской тюрьме интенсивно изучал европейские языки, приобщился к марксизму; вступил в брак с революционеркой Александрой Соколовской. Приговорен к четырехлетней ссылке в Сибирь.

С весны 1900 вместе с женой находился на поселении в Иркутской губернии; в ссылке у него родились две дочери. Служил приказчиком у местного купца.

Журналистикой начал заниматься в ссылке, в иркутской газете «Восточное обозрение»; выступая со статьями литературно-критического и этнобытового характера. В августе 1902, навсегда покинув жену и дочерей, бежал за границу с поддельным паспортом, в который вписал фамилию надзирателя одесской тюрьмы Троцкого, ставшую впоследствии общеизвестным псевдонимом.

В 1905 году Троцкий нелегально возвратился в Россию. Был одним из создателей Петербургского совета рабочих депутатов, вошел в его Исполком. Формально председателем Совета был Г. С. Хрусталёв-Носарь, но фактически Советом руководили Парвус и Троцкий; после ареста Хрусталёва 26 ноября 1905 года Исполком Совета официально избрал Троцкого председателем; являлся редактором его печатного органа — «Известия». В декабре 1905 арестован. В заключении написал книгу «Итоги и перспективы», в которой сформулировал теорию перманентной революции, разработанную в основном Парвусом (А. Л. Гельфандом): в результате буржуазно-демократической революции в России установится не власть буржуазии (меньшевики) и не диктатура пролетариата и крестьянства (большевики), а диктатура рабочих; социалистическая же революция победит в России только в условиях мировой пролетарской революции, но 3 декабря он был арестован вместе с большой группой депутатов.

В 1906 году на получившем широкий общественный резонанс процессе над Петербургским советом был осужден на вечное поселение в Сибирь с лишением всех гражданских прав. По пути в Обдорск (ныне Салехард) бежал из Берёзова.

В период второй эмиграции Троцкий продолжал позиционировать себя как «нефракционного социал-демократа», колебался между двумя основными фракциями РСДРП — большевиками и меньшевиками, — не присоединяясь окончательно ни к одной из них и не в полной мере разделяя их убеждения. В 1908–1912 годах издавал в Вене газету «Правда», выходившую не регулярно, и к 12 году вообще издание прекратилось. В том же году большевики основали собственную газету «Правда» с тем же названием, что вызвало многочисленные споры.

Троцкий высказывал крайнее раздражение тем, что Ленин «перехватил» у него газету (в частном письме Аксельроду даже называл Ленина «паразитом»), однако отстоять ее он так и не смог.

В 1912–1913 годах Троцкий в качестве военного корреспондента газеты «Киевская мысль» написал около 70 репортажей с фронтов Первой и Второй Балканских войн. Этот опыт дал ему определенное, хотя и поверхностное, представление об армии и военных действиях.

С началом Первой мировой войны Троцкий, опасаясь того, что он как подданный России будет интернирован австрийскими властями, 3 августа 1914 года бежал в Цюрих и оттуда в Париж. В целом стоял на пацифистских позициях, в своих статьях неоднократно высказывался за прекращение войны, в Париже выпускал ежедневную газету «Наше слово».

В сентябре 1916-го «Наше слово» власти запретили за пацифистскую пропаганду, а сам Троцкий выслан из Франции. Великобритания, Италия и Швейцария отказались его принять, и он направился в Испанию, откуда его попытались выслать в Гавану как «опасного анархиста». На выручку пришли американцы, спешно прислав свой паспорт и билет на пароход. Сотрудничал здесь с русскоязычной левой газетой «Новый мир», в которой также работали Н. И. Бухарин, А. М. Коллонтай, В. Володарский и Г. И. Чудновский.

Здесь встретил и Февральскую революцию. Тут же, в газете «Новый Мир», отозвался на нее. «...Русский пролетариат восстал против самого преступного из режимов, против самого отверженного из правительств. Народ Петрограда поднялся против самой бесчестной и самой кровавой из войн. Столичные войска стали под красное знамя мятежа и свободы. Царские министры арестованы. Министры Романова, повелителя старой России, организаторы всероссийского самовластья, посажены народом в одну из тех тюрем, которые до сих пор раскрывали свои кованые ворота только для народных борцов. Этот один факт дает истинную оценку событий, их размаха и могущества. Могучая лавина революции в полном ходу, — никакая сила человеческая ее не остановит...»[103]. Намек на руководство революцией далеко не прозрачный. «Массы восстали с требованием хлеба и мира. Появление у власти нескольких либералов не насытило голодных и не залечило ничьих ран, — пишет он на следующий день в статье „Два лица“. — Для того, чтобы удовлетворить самые острые, самые неотложные нужды народа, нужен мир. Но либерально-империалистический блок не смеет еще заикаться о мире. Вопервых, из-за союзников. Вовторых, потому, что русская либеральная буржуазия несет огромную часть ответственности перед народом за войну. Милюковы и Гучковы вместе с романовской камарильей ввергли страну в эту страшную империалистическую авантюру. Прекращение несчастной

[103] Новый Мир. № 937, 16 (3) марта 1917 г.

войны, возвращение к разбитому корыту поведет к отчету перед народом. Милюковы и Гучковы боятся ликвидации войны не меньше, чем они боялись революции. Такими вот они стоят у власти: вынуждены вести войну и не могут рассчитывать на победу, боятся народа, и народ не верит им»[104].

Сразу после Февральской революции Троцкий направился на корабле из Америки в Россию. По пути, в канадском порту Галифакс, вместе с семьей снят с корабля английскими властями и отправлен в концлагерь для интернированных моряков немецкого торгового флота. Причина задержания — отсутствие российских документов, а также опасения англичан относительно возможного отрицательного влияния Троцкого на стабильность в России. Однако вскоре по письменному запросу Министра иностранных дел Временного правительства Милюкова Троцкий освобожден как заслуженный борец с царизмом и продолжил свой путь в Россию через Швецию и Финляндию.

Прибыв с единомышленниками по указанию своего патрона Якова Шиффа в Петроград, Троцкий сразу же активизирует работу своей немногочисленной организации «межрайонцев», созданной в 1913 году, в основном из бундовцев, которые не входили ни в большевистскую, ни в меньшевистскую партии. Уже 5 мая он обращается с призывом к Временному правительству передать власть Советам — единственной, по его мнению, организации, способной спасти Россию. Выступление Троцкого было близко к позиции Ленина, а по направленности знаменовало появление на политической арене новой звезды[105].

Первое время он в основном выступал только на митингах и собраниях, ибо не имел своего печатного органа. Это его заботило. «...Революция 1905 г. могущественно встряхнула цепи рабства, но не разорвала их... Все нужды и бедствия масс, все старые и новые язвы вышли наружу и требуют решительного вмешательства революции... Выяснять рабочим массам неизбежность и необходимость перехода власти к органу революционных масс, воздействовать... на состав и политику Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — такова сейчас центральная задача нашей газеты, — пишет Троцкий в эти дни в статье „Центральная задача“».

Судя по всему, статья написана для газеты, которую он собирался выпускать, но она не увидела свет, ибо Троцкий не создал газету и эту статью можно найти в его полном собрании сочинений, в томе «Историческое подготовление октября, часть 1: От Февраля до Октября».

[104] Новый Мир. № 938.

[105] *Суханов Н.* Записки о революции. — Берлин, 1923. — Т. 7. — С. 50–51.

Оглядевшись в России, Троцкий приходит к выводу, с горсткой «межрайонцев» дело не сделаешь, и решает замириться с Лениным. 10 мая со своими сторонниками встречается с Лениным, Зиновьевым, Каменевым. Остается загадкой — почему Ленин пошел на этот шаг? Более того, пытался заручиться поддержкой ЦК РСДРП(б) и передать в руки Троцкого руководство редакцией «Правды», из-за которой они поссорились в 1912 году. Однако даже личного авторитета Ленина оказалось недостаточно, чтобы ЦК проглотил столь горькую пилюлю. Тогда Ленин обещает Троцкому, что его представители войдут в редакции двух других большевистских изданий и получат право направить своих делегатов на очередной съезд РСДРП(б). Но и это предложение не получило одобрения ЦК. И тем не менее, как отмечалось ранее, Ленин сделал Троцкого не только членом РСДРП(б), но и ввел его в руководство. Почему Ленин пошел на встречу с «иудушкой» Троцким, объединился с горсточкой «межрайонцев», не являвшейся влиятельной силой? У историков есть два предположения на этот счет. «Критикуя Троцкого, — пишет Р. Слассер, — Ленин не мог не отдавать должного его блестящим способностям литератора и теоретика»[106]. Этой же мысли придерживается и итальянская социалистка русского происхождения А. Балабанова, одно время соратница Ленина, а потом приближенная Троцкого, позже воспитательница вождя итальянского фашизма Б. Муссолини: «Сознавая серьезные трудности, которые предстояло преодолеть России, чтобы выжить, и убежденный в способностях Троцкого осилить любые преграды, Ленин сумел отбросить все обиды, всю фракционную вражду и свою личную неприязнь к Троцкому, дабы поставить на службу большевикам не только его редкие дарования, но также и его слабости, которые Ленин умел эксплуатировать»[107].

Надо отдать должное Троцкому — он действительно был неплохим оратором, публицистом, человеком с харизмой. Но, во-первых, Ленин сам был таковым, как, впрочем, и его единомышленники Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский, Бухарин, Шляпников, Орджоникидзе и другие. Во-вторых, Троцкий долгое время находился за границей, и в России его уже успели подзабыть, в-третьих, в Петрограде он появился 4 мая, еще ничем не проявил себя, а уже 10 мая Ленин готов принять «иудушку» в РСДРП(б), а тот еще кочевряжится: и название партии ему не нравится, и посты, которые предлагаются. Думается, ближе к истине точка зрения группы российских историков (Е. Сикорский, Е. Чавчавадзе), которые утверждают, что

[106] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. — М., 1989. — С. 127.
[107] Там же. С. 131.

у Троцкого были деньги, отпущенные на революцию в России американскими дельцами. Так считает и генерал Людендорф. В феврале 1931 года он поведал миру, что за спиною Троцкого стоял мировой, особенно еврейский, финансовый капитал.

Троцкий прибыл из Америки в Петербург, снабженный большими денежными средствами мировых капиталистов. Но он, по словам его биографа И. Дейчера, «не вошёл во влиятельную группу, осуществлявшую руководство партией... оказался в положении „свободного художника“»[108]. Ленин же испытывал острую нехватку финансовых средств. Так что Ленин совсем не случайно сошелся с Троцким. «В течение четырех критических месяцев в конце весны и летом (1917-го — *Авт.*). Троцкий не имел прямых контактов с партийным аппаратом, где принимались важные решения и не участвовал непосредственно в его политической деятельности», — отмечает Р. Слассер[109].

Официально Троцкий и его «межрайонцы» влились в состав РСДРП(б) в конце июля, во время работы VI съезда большевистской партии. Но даже тогда старые большевики не поверили ему и не сразу допустили в руководящие органы, избрав лишь членом ЦК. Он почти ежедневно произносил речи (излюбленным местом для выступлений избрал цирк «Модерн», закрытый в январе 17-го пожарными), писал статьи. В «Моей жизни» Троцкий замечает: «Начиная с 1897 года я вёл борьбу преимущественно с пером в руках». К этому времени он стал одним из публицистов, перо которого, по образному выражению сподвижника Ленина, тоже журналиста и политического деятеля К. Радека, «революция перековала в меч».

Характерная особенность для журналиста Троцкого — анализ, предвидение, хлесткость и эмоциональная страстность его публикаций. В качестве подтверждения приведем статью Троцкого, написанную им в канун наступления русской армии в июне 17-го. Правительственная и буржуазная, кадетская пресса всячески подталкивали Временное правительство и армию к наступлению. Но Россия не готова была к этому. Тем не менее 16 июня в приказе по армии и флоту Керенский, ссылаясь на верховного главнокомандующего, ставил задачу *«немедленного и решительного удара»: «Приказываю вам — вперед!»*. Через день Керенский, захлебываясь от радости, доносил Временному правительству: «Сегодня великое торжество революции. 18 июня русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление».

[108] *Deutsher I.* The Prope Armed: Trotsky, — London Oxvord UniversituPress, 1954. — 340 p.
[109] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. — М., 1989. — С. 131.

9 июня старик Плеханов декламировал перед патриотической манифестацией: *«Граждане! Если я вас спрошу, какой сегодня день, вы скажете, что понедельник. Но это ошибка: сегодня воскресенье, воскресенье для нашей страны и для демократии всего мира. Россия, сбросившая иго царизма, решила сбросить иго неприятеля»*. Как известно, грандиозным провалом закончилось это наступление. Троцкий в статье, опубликованной незадолго до наступления, писал: «Правительство... вскрыло перед армией... свою неспособность определять политику России независимо от воли империалистических союзников. Результатом не могло не явиться прогрессирующее разложение армии... Массовое дезертирство... перестает... быть простым результатом порочной индивидуальной воли, а становится выражением полной неспособности правительства спаять революционную армию внутренним единством целей...». Указав далее, что правительство не решается «на немедленное упразднение помещичьего землевладения, т. е. на единственную меру, которая убедила бы самого отсталого крестьянина, что эта революция есть его революция», статья заключала: «в таких материальных и духовных условиях наступление должно неизбежно получить характер авантюры».

В очередной статье Троцкий анализирует 4-месячный период Февральской революции. «...Продовольственное положение городов становилось все более тяжким... Поток хлеба в армию и города угрожающе сокращался. В наиболее плодородных районах страны имелись еще, правда, десятки и сотни миллионов пудов избыточного хлеба. Но закупочные операции по твердым ценам давали крайне недостаточные результаты; да и заготовленный хлеб трудно было доставить в центры из-за расстройства транспорта. С осени 1916 года на фронт доставлялось в среднем около половины положенных продовольственных грузов. На долю Петрограда, Москвы и других промышленных центров приходилось не более 10 % того, что было необходимо. Запасов почти не было. Жизненный уровень городских масс колебался между недоеданием и голодом.

Пришествие коалиционного правительства ознаменовалось демократическим запрещением выпекать белый хлеб... Не хватало масла. В июне потребление сахара было ограничено определенными нормами для всей страны. Механизм рынка, сломленный войной, не был заменен тем государственным регулированием, к которому оказались вынуждены прибегнуть передовые капиталистические государства и которое только и позволило Германии продержаться в течение четырех лет войны. Грозные симптомы экономического развала обнаруживались на каждом шагу. Упадок произво-

дительности заводов вызывался помимо расстройства транспорта изношенностью оборудования, недостатком сырья и вспомогательных материалов, текучестью людского состава, неправильным финансированием, наконец, всеобщей неуверенностью... Временные потери и убытки от хозяйственного паралича были... накладными расходами борьбы с революцией, угрожавшей основам „культуры“. В то же время благомыслящая пресса изо дня в день обвиняла рабочих в том, что они злонамеренно саботируют промышленность, расхищают материалы, бессмысленно жгут топливо, чтобы вызвать простои. Лживость обвинений переходила всякие границы...».

Инженеры, профессора, журналисты открыли в специальной и общей печати кампанию, в которой обуздание рабочих выставлялось как основное условие спасения. Министр-промышленник Коновалов заявил 17 мая, накануне своего демонстративного выхода из правительства: «Если в ближайшее время не произойдет отрезвления отуманенных голов... то мы будем свидетелями приостановки десятков и сотен предприятий».

В середине июня съезд торговли и промышленности требует от Временного правительства «радикального разрыва с системой развития революции». Мы уже слышали это требование со стороны генералов:

«Приостановите революцию». Но промышленники уточняют вопрос: «Источник зла не только в большевиках, но и в социалистических партиях. Спасти Россию может только твердая, железная рука». «Подготовив политическую обстановку, промышленники от слов перешли к делу. В течение марта и апреля закрыто было 129 мелких предприятий с 9 тысячами рабочих; в течение мая — 108 предприятий с таким же числом рабочих; в июне закрывается уже 125 предприятий с 38 тысячами рабочих; в июле 206 предприятий выбрасывают на улицы 48 тысяч рабочих. Локаут развертывается в геометрической прогрессии. Но это только начало...» — предостерегает Троцкий.

В статье «Июльские дни» он пишет: «В 1915 году война стоила России 10 миллиардов рублей, в 1916-м — 19 миллиардов, в первое полугодие 1917 года уже 10,5 миллиарда. Государственный долг должен был к началу 1918 года составить 60 миллиардов, т. е. сравняться со всем национальным богатством, исчислявшимся в 70 миллиардов.

Центральный исполнительный комитет разрабатывал проект воззвания о военном займе под паточным именем „Займа свободы“, а правительство приходило к несложному выводу, что без нового грандиозного внешнего займа оно не только не оплатит заграничных заказов, но не справится и с внутренними обязательствами. Пассив торгового баланса непрерывно возрастал.

Антанта, по-видимому, готовилась окончательно предоставить рубль его собственной участи. В тот самый день, когда воззвание о займе свободы заполнило первую страницу советских „Известий“, „Вестник правительства“ сообщил о резком падении курса рубля. Печатный пресс уже не поспевал за темпом инфляции. От старых солидных денежных знаков, на которых оставался еще отблеск их прежней покупательной силы, готовились перейти к рыжим бутылочным ярлычкам, которые в обиходе стали называться керенками. И буржуа и рабочий, каждый по-своему вкладывали в это имя нотку брезгливости...».

Благодаря двум качествам — великолепного оратора и блестящего публициста — Троцкий вскоре создал себе положение и в партии, и в массах как одного из влиятельных политических деятелей. Он вывел массы 3 июля на улицы, спровоцировав восстание с целью свержения Временного правительства (Ленина в это время лечился в Финляндии). А «4 июля в столице, Ленин, еще слабый после болезни, обратился с балкона особняка Ксешинской с речью к возбужденной толпе солдат и матросов, пытаясь умерить их пыл, — пишет Р. Слассер. — Он призывал сохранять порядок, не поддаваться провокациям и мирно разойтись по казармам. Импровизированная речь Ленина — которой суждено стать его последним публичным выступлением до захвата власти в октябре — особого впечатления на аудиторию не произвела...»[110].

Известно, выступление 3–4 июля революционных масс потерпело фиаско. Во второй половине дня 4 июля ВРП отдало приказ о разоружении рабочих. Исполком Петросовета поддержал Временное правительство. На заседании, продолжавшемся несколько часов, было принято решение прекратить подобные выступления, позорящие революционный Петроград. В 8 часов вечера в Таврическом дворце на расширенном заседании ЦК РСДРП(б), с участием «межрайонцев» Троцкого, большевики постановили: продолжать выступление бессмысленно.

5 июля Временное правительство перешло в наступление — началась травля большевиков. Не совсем понятно поведение Троцкого — 10 июля он добровольно решил подвергнуться тюремному заключению. То ли сделал это в укор Ленину, который перешел на нелегальное положение, захотев поднять этим свой авторитет, то ли решил отмежеваться от большевиков. Некоторые историки (Слассер, например) считают, что «намеренно добиваясь своего ареста, Троцкий вел игру, принесшую ему солидные барыши —

[110] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. — М., 1989. — С. 164.

красноречивым свидетельством тому были результаты голосования при выборах в ЦК. Имеется в виду тот факт, что Троцкий занял 4 место в рейтинге набравших наибольшее количество голосов (Ленин получил из 134 —133, Зиновьев — 132, Каменев и Троцкий по 131 — *Авт.*)». Троцкий представлялся более внушительной фигурой, чем бы он находился в зале. Выйдя 2 сентября из тюрьмы под залог, Троцкий тут же включается в активную работу, как и прежде, выступая на собраниях, митингах, активно поддерживая Ленина. Так, 21 сентября на собрании большевистской группы Демократического совещания Троцкий призывает бойкотировать совещание и Предпарламент. Узнав об этом, Ленин пишет: *«Браво, товарищ Троцкий!»*.

На заседании ЦК 23 сентября Троцкий выступает с докладом о Демократическом совещании, участвует в комиссии этого совещания по выработке текста обращения ко всем народам. Наряду с Каменевым и Рыковым его выдвигают кандидатом в президиум Предпарламента. Именно ему поручается выступить на заседании комиссии Демократического совещания, избранной для проведения переговоров с министрами относительно возможности сформировать новое правительство. К услугам Троцкого прибегают и когда потребовалось подготовить резолюцию о Предпарламенте к предстоящему совещанию большевистских организаций... Шаг за шагом Троцкий поднимался вверх по лестнице политической карьеры. 24 сентября друг Троцкого Свердлов выдвигает его от большевиков в председатели Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, он меняет на этом посту меньшевика Чхеидзе.

5 октября его вводят в состав группы по подготовке новой программы РСДРП(б), 6 октября он меняет Сталина в редколлегии теоретического журнала «Просвещение», 7 октября Троцкому поручается организовать при ЦК Информационное бюро по борьбе с контрреволюцией. 9 октября он выступает инициатором создания при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Военно-революционного комитета. Став председателем Петросовета, он озаботился выпуском газеты. 30 (17) октября вышел № 1 газеты «Рабочий и солдат».

«Наша газета — орган Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. К изданию этой газеты мы приступаем в грозные дни, — писал Троцкий, излагая позицию издания. — Страна измучена войной. Народ истощен. Армия истерзана, обескровлена и доведена до отчаяния. Четвертая зимняя кампания была бы гибельной для армии и страны. В то же время опасность сдачи нависла над революционным Петроградом. Контрреволюционеры подстерегают бедствия народа и готовятся нанести ему смертель-

ный удар. Отчаявшееся крестьянство вышло на путь открытого восстания. Помещики и чиновники громят крестьян при помощи карательных экспедиций. Фабрики и заводы закрываются. Рабочих хотят смирить голодом...

Правительство Керенского есть правительство буржуазии. Вся его политика — против рабочих, солдат и крестьян. Это правительство губит страну. Оно неспособно ни вести войну, ни заключить мир... Народ должен быть спасен от гибели. Революция должна быть доведена до конца. Власть должна быть изъята из преступных рук буржуазии и передана в руки организованных рабочих, солдат и революционных крестьян. Проклятой войне должен быть положен конец.

Программа нашей газеты — это программа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вся власть Советам — в центре и на местах! Немедленное перемирие на всех фронтах! Честный демократический мир народов! Помещичья земля — без выкупа — крестьянам! Рабочий контроль над производством! Честно созванное Учредительное Собрание! ...Да здравствует революционная борьба за власть, за мир, за хлеб, за землю и волю! Да здравствует Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов!».

В этом же номере газеты опубликована еще одна статья Троцкого «Угроза Петрограду и борьба за мир», в которой автор резко критикует правительство, требующего продолжать войну. В № 3 «Рабочего и солдата» он обращается к армии: «Война нас губит... Нам нужен мир. Нынешнее правительство не способно дать мир...».

21 октября Троцкий обращается к казакам: «Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги: насильники-дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские.... Казак, солдат, матрос, рабочий, крестьянин — родные братья. Все они труженики, все бедны, все тянут лямку, все придавлены и ограблены войною.

Кому нужна война? Кто ее затеял? Не казак и не солдат, не рабочий и не крестьянин.

Война нужна генералам, банкирам, царям, помещикам. Они увеличивают на войне свою власть, свою силу, свои богатства. Народную кровь они превращают в золото своих барышей...».

6 ноября (24 октября) «Рабочий Путь» № 44 опубликовал еще два обращение Троцкого. Одно к армии, другое к Петроградцам. «Братья в окопах! Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не забыл о вас. Не верьте злобной клевете наших общих врагов. Все наши силы мы готовы направить на борьбу за немедленное окончание проклятой бойни. Под-

держите нас в этом. Сомкнем теснее ряды! Долой контрреволюционеров, затягивающих войну!...». «К гражданам Петрограда. К сведению рабочих, солдат и всех граждан Петрограда объявляем: В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и в особо важных пунктах столицы и ее окрестностей... Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету Рабочих и Солдатских Депутатов... Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков им надлежит обращаться к комиссарам Военно-Революционного Комитета в близлежащую воинскую часть...».

Поднимаясь по руководящей лестнице в партии большевиков, Троцкий не был бы Троцким, если бы не вел своей собственной игры: он сам себя предлагает на руководящие посты. У историков до сих пор нет единого взгляда на появление Военно-революционного комитета. «Публикации об Октябрьской революции в Советском Союзе времен Сталина создавали представление, что образование ВРК было непосредственным результатом решения большевистского Центрального Комитета 10 октября о вооруженном восстании и, что с самого начала организация его была первостепенной задачей ВРК», — пишет А. Рабинович. Но он же считает, что это не совсем так, и отдает пальму первенства Л. Троцкому. «В первой половине октября вопрос о создании беспартийного органа, подобного ВРК, никогда не поднимался в Центральном Комитете, идея о ВРК возникла у Троцкого. 5 октября, то есть накануне принятия решения ЦК о подготовке к восстанию, он выступил на заседании Петросовета с предложением принять резолюцию о создании революционного комитета обороны, который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял бы меры к вооружению рабочих и, таким образом, обеспечил бы и революционную оборону Петрограда, и безопасность народа от открыто подготавливающейся атаки военных и штатских корниловцев»[111].

Предложение Троцкого вначале отклонено незначительным большинством, но он внес его еще раз на следующем более многолюдном заседании Петросовета в тот же вечер, и его приняли. Речь шла не об органе по подготовке восстания, а об органе, обеспечивающем оборону Петрограда. Вопрос о практической стороне создания ВРК был рассмотрен руководителями

[111] *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. — М., 1989. — С. 260–261.

военного отдела Петроградского Совета 11 октября и единодушно одобрен на заседании Петроградского Совета 12 октября, а также его солдатской секции — 13 октября и официально утвержден на Пленуме Петроградского Совета вечером 16 октября. ЦК РСДРП(б) на заседании 16 октября в свою очередь избрал Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. В решении сказано, что этот центр входит в состав советского революционного комитета, т. е. создан единый руководящий орган.

Среди первых шагов ВРК было выяснений отношений с самим ЦК. ВРК 20 октября направил в ЦК письмо, в котором уже отстаивал крайнюю важность сохранения руководства вооруженным восстанием в руках Военной организации, а не обычных партийных органов. Однако ЦК отверг это предложение. Тем не менее работой ВРК непосредственно руководили Троцкий и его правая рука Антонов-Овсеенко. 24 октября, когда Временное правительство разгромило большевистские газеты, перешло в наступление, Троцкий срочно созвал всех своих единомышленников в Смольный, где размещался ВРК, решив — не только дать достойный отпор Керенскому, но и свергнуть Временное правительство. Целую неделю он не выходил из Смольного. И успевал везде. Сражался на II съезде с меньшевиками и эсерами, выступал, писал резолюции, проводил заседания Петроградского Совета, вел переговоры с Викжелем, обращался к воинским частям, поднимая солдат на борьбу с войсками Временного правительства. И неслучайно сразу после свержения Временного правительства в ведущей американской газете «Нью-Йорк Таймс» появилось сообщение: в России новое правительство и возглавил его Лев Троцкий.

Сталин И. В.

Сталин не без оснований претендовал на руководящую роль. Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) официально родился 21 декабря 1879 г. (по данным Горийской церкви — 6 декабря 1878 г.) в небольшом городке Гори Тифлисской губернии в семье сапожника Виссариона Ивановича и Екатерины Георгиевны Джугашвили. Мать хотела видеть его священником, и хотя он закончил Горийское духовное училище с отличием и был принят в Тбилисскую духовную семинарию, но, по признанию самого Сталина, из семинарии «вышиблен за пропаганду». Интересная деталь: и Ленин, и Троцкий, и Сталин не оканчивали университетов (правда, Ленин экстерном сдал экзамены), но были очень образованными людьми, ибо много работали над

собой. К тому же боженька не обделил их журналистским талантом. Сталин после отчисления из семинарии трудился в Тифлисской обсерватории, занялся революционной деятельностью, добывал деньги для революционеров, участвовал в экспроприациях.

С сентября 1901 года по инициативе Сталина и Кецховели стала выходить «Брдзола» («Борьба») — первая нелегальная грузинская социал-демократическая газета, последовательно проводившая идеи ленинской «Искры». Определяя задачи газеты, Сталин писал в первом номере: «Грузинская социал-демократическая газета должна давать ясный ответ на все вопросы, связанные с рабочим движением, разъяснять принципиальные вопросы, разъяснять теоретически роль рабочего класса в борьбе и озарять светом научного социализма каждое явление, с которым сталкивается рабочий... должна возглавлять рабочее движение, стать возможно ближе к рабочей массе, иметь возможность постоянно влиять на нее, быть ее сознательным и руководящим центром».

В апреле 1902-го его арестовали и осенью следующего сослали в Иркутскую область. Вскоре он бежал, вернулся на Кавказ, где организовал издание и распространение нелегальных социал-демократических прокламаций, газет, брошюр. В декабре 1905 года едет на Всероссийскую конференцию большевиков в Тамерсфорс (Финляндия), где знакомится с Лениным. В апреле участвует в работе IV съезда РСДРП(б) в Стокгольме. Делегат и V съезда партии. После съезда ведет активную революционную работу на Кавказе, и снова арест, 8 месяцев тюрьмы, ссылка в Вологодскую область. Летом 1909 года совершает побег и возвращается в Баку, руководит нелегальными и легальными газетами («Бакинский Пролетарий», «Гудок», «Бакинский Рабочий»), пишет «Наказ социал-демократическим депутатам III Государственной Думы», который принимается на собрании уполномоченных от рабочей курии в Баку.

Его опять арестовывают и отправляют в ссылку, и опять он совершает побег и возвращается в Баку. В партийной прессе появляются его «Письма с Кавказа», в «Бакинском пролетарии» — «Партийный кризис и наши задачи», «Из партии» и другие, в которых излагается план преодоления кризиса в партии, содержится критика ликвидаторов, выдвигаются очередные задачи, осуществленные позднее на Пражской партийной конференции: созыв общепартийной конференции, издание легальной партийной газеты и создание нелегального партийного центра в России.

23 марта 1910 года очередной арест, тюрьма, ссылка в Сольвычегодск. В феврале 12-го бежит, приезжает в столицу и по поручению ЦК организует

выпуск «Правды». Не успел увидеть первый номер газеты, как снова оказался в кутузке и на три года сослан в Нарымский край. 1 сентября того же года — новый побег. Важную роль в избирательной кампании по выборам в Думу сыграл написанный Сталиным «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату». Отправляя его для печати в типографию, Ленин писал: *«Непременно вернуть!! Не испачкать. Крайне важно сохранить этот документ»*. В письме редакции «Правды» Ленин указывал: *«Непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом»*[112].

Сталинский «Наказ» напоминал рабочим о неразрешенных задачах 1905 г. и призывал к революционной борьбе, к битве на два фронта — против царского правительства и либеральной буржуазии, ищущей соглашения с царизмом.

После выборов Сталин ведет работу по руководству большевистской частью думской социал-демократической фракции. Вместе со Сталиным в Питере работают Я. Свердлов и В. Молотов, принимающие активное участие в руководстве «Правдой», избирательной кампанией и думской фракцией. В этот период между Лениным и Сталиным устанавливается более тесная связь. В своих письмах Ленин полностью одобряет деятельность Сталина, который дважды выезжает в Краков к Ленину: в ноябре и в конце декабря 1912 года на совещания ЦК с партийными работниками.

23 февраля 1913 года Сталин снова арестован и отправлен в Туруханский край на четыре года. Вскоре, опасаясь нового побега, его этапируют еще севернее — в Курейку, к самому Полярному кругу. Февральскую революцию Сталин встретил в ссылке. Когда его амнистировали, в начале марта, Сталин с Каменевым и Мурановым поспешили в Петроград. По дороге шлют в Швейцарию приветственную телеграмму Ленину. Их приезд сыграл существенную роль в расстановке сил в руководстве РСДРП(б) в Петрограде. Тем не менее Сталина, хотя он был членом ЦК, не сразу ввели в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б). Как отмечает исследователь Н. Капченко: «Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 и поэтому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но в виду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом»[113].

Какие имелись в виду личные черты, неизвестно. Однако через несколько дней Сталин не только стал членом бюро, но и президиума Русского бюро

[112] *Ленин В. И.* Сочинения. — Т. XXIX, изд. 3-е. — С. 7.
[113] *Капченко Н.* Политическая биография Сталина. В 2-х томах. — М., 2004. — Т. 1. — 366 с.

ЦК РСДРП(б). Одновременно вместе с Каменевым и Мурановым Сталин вошел в редколлегию «Правды», и они сделали своего рода редакционный переворот, по словам В. Молотова, «его чуть ли не силой вышибли из редакции»[114], с № 9 придали газете совершенно иное политическое лицо. Это сказалось прежде всего на позиции по наиболее злободневным проблемам, волновавшим не только партийных функционеров, но и рядовых членов партии.

В первой же статье «О Советах рабочих и солдатских депутатов» Сталин писал об основной задаче партии: «Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с центральным Советом рабочих и солдатских депутатов, как органом революционной власти народа». В статье «О войне» Сталин показал, что характер империалистической войны не изменился от перехода власти в руки Временного правительства, что война 1914–1917 годов и при буржуазном Временном правительстве остается грабительской, несправедливой. Выход он видел в давлении на Временное правительство, чтобы оно заявило о своей немедленной готовности к переговорам о мире, что противоречило мнению Ленина, который требовал не оказывать никакой помощи Временному правительству.

15 марта новое руководство «Правды» выпустило статью Каменева, где говорилось, что большевики будут поддерживать Временное правительство. Это вызвало негодование среди петроградских рабочих. Районные парторганизации потребовали исключения «тройки» из большевистских рядов. Вечером в редакции состоялось экстреннее заседание бюро ЦК партии. Была принята резолюция, «осуждающая политическую позицию приехавших товарищей, а также их поведение в газете „Правда“». В качестве «надзирающего» в редакцию возвратили Молотова.

В очередной статье «Об условиях победы русской революции» анализ ситуации в стране Сталин начинает с характеристики двоевластия и указывает на оторванность провинции от Петрограда как на главную слабость русской революции, которая может стать опорой для Временного правительства. По его мнению, необходимо создать общероссийский орган революционной борьбы всех демократических сил, которым может быть только Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это является первым условием победы русской революции. Вторым условием, по мнению Сталина, является немедленное вооружение рабочих, создание рабочей гвардии. Третье условие — быстрейший созыв Учредительного собрания.

[114] *Никонов В.* Молотов. Наше дело правое. — М., 2016. — 53 с.

Для этой статьи Сталина, как и для других его заявлений данного периода, характерно, что он выдвигает радикальные общие цели, а конкретные акции и политические задачи обрисовывает довольно туманно. К примеру, ничего не говорит о политическом будущем Временного правительства, но требует все-таки вооружения рабочих и созыва Учредительного собрания. Несмотря на шаткость позиции, 18 марта бюро ЦК делегирует Сталина в Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Существует обширная литература о деятельности Сталина, в том числе и о судьбоносных эпизодах российской истории в 1917 году. Одни авторы возвеличивают роль Сталина, другие всемерно принижают ее: непонятно, почему Сталин почти не выступал на митингах, самоустранился от проведения восстания 25 октября. Не будем развенчивать ни тех, ни других, а попытаемся, опираясь на документы, еще раз взглянуть на события тех дней.

Биографическая хроника Сталина за три недели до Октябрьского восстания и в ходе его приложена к собранию сочинений Сталина, выглядит довольно лаконичной. Политическая деятельность Сталина в данный период не была особенно бурной. Иные историки (тот же Р. Слассер, да и Троцкий) педалируют на это. Но Сталин не бездействовал — работал в ЦО большевиков, печатал статьи, 10 октября его избрали в узкое Политбюро ЦК из 7 человек, на которое возлагалось политическое руководство подготовкой восстания, 16 октября он, Свердлов, Бубнов, Урицкий и Дзержинский избраны в ЦК в Военно-революционный центр, который действует в составе созданного при Петросовете Военно-революционного комитета. Сталин участвовал в заседаниях ЦК, выступал с двумя основными докладами на VI съезде РСДРП(б), был на связи с Лениным.

Троцкий, как и большинство западных авторов, приуменьшает значение как Политического бюро, так и Военно-революционного центра, ссылаясь на отсутствие каких бы то ни было документальных подтверждений деятельности этих органов. Однако советский историк Н. И. Минц не без оснований критикует утверждение западных коллег, считая, что они исходят из неверного представления о том, как в действительности функционировали эти органы. Создание Политического бюро и ВРЦ, с точки зрения Минца, на деле означало не что иное, как закрепление за конкретными партийными деятелями определенных обязанностей по осуществлению тех или иных запланированных мероприятий, о ходе которых они должны были докладывать ЦК партии[115].

[115] *Минц Н. И.* История Великого Октября. В 3 томах. — М., 1968. — Т. 2. — С. 100.

В самом деле, став членом Военно-революционного центра, Сталин принимал участие во всем том, что делал Военно-революционный комитет.

А разве его занятость в газете, ежедневная пропаганда решений партии в печати не работа? И потом не всегда велись протоколы различных заседаний, часто решения принимались в устной форме. Сталин, по существу, руководил РСДРП(б), являлся рупором Ленина, когда тот находился в подполье. Нередко и возражал вождю. Так, когда Зиновьев и Каменев выступили на заседании ЦК против ленинской линии на вооруженное восстание, Сталин поддержал Ленина, но предложил обсудить вопрос на Пленуме ЦК. Он выступает против предложения Ленина вывести Каменева и Зиновьева из состава ЦК за разглашение даты восстания. Даже поставил вопрос о выходе из редакции «Рабочего пути» после того, как вопреки воле Ленина опубликовал письмо Зиновьева. Но отставку ЦК не принял. Более того, его ввели в Военно-революционный центр для политического руководства восстанием.

Активную позицию занимал Сталин и на заседании ЦК 21 октября — внес ряд принципиальных предложений для рассмотрения на II съезде Советов. Как явствует протокол заседания ЦК РСДРП(б) от 21 октября 1917 г.: «Тов. Сталин предлагает подготовить доклады на темы: о войне, о власти, о контроле, о национальном вопросе, о земле... ...Тов. Сталин предлагает послать в Москву товарища с требованием немедленного приезда московской делегации, наметить круг вопросов, по которым нужны тезисы: О земле, о войне, о власти — поручить тов. Ленину. О рабочем контроле — тов. Милютину. О национальном вопросе — тов. Сталину. Доклад о текущем моменте — тов. Троцкому». «Все это принимается», — констатируется в протоколе»[116].

И все это было принято, а впоследствии и выполнено. Кстати, на этом же заседании ЦК включило его в десятку членов делегации для усиления Исполнительного Комитета Петроградского Совета. Как видим, Сталин наравне с Троцким имел соответствующие полномочия как в Петросовете, так и в ВРК. Недоброжелатели Сталина и особенно Троцкий, принижая роль Сталина в Октябре 1917-го, напирают на то, что его не было на заседании ЦК РСДРП(б) 24 октября, когда начался захват власти. Р. Слассер договорился до того, что «Сталин остался вне Октябрьской революции»[117].

Он действительно отсутствовал на том заседании. Почему? Пояснений Сталин ни тогда, ни после не давал. Если же посмотреть хронику событий 24 октября, то увидим: Сталин вместе с Троцким встречается с членами боль-

[116] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). — С. 118.
[117] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. — М., 1989. — С. 277.

шевистской фракции на II съезде Советов и выступает перед ними с докладом. Как вспоминал делегат М. Жаков, Сталин информировал о том, что Временное правительство вызвало с фронта части для подавления восстания, советовал, как поступать большевикам в том или ином случае. К примеру, как быть с тем фактом, что «временщики» отдали команду развести мосты. Стрелять ли по юнкерам или нет?[118]. Сталина упрекают, что 24 и 25 октября он не обладал никакой информацией о ходе восстания, но это далеко не так. После встречи с делегатами Сталин появился в Смольном, где действовали и ЦК РСДРП(б), и Военно-революционный комитет. Вечером, когда в Смольный пришел Ленин, Сталин подробно информировал его о ходе свержения Временного правительства. И самое главное — 24 октября Сталин пишет передовицу для ЦО партии большевиков «Что нам нужно?».

На что он нацеливает массы?

Читаем прессу. «Рабочий путь», 24 октября 1917 года: «В феврале месяце свергли царя солдаты и рабочие. Но, победив царя, они не захотели взять власть в свои руки. Руководимые дурными пастырями, эсерами и меньшевиками, рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов: Милюковым и Львовым, Гучковым и Коноваловым. Это была роковая ошибка победителей. За эту ошибку расплачиваются теперь солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу. Свергая царя, рабочие думали получить хлеб и работу. Но вместо этого они „получили“ дороговизну и голод, локауты и безработицу. Почему? Потому, что в правительстве сидят ставленники капиталистов и спекулянтов, которые хотят взять рабочих измором. Свергая царя, крестьяне думали получить землю. Но вместо этого они „получили“, аресты своих депутатов и карательные экспедиции. Почему? Потому, что в правительстве сидят ставленники помещиков, которые ни за что не уступают крестьянам землю...».

Сталин касается самых жгучих вопросов, которые волнуют людей, и дает на них ответы, а затем переходят к тому, что нужно делать: *«...соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном... Власть должна перейти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. У власти должно быть новое правительство, избранное Советами сменяемое Советами, ответственное перед Советами. Только такое правительство может обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания»*.

[118] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. — С. 153.

Итак, Сталин нацеливает массы свергнуть Временное правительство и передать его власть Советам, что и произошло — без особого кровопролития. Оппоненты Сталина обвиняют его, что он не призывал к вооруженному восстанию. Но можно на эту статью посмотреть и с другой стороны — автор не призывал к оружию, чтобы усыпить бдительность Временного правительства, так как 24 октября захват власти уже шел полным ходом. Возражая недоброжелателям на их обвинения о неучастии Сталина в заседании ЦК 24 октября, советский историк Е. Луцкий утверждает, что в тот день было два заседания ЦК, второе поздним вечером, и на нем присутствовало девять членов ЦК, в том числе Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев[119]. На втором заседании рассматривался ход восстания, а также обсуждалась инициатива Ленина о создании, названии и составе нового правительстве. Ленин предложил членов нового правительства называть не министрами, а комиссарами аналогично с Парижской коммуной. Троцкий прибавил к слову комиссар — народный. Исполнительный орган нового правительства соответственно решено величать Советом Народных Комиссаров.

Нельзя не коснуться и еще одной темы, связанной с оценкой роли Троцкого и Сталина в дни Октября ими самими. В работе «Уроки Октября», не называя Сталина по имени, Троцкий подверг его жесткой и язвительной критике, утверждая, что тот был в стороне от свержения Временного правительства. В известном письме ЦК ВКП(б) 2 ноября 1927 года Троцкий писал: «Роль Ленина не нуждается в пояснениях. Со Свердловым я встречался тогда очень часто, обращался к нему за советами и за поддержкой людьми. Тов. Каменев, который, как известно, занимал тогда особую позицию, неправильность которой признана им самим давно, принимал активнейшее участие в событиях переворота. Решающую роль с 25-го на 26-ое мы провели вдвоем с Каменевым в помещении Военно-революционного комитета, отвечая на телефонные запросы и отдавая распоряжения. Но при всем напряжении памяти, я совершенно не могу себе ответить на вопрос, в чем, собственно, состояла в те решающие дни роль Сталина? Ни разу мне не пришлось обратиться к нему за советом или содействием. Никакой инициативы он не проявлял...»[120].

В пылу полемики Троцкий приписывает себе то, чего у него де-юре не было. Он не являлся юридически председателем ВРК (как отмечалось выше, вначале им был эсер Лазимир, потом Подвойский), хотя фактически он как Председатель Петросовета направлял работу ВРК. В свою очередь всем хо-

[119] *Луцкий Е.* Вопросы истории КПСС, 1986. № 11. — С. 81.
[120] *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. — М., 1990. — С. 26–27.

дом подготовки и проведением восстания руководил В. И. Ленин. «Но и он действовал не как некий драматург, самовольно определявший ход событий, — отмечает Н. Капченко, — а как лидер, опиравшийся на определенный руководящий коллектив, выступавший в лице ЦК партии. На мой взгляд, общеисторическая оценка места и роли отдельных личностей в организации победы восстания не должна служить предметом серьезных научных споров, а тем более всякого рода политических спекуляций. Такой она стала вследствие охватившей партию в более поздние времена межфракционной борьбы, реальным содержанием которой выступала борьба за власть в партии. Причем борьба за власть не ради самой власти, а за то, чтобы, опираясь на эту власть, определять генеральное направление развития страны»[121]. Не будем спорить с Капченко, в основе он прав, однако заметим, что народ творит историю и он осуществлял революцию в октябре 1917-го. Но не будь личностей, кто бы поднял народ на эту самую революцию? Кто разъяснял бы ленинскую теорию, вел пропаганду и агитацию в массах, организовывал их?! Сталин, в отличие от Троцкого, делал это последовательно и четко, не шарахаясь в сторону с первых дней своей революционной деятельности.

Обстоятельно проанализировали роль Сталина в Октябрьской революции и дали отповедь Троцкому современные историки Ю. Емельянов и Ю. Белов[122].

С легкой руки Троцкого бытовало мнение, что Сталин — серый и малокультурный. Другие мемуаристы (флотоводец Н. Кузнецов, писатель К. Симонов, маршал авиации А. Голованов), наоборот, называют его высокообразованным человеком с творческой жилкой, имея в виду литературный и журналистский дар. Да, как известно, он дальше духовного училища не пошел. Но и не остановился на нем. До конца дней имел привычку держать под рукой книги и, как только появлялась возможность, заглядывать в них, а когда встречались незнакомые слова, выделял их и обращался к словарям. Десятки толковых словарей имелось в его личной библиотеке, которая насчитывала около 20 тыс. томов, причем большей частью исчерканных пометками. 20 тысяч томов по разным отраслям знания и художественной беллетристики, к которой он относился весьма серьезно, Сталин учился всю жизнь. Своих дипломированных оппонентов он побивал массой цитат из Маркса и особенно Ленина, собрание сочинений которого перечел неоднократно. Да

[121] *Капченко Н.* Политическая биография Сталина, в 2-х томах. — М., 2004. — Т. 1. — 428 с.
[122] *Емельянов Ю. В.* Сталин. Путь к власти и Сталин. На вершине власти. — М., 2002; *Белов Ю.* Сталин в незабываемом семнадцатом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://msk.kprf.ru/2017/03/06/24292/ (дата обращения: 30.04.2020).

и серьезных ученых, специалистов порой поражал глубиной своих суждений в их областях, потому что перед встречами с ними обычно штудировал основную литературу по данному вопросу.

Нет, поверхностным всезнайкой не был. Важнейшие для себя книги перечитывал и при каждом новом прочтении оставлял массу заметок. К примеру, напротив слов Толстого о высоком значении Нагорной проповеди, благодаря которой «само собой» уничтожается насилие и устанавливается «высшее доступное человечеству благо — царство божие на земле», Сталин начертал простое, но до чрезвычайности характерное «хаха». Читая «Братьев Карамазовых», выделяет места в поучениях старца Зосимы: «Убегайте лжи, брезгливости убегайте»[123]. Как и Ленин, он имел редкую природную (или развитую) особенность: схватывал всю страницу разом. 300–500 страниц — такова дневная норма Сталина-читателя! Таков Сталин политик.

А теперь об особенностях его как журналиста. В статьях и выступлениях Сталина до конца жизни присутствует склонность к дидактике. Он использовал форму вопросов и ответов. Ход его мысли прост и прямолинеен. Это можно объяснить как внутренним движением его души, так и влиянием обучения в духовной семинарии. Строй предложений в одно и то же время простой и немного тяжеловат, различные словосочетания и обороты, являющиеся образными, в основном взяты из церковного или военного лексикона. В его статьях нет витиеватого теоретизирования, а присутствуют короткие, рубленные фразы, поэтому они были общедоступны и понятны. Эта особенность имела первостепенное значение для революционера-пропагандиста. Он не любил длинных статей, хорошо владел русским языком, хотя говорил с акцентом, читая статьи, документы, исправлял грамматические и орфографические ошибки, расставлял знаки препинания. Свои статьи перед отправкой в типографию несколько раз перечитывал, нередко вслух.

Язык сталинских публикаций «петроградского» периода точен, ясен, афористичен, необычайно ритмичен: никаких недомолвок, никакой двусмысленности, никаких общих фраз и риторических прикрас, отмечает Ю. Емельянов. Он логически строг именно в силу четкости и твердости классовой позиции автора. Вот как, к примеру, Сталин характеризует политическую ситуацию после 4 июля — конца двоевластия: *«Как марксисты, мы должны подойти к кризису власти не только с формальной точки зрения, тем не менее, по большей части, с точки зрения классовой. Кризис власти — это напряжённая, открытая борьба классов за власть»; «Мирный про-*

[123] *Илизаров Б.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. — М., 2003. — 415 с.

межуток времени развития революции кончился. Настал новый промежуток времени, промежуток времени острых конфликтов, стычек, столкновений. Жизнь будет бурлить, кризисы будут чередоваться. Солдаты и рабочие молчать не будут»[124].

Редактор — это невидимая рука, которая обладает силой менять смыслы и содержания, даже по ходу истории. В те времена, когда корректура выполнялась вручную, при помощи ножниц и клея, а откорректированный экземпляр перед отправкой в печать фотографировали, редакторы предпочитали вносить правки синим карандашом — помарки, сделанные им, не были видны на фотографиях. Эта привычка у Сталина осталась до конца его жизни. Работая в «Правде», мне довелось разбирать архив газеты и очень часто встречать правку Сталина. Она всегда была аккуратной и точной. Вмешательство редактора было намеренно невидимым.

Впрочем, Троцкий принижает и роль Сталина как журналиста в предоктябрьские дни. *«Он не написал ни одной статьи, которая бы привлекла бы к себе внимание; не поставил на обсуждение ни одного нового вопроса; не ввел в оборот ни одного лозунга. Он комментировал события безличным языком в рамках взглядов, установившихся в партии. Это был скорее ответственный чиновник партии при газете»*.

Надо ли говорить, что это голословные утверждения? Выше приводились примеры творчества Сталина. Кстати, и Ленин ценил Сталина как талантливого журналиста и редактора[125].

Послушаем современного исследователя Анну Зафесову: «Сталин никогда не расставался со своим синим карандашом. Его видел в руках Сталина Черчилль, когда они делили послевоенную Европу, и Жуков, когда они изучали карту осажденного Сталинграда. Его жирный и энергичный след все еще виден на картах недавно рассекреченного договора Молотова-Риббентропа. Иосиф Сталин привык носить с собой синий карандаш, когда его еще звали Иосиф Джугашвили и он работал редактором „Правды“. Он был суровым редактором: он не принял 47 статей Ленина, которого восхищали журналистские способности его ученика. Через несколько лет тот будет отправлять больному лидеру, находившемуся в своем особняке в деревне, особые экземпляры „Правды“, напечатанные специально для него,

[124] Сталин в незабываемом семнадцатом. Газета «Правда» о книге Юрия Емельянова Сталин. Путь к власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://crimea.kz/253812-Stalin-v-nezabyvaemom-semnadcatom-Gazeta-Pravda-o-knige-Yuriya-Emel-yanova-Stalin-Put-k-vlasti.html (дата обращения: 30.04.2020).

[125] *Троцкий Л.* Сталин. В 2 т. 1990.

чтобы держать Ленина в неведении относительно происходящего в стране... Многие диктаторы были по первой профессии журналистами, и Сталин усвоил главный секрет редактирования: тот, что издает и правит, имеет больше власти, чем тот, кто пишет. Историки исследовали заметки и правки, которыми Усач усеивал каждый листок бумаги, попадавший ему в руки, от книг из его библиотеки до партийных документов и газетных версток. Ученые были заинтригованы: судя по исправлениям, сделанным синим карандашом, это был совсем другой человек... Он вычеркивал чрезмерно общие и идеологические пассажи, убирал из текста льстивые, восхваляющие его фразы... Он ненавидел высокопарные определения. Он корректировал, издавал, маниакально помечал все: проекты резолюций Политбюро, статьи в газетах, доклады ученых, международные договоры и списки приговоренных. По словам Холи Кейс, профессора Корнельского университета, автора очерка, посвященного Сталинуиздателю, синий карандаш был его секретным оружием, которым он ковал хронику, историю и, наконец, легенду. Будучи не только верховным цензором, но и плодовитым писателем, он не страдал любовью к подписям, и под его самым важным произведением „История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс“, „библией“ сталинизма, его подпись отсутствует. В Йельском университете скоро будет напечатан „Краткий курс“ со всеми исправлениями, демонстрирующими эволюцию мысли Сталина. Издание обещает новые открытия...»[126].

Милюков П. Н.

Фигура Павла Николаевича Милюкова, весьма влиятельной конституционно-демократической партии в вначале века, долгие годы тоже оставалась вне поля зрения советских исследователей. Тому были свои причины. Во-первых, он стал калифом на час, а, во-вторых, события Февраля оказались прежде всего для него, как и для Ленина, многих других, полной неожиданностью, хотя он своими статьями в кадетской периодике, своими выступлениями в Думе, всеми своими действиями способствовал этому.

В первые дни после Февральской революции в обществе и среди политиков, считавших себя «победителями», царила некоторая растерянность. «Мы были победителями, — писал Милюков. — Но кто «„мы“? Масса не разбиралась. Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом

[126] La Stampa (ит. La Stampa — «Печать». Ежедневная газета Италии — *прим. Ред.*) Когда Сталин отказал Ленину в публикации 47 статей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inopressa.ru/article/10oct2013/lastampa/stalin.html (дата обращения: 30.04.2020).

общего паломничества. Дума как помещение — или Дума как учреждение? Родзянко хотел понимать это, конечно, в последнем смысле и уже чувствовал себя главой и вождем совершившегося».

Единомышленников Милютина часто смущала логика его действий. В частности, Милюков пытался добиться сохранения в России монархии до момента созыва Учредительного собрания в целях обеспечения легитимности и преемственности власти. А ведь крах самодержавной власти вызвал в среде либералов массовое ликование, и вопрос легитимности решался очень просто — по закону революционной целесообразности.

Вопрос о монархии неслучайно представлялся Милюкову столь принципиальным. Он не видел никаких источников легитимности власти Временного правительства после отречения великого князя Михаила. Государственную Думу таковым источником, по его мнению, признать никак нельзя. Признавать же источником власти «революцию» Милюков не хотел, так как это означало для него «власть улицы», «власть толпы».

Милюков из дворян. Родился в 1859-м в Москве. Формирование личности происходило в первые пореформенные десятилетия. Важнейшими событиями того периода стала отмена крепостного права и начавшаяся на Балканах Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Милюков вступает в кружок сочувствовавших делу освобождения славянских народов из-под турецкого ига, а затем добровольцем идет в армию.

Милюков не собирался быть ни политиком, ни журналистом, его манила история, и он сделал первые шаги на этой стезе. Но жизнь распорядилась по-иному. В 1881-м арестован за присутствие на студенческой сходке и исключен из университета, правда, с правом поступления через год. Время зря не теряет, едет собирать материал по истории Рима в Италию. Возвратившись в университет и блестяще сдав экзамены, подготовил лекцию «Юридическая школа в русской историографии», которая получила признание и была напечатана в журнале «Русская мысль».

Много шума наделала его диссертация «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», в которой он впервые подверг сомнению реформы царя и обосновал тезис, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды. Вывод о том, что ценой разорения Россия возведена была в ранг европейской державы, вызвал споры. Они продолжаются и в наше время. К моменту защиты диссертация издана в виде монографии, и у молодого ученого уже было громкое имя в научном мире.

Милюков активно излагал свои идеи, публикуя статьи в известных исторических и литературных журналах: «Русская мысль», «Русская старина», «Исторический вестник», «Историческое обозрение», «Русский архив» и других. Публикации заметили не только в России, в качестве обозревателя русской литературы его пригласил британский еженедельник «The Athenaeum». С 1889 по 1896 гг. Милюков сотрудничает в этом издании.

Милюков наряду с профессором МГУ П. Виноградовым становится лидером западнического крыла русской профессуры, выступавшей против официальной идеализации древнерусских порядков. Конфликт с руководителем кафедры В. Ключевским привел к тому, что историка фактически начинают вытеснять из университета: его не включают в состав штатных преподавателей; проректор своей властью не дает читать основной курс лекций на факультете; успешная защита докторской диссертации в таких условиях тоже становится невозможной.

Выручает журналистика, он пишет статьи, публикуется в ряде изданий, ездит по стране, изучает ее жизнь, читает лекции. Его действия вызвало недовольство властей, которые увидели в них крамолу и вредное влияние на молодёжь. МВД возбудило против Милюкова дело, его выслали в Рязань. Он активно публикуется в «Русских ведомостях», сотрудничает в энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона, работает над созданием своего основного фундаментального труда «Очерки по истории русской культуры».

Из Софийского Высшего училища Болгарии поступает предложение возглавить кафедру всеобщей истории. Власти разрешили поездку. В Болгарии он пробыл два года, занимался журналистикой, читал курсы по всеобщей истории, по древностям археологии и по истории философско-исторических систем, изучал болгарский и турецкий языки (всего Милюков знал 18 иностранных языков). Сознательное игнорирование торжественного приема в российском посольстве в Софии по случаю именин Николая II вызвало раздражение в Петербурге. От болгарского правительства потребовали уволить Милюкова. «Безработный» ученый переехал в Турцию, где принял участие в экспедиции Константинопольского археологического института, в раскопках в Македонии.

По окончанию двухлетнего срока надзора Милюкову разрешили проживать в Санкт-Петербурге. В 1901 году за участие в собрании в Горном институте, посвященном памяти П. Лаврова, Милюков вновь посажен в тюрьму. После выхода из «Крестов» поселился на станции Удельной под Петербургом. В этот период сблизился с либеральной земской средой. Стал одним из основателей журнала «Освобождение» и политической организации рос-

сийских либералов «Союз освобождения». В 1902–1904 годах неоднократно выезжал в Англию, затем в США, где читал лекции в Чикагском и Гарвардском университетах, в Бостонском институте имени Лоуэлла. В сентябре 1904-го участвовал в Парижской конференции российских оппозиционных и революционных партий от либерального Союза освобождения.

Вернувшись в Россию в 1905-м, стал одним из основателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), разработчиков ее программы. В статьях, выступлениях Милюков провозглашал необходимость превращения России в конституционную монархию, ратовал за народное представительство с законодательными правами, призывал к отмене сословных привилегий, установлению демократических свобод. Отстаивал идею единства российской империи, вместе с тем включая право на свободное культурное самоопределение, за Царством Польским признавал введение автономного устройства с сеймом, за Финляндией — восстановление прежней конституции.

С марта 1907 года Милюков — председатель Центрального комитета этой партии, признанный лидер кадетов, во время дискуссий между членами партии обычно занимал центристские позиции. Член ЦК кадетской партии А. Тыркова писала: «В партии было много незаурядных людей. Милюков поднялся над ними, стал лидером прежде всего потому, что крепко хотел быть лидером. В нём было редкое для русского общественного деятеля сосредоточенное честолюбие. Для политика это хорошая черта»[127].

Милюков — соредактор (вместе с И. Гессеном) главных газет кадетов — «Речь», «Народная свобода», автор большинства передовых статей. Он считался наиболее опасным для власти оппозиционером и находился под пристальным вниманием политического сыска. Кандидат исторических наук З. И. Перегудова в работе «Департамент полиции и П. Н. Милюков» приводит интересные данные о материалах в картотеке наблюдений Департамента полиции: «Заметное место в его [Департамента полиции] документах занимают материалы, связанные с деятельностью кадетской партии и ее руководства. Достаточно большое внимание Департамент уделяет лидеру этой партии П. Н. Милюкову...

...На некоторых лиц имеется по 2-3 карточки, в зависимости от активности лица, за которым велось наблюдение. Как правило, максимум именных карточек — это 8–10 штук. На В. И. Ульянова — 13 карточек. Что касается Милюкова, то он побил все рекорды: на него была заведена 21

[127] *Тыркова А. В.* На путях к свободе. — М.: Московская школа политических исследований, 2007.

именная карточка. На карточках зафиксировано более 218 дел, в которых упоминалась фамилия Милюкова...».

В виду неблагонадежности в глазах властей Милюков в Первую и Вторую Думу не попал, но руководил фракцией, как шутили острословы, из буфета, а в реальности через газету «Речь», в которой публиковался практически в каждом номере. Влияние его на общество, правительство, ощущалось. Соратник Милюкова по партийной борьбе князь В. Оболенский вспоминал, что «в предреволюционной России ни один из партийных лидеров, если не считать Ленина, не пользовался внутри своей партии столь огромным влиянием и авторитетом, какое имел Милюков среди своих единомышленников». Успех проведенной кадетами избирательной кампании в Первую Государственную Думу заставил высшие властные круги искать компромисс с новоявленной политической силой. На разных уровнях активно обсуждался вопрос о приглашении конституционных демократов на ключевые посты в правительстве и создание «кабинета народного доверия». «При таком, по тогдашнему выражению, соотношении сил возникли тайные переговоры представителей придворных кругов с кадетами о приглашении их в правительство», — вспоминал Гессен.

Милюков был одним из наиболее вероятных кандидатов на министерский портфель в составе нового либерального кабинета и был даже приглашен к Столыпину, получившему назначение на пост министра внутренних дел и благословение царя для ведения переговоров по этому вопросу. Но, укрывшись за общественное мнение, он ответил весьма резким отказом, чем обидел Столыпина. В другой раз, уже будучи премьером, тот настаивал, чтобы Дума выразила свое отношение к террористам. Но «прогрессивные слои общества», к которым относились и депутаты Думы, в большинстве своем рукоплескали террористам. Тот факт, что убийцы из революционных организаций попадали под военный трибунал, а не под обычный суд присяжных, казался многим страшной несправедливостью.

«Самым тяжелым испытанием для Думы оказалось предложение правого сектора вынести постановление об осуждении террора», — вспоминал И. Гессен. — Столыпин, зная, что Милюков не разделяет экстремистских воззрений оппозиции, и при этом является явным лидером кадетской части Думы, пригласил его к себе для беседы. Милюков подробно коснулся в своих воспоминаниях затронутых в ходе этого разговора с премьерминистром вопросов: «Он прямо поставил условие: если Дума осудит революционные убийства, то он готов легализовать партию Народной свободы. Подход был неожиданный, и я несколько опешил. Я стал объяснять, что не могу рас-

поряжаться партией и что для нее это есть вопрос политической тактики, а не существа дела. В момент борьбы она не может отступить от занятой позиции и стать на позицию своих противников... Столыпин тогда поставил вопрос иначе, обратившись ко мне уже не как к предполагаемому руководителю Думы, а как к автору политических статей в органе партии — „Речи“.

„Напишите статью, осуждающую убийства, я удовлетворюсь этим“. Должен признать, что тут я поколебался. Личная жертва, не противоречащая убеждениям, а взамен — прекращение преследований против партии — может быть, спасение Думы! Я поставил одно условие: чтобы статья была без моей подписи. Столыпин согласился и на это, говоря, что характер моих статей известен. Я сказал тогда, что принимаю предложение условно, ибо должен поделиться с руководящими членами партии, без согласия которых такая статья не могла бы появиться в партийном органе. Столыпин пошел и на это, и мы условились: если статья появится, то условие Столыпина будет исполнено, если нет — то нет».

Статья в печати не появилась. Соратники заявили Милюкову: *«Никоим образом! Как вы могли пойти на эту уступку хотя бы условно? Вы губите собственную репутацию, а за собой потянете всю партию. Как бы осторожно вы не выразили требуемую мысль, шила в мешке не утаишь, и официозы немедленно ее расшифруют. Нет, никогда! Лучше жертва партией, нежели ее моральная гибель...»*.

Милюков, переоценив собственную позицию, писал в газете «Речь» по поводу отказа Думы определить свое отношение к террору: «Мы с самого возбуждения вопроса держались мнения, что идти на обсуждение вопроса, поднятого с явной целью дискредитировать народное представительство, — ниже достоинства Думы. <...> Своим вчерашним отказом разговаривать с обвинителями государственная дума достойно ответила на гнусную попытку заставить ее сделать выбор между революцией и реакцией. Ни революции, ни реакции: таков смысл гордого ответа Думы».

По словам Гессена, на Конституционно-демократическую партию «посыпались со всех сторон нападки и обвинения, от которых „Речи“ приходилось настойчиво отбиваться. Все журналы и газеты, как справа, так и слева, посвящали свои политические статьи и обозрения беспощадной критике кадетской тактики и всю ответственность складывали на Милюкова, в него направлялись все стрелы».

Отчасти критика была обоснованной — то, что Милюков, не будучи депутатом Думы, фактически возглавлял фракцию кадетов и во многом определял ее политику, было общеизвестным фактом, ведь даже «Отчет

о деятельности парламентской фракции партии народной свободы во II Государственной Думе» был составлен и опубликован Милюковым. Стало быть, за все просчеты и ошибки кадетов счет предъявлялся в первую очередь ему[128].

После роспуска I Государственной Думы в 1906 году — Милюков один из авторов «Выборгского воззвания», в котором содержался призыв к гражданскому неповиновению. Однако так как он не являлся депутатом, то воззвание не подписал и в результате получил возможность продолжать политическую деятельность (все подписавшиеся были осуждены к тюремному заключению и потеряли право избираться в Думу).

В 1907–1917 годах — член III и IV Государственных Дум. Руководил кадетской фракцией, которая позиционировала себя как «оппозиция Его Величества» (а не «Его Величеству»). Много выступал в Думе и писал в «Речи», других газетах как по внутренним, так и внешнеполитическим вопросам. В годы Первой мировой войны — сторонник «войны до победного конца» (получил прозвище «Милюков-Дарданелльский» — за требования передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы).

В июне 1908 года в «камере» одного из петербургских мировых судей слушалось громкое политическое дело «Милюков против газеты „Русь“». Речь шла о том, что «Русь» шантажировала почти все столичные банки. Поводом к делу послужило «гнусное насилие», которое сотрудник газеты Н. Попов учинил по отношению к лидеру либеральной кадетской партии П. Милюкову.

Свидетелями обвинения выступали директора крупнейших петербургских банков, а в качестве обвинителя — Милюков. Противоположную сторону представляли редактор — издатель «Руси» А. Суворин и два его сотрудника. Скандальный инцидент с Милюковым, происшедший в мае 1908 г., был непосредственно связан с провокационной деятельностью «Руси». Сотрудники газеты нанесли визит Милюкову домой и требовали сообщить им имена тех сотрудников «Руси», которые, по свидетельству кадетской газеты «Речь», якобы ездили в Киев и обращались за чем-то в тамошние банки. Милюков отвечать отказался, и тогда, как писала пресса, «сотрудники «„Руси“ прибегли к гнусной расправе».

Сказать проще, Попов устроил рукоприкладство, после чего оставил свою визитную карточку, намекая на дуэль. Милюков, считавший себя принципиальным противником дуэли, отказался от поединка. Кроме того,

[128] Елена Хорватова. Кем был господин Милюков? Ч. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eho-2013.livejournal.com/153345.html (дата обращения: 30.04.2020).

он заявил, что драться на дуэли с человеком, проявившим отсутствие элементарных понятий приличия, — ниже его достоинства. Поэтому Милюков обратился в суд.

Усилиями газетчиков и самого Милюкова мелкий инцидент был раздут до размеров гигантского политического скандала. Уже на следующий день после «гнусного, бессмысленного насилия, учиненного сотрудниками газеты», на квартиру Милюкова прибыли представители различных политических групп и общественных организаций, чтобы выразить ему сочувствие и поддержать в «трудную минуту». В полном составе явилась фракция кадетской партии. Посетил Милюкова даже председатель Государственной Думы Хомяков, оставивший на своей визитной карточке следующую надпись: *«Позвольте мне выразить Вам сердечное соболезнование и глубокое отвращение учиненному над Вами насилию»*. А газета «Русские ведомости» в своей телеграмме выразила гневное возмущение «дикой выходкой насильников».

Просто «потерял самообладание».

На судебном процессе, собравшем огромное количество биржевиков, адвокатов и журналистов, представители «Руси» отвергали все обвинения в шантаже, назвав их надуманными и лживыми, и говорили, что их переговоры в банках носили исключительно «дружественный характер». Суворин в свою очередь обвинил банкиров в том, что их руками правительство борется с газетами, «набрасывая им на шею веревку».

Что же касается инцидента «Попов против Милюкова», то, по словам Суворина, он явился следствием «потери Поповым самообладания», иначе бы тот никогда не смог совершить такой дикой расправы. Впрочем, сам Попов, присутствовавший на процессе, виновной стороной себя нисколько не чувствовал. Одетый в элегантный костюм и светло-желтые гетры, он свысока смотрел на публику...

Судебный процесс затянулся до глубокой ночи. Уже под утро был вынесен приговор: Попова признали виновным в «насилии» и приговорили к аресту на один месяц[129].

В воспоминаниях бывших полицейских чинов Российской империи деятельность Милюкова получила негативную оценку. Так, по утверждению бывшего начальника Петербургского охранного отделения А. Герасимова, во время революции 1905 года при переговорах со Столыпиным Милюков заявил, что в случае назначения правительства из членов Думы оно

[129] Подр.: Реформа печати и цензуры в контексте реформ 1860-х годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://literature-edu.ru/voennoe/13815/index.html?page=15 (дата обращения: 30.04.2020).

не остановится перед принятием самых серьезных мер и в случае нарушения закона будет готово ставить «гильотины на площадях и беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства». По словам Герасимова, эта мысль Милюкова очень заинтересовала Столыпина: «Гильотины не гильотины, а о чрезвычайных мерах подумать можно»[130]. Согласно воспоминаниям бывшего директора Департамента полиции А. Васильева, агенты сообщали ему, что Милюков часто проводит время у английского посла Бьюкенена. Исходя из этих данных, Васильев сделал выводы о том, что «травля правительства» в Государственной Думе со стороны Гучкова, Милюкова и Поливанова координировалась английским посольством.

Современников поражала работоспособность Милюкова. Его день начинался за письменным столом в шесть – семь часов утра и завершался зачастую после полуночи в редакции газеты «Речь». В пору работы в Государственной Думе он у себя дома ежедневно получал и прочитывал, или, по крайней мере, просматривал газеты на тринадцати языках! Его коллега по газете И. Гессен вспоминал, что Милюков появлялся в редакции неизменно ночью, как-то шумно и широко отворяя дверь. Вместе с ним в комнату врывалось оживление, бодрость, уверенность. Усевшись на свое обычное место за одним из столов, он принимался за чтение приносимых из наборной сверстанных полос, отвечая в то же время на обращенные со всех сторон вопросы и попивая чай. Нередко тут же, среди непрекращающегося шума, писал статьи, не прерывая участия отрывочными репликами в общих разговорах.

В статьях, выступлениях Милюков не любил щеголять образами и метафорами, практически ими не пользовался. Его язык состоял из аргументов и только из аргументов. Он точно доказывал теорему, не забывая ни одного довода в цепи доказательств, не забывая их последовательности, никогда не отвлекаясь в сторону. Вместе с тем его чисто московская речь была всегда безупречно правильна, у него и простые обмолвки попадались очень редко. Особенно хорош он бывал в дискуссиях, когда отвечал оппоненту или оппонентам. Основную речь можно дома подготовить, но отвечать противникам необходимо экспромтом. И ответные речи Павла Николаевича часто бывали настоящими шедеврами по стройности и находчивости диалектики, по неотразимой логической силе. Что и говорить, организация умственного аппарата у него была необыкновенная.

---

[130] *Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция // Охранка: Воспоминания руково-дителей политического сыска / под ред. Рейблата А. И.; вступ. ст., комм. З. И. Перегудовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — Т. 2. — С. 464. — 600 с.

Обосновавшись в Петербурге, Милюков занялся обустройством оседлой жизни — это позволяли и финансовые возможности. Кроме депутатского жалованья и зарплаты в газете, ощутимый доход приносила продажа постоянно переиздаваемых «Очерков по истории русской культуры». Его жена открыла собственное издательство и занималась всеми делами, связанными с реализацией книг и распространением, популяризацией статей мужа.

1 ноября 1916 года Милюков с трибуны Четвертой Государственной Думы произнес обличительную речь, в ней были описаны факты неподготовленности России к войне, преступной халатности и коррупции должностных лиц, в частности военного министра Сухомлинова, обоснована идея необходимости создания ответственного министерства из представителей думской оппозиции. Апофеоз речи — обвинение, выдвинутое непосредственно против царской семьи и ее окружения. Перечислив злоупотребления и ошибки царского правительства, Милюков закончил свою речь риторическим вопросом «Что это — глупость или измена?». Фраза стала крылатой, речь пошла гулять по России в списках, ибо цензура запретила ее публиковать в газетах. Уже после Октябрьской революции в правой прессе появились утверждения, что при помощи данной речи Милюков специально подготавливал революцию, клеветнически обвиняя императорскую семью. Февраль сделал Милюкова членом Временного комитета Государственной Думы, а с созданием Временного правительства получил портфель министра иностранных дел (март – май 1917 года). Одно из первых распоряжений Милюкова на этом посту — указание посольствам оказывать помощь возвращению в Россию эмигрантов-революционеров. По его личному распоряжению впустили в страну задержанного англичанами Троцкого.

Как глава МИД вступал в конфликты с лидерами социалистических партий по вопросу предоставления автономии национально-территориальным областям России, в частности по вопросу автономии Украины. Выступал против предоставления каких-либо политических прав отдельным национальностям, против федерализации, ратовал за выполнение Россией своих обязательств перед союзниками по Антанте и, следовательно, за продолжение войны до победного конца. Его нота с изложением этой позиции, отправленная союзникам 18 апреля, вызвала негодование левой части политического спектра — большевики и их союзники устроили демонстрации в столице. Воспользовавшись возникшим кризисом, оппоненты Милюкова в правительстве, в частности Г. Львов и А. Керенский, добились создания коалиционного кабинета министров с социалистами, в котором Милюкову предложили второстепенный пост министра народного просвещения. Он

отказался от этой должности и вышел из состава правительства, продолжая политическую деятельность в качестве лидера кадетской партии. Поддерживал Корниловское движение (после поражения Корниловского выступления вынужден уехать из Петрограда в Крым), резко негативно отнесся к приходу к власти большевиков, был последовательным сторонником вооруженной борьбы с ними, уехал на Дон, в Добровольческую армию. В мае 1918 года в Киеве вел переговоры с германским командованием, которое рассматривал в качестве потенциального союзника в борьбе с большевиками. Поскольку переговоры не поддержало большинство кадетов, сложил с себя обязанности председателя ЦК партии.

В ноябре 1918 выехал в Турцию, а оттуда — в Западную Европу, чтобы добиться от союзников поддержки Белого движения. Жил в Англии, затем с 1920 года — во Франции, где возглавлял Союз русских писателей и журналистов, совет профессоров во Франко-русском институте. Разработал «новую тактику», направленную на внутреннее преодоление большевизма, отвергавшую как продолжение вооруженной борьбы внутри России, так и иностранную интервенцию. Считал необходимым союз с социалистами на основе признания республиканского и федеративного порядка в России, уничтожения помещичьего землевладения, развития местного самоуправления. Против «новой тактики» выступили многие коллеги Милюкова по партии — в результате в июне 1921 года он вышел из нее, став одним из лидеров Парижской демократической группы Партии народной свободы (с 1924 года — Республиканско-демократическое объединение). Подвергался нападкам со стороны монархистов, которые обвиняли его в организации революции, и 22 марта 1922 года пытались убить (тогда Милюков остался жив, но погиб известный деятель кадетской партии В. Набоков).

С 27 апреля 1921 по 11 июня 1940 года редактировал выходившую в Париже газету «Последние новости» — одно из наиболее значимых печатных изданий русской эмиграции. В эмиграции занимался историческими исследованиями, опубликовал «Историю второй русской революции», труды «Россия на переломе», «Эмиграция на перепутье», начал писать «Воспоминания», оставшиеся незавершенными. Продолжал критически относиться к большевикам, но поддерживал имперскую внешнюю политику И. Сталина, одобрял войну с Финляндией, заявив: «Мне жаль финнов, но я за Выборгскую губернию». В канун Второй мировой войны утверждал, что «в случае войны эмиграция должна быть безоговорочно на стороне своей родины»[131].

[131] Более подробно о Милюкове, как журналисте, можно прочесть в книге С. Смирнова и др. «П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия (1859–1929)».

Чернов В. М.

В начале XX века в пестром калейдоскопе внутриполитических событий России особое место занимала партия социалистов-революционеров, эсеров. Несмотря на то что к 1917 году партия стала самой многочисленной, эсерам не удалось воплотить в жизнь свои идеи. Их общепризнанный лидер Виктор Михайлович Чернов, тоже ныне полузабытый, несомненно, был неплохим теоретиком и публицистом. Видный экономист Н. Суханов, в начале XX века близкий к эсерам (в 1910-е годы, разочаровавшись в неонародничестве, перевоплотился в марксиста и социал-демократа меньшевика), признавал незаурядную роль Чернова-идеолога: «В создании эсеровской партии Чернов сыграл совершенно исключительную роль. Чернов был единственным сколько-нибудь крупным ее теоретиком — и притом универсальным. Если из партийной эсеровской литературы изъять писания Чернова, то там почти ничего не останется. <...> Без Чернова вообще не было бы эсеровской партии, как без Ленина не было бы большевистской, поскольку вокруг идейной пустоты вообще не может образоваться серьезная политическая организация. Но разница между Черновым и Лениным та, что Ленин не только идеолог, но и политический вождь, Чернов же только литератор. <...> Можно не одобрять внешних приемов его писаний, можно признавать его эрудицию более или менее начетнической, а его теоретическую мысль гораздо более пригодной к комбинаторским упражнениям, чем к оригинальному творчеству. Но его литературный талант, его разносторонняя эрудиция, его комбинаторские способности — все же остаются налицо. <...> Ведь в течение всей его деятельности перед ним неотвязно стояла до крайности трудная, а вернее — невыполнимая, ложная, внутренне противоречивая задача: пропитать новейшим, научным, международным социализмом черноземно-мужицкую российскую почву»[132].

Это преувеличение личности Чернова. Но не такое уж и большое. Следует признать, что в теоретическом отношении Чернов стоял много выше своих товарищей, являлся автором программы партии, опубликованной впервые в 1907 году в газете «Революционная Россия», которую он же редактировал. В ее основу легли теории ряда классиков российской и зарубежной социалистической мысли.

В качестве рабочего документа, неизменного в течение всего периода существования партии, эта программа была принята на первом партийном съезде, прошедшем в 1906 году. О значимости программы, вышедшей

[132] *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. — М., 1991. — С. 55.

из-под пера Чернова, говорит и тот факт, что аграрную часть ее включили в свою программу большевики в 17-м, что во многом и привело к их победе в октябре.

Эсеры считали себя последователями народников и так же, как они, проповедовали переход страны к социализму мирным путем, минуя капиталистический период развития. В своей программе выдвигали перспективу строительства общества демократического социализма, в котором главенствующая роль отводилась профсоюзам и кооперативным организациям.

Ключевая идея Чернова, обеспечившая популярность эсеровской программы во время революций 1905 и 1917 годов, — социализации земли. Земля должна быть изъята из частной собственности, обращена в общенародное достояние и распределена среди тех, кто на ней трудится, — на уравнительных принципах, в соответствии с трудовыми и потребительскими нормами. Чернов спорил с тезисом социал-демократов о мелкобуржуазности российского крестьянства, полагая, что оно в большей степени предрасположено к социализму.

Включая требование социализации земли в программу-минимум, эсеры полагали, что оно может быть постепенно реализовано и при сохранении буржуазных отношений, в условиях демократической республики — если государство будет проводить соответствующую аграрную политику и будет включать в себя в первую очередь запрещение частной собственности на землю, но не национализацию ее, а лишь перевод в общенародное владение, исключающее право купли-продажи[133].

Сам Чернов был сторонником перехода земли в руки земельных комитетов до окончания решения вопроса Учредительным собранием. Распоряжаться землей должны местные советы, построенные на демократической основе, а оплата труда будет производиться строго в соответствии с реальным вкладом каждого работника или целого коллектива. Что же касается государственного устройства России, члены ПСР являлись сторонниками федеративной формы. Также одно из важнейших требований — пропорциональное представительство всех слоев населения в выборных органах власти и прямое народное законодательство. Руководство страной предполагалось осуществлять парламентом и органами местного самоуправления.

Как интернационалист Чернов полагал, что только совместные усилия трудящихся создадут новую ситуацию в Европе, что позволит реализовать

[133] Подр.: *Коновалова О. В.* Чернов В. М. и аграрная программа партии социалистов-революционеров» // Отечественная история, 2002. № 2. — С. 43–46.

идеи народнического социализма[134]. Партия эсеров росла, будто на дрожжах. Причин тому несколько. Во-первых, как отмечалось выше, в ней было три течения, по существу, три партии, а в реальности в ПСР было еще больше разного рода течений, и провозглашаемые ими идеи привлекали самых различных людей, тем более что фракции, объединения и группы не конституировались. И главное — их опора на крестьянство, составляющее основу страны. И потом, критерии членства были настолько размытыми, что принадлежность к эсерам практически ни к чему не обязывала.

Наплыв после Февраля «мартовских эсеров», как их тогда называли, вызвал определенную тревогу в партии, где дискутировался вопрос о целесообразности разделить ее членов на «полноправных» (с дореволюционным стажем) и «полуправых» (новичков). Летом 1917 г. партия эсеров объединяла 436 местных организаций.

Рост численности эсеров связан и с целенаправленной пропагандой. Партийная пресса весной 1917 г. состояла из массы газет неопределенного «демократического» направления (ей удавалось контролировать 58 изданий, а не контролируемых, симпатизировавших эсерам было еще больше), что вполне соответствовало настрою обывательской массы. В этих условиях партийные функционеры, конечно, занимались пропагандой, порой прибегая к демагогии. И чаще других печатался Чернов.

Почти восьмидесятилетний жизненный путь Владимира Михайловича (1873–1952) — вождя эсеров, министра земледелия в двух составах Временного правительства и председателя Учредительного собрания, разогнанного большевиками, — был достаточно сложным и тернистым. Ему пришлось посидеть в казематах Петропавловки, побывать в ссылке, трижды эмигрировать из России, скрываясь сначала от царских жандармов, а затем от чекистов, и прожить вдали от родины в общей сложности 47 лет. Но где бы он не находился, его активная публицистическая деятельность никогда не прекращалась.

Он, как и Ленин, Керенский, многие другие революционеры, из дворян, родился на Волге, в Саратове. В годы учебы в гимназии познакомился с рядом неблагонадежных лиц — бывшим ссыльным В. Балмашёвым (отцом С. Балмашёва), народником М. Натансоном и народовольцем А. Сазоновым. В 1890 году гимназиста арестовали во время обыска на квартире Сазо-

[134] Лидеры эсеров, программы, тактика борьбы. Кто являлся лидером партии социалистов-революционеров (эсеров)? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fb.ru/article/220958/lideryi-eserov-programmyi-taktika-borbyi-kto-yavlyalsya-liderom-partii-sotsialistov-revolyutsionerov-eserov (дата обращения: 30.04.2020).

нова. Арест не остудил горячую голову молодого человека. Продолжал заниматься революционной деятельностью и во время учебы в Московском университете. Здесь общался с В. Маклаковым, П. Милюковым, Е. Кусковой, С. Прокоповичем, другими известными впоследствии деятелями. В студенческие годы активно изучал марксизм и штудировал произведения Л. Толстого и Ф. Достоевского, которых сам называл «друговрагами». Принимал участие в спорах с марксистами, в которых отстаивал народнические идеи.

В 1894-м за причастность к нелегальной деятельности партии Чернов арестован. Его допрашивал сам С. Зубатов, известный деятель политического сыска и полицейский администратор, впоследствии — начальник Московского охранного отделения, который пытался переубедить молодого революционера и склонить его к сотрудничеству, но не достиг успеха. После отказа дать откровенные показания Чернов отправлен в Петропавловскую крепость, где провел около полугода. После выплаты залога выслан в Камышин, а затем в Саратов, Тамбов.

Журналистикой начал заниматься еще в Доме предварительного заключения в 1895-м, где написал работу «Философские изъяны доктрины „экономический материализм“». А по-настоящему развернулась активная литературно-публицистическая деятельность Чернова, сделавшая его видным идеологом народничества в Тамбове. Публиковался в «Орловском вестнике» и «Тамбовских губернских ведомостях», затем в журнале «Новое слово» и наконец в крупнейших журналах — «Русское богатство» «Вопросы философии и психологии». В своих статьях полемизировал с теоретиками марксизма и развивал идеи народнического социализма. В области теоретической философии Чернов отстаивал эмпириокритицизм Э. Маха и Р. Авенариуса, в области социологии — «субъективный метод» П. Лаврова и Н. Михайловского, а в области экономики следовал Марксу. Признавая авторитет Маркса, направлял свою критику в адрес его вульгарных последователей. Опубликовал серию статей о капитализме в России, о Ф. Энгельсе, об «интеллигентном пролетариате». Размышлял об общине, культурных начинаниях в провинции, об аграрном вопросе — в своих «Письмах из провинции».

Здесь же, в Тамбове, вместе с братом жены Н. Слётовым повел революционную агитацию среди крестьян. Для пропаганды в деревне социалистических идей создал особые «летучие библиотеки». В селе Павлодар Борисоглебского уезда Чернов основал крестьянскую организацию «Братство для защиты народных прав». Устав «Братства» гласил, что земля долж-

на перестать быть собственностью частных владельцев и перейти в руки всего трудящегося народа. В том же 1898 году был созван съезд представителей крестьянства от пяти уездов Тамбовской губернии, который принял программный документ «Письмо ко всему русскому крестьянству», содержавший призыв объединяться в тайные «братства для защиты народных прав». Замысел Чернова состоял в том, чтобы покрыть всю Россию сетью крестьянских организаций.

Доброжелатели предупредили Чернова о готовящемся аресте, и ему удалось в 1899 году уехать за границу. Первая эмиграция длилась шесть с половиной лет. Побывал в Цюрихе, Берне, Париже, сошелся с российскими эмигрантами-революционерами. В столице Франции образовали Аграрно-социалистическую лигу. Среди основателей ее и Виктор Михайлович. Лигой изданы обращение «К товарищам по мысли и по делу» и программная брошюра «Очередной вопрос революционного дела». В программной брошюре, написанной Черновым, говорилось о необходимости вести революционную работу в крестьянстве, без опоры на которое *«никакая революционная партия не сможет нанести в России серьёзного, решительного удара буржуазно-капиталистическому режиму»*.

Лига издавала и переправляла в Россию нелегальную литературу. Распространением ее среди крестьянского населения занимались местные народнические кружки. Всего за несколько лет работы Лигой издано более 317 тысяч нелегальных брошюр (более 1 миллиона страниц). Аграрно-социалистическая Лига продолжала действовать до 1903 года, когда смогла органически влиться в партию социалистов-революционеров.

В Женеве вместе с М. Гоцем по примеру ленинской «Искры» Чернов начал редактировать (с третьего номера) и рассылать по городам России газету «Революционная Россия». Вскоре после убийства министра внутренних дел Д. Сипягина, исполнителем которого был С. Балмашёв, Чернов опубликовал в «Революционной России» статью «Террористический элемент в нашей программе», в которой обосновывал тактику индивидуального террора.

Газеты «Искра» и «Революционная Россия», отмечает исследователь А. Менделеев, не оппоненты — враги[135]. Чернов и Ленин спорили практически по всем вопросам. Ленин объявил войну эсерам, считавшимся наследниками идей «Народной воли». Чернов вспоминал, что *«в году, кажется 11-ом, в Швейцарии, толковали мы с ним (Лениным) в ресторанчике за кружкой пива — я ему говорю: „Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы*

[135] Подробно о споре Ленина и Чернова см. А. Менделеев. Куда влечет нас рок событий? Газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм. — М., 2008.

на следующий день меньшевиков вешать станете". А он поглядел на меня и говорит: „Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера", прищурился и засмеялся»[136].

Лидер большевиков допускал, что крестьянство может совершить революцию, но только под руководством рабочего класса. Лидер эсеров же считал, что крестьянство — это плоть, ядро души народа и именно человек с земли будет основой, двигателем будущей революции. Ленин в «Искре» писал: *«Партия социалистов-революционеров есть, в сущности, не что иное, как фракция буржуазной демократии, фракция, по составу своему преимущественно интеллигентская...»*. Чернов отвечал со страниц «Революционной России»: *«Стыдитесь г. Ленин...»*.

В Россию Чернов вернулся во время первой русской революции. На время ему удалось открыть газету «Сын Отечества», которая стала первым легальным изданием эсеров. Правда, вскоре, по распоряжению правительства, издание закрыли. Виктор Михайлович писал и писал статьи для газет «Голос», «Дело народа», «Мысль», «Народный вестник», «Земля», «Народный голос», «Партийные известия», «Труд», «Знамя труда», «Родное дело».

Пик популярности Чернова пришел во время первой революции, в дни работы I съезда ПСР в Иматре (конец декабря 1905 года – начало января 1906 года), на котором он играл ключевую роль, будучи основным докладчиком и автором почти всех резолюций съезда. Он пользовался высоким авторитетом среди эсеров, хотя до революции Чернов не имел сколько-нибудь массовой известности. В России очень немногие были знакомы с его теоретическими работами, посвященными аграрной политике и научному социализму. Появлявшиеся в легальной печати публицистические статьи особой славы ему не приносили, к тому же не блистали яркостью стиля и четкостью изложения материала. Тем не менее зачастую занудный и скучный в своих сочинениях превратился в чрезвычайно популярную, культовую фигуру «селянского», «мужицкого» министра. Колоссальный успех у крестьян эсеровской аграрной программы обеспечил и триумф Чернова, его особое положение среди политических лидеров демократической России.

Манифест 17 октября 1905 года открыл дверь в Россию многим эмигрантам. Чернов через Финляндию возвратился в Петербург и принял участие в издании первой легальной газеты эсеров «Сын Отечества», редактором которой избрали Г. Шрейдера. Спустя некоторое время Пошехонов и другие сотрудники после долгих споров забрали у Чернова издание. Он разошелся

[136] Цит. по Менделеев А. — С. 42–43.

с коллегами из-за разногласий по программе и тактике и продолжил сотрудничество в других эсеровских газетах.

8 июля 1906 года полиция совершила налет на редакцию эсеровской газеты «Мысль», попыталась схватить всех смутьянов. Чернов выпрыгнул из окна, на улице собралась толпа, пытавшаяся защитить редакцию, публика встретила его восторженно, скрыла от полиции. Чернов перешел на нелегальное положение. В середине 1907 года стало ясно, что революция закончилась. Тысячи эсеров отправлены на каторгу или ссылку, сотни расстреляны. В этих условиях решено, что Чернов отправится в Лондон на конференцию партии и останется за границей. Так началась вторая эмиграция, продлившаяся до 1917 года.

В России же полиция зверствовала, ряды эсеров редели, по выражению Чернова, «организация таяла, улетучивалась». Упадку ее способствовало и разоблачение журналистом Бурцевым в 1908 году члена ЦК партии, руководителя Боевой организации эсеров Е. Азефа, который долгие годы являлся агентом охранки. ЦК приговорил предателя к смертной казни, но лидер эсеров не видел смысла в его смерти и дал возможность ему удрать в Берлин. Считал себя виноватым, ибо всецело доверял Азефу. Совет партии вывел Чернова из ЦК, он сосредоточился на журналистике. Стал одним из редакторов «Современника», но через полгода из-за разногласий в редакции покинул «Современник» и вместе с Горьким открыл новый журнал «Заветы», правда, после публикации журналом романа Ропшина (Б. Савинкова) «То, чего не было», по совету Ленина Горький вскоре вышел из редакции.

Первая мировая война заставила Чернова резко изменить жизнь — он снова окунулся в гущу политической борьбы, отстаивая принципы интернационализма, борясь с шовинистическим угаром, охватившим многих социалистов. Узнав о Февральской революции, рвался в Россию, и ему удалось вернуться в апреле 1917-го. Его, как и Ленина, торжественно встретили в Петрограде представители Петросовета, члены эсеровской партии, солдаты гарнизона, крестьяне, рабочие фабрик и заводов, разделяющие позиции эсеров. Чернова избрали членом Исполкома и товарищем председателя Петроградского Совета, товарищем председателя ВЦИК и почетным председателем ЦИК Совета крестьянских депутатов. На III съезде партии (май – июнь 1917 года) вновь вошел в состав ЦК и редакцию газеты «Дело народа». Эсеры опять стали популярны в массах, хотя внутри партии разногласия не прекратились. Левые эсеры разделяли идеи большевиков.

В мае Чернов дал согласие войти во Временное правительство министром земледелия, избран членом Главного земельного комитета, на который

возлагалась задача подготовки земельной реформы. Из множества законопроектов Чернова воплотились в жизнь только два: о запрещении земельных сделок и о роспуске землеустроительных комиссий, созданных Столыпиным. Чернов остался в составе второго коалиционного Временного правительства, хотя кадетская печать развернула его травлю в прессе, обвиняя в «углублении революции».

26 августа, в начале Корниловского мятежа, подал в отставку. На заседании Петросовета выступил против предложения большевиков взять власть, но собрание приняло большевистскую резолюцию, за которую проголосовали и левые эсеры, и он вместе с председателем Н. Чхеидзе сложил свои полномочия.

В конфликте правых и левых эсеров занимал центристские позиции, но был ближе к правым, ратовал за «однородное социалистическое правительство». Октябрьскую революцию, видимо, хорошо памятуя разговор с Лениным за пивом в ресторанчике о приходе большевиков к власти и повешении эсеров, категорически не принял, участвовал в создании Комитета спасения Родины и революции, 27 октября прибыл в Псков, пытаясь убедить по телеграфу генерала Духонина дать подкрепление войскам, выступающим против большевиков. Затем отправился в Ставку договариваться о создании нового правительства, которое намеревался возглавить.

Его партия получила абсолютное большинство на выборах Учредительного собрания, а он стал председателем «Хозяина земли русской», который смог собраться на единственное заседание — пока караул, состоявший в основном из кронштадтских матросов, не исполнил приказ большевиков, заявив, что «устал» и прекратил его деятельность. Чернов призвал единомышленников к активной борьбе с большевизмом.

Почему же партия эсеров, самая многочисленная и авторитетная, потерпела поражение в двух революциях?

При всем авторитете лидера и идеолога эсеров Чернова, прекрасного публициста, умевшего неплохо агитировать, зажигать массы, он плохой организатор. Вот мнение Л. Троцкого: «Опытный писатель, начитанный в социалистической литературе, набивший руку во фракционной борьбе, он неизменно оставался во главе партии в ту эпоху, когда партийная жизнь концентрировалась в эмигрантских заграничных кружках. Революция, которая первой своей неразборчивой волной подняла партию с.-р. на огромную высоту, автоматически подняла и Чернова, но только для того, чтобы обнаружить полную его беспомощность даже в ряду руководящих политических деятелей первого периода. Те маленькие средства, которые обеспечивали

Чернову перевес в заграничных народнических кружках, оказались слишком легковесными на весах революции. Он сосредоточился на том, чтобы не принимать никаких ответственных решений, уклоняться во всех критических случаях, выжидать и воздерживаться. Такого рода тактика обеспечивала за ним до поры до времени положение центра между все дальше расходившимися флангами. Но сохранить надолго единство партии не было уже никакой возможности»[137].

«Я всегда воздавал должное выдающимся талантам Чернова и вполне разделял тот пиетет к нему, которым в дореволюционные времена были проникнуты довольно широкие круги нашей революционной интеллигенции, — так отзывался о нем Н. Суханов. — Без Чернова вообще не было бы эсеровской партии. В течение всей его деятельности перед ним неотвязно стояла до крайности трудная, а вернее, — невыполнимая, ложная, внутренне противоречивая задача: пропитать новейшим, научным, международным социализмом черноземно-мужицкую российскую почву, или — отвоевать для нашего черноземного мужика почетное место и равные права в рабочем Интернационале Европы.

Выполняя эту задачу, Чернов проявил не только чрезвычайную энергию, но и огромное искусство. Но Чернов выполнял в эсеровской партии только половину дела. В эпоху дореволюционной конспирации он не был партийным организационным центром. А на широкой арене революции, несмотря на свой огромный авторитет среди эсеровских работников, Чернов оказался несостоятельным и в качестве политического вождя. А на широкой арене революции, когда „идеология“ должна была уступить место политике, Чернову суждено было не только истрепать свой авторитет, но и, пожалуй, сломать себе шею»[138]. И, наконец, приведем слова Ленина, с которыми он обратился к «временщикам»: *«Разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся бы на свете хоть один дурак, который бы пошел на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием...»*.

Да, эсеры, кадеты, меньшевики лишь провозглашали свои идеи, выпускали как пар в свистки и, придя к власти, ничего не делали для народа, теря-

[137] *Троцкий Л.* Октябрьская революция. — М., 1918.
[138] *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. — М., 1991. — С. 55–56.

ли свой авторитет, большевики же предлагали то, что нужно было рабочим, крестьянам, солдатам и осуществляли планы.

Нет, Чернову не по пути было с Лениным. Два с половиной года он находился на нелегальном положении, скрываясь от большевиков и Колчака. Тщательно конспирируясь, преследуемый ЧК, участвовал в издании подпольных газет и листовок. 23 мая 1920 года смог открыто выступить в Москве с обличающей большевиков речью перед делегацией английских рабочих, после чего скрылся, эмигрировал за рубеж, продолжал борьбу с большевизмом в основном при помощи издания журналов «Революционная Россия». Освещал в нем крестьянское восстание в Тамбовской губернии, активно поддерживал мятежный Кронштадт. Как председатель Учредительного собрания направил восставшим морякам радиотелеграмму.

Жил в Германии, Франции, Португалии, в 1941-м перебрался в США. Активно участвовал в деятельности Нью-Йоркской группы партии социалистов-революционеров, был одним из редакторов партийного журнала «За свободу». В 1942 году опубликовал открытое письмо Сталину о необходимости объединения всех антифашистских сил. После Сталинграда американские власти, ранее оказывавшие Чернову финансовую поддержку, потеряли к нему интерес. Бедствуя, зарабатывал на жизнь написанием статей и мемуаров.

Керенский А. Ф.

Биография Керенского не отличается размахом послужного списка, поэтому его государственную карьеру можно ассоциировать с таким же стремительным взлетом по служебной лестнице, как и П. Столыпина, за несколько лет прошедшего путь от Гродненского и Саратовского губернатора до Министра МВД, а затем севшего в кресло председателя Совета министров России. Схожесть есть и с Лениным, который так же, как и Керенский, стоял во главе государства. Есть даже что-то изначально революционное общее у Керенского с Лениным, которое на ту пору молодое поколение ассоциировало с патриотизмом. По достоверным источникам будущие политические противники провели детство в Симбирске (Ульяновск), где родились.

Если обратиться к биографии Керенского и истории его семьи, то можно найти и такие факты. Его отец, Федор Михайлович, преподавал в Симбирском мужском училище, директором в котором служил отец Ленина, И. Ульянов. Сам же вождь мирового пролетариата был воспитанником Федора Михайловича, из его рук получил рекомендацию для поступления в Ка-

занский университет после того, как брат Ленина, А. Ульянов, был казнен за покушение на Александра III. Семьи Ульяновых и Керенских находились в близких, дружеских отношениях. К сожалению, подобного нельзя сказать о молодых представителях этих семейств: А. Керенский и В. Ленин, ставшие вождями революций, пошли принципиально разными путями, оказались во враждебных лагерях, но оба успевшие поруководить Россией.

Революцией оба заболели с молодых ногтей. Правда, если у Ленина была собственная глобальная идея сделать равноправными всех людей на земле с помощью мировой революции, то своей идеи как таковой у Керенского не было. Он брал идеи других и страстно пропагандировал их. Набоков, одно время управлявший делами Временного правительства и один из руководителей кадетов, о Керенском отзывался нелестно, отмечал, что в Думе он в силу партийных условий оказался... головою выше той серой компании, которая его в Думе окружала, так как он был недурным оратором, порою даже очень ярким, а поводов к ответственным выступлениям было сколько угодно, то, естественно, что за четыре года его стали узнавать и замечать. При всем том настоящего, большого, общепризнанного успеха он никогда не имел. Никому бы не пришло в голову поставить его как оратора рядом с Маклаковым или Родичевым или сравнить его авторитет как парламентария с авторитетом Милюкова или Шингарёва. Партия его в четвёртой Думе была незначительной и маловлиятельной[139].

В годы учебы в Петербургском университете Керенский вступил в студенческое движение Союз Освобождения, которое позже породило Конституционную Демократическую партию. Поначалу он только распространял периодику, но позже стал писать для них. С октября 1905 года Керенский становится сотрудником революционного социалистического бюллетеня «Буревестник», который 4 декабря 1905 года был преобразован в печатный орган данной партии.

«Буревестник» стал одной из первых жертв полицейских репрессий: тираж восьмого (по другим данным — девятого) номера конфисковали. 23 декабря Керенскому пришли с обыском полицейские, нашли листовки «Организации вооружённого восстания» и револьвер, предназначавшийся для самообороны. В результате — арест по обвинению в принадлежности к боевой дружине эсеров и заключение в знаменитую тюрьму «Кресты», а затем ссылка с женой и годовалым сыном в Ташкент.

[139] Какой личностью и каким политиком был Керенский? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.ru/q/question/kakoi_lichnostiu_i_kakim_politikom_byl_3bd53acb/ (дата обращения: 30.04.2020).

Отбыв ссылку, вернулся в Петербург. Журналистика особо не манила Александра Федоровича, он предпочитал говорить, а не писать. По нынешним временам из него получился бы телеведущий типа Сванидзе, но тогда телевидения не было, да и радио только зарождалось, потому, получив юридическое образование, с 1906 по 1912 гг. Керенский служил адвокатом защиты в политических процессах. Начал свою карьеру в судебном процессе в Ревеле — защищал крестьян, разграбивших поместья остзейских баронов, отстоял на процессе туркестанской организации социалистов-революционеров, обвинявшихся в антиправительственных вооруженных акциях, участвовал в общественной комиссии (так называемой комиссии адвокатов) по расследованию расстрела рабочих на Ленских золотых приисках. Выступал в поддержку М. Бейлиса, в связи с чем подвергался судебному преследованию в ходе дела 25 адвокатов и за оскорбление Киевской судебной палаты приговорен к 8-месячному тюремному заключению. По кассационной жалобе тюремное заключение заменили запретом заниматься адвокатской практикой в течение 8 месяцев.

В 1912 году уже публично замеченный Керенский избран депутатом IV Государственной Думы. Избран от города Вольска Саратовской губернии, поскольку партия эсеров приняла решение бойкотировать выборы, формально вышел из этой партии и вступил во фракцию «трудовиков», которую возглавил в 1915 году.

Как и везде, где пролегал его жизненный путь, он стал известен своими пафосными речами. Однако не все депутаты даже его крыла положительно отзывались о нем. «Он всегда слишком нервничал. Не без основания его называли неврастеником. Он обладал громким и излишне резким голосом, в речах его всегда слышались высокие крикливые ноты. Никогда не говорил спокойно, и это слушателей иногда раздражало. Вообще, слушать его было довольно тяжело. Таков он был и в своих первых думских выступлениях». Такой стиль выступлений сохранится у Керенского на всю жизнь.

Во время февральских беспорядков Керенский, будучи уже известным политическим деятелем, выступил как один из лидеров протеста. Газета «Киевлянин» писала 23 февраля (8 марта): «...В Таврическом дворце ходили потрясенные депутаты. Заседал совет старейшин, не зная, что предпринять. Был прочитан указ о роспуске. Решили не расходиться, но не было смелости сразу объявить себя правительством. Растерялись даже левые и только когда ктото крикнул:

— Толпа, солдаты!

Керенский без пальто и без шапки выбежал на Шпалерную и стал говорить речь.

— Мы с вами. Мы благодарим вас, что пришли, и обещаем идти вместе с народом.

Толпа подняла Керенского и качала».

Исследователи высказывают мнение, что Керенский делал ставку на успех у толпы, мало уделяя внимание другим политическим факторам. Это не могло привести к длительным успехам. Посол Франции в России Морис Палеолог так характеризовал Керенского: «Но что за этим театральным красноречием, за этими подвигами трибуны и эстрады? — Ничего, кроме утопии, комедиантства и самовлюбленности!».

Один из активных деятелей партии кадетов Иван Куторга считал, что «Керенский был подлинным олицетворением „Февраля“ со всем его подъемом, порывом, добрыми намерениями, со всей его обреченностью и частой политической детской нелепостью и государственной преступностью»[140].

Керенский признавался, что он — масон. «Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьёзных размышлений я пришёл к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным, прежде всего, было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь непременная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчёты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества. Изучая в Гуверовском институте циркуляры Департамента полиции, я не обнаружил в них никаких данных о существовании нашего общества, даже в тех двух циркулярах, которые касаются меня лично»[141].

И не рядовой масон. В 1915–1917 гг. — генеральный секретарь Верховного совета Великого востока народов России — парамасонской организации, члены-основатели которой в 1910–1912 годах вышли из ложи «Возрождение» Великого востока Франции. Великий восток народов России не признавал-

[140] А. Ф. Керенский — актер на революционной сцене [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://1917daily.ru/kerensky_acteur (дата обращения: 30.04.2020).

[141] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. — М., 1993. — С. 62–63.

ся другими масонскими великими ложами как масонская организация, так как приоритетной задачей для себя ставил политическую активность. Кроме Керенского, в Верховный совет ВВНР входили такие политические деятели, как Н. Чхеидзе, А. Браудо, С. Масловский-Мстиславский, Н. Некрасов, С. Урусов и другие.

Он прослыл одним из самых непримиримых обличителей царского режима и сыскал личное неприятие у царской семьи. Самая знаменитая его речь — произнесенная 15 февраля 1917 г., где он открыто говорил о необходимости борьбы с теми, кто закон превратил в средство издевательства над народом. *«Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало... Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие издевательства над народом? С нарушителями закона есть только один путь борьбы — физического их устранения»*.

Председательствующий Родзянко прервал выступление Керенского вопросом, что он имеет в виду. Ответ последовал незамедлительно: *«Я имею в виду то, что совершил Брут во времена Древнего Рима»*. Императрица, после этого, обращаясь к мужу писала: *«Надеюсь, Керенского из думы повесят»*.

2 марта занял пост министра юстиции во Временном правительстве. На публике Керенский появлялся во френче военного образца, хотя сам никогда не служил в армии. Инициировал такие решения Временного правительства, как амнистия политических заключенных, признание независимости Польши, восстановление конституции Финляндии. По распоряжению Керенского, из ссылки были возвращены все революционеры. Второй телеграммой, отправленной на должности министра юстиции, был приказ немедленно освободить из ссылки «бабушку русской революции» Екатерину Брешко-Брешковскую и со всеми почестями отправить ее в Петроград. При Керенском началось разрушение прежней судебной системы. Уже 3 марта реорганизован институт мировых судей — суды стали формироваться из трех членов: судьи и двух заседателей. 4 марта упразднены Верховный уголовный суд, особые присутствия Правительствующего сената, судебные палаты и окружные суды с участием сословных представителей. Прекратил следствие по убийству Григория Распутина, при этом следователь — директор Департамента полиции А. Т. Васильев (арестованный в ходе Февральской революции) был переправлен в Петропавловскую крепость, где допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией до сентября.

При Керенском судебные деятели массово удалялись со службы безо всяких объяснений, иногда на основании телеграммы какого-нибудь при-

сяжного поверенного, утверждавшего, что такой-то неприемлем общественными кругами[142].

В марте 1917 года Керенский снова официально вступил в партию эсеров, став одним из важнейших лидеров партии. В апреле 1917 года министр иностранных дел П. Милюков заверил союзные державы, что Россия, безусловно, продолжит войну до победного конца. Этот шаг вызвал кризис Временного правительства. 24 апреля Керенский пригрозил выходом из состава правительства и переходом Советов в оппозицию, если Милюков не будет снят со своего поста и не будет создано коалиционное правительство, включающее представителей социалистических партий. 5 (18 мая) 1917 года князь Львов вынужден выполнить это требование и пойти на создание первого коалиционного правительства. Милюков и Гучков подали в отставку, в состав правительства вошли социалисты, а Керенский получил портфель военного и морского министра.

Это был его звездный час. Газеты именуют Керенского в таких выражениях: «рыцарь революции», «львиное сердце», «первая любовь революции», «народный трибун», «гений русской свободы», «солнце свободы России», «народный вождь», «спаситель Отечества», «пророк и герой революции», «добрый гений русской революции», «первый народный главнокомандующий» и т. д. Современники описывают «мартовскую» истерию вокруг личности Керенского в таких выражениях:

Тернист путь Керенского, но автомобиль его увит розами. Женщины бросают ему ландыши и ветки сирени, другие берут эти цветы из его рук и делят между собою как талисманы и амулеты. <...> Его несут на руках. И я сам видел, как юноша с восторженными глазами молитвенно тянулся к рукаву его платья, чтобы только прикоснуться. Так тянутся к источнику жизни и света! <...> Керенский — это символ правды, это залог успеха; Керенский — это тот маяк, тот светоч, к которому тянутся руки выбившихся из сил пловцов, и от его огня, от его слов и призывов получают приток новых и новых сил для тяжелой борьбы.

В молодости Керенский подумывал о карьере оперного певца и даже брал уроки актерского мастерства. В. Набоков так описывает его выступления: «„Я говорю, товарищи, от всей души... из глубины сердца, и если нужно доказать это... если вы мне не доверяете... Я тут же, на ваших глазах... готов умереть...“. Увлёкшись, он проиллюстрировал „готовность умереть“ неожиданным, отчаянным жестом».

[142] Керенский, Александр Фёдорович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Керенский,_Александр_Фёдорович (дата обращения: 30.04.2020).

Уже в старости Керенский с сожалением замечает, что *«если бы тогда было телевидение, никто бы меня не смог победить!»*. Керенскому удаётся «очаровать» даже свергнутого царя: в июле Николай записывает в своём дневнике о Керенском: *«Этот человек положительно на своём месте в нынешнюю минуту; чем больше у него власти, тем лучше»*.

В мае 1917 года петроградские газеты даже всерьез рассматривают вопрос об учреждении «Фонда имени Друга Человечества А. Ф. Керенского». Дабы поддерживать аскетический имидж «народного вождя», носит полувоенный френч и коротко стрижется. Назначает на ключевые должности в армии малоизвестных, но приближенных к нему генералов, получивших прозвище «младотурки». Должность начальника кабинета военного министра предложил своему шурину В. Барановскому, которого произвел в полковники, а уже через месяц в генерал-майоры.

Помощниками военного министра назначил полковников генерального штаба Г. Якубовича и Г. Туманова, людей недостаточно опытных в военных делах, но зато активных участников февральского переворота. Верховным Главнокомандующим делает генерала А. Брусилова вместо более консервативно настроенного генерала М. Алексеева, обнародует «Декларацию прав солдата».

Военный министр Керенский приложил большие усилия для организации наступления русской армии в июне 1917. Он объезжал фронтовые части, выступал на многочисленных митингах, стремясь воодушевить войска, после чего получает прозвище «главноуговаривающего». Однако армия уже была серьезно ослаблена послереволюционными чистками генералов и созданием солдатских комитетов[143]. 18 июня началось наступление русских войск, которое, однако, быстро закончилось полным провалом.

Это становится первым заметным ударом по его популярности. Продолжающиеся экономические проблемы, провал политики продразверстки, инициированной еще царским правительством в конце 1916 года, продолжающийся развал действующей армии, введение смертной казни на фронте, выпуск новых обесценивающихся денег, получивших название «керенки», все сильнее дискредитируют Керенского. Газеты способствуют этому, пишут, что он переселился в Зимний дворец и якобы спит на бывшей кровати императрицы Александры Фёдоровны. Самого Александра Федоровича начинают иронически называть «Александром IV» (последний российский царь с этим именем был Александр III, умерший за 23 года до революции).

[143] Сб. Демократизация армии в России в 1917 году.

19 июля Керенский назначает нового Верховного Главнокомандующего — Генерального штаба генерала от инфантерии Л. Корнилова. В августе Корнилов при поддержке генералов Крымова, Деникина и некоторых других отказал Керенскому в доверии и двинул войска на Петроград с целью захвата власти. Большевики подавили корниловский мятеж, Керенский скрылся. Жил в глухомани под Новгородом, затем неподалеку от Петрограда, в самом Петрограде, в Финляндии, Москве. И после Октябрьской революции он еще окончательно не терял надежды вернуться в большую политику. Писал обращение к народу в эсеровскую газету «Дело народа», призывая «опомниться» и «оставить безумцев-большевиков». Порывался даже выступить в Учредительном собрании, позднее намеревался перебраться в Самару, где с июня 1918 г. функционировало эсеровское правительство — Комуч.

Бежал за границу. В Париже стал сотрудником эмигрантской газеты «За Россию». За неимением средств ночевал прямо в редакции. В 1922 году начал издавать в Берлине собственную газету «Дни», редакция которой через три года переехала в Париж, где издание продолжало выходить вплоть до начала 30-х годов (поменяв в 1928 году формат на еженедельный журнал), а в 30-х гг. — еженедельник «Новая Россия». Много писал, стремясь главным образом оправдать политику Временного правительства.

Но эмиграция заставляет много понимать по-другому, многое переоценивать. Так и Керенский в Европе осознал иллюзорность преклонения русской либеральной интеллигенции (и своей собственной) перед Западом. В статье «Союзники и Временное правительство» он писал: «Той Европы, которую носила в своем сознании русская интеллигенция, никогда вообще в природе не существовало. Мы думали, что там, за далекими, бескрайними русскими просторами, вдали от жестокой царской реакции, есть блаженные страны всяческого демократического и гуманистического совершенства! Увы, этой, я бы сказал, „русской Европы“, созданной по образу и подобию наших собственных политических идеалов, мы, оказавшись в эмиграции, нигде не нашли. <...> За наш самообман мы отомщены»[144].

Керенский воочию увидел то, о чем писал еще А. Герцен. На Западе *«жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось в меняльные лавочки и рынки-редакции журналов, избирательные собрания... Человек de facto сделался принадлежностью собственности, жизнь свелась на постоянную борьбу из-за денег»*[145].

[144] Современные записки. — Париж, 1934. — Т. 55. — С. 279.
[145] Цит. по: *Герцен А.* Повести. Былое и думы. Статьи. — М., 2002. — С. 306.

На следующие десять лет журналистика и публицистика стали основным источником заработка Керенского. На страницах своего издания он планомерно критиковал большевиков. Единственным способом, с помощью которого можно было победить «красную заразу», было объединение всех европейских демократических сил и русской эмиграции. Но собрать в рамках одной организации хотя бы все русские демократические силы Керенскому не удалось. Попытка организовать новое Учредительное собрание в январе 1921 года завершилась крупным провалом[146].

Кропоткин П. А.

Когда после Февральской революции Петр Алексеевич Кропоткин возвратился из эмиграции в Петроград, его встречали не менее, а, пожалуй, более торжественно, чем Ленина. Ведущие газеты прислали на вокзал своих корреспондентов. «Русские Ведомости» (№ 121, 31 мая 1917 г.) сообщали: «Сегодня, в начале 2-го часа ночи, по Финляндской жел. дор. прибыл в Петроград кн. П. А. Кропоткин вместе с другими эмигрантами. На вокзале П. А. Кропоткин был встречен А. Ф. Керенским, М. И. Скобелевым, Н. В. Некрасовым, П. Н. Милюковым, М. М. Винавером, а также многими другими видными политическими деятелями. У вокзала встретить Кропоткина собралась громадная толпа народа. Оркестр музыки и почетный караул были выставлены от Московского гвардейского полка. Было произнесено много речей и приветствий».

Журнал «Огонек» (№ 23, 18 июня 1917 г.) дает свое толкование данному событию: «После сорокалетнего скитания вдали от родины, глубоким стариком вернулся на родину апостол анархизма Петр Алексеевич Кропоткин. В лице этого ветерана непримиримой революции вплоть до осуществления заветных идеалов научного анархизма, в Петроград — в самое лоно русской революции прибыла новая великая культурная и моральная сила.

В П. А. Кропоткине воплощается сама стихия мировой революции. Его никто не может заподозрить в „буржуазности“ или в „империалистических вожделениях“. Его идеалы далеко оставляют позади самые крайние лозунги ленинцев-большевиков».

Не только в нашей, но и в мировой истории Петр Алексеевич Кропоткин занимает особое место. Этот — человек высочайшей культуры, редкого благородства и безмерного мужества, по оценке большинства знавших

[146] Русская журналистика второй половины 19 века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.history-journal.ru/index.php?request=full&id=55 (дата обращения: 15.04.2019).

его журналистов прожил большую, трудную жизнь, наполненную высоким смыслом служения людям, науке, добру и справедливости. Он известен всему цивилизованному миру. Масштаб личности, неординарность судьбы мыслителя, значимость сделанного им позволяют причислить Кропоткина к тем уникальным людям, которые появляются в истории, чтобы остаться в ней навсегда. В Краснодарском крае есть город Кропоткин, одноименный поселок в Иркутской области, его именем названы многие улицы наших городов. На территории Бурятии есть потухший «Вулкан Кропоткин», есть горные хребты и возвышенности, носящие его имя. В Москве в 1957-м бывшую станцию метро «Дворец Советов» переименовали в «Кропоткинскую». Ему посвящены крупные монографические исследования, книги, кинофильмы, о нем восторженно отзывались многие видные деятели науки и искусств. Оскар Уайльд писал, что у Кропоткина «душа прекрасного, чистого Христа».

В нашем сознании он ассоциируется в первую очередь с анархизмом, возникшим в недрах революционного народничества. Однако его теория анархизма несколько отличается от той, которую взяли на вооружение русские анархисты в 17-м, и потом многогранность и незаурядность личности Кропоткина не могут быть сведены только к этой стороне его деятельности, справедливо отмечает один из авторов книги о его жизни и деятельности. Кропоткин плодотворно работал во многих направлениях. Политика и история, социология и философия, география и этнография, сельское хозяйство и кооперация, литература и этика, блестящая публицистика, проблемы образования и воспитания, история науки и политэкономия... И это далеко не полный перечень предметов, в развитие которых он так или иначе внес свой позитивный вклад, ставший достоянием человеческой культуры. Он известен и как историк Великой французской революции, исследователь по истории и теории этики, блестящий публицист и литератор. Перу Кропоткина принадлежат сотни статей, путевые заметки, книги, которые не могут оставить равнодушным того, кто интересуется историей, задумывается над вопросами нравственности, духовности, культуры. Так, его «Записки революционера» по широте охвата действительности, стремлению создать летопись освободительного движения, запечатлеть эпоху в образах людей приближаются к шедевру русской и мировой литературы — «Былому и думам» Герцена[147]. Другой исследователь добавляет: «Природа щедро одарила недюжинным умом и редкостным трудолюбием, способными реа-

[147] *Ударцев С. Ф.* Кропоткин. — М., 1989.

лизоваться в любой области человеческой деятельности, но одновременно одарила и чрезвычайно чутким и отзывчивым сердцем, которое не выносило разлада между личным благополучием и несправедливостью злом, окружавшими его»[148].

Кропоткин родился в 1842-м в Москве. Он происходил из древнего княжеского рода. Отец революционера, князь Алексей Петрович Кропоткин восходит к роду Рюриковичей, владел в трех губерниях имениями с более чем 1 200 крепостных мужиков с семьями. По материнской линии Петр являлся прямым потомком атамана запорожских казаков Ивана Сулимы. Два мира формировали характер Петра: с одной стороны — мир людей труда, крепостных, с другой — мир господ, дворян. Ребенок вырос в семье отнюдь не самого жестокого крепостника. Но и то, что довелось ему увидеть и пережить, оставило неизгладимый след в душе на всю жизнь.

В 1862-м, по окончании Пажеского корпуса, как один из лучших учеников произведен в камерпажи императора Александра Второго. При получении офицерского чина выразил желание направиться в Амурское казачье войско. И вот, пожалуй, первый бунтарский шаг Петра Алексеевича — добровольно отправляется в Сибирь для несения службы в казачьих частях. При дворе поступок расценен как величайшая глупость. В Сибири служит чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Тут у него проявляется интерес к малоизученным местам: объехал Хинган, Восточные Саяны, прошел по Амурской гряде, берегам Витима, проплыл по Лене. Организовал несколько экспедиций по Северной Маньчжурии и по Саянам. Открыл прямой путь из Олекминских золотых приисков в Забайкалье... Кропоткин своими научными трудами заложил основы современной геологии, а также внес вклад в географию Восточной Сибири. Теоретически предсказал существование Земли Франца-Иосифа. Именно он впервые употребил выражение «вечная мерзлота». В этих диких краях князь отмечал вопиющую отсталость. *«Вокруг меня гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба»,* — писал он.

В газете «Московские ведомости» и чаще в воскресном приложении к ней («Современная летопись»), в журналах «Русский вестник», «Записки для чтения» и др. печатал свои путевые заметки о Сибири, Забайкалье, Маньчжурии.

Осенью 1867-го возвращается в столицу, работу в Министерстве внутренних дел совмещает с учебой на физико-математическом факультете Санкт-

[148] *Комин В. В.* Анархизм в России. — Л., 1969. — С. 14.

Петербургского университета. В следующем году его избирают членом Русского географического общества и награждают золотой медалью за научную работу. Кропоткин продолжает трудиться над темой строения горной Азии, изучая законы расположения ее плоскогорий и хребтов. Казалось бы, перед князем открывалась блестящая научная карьера. Однако он увлекся идеями революции. Переломным моментом для него стала поездка в Швейцарию (1872 г.). *«Сознание полного равенства всех членов федерации,* — вспоминал Кропоткин, — *независимость суждений и способов выражения их, которые я замечал среди этих рабочих, а также их беззаветная преданность общему делу еще сильнее того подкупали мои чувства. И когда, проживши неделю среди часовщиков, я уезжал из гор, мой взгляд на социализм уже окончательно установился. Я стал анархистом».*

Вернувшись на родину, входит в кружок Чайковского, ведет агитационную работу среди питерских рабочих и является одним из инициаторов «хождения в народ». Разделяя взгляды Бакунина об инстинктивной бунтарской природе человека, Кропоткин акцентирует внимание на том, что именно «коллективный ум народа» способен создать новое общество, которое будет организовано по принципу коммун или общин. В работах «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» (1873) и «Программа революционной пропаганды» (1874) он в общих чертах сформулировал свою анархистскую теорию. Позже развил ее. У него «анархия» — целая система взглядов, выражающая отношение к существующим формам человеческого общества и его послереволюционному устройству. «Анархия, — объясняет он в „Записках революционера“, — нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собой, кроме того, философию как природы, так и общества».

Кропоткинский идеал такого общественного устройства, которое исключало бы господство людей над людьми и насилие человека над человеком. Конечно, он не мог не догадываться об утопичности, недостижимости такого идеала и тем не менее с упорством продолжал его отстаивать. Согласно его идеалам, требуется лишь добрая воля и согласие всех граждан для их последующего объединения в свободную федерацию.

Будучи последовательным гуманистом, обосновал значимость взаимопомощи и коллективизма в деле возможного справедливого государственного устройства. Подобно многим мыслителям прошлого говорил решительное «нет» частной собственности. По его идее, земля, средства производства и капитал должны перейти в руки рабочих, а те, организовав коммуны, уже смогут разумно распорядиться ими.

Чтобы вполне уяснить себе взгляды Кропоткина, необходимо подробно рассмотреть положения его учения по ключевым понятиям: право, государство, собственность.

Кропоткин предполагал, что настоящий строй вскоре изживет себя, он с оптимизмом смотрел на предстоящую гибель «буржуазной» и «бюрократической» европейской цивилизации, воспринимал ее как прелюдию к созданию идеального анархо-коммунистического строя. Соответственно, с развитием человечества от менее счастливого к более счастливому существованию исчезнут многие атрибуты современной общественной организации, такие как право, государство, собственность. Но исчезнет не право как таковое, а лишь писаное право.

В марте 1874 года сделал сенсационный научный доклад о ледниковом периоде в Географическом обществе, прославился и... на следующий день оказался в Петропавловской крепости за свою подпольную деятельность. Однако имя тридцатиоднолетнего ученого стало уже настолько громким, что император распорядился, чтобы Кропоткину в крепости создали условия для работы и, видимо, чтобы отвлечь от «крамольных мыслей», в камеру доставляют перо и бумагу, создают условия, чтобы узник мог писать. Именно здесь Петр Алексеевич формулирует обоснование своей ледниковой теории «Исследования о ледниковом периоде», имевшей особое значение для развития науки о Земле, а также обосновал существование и рассчитал координаты еще не открытых Земли Франца-Иосифа, Северной Земли и всего барьера Кропоткина (цепочки островов от Шпицбергена до мыса Челюскина) в целом. Благодаря его открытию России удалось удержать приоритет на теоретически обозначенных им северных землях, хотя первыми туда ступили иностранные исследователи. Кстати, высказанные им положения актуальны и сегодня, обосновывают право России на шельф Северного ледовитого океана, на который зарятся США, Канада, Дания, Норвегия.

Напряженная работа и условия содержания в тюрьме негативно отразились на здоровье заключенного, и его с симптомами цинги переводят в арестантский госпиталь, откуда Кропоткину летом 1876 года удалось бежать и эмигрировать из России. Начались его скитания за границей: сначала жил в Великобритании, а позже — в Швейцарии, Англии, Франции. Во Франции выпускал газету «Le Revolte» («Бунтарь») на французском, разрабатывал теорию анархизма. Она начала выходить в феврале 1879-го. «Я полагал... — писал Кропоткин, — что революционная газета главным образом должна отмечать признаки, которые всюду знаменуют наступление новой эры, зарождение новых форм общественной жизни... Заставить человека почувст-

вовать себя заодно с бьющимся сердцем всего человечества, с зачинающимся бунтом против всякой несправедливости и с попытками выработки новых форм жизни — в этом состоит главная задача революционной газеты»[149].

Первое время почти весь материал для газеты писал сам Кропоткин. Позднее на ее страницах выступали и другие авторы, но передовицы оставались делом Петра Алексеевича. *«Цель этих статей была — изложение основных начал анархии и критика современного общества»,* — подчеркивал Кропоткин в предисловии к отдельному их изданию. — *Для «Révolté» я написал лучшие мои статьи... В сущности я выработал здесь основу всего того, что впоследствии написал»*.

Первый тезис «основных начал анархии» состоял в обосновании разложения буржуазного государства, в чем проявилась одна из сильных сторон его учения. Он высказывал много верных и горьких мыслей, продемонстрировал удивительную способность увидеть суть явления. Политическое устройство, при котором в обществе управляют немногие, по его мнению, не имеет права на существование.

От серьезной критики государства как аппарата угнетения немногими большинства населения переходит к отрицанию всех норм организации общества, связанных с государственными установлениями. Оно (государство), считает он, теснит нас; оно налагает на нас налоги, подати, повинности, обязательства и т. п. и во всем надоедает нам своим бестолковым вмешательством.

Но это первоначальные идеи его статей в «Révolté». Позже он разовьет их и даже попытается реализовать. Создал крупные анархистские организации среди швейцарских часовщиков (из которых потом выдвинулись заметные политические лидеры). За свою «крамолу» даже успел недолго посидеть во французской тюрьме. «Хотя масса его интересов была за границей, но он все время думал о России и все события примерял к ней, — писала Н. Т. Кропоткина, — и его главным образом интересовало, как эти события могут отразиться на судьбе России»[150]. Обстоятельно тему жизни Кропоткина в эмиграции раскрывает исследовательница Н. М. Пирумова[151].

Надо заметить, что и на родине не забывали о нем. Спустя две недели после убийства Александра II группа монархистов (граф И. Воронцов-Дашков, князь И. Щербатов, граф П. Шувалов и др.) создала конспиративную

---

[149] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. — М., 1966. — С. 380–381.
[150] *Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. Гл. 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kropotkin.site/nmp1972-cont/nmp1972-6 (дата обращения: 30.04.2020).
[151] *Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. — М., 1972.

организацию, получившую название «Священная дружина». Помимо личной охраны царя и его семьи, она начала вести активную и всестороннюю борьбу с революционным движением — сеять в их среде взаимное недоверие, устраивать террористические акции. Кропоткину, ошибочно принятому за вдохновителя революционного террора народовольцев, «Священная дружина» вынесла смертный приговор. Летом 1881-го за границу отправился агент «Дружины». Но Кропоткин узнал о готовящемся покушении раньше, чем его враги смогли что-либо предпринять. Министр внутренних дел М. Лорис-Меликов сообщил о «смертном приговоре» М. Салтыкову-Щедрину, а тот через П. Лаврова — Петру Алексеевичу. Получил Кропоткин предупреждения и из других источников. Меры, принятые им, свелись к тому, что известные ему факты и имена он передал женевскому корреспонденту «Таймс» с просьбой огласить их, если что-нибудь с ним случится. Это остановило инициаторов.

Впоследствии, в 1918-м, он так говорил о своем отношении к возможности стать жертвой террора враждебной политической партии: «Все политические правители, все, вынесенные на гребень революционной волной, должны знать, что они ежедневно, постоянно рискуют пасть жертвой политического убийства: это такая же особенность их жизни, как риск машиниста на локомотиве... В Америке, в минуты разгара страстей, так живут все крупные руководители партий. Я лично узнал это давно: со времен Священной дружины Александра III».

За границей апостол анархизма написал свои основные произведения: «Речи бунтовщика» (1885), «В русских и французских тюрьмах» (1887), «Хлеб и воля» (1892), «Поля, фабрики и мастерские» (Сб. статей, опубликованных в английском журнале «Девятнадцатое столетие», 1898), «Взаимная помощь, как фактор эволюции» (1902), «Записки революционера» (1902), «Идеалы и действительность в русской литературе» (1905), «Русская революция № 2905, «Великая французская революция 1789–1793» (1909), «Террор в России» (на английском языке, 1909), «Современная наука и анархия» (1913), «Анархическая работа во время революции», (1914) и др. В своих работах изложил концепцию анархо-коммунизма. Он не считал народ готовым к немедленному революционному выступлению и говорил о необходимости создания анархистской партии, создания газеты. Писал массу других статей как научных, так и политических, (для журнала «Девятнадцатое столетие», Британской энциклопедии и научных журналов), занимался организацией издания собрания сочинений М Бакунина. Для того чтобы «сеять

революционную мысль», по инициативе Кропоткина начала выходить с конца 1900 года библиотечка анархиста. Среди организаторов ее — Ж. Грав, Ф. Степняк, В. Черкезов, М. Гольдсмит.

С Марией Исидоровной Гольдсмит Кропоткин вскоре стал особенно дружен. Она тоже дворянка, имела отношения к науке, разделяла его убеждения. С 1887 вместе с семьей выехала во Францию, жила в Париже, занимаясь литературной работой и переводами, профессор Сорбоннского университета (социолог, историк, биолог). В 1897 завязала переписку с Кропоткиным (продолжавшуюся до его смерти), стала убежденной анархо-коммунисткой, последовательницей, переводчицей и редактором Кропоткина, помогала ему при подготовке книг (архивно-справочная и редакторская работа). Сотрудничала во французских анархических изданиях «Социальная война» и «Русская трибуна», с 1903 работала в редакциях российских анархических изданий в Париже: «К оружию!» (1903–1904), «Грузия» (1904), с июня 1904 одна из основательниц Парижской издательской группы «Анархия», много работала над изданием анархической «хлебовольческой» литературы, оказывала финансовую поддержку этим и другим изданиям (в т. ч. журналу «Хлеб и воля» [1903–1905]). В декабре 1904 участвовала в Лондонском съезде русских анархистов-коммунистов. В 1905 организовала и возглавила «Группу русских анархистов-коммунистов в Париже». В период революции 1905–1907 гг. одной из первых «хлебовольцев» увидела огромный революционный потенциал синдикализма, стала его активной пропагандисткой.

Название всей серии брошюр долго вызывало сомнения и споры. Кропоткин просил Черкезова: *«Подумай об общем заглавии: „Издание группы... „Свобода“ что ли? или „Воля“?»*. Позже сообщал Гольдсмит: *«За неимением лучшего, мы думаем поставить так: „Издание Группы русских анархистов“»*.

Брошюры писались, конечно, не только Кропоткиным, но и его друзьями В. Черкезовым, Ж. Гравом, Э. Реклю и другими. На русский язык их переводила Гольдсмит. Петр Алексеевич тщательно следил за качеством перевода. После первой, не вполне удачно выполненной работы писал Гольдсмит о необходимости «улучшить издание, изгоняя ненужные иностранные слова (они ведь затруднение для рабочих) и упрощая тамсям обороты... Чем лучше мы издадим наши вещи, тем больше будут нас читать и больше любить».

Очень обрадовался, когда единомышленники выпустили в Швейцарии журнал «Хлеб и Воля». В письме Гольдсмит, говоря о том, что, «конечно, надо их поддержать», он вместе с тем просил ее съездить в Женеву и узнать, что они за люди. Однако в ближайшие месяцы той не удалось выбраться

из Парижа, а в январе 1904-го вышел пятый номер журнала, вызвавший вместо похвал Кропоткина обратную реакцию. 8 января он отправил письмо Гольдсмит: «Дело с Х[лебом] и В[олей] меня очень беспокоит. Дело в том, что их последняя статья о терроре должна произвести в России на молодежь просто отталкивающее впечатление... Тон статьи возмутительный... В какие стать к ним отношения? Кто эти они? Кроме Г., Ц. и 2-х докторов, есть, по-видимому, около них другие люди. По-видимому, есть и якобинцы бурцевского типа».

Прося опять свою корреспондентку съездить на 10–15 дней в Женеву, заключил: *«Я даже вывожу мнение, что им вовсе неинтересно с нами по-товарищески вести дело»*.

В редакцию же журнала направил следующее письмо: «Мне кажется, мой долг прямо и откровенно высказать вам то, что я думаю о статье о терроре в № 5 „Хлеб и Воля“. Мне она крайне не понравилась, местами просто возмутила меня...

Начать с того, что если якобинцы еще могут взывать к возрождению террористической партии из Швейцарии, то анархисту звать людей на террор непозволительно, раз он не находится на месте и не ведет свою пропаганду личным примером... Возводить террор чуть ли не в систему вообще, по-моему, ошибочно...

Но уверять читателей, что люди несут голову на плаху, чтобы „изъять из обращения с педагогической целью“ — просто возмутительно. Такого тона в анархической прессе никогда не было. Так говорили только буржуи... чтобы блистать ницшеанским цинизмом... Я глубоко сожалею, что вы решились печатать нечто подобное».

Как и Ленин, Кропоткин считал, что каждое политическое течение имеет свои цели, свои задачи в период революции. Для анархистов главная задача — создание своей партии, а это можно сделать, имея газету. И в письме единомышленнице в канун первой русской революции уже не первый раз повторяет, отмечает Пирумова, что нужна газета, она должна стать «органом для основания прочной серьезной анархической партии в России. Теперешний революционный период продлится не год и не два. Но он пройдет. И в этот период должна сложиться такая анарх[ическая] партия, которая будет не только боевой партией нападения, какой могут быть и „бланкисты“, а партия, представляющая собой анархический склад мысли в его существенных теориях, в его понимании преобладающей роли народа, в его понимании значения различных партий в революционной и вообще прогрессивной жизни народа и т. д.».

Революционные события, по мнению Кропоткина, требовали быстроты и оперативности в издании анархистской периодики. Но в Женеве с выпуском номеров не спешили. Еще в июне 1905-го, запрашивая Гольдсмит о выходе очередного номера «Хлеба и Воли», Кропоткин восклицал: «Как медленно! Как это нехорошо, что они запаздывают. Мне казалось, что лучше выпускать 8 стр[аниц] каждые две недели, чем более тяжеловесные номера — когда вздумается. Но нелегко с ними сговориться. А писать хотелось бы каждую неделю. Столько есть что сказать. Хожу я здесь один и всякую думу думаю. Все больше не веселую — людей нет! Теоретики промозглые какието наша молодежь. А удальцы, кроме террора, не видят исхода своей удали»[152]. В 1906-м не без труда удалось Кропоткину организовать в Париже выпуск газеты «Листки Хлеба и Воли». Газета выходила еженедельно по вторникам. В субботу корректуру с нарочным привозили Кропоткину. Помимо правки и общего руководства он взял на себя также писание всех передовиц. 17 ноября 1906-го Кропоткин сообщал Гольдсмит: «Газета ничего, налаживается. Интересна».

А время было непростое. На революционные партии и организации в России после разгрома декабрьского вооруженного восстания 1905-го обрушилась волна репрессий. В этой обстановке различные организации анархистов, возникшие в России, далеко отошли от той анархистской теории, которую проповедовал Кропоткин. Группа «безначальцев» следующим образом формулировала свое кредо: «В основу нашей программы мы кладем великий и плодотворный принцип классовой борьбы... Наша цель — объединить пролетариат на единственно возможной теперь и истинно классовой почве — на работе полного разрушения буржуазного общества, наша цель — проповедовать классовую ненависть между пролетариатом и буржуазией... Везде и всюду мы будем сеять семена раздора, вражды и ненависти между пролетариатом и буржуазными классами, везде и всюду мы будем проповедовать углубление и еще большее обострение классового антагонизма».

В листке, призывавшем к немедленным революционным действиям, «безначальцы» обращались к крестьянам: «Берите топор, ружье, косу и рогатину! Зажигайте барские усадьбы и хоромы, бейте становых и исправников... Нападайте в одиночку, воюйте с боевыми дружинами, бейте в набат...». «Смерть буржуазии есть жизнь рабочих» — таков был их лозунг.

Другая группа анархистов, объединявшаяся вначале вокруг журнала «Черное знамя», получила название «безмотивников», ибо во главу угла их

[152] ЦГАОР. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 16. Письмо П. А. Кропоткина М. И. Гольдсмит от 25 октября 1905 г.

деятельности становился безмотивный террор. Свою задачу «безмотивники» видели в «систематическом, неустанном единичном и массовом терроре против частной собственности, частных собственников, власти и представителей власти... Каждый эксплуататор достоин смерти; каждая капля его крови, вся его жизнь, богатства сотканы из силы, пота и крови тысяч порабощенных, насильно обираемых. Каждый представитель [эксплуататоров] достоин смерти!»[153]...

Террор и экспроприация как самые действенные средства борьбы признавались большинством русских анархистов. «Анархия как цель, прямое революционное нападение как единственно возможная тактика» — такие лозунги провозглашал «Анархист». «Каждый анархист, чтобы быть цельной красивой личностью, должен не только говорить о терроре, но и проводить террористические акты... каждый анархист должен уметь взяться за оружие, и отстаивать свою и чужую свободу, защищаться и нападать», — так писал другой орган анархистов «Бунтарь».

Полемика в печати с иными политическими направлениями вообще не поддерживалась Кропоткиным, но когда в октябре 1906-го в Лондоне собрался небольшой съезд русских анархистов, или, вернее, конференция представителей различных анархистских групп, то одна из резолюций, принятая по настоянию Кропоткина, направлена против экспроприации. «Главная сила революции, — говорилось в ней, — не в ее материальных средствах, а в ее нравственном величии, в величии преследуемых ею целей для блага всего народа... без этой нравственной силы никакая революция невозможна...».

Газеты и журналы различных русских и заграничных групп анархистов террористического направления хотя и делали порой попытки проанализировать причины неудач русской революции, хотя и призывали к объединению и дальнейшим согласованным действиям, однако в целом оставались на прежних позициях. Опыт революции ничему не научил их.

На прежних позициях мирной и постепенной пропаганды теории анархизма находился и Кропоткин. Но и его пропагандистская деятельность шла на убыль. Уже летом 1907 года пришлось подумать о свертывании издания «Листков Хлеба и Воли». Предлагая прекратить выпуск газеты до октября месяца, Кропоткин писал Гольдсмит: *«Денег нет на продолжение Л. Х. В. Прошлый 16 № уже частью в долг... Америка летом всегда глохнет, митингов нет, нет и продажи. То же в Лондоне. А Париж и Женева ничего не дают»*.

[153] Цит. по *Комин В. В.* Анархизм в России. — Калинин, 1969. — С. 90, 91.

В 1908-м возникла идея возрождения журнала «Хлеб и Воля», причем на этот раз Кропоткин поддержал ее. Однако на предложение товарищей взяться за редактирование т журнала отвечал отказом. *«Я стар, хочу закончить некоторые свои работы», — говорил он. — Хочу управиться с «Этикой» и с общей работою о соц[иализме] и ан[архии]».*

«Хлеб и Воля» на этот раз не возродилась, но неудача с созданием своего органа была компенсирована выпуском новой серии анархистских брошюр. 22 января 1912 г. Кропоткин сообщал Гольдсмит: «Типография налажена. Добыл взаймы 20 [тыс.] на год, и мы начинаем печатать брошюры. Начинаем с моей „Анархии“».

Публицист Кропоткин стремился поставить разработку теории анархизма на научную основу. Для него анархизм не просто идеал свободного безгосударственного общественного устройства, а философия — философия и природы, и человеческого общества. Это мировоззрение, которое воспринимает человека как часть органического мира. Метод познания Кропоткина основан на единстве всего живого на земле и общем для всех законе взаимной помощи и солидарности. Этот закон составляет своего рода стержень всей его социальной концепции.

Обоснование своей позиции по этому вопросу он дал в научно-публицистической работе «Взаимная помощь, как фактор эволюции», в основе которой и личный опыт, и имевшиеся к тому времени научные идеи. Автор отмечал, что во время путешествий в Восточной Сибири и Северной Маньчжурии его особенно поразили две черты в жизни животных: с одной стороны, необычайная суровость их борьбы за существование в условиях безжалостной природы, с другой — отсутствие острой борьбы животных одного вида. У Кропоткина вызывали чувство протеста те работы, в которых утверждалось, что борьба каждого отдельного животного против всех сородичей и каждого отдельного человека против всех людей является «законом природы». Между тем, считал он, помимо закона взаимной борьбы в природе существует и закон взаимной помощи, который играет значительно большую роль в развитии всего живого. Это утверждал, в частности, известный русский зоолог К. Ф. Кесслер, развивая идеи Ч. Дарвина. Смерть Кесслера в 1881-м прервала его работу над этой идеей, которая настолько заинтересовала Кропоткина, что тот с 1883 года приступает к сбору материала для ее развития.

Самобытный, проницательный исследователь пришел к интересным выводам. Человек действует на основе закона о взаимной помощи, хотя и не осознает это. Когда он видит горящий дом и хватает ведро с водой, чтобы

погасить пламя, то руководствуется отнюдь не любовью к хозяину, которого может и не знать, а инстинктом общечеловеческой солидарности, общительности. Инстинкт взаимопомощи, общительности существует и среди разных «общественных животных», начиная от самых низших (муравьев, пчел и т. д.). Отобрав из множества примеров и фактов самые убедительные, он показал, как стремление к общительности помогало животным выстоять в борьбе и сохранить свой вид. Именно этот инстинкт, развивавшийся в течение долгого времени среди животных и людей, научил их «сознавать силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку...». Кропоткин исследовал взаимопомощь среди племен бушменов, готтентотов, эскимосов, выявляя ее роль в создании таких форм человеческого общежития, как род и община, в период Средневековья — цехи, гильдии, вольные города, в Новое время — страховые общества, кооперативы, объединения людей по интересам (научные, спортивные и др. общества), раскрывал солидарность рабочих во время их выступлений против буржуазии и т. д.

На основе проведенного анализа обосновал закон взаимной помощи и солидарности как всеобщий биосоциологический закон, который действует как непременное условие прогресса человеческого общества, как фактор его эволюции. Объединение, взаимодействие — непреложные средства для безопасности и каждого в отдельности, и всех вместе, важнейшая гарантия физического, умственного и нравственного развития. Вот чему учит нас Природа, утверждал Кропоткин. Ее голосу вняли все животные, которые достигли наивысшего положения в соответствующих классах. Этому велению Природы подчинился и человек.

Но «взаимопомощь», «солидарность» для него — не абстрактные понятия, а нравственные категории, фундамент этических воззрений. «Что взаимная помощь, — писал он, — лежит в основе всех наших этических понятий, достаточно очевидно». В своей последней работе «Этика», оставшейся незавершенной, вновь возвращался к этому закону. «Общественный инстинкт, прирожденный человеку, как и всем общественным животным, — вот источник всех этических понятий и всего последующего развития нравственности», — писал он. Именно на основе этого закона формулировал свою этическую концепцию, рассматривая взаимопомощь как исходный принцип формирования нравственности человека. Практика утверждения взаимопомощи в процессе длительной эволюции человечества, по его мнению, логически «ведет к развитию чувства справедливости с его неизбежным чувством равенства или равноправия...».

Равенство в социальном плане — это и есть идеал анархо-коммунизма. Вместе с тем в трактовке автора равенство есть признание свободной личности, права на ее всестороннее развитие, что является также важнейшей исходной посылкой анархистской доктрины. Проблемы этики таким образом неразрывно связывал с обоснованием анархистского идеала.

Личную свободу, неизменно подчеркивал Кропоткин, душит государство, его военно-бюрократическая организация, система образования, воспитания и т. д. Государство — главное зло, которое делает человека рабом. Оно покровитель крепостничества, «защитник собственности, основанной на захвате чужой земли и чужого труда». Теоретик анархизма ставил вопрос так: либо государство раздавит личность и местную жизнь, либо оно должно быть разрушено, что будет означать возрождение новой жизни. Финалом же грядущей революции Кропоткин считал установление «безгосударственного коммунизма». А послереволюционный общественный строй виделся ему как вольный федеративный союз самоуправляющихся единиц, основанный на принципе добровольности и «безначалья». *«Я рассматриваю Октябрьскую революцию как попытку довести до логического конца предыдущую Февральскую революцию с переходом к коммунизму и федерализму»,* — говорил он.

Однако поддержки своих идей о возможности перестройки общества Кропоткин не всегда встречал даже среди единомышленников. *«Вопрос о безгосударственной перестройке общества на коммун[истических] началах, по-видимому ...не интересует ни наших товарищей, ни синдикалистов*. Мне кажется, они не верят в ее близкую возможность. Для них „c'est de le théorie“»[154], — жаловался он в 1916 г.

М. И. Гольдсмит, которая тоже в это время не разделяла полностью его надежд и взглядов. В начале войны она предложила Петру Алексеевичу возобновить издание «Листков Хлеба и Воли». Отвечая ей, Кропоткин спрашивал, чем думает она заполнить страницы газеты: *«Ругать правительство? Критиковать военные действия? Сочинять планы мира, когда Парижу грозят гунны?... Не берусь. Остается молчать и всем, чем можешь, помогать сражающимся. Но — в 72 года не многим поможешь. И то стыдно, что не помогаешь! Я не побрезговал бы себя предложить хотя в писаря, в чертежники армии, но и то боюсь, — стар и недуги!»*[155].

В общей сложности Кропоткин провел в эмиграции 40 лет. Это были годы революционной борьбы, работы, творчества и... заключения в европейских тюрьмах. Зарабатывал переводами (в том числе Спенсера, Дистервега),

[154] ЦГАОР. Письмо П. А. Кропоткина М. И. Гольдсмит. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 107.
[155] Там же. Л. 39.

написанием научных фельетонов для газеты «Петербургские ведомости». «Кропоткин был всегда завален работой: писал для разных учёных органов, переводил для наших ежемесячных журналов с иностранных языков, которых знал множество; но более всего времени отнимали у него, кроме издаваемого им французского листка, частые выступления на анархических собраниях. Он считался выдающимся оратором. Действительно, Кропоткин обладал всеми качествами, необходимыми для влияния на массы: привлекательной внешностью, страстностью, пламенностью, хорошим голосом и дикцией. По всесторонности развития он, несомненно, стоял значительно выше всех тогдашних последователей Бакунина, не исключая и Реклю... Решительно все, как русские, так и иностранцы, относились к нему с большим уважением и симпатией».

Встретив «дедушку русской революции на вокзале», Керенский подчеркнул этим свое уважение к Кропоткину и вскоре предложил ему войти в состав правительства, возглавить, по его усмотрению, любое министерство. Верный своей анархистской теории, Кропоткин ответил, что считает ремесло чистильщика сапог более честным и полезным, чем участие в государственной власти. Апостола анархистов зазывали в свои ряды не только «временщики», но и эсеры, большевики. К 17-му анархисты — влиятельная сила, главенствовали среди моряков, в том числе и на «Авроре», имели свои организации в 39 городах.

Кропоткин жил вначале в Петрограде, потом — в Москве, отверг предоставленную советской властью квартиру в Кремле и материальную помощь, одновременно отказавшись от активного участия в политической жизни России. В Москве его навещали видные анархисты Я. Новомирский и А. Боровой, предлагали сотрудничать в анархистской прессе, высказывать свое мнение по актуальным проблемам. Подобные предложения он получал и в Дмитрове, но отказывался их принять. Но однажды воспользовался и в письме-статье «Что же делать?» (ноябрь 1920 г.) высказал свою готовность в интересах «построительной работы» объединить вокруг себя способных к этому людей из анархистов и призвал представителей других партий и всех слоев общества к гражданскому миру и согласию, видя в развитии общества в лучшую сторону способ борьбы с диктатурой.

Кропоткин трижды за 1919–1920 гг. встречался с Лениным. В их беседах поднимался широкий круг вопросов. Кропоткин высказывал свое видение происходившего в стране, говорил о непорядках на местах, защищал интересы кооператоров, страстно отстаивал идеалы «безгосударственного» коммунизма. В разговорах с вождем пролетариата, письмами к нему вождю

анархистов иногда удавалось смягчить жесткость революционной власти. Есть свидетельства современников о том, что Председатель Совнаркома под влиянием Кропоткина отменил данное в ноябре 1918-го местным отделам ЧК разрешение проводить расстрелы без суда и следствия, что спасло жизнь многим людям.

Ленин выдал ему охранную грамоту: *«Дано сие удостоверение известнейшему русскому революционеру... Представителям Советской власти... необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича была бы облегчена возможно более»*.

Он не воспользовался и этой бумагой, а с благодарностью принял предложение своего знакомого, бывшего предводителя дворянства города Дмитрова М. Олсуфьева, который предоставил князю свой опустевший дом. Когда Олсуфьев умер, родственники продали ему за символическую сумму. Петру Алексеевичу в то время перевалило за 80, остававшиеся силы отдавал завершению одной из лучших своих книг — «Этике». Исторический оптимист утверждал в ней идеалы добра, веру в величие человека, мудрость народа. Завершить работу не удалось. В феврале 1921-го его не стало. Кропоткин похоронен на Новодевичьем кладбище.

Крупнейшие писатели и ученые многих стран мира откликнулись на смерть Кропоткина. Во Всероссийский общественный комитет по увековечению его памяти шел поток писем, статей, воспоминаний. «Я очень люблю Толстого, — писал Ромен Роллан, — но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чем Толстой только писал. Он просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного ясного самоотречения и совершенной любви к людям, которого мятущийся гений Толстого хотел достичь во всю свою жизнь и достигал только в искусстве».

«Светлый жизненный путь этого человека, — говорил Анри Барбюс, — *который не хотел примириться с несправедливостью и столько лет боролся против нее, служит примером для всех направлений освободительного движения, в какие бы формы оно ни выливалось»*.

Брешко-Брешковская Е. К.

«Знаете ли Вы журналистку Екатерину Константиновну Брешко-Брешковскую?». Задавал этот вопрос нескольким десяткам российских журналистов и студентам факультета журналистики Белорусского университета, она их землячка, родилась в Витебской губернии, и в ответ слышал: «Нет». Правда, несколько человек вспомнили, что вроде бы была такая женщина-

революционерка. Но, несмотря на все заслуги перед революционным движением, ее имя практически не упоминалось в советских исторических учебниках.

А ведь Екатерина Константиновна Вериго, в замужестве Брешко-Брешковская, не простой борец с самодержавием, а занимала особое место в русском революционном движении на рубеже XIX–XX веков. Нет, она не теоретик. Она практик, зажигатель масс! Современники прозвали ее «бабушкой русской революции», «мученицей за свободу», хотя ей не довелось ни сыграть в революции решающей роли, ни определить ход ее развития, тем не менее, она стала поистине культовой фигурой этой смутной эпохи, ее символом, «эмблемой торжества свободы и социализма» (Н. Чхеидзе). «Катерина Брешковская никогда не была приспособлена к руководящей роли в центре большой политической организации. Тут ей было не по себе. Не теоретик, не стратег и не тактик была она, а проповедник, апостол, убеждающий словом и, еще более, действенным примером, — так отзывался о ней лидер эсеров В. Чернов. К ней всегда тянулись молодые души, потому что она в них верила и этой верою заставляла их стать выше самих себя. Всем она щедро оказывала моральный кредит, но от всех требовала, чтобы за словом шло полноценное дело. И так как сама она была цельна, словно вырублена из одного куска гранита, от нее излучалось во все стороны сияние такого морального авторитета и высокого престижа, который дается немногим избранным натурам...»[156].

Другой ее единомышленник П. Аксельрод отмечал: «Было в Брешковской что-то исключительное, свойственное ей одной, что заставляло меня — да и не меня одного — преклоняться перед ней. Это были не какие-либо новые идеи, не особенные таланты, а ее огромная, живая, страстная любовь к народу.

Любовь, всепоглощающая, безмерная любовь, а не чувство отвлеченного долга, были двигателем всей ее жизни. Она умела любить не только каждого человека из простого народа, но и весь народ...

...Не знаю, как она это может... Я понимаю любовь к отдельным индивидуумам. Но по отношению к народу, в целом, я испытываю глубокое сострадание и горячее желание, чтоб он возможно скорее достиг свободы и благосостояния; я ненавижу строй, обрекающий его на страдания, и тех, которые охраняют этот строй. Но люблю то я собственно те новые формы человеческих отношений, которые составляют наш идеал и которые толь-

[156] Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания.

ко и дадут возможность человеку достигнуть духовного и нравственного совершенства. А вот Катя прямо и просто, всем сердцем, любит народ, как он есть»[157].

Как писал в посвященном ей некрологе А. Керенский, кстати, который первым и нарек бабушкой русской революции, «ее общественная биография — история революционного движения за три четверти века... без нее не может уже обойтись сама история...».

Она была и первой женщиной-каторжанкой, осужденной при Александре II в рамках знаменитого «Процесса 193-х», суда над участниками «хождения в народ». Провела в ссылках и на каторге не годы, а десятилетия. Она также принимала активное участие в организации партии эсеров, возглавила наиболее радикальное крыло партии, а позже под ее началом была организована целая серия террористических атак, направленных против государственных деятелей и членов правительства.

Историки отмечают, что горячая пропаганда террора, в котором Брешковская видела не преступление, а подвиг во имя народа, сопровождала ее выступления на протяжении всей революционной деятельности. Не совершив в своей жизни ни одного террористического акта лично, Брешковская вдохновила на их совершение многих молодых социалистов-революционеров, была уверена в том, что для достижения благих целей любые средства хороши, и распоряжалась чужими жизнями с легкостью и жестокостью. Ее имя перед революцией и в ходе ее не сходило с газетных полос. И сама она занималась журналистикой — выступала в эсеровских изданиях, в 1892–1896 годах жила в Иркутске, сотрудничала в газете «Восточное обозрение», после Октябрьской революции, находясь в эмиграции, — постоянный автор газеты Керенского «Дни».

Вериго родилась в дворянской семье 13 января 1844 года в селе Иваново Витебской губернии. Получив хорошее домашнее образование и окончив женскую гимназию, увлеклась общественной работой: помогала своему отцу — Константину Михайловичу, имевшему репутацию вольнодумца, в подготовке освобождения крестьян, открытии народной школы, библиотеки. В 1868 году вышла замуж за соседа-помещика Н. П. Брешко-Брешковского, но семье себя не посвятила, так как всецело увлеклась революционным движением. «Мужу она предъявляет ультиматум: или идти вместе по предстоящему ей тернистому пути, или разойтись, — писал В. Чернов. — Идти ей приходится одной. Муж остается где-то позади. Но у Кате-

[157] Мемория. Екатерина Брешко-Брешковская. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://polit.ru/news/2018/01/25/m_breshko (дата обращения: 30.04.2020).

рины, кроме мужа, есть еще и ребенок. После многих бессонных ночей принесена и эта, еще более тяжкая жертва. Младенца берет на свое попечение жена брата Катерины, и он вырастает, считая свою тетку матерью, а настоящую мать — теткой...».

Брошенный ею сын Николай станет затем популярным журналистом и беллетристом, а после революции и вынужденной эмиграции, оказавшись в Германии, во время Второй мировой войны будет служить... в геббельсовском министерстве пропаганды[158]...

Вот уж действительно судьба-злодейка! В иных публикациях проскальзывает намек, что отец ее сына не кто-нибудь, а Петр Алексеевич Кропоткин. И основания для этого есть — их связывает долгая, крепкая дружба. Катерину Брешковскую и Петра Кропоткина судьба свела в Петербурге в 1873 г. в кружке «чайковцев». Объединяла жажда сделать что-нибудь хорошее и великое. На благо народа. Оба вспоминают об этом времени с теплотой. *«Тесная семья друзей»,* — пишет Кропоткин. Но нигилизм, под знаменем которого чистила себя неформальная молодежь 1870-х, объявлял войну всем условностям, в том числе и семейным. Именно поэтому песня *«Нас венчали не в церкви...»* считалась революционной, хотя вроде бы ничего революционного в ней нет[159].

Катерине шел 29-й, Петру — 31-й. Муж ее, мировой судья Брешко-Брешковский, не последовал за ней, остался где-то далеко от Петербурга. А Кропоткин вообще был свободен. В общем, они заметили друг друга. Была ли то любовь или просто товарищеская влюбленность, легко и естественно возникающая у людей, занятых общим делом, можно лишь догадываться. Оба они были личностями незаурядными. Но, конечно, характер Катерины был прямее и сильнее. Она брала на себя роль матери, заботливой, воспитывающей, наставляющей. Он же, потеряв мать в раннем детстве, искал в женщине материнское начало, отмечает журналистка «Новой газеты» В. Шохина. Правда, профессор МГУ Я. Леонтьев считает гипотезу о рождении Катериной сына от Кропоткина фактически неподтвержденной[160].

---

[158] Одержимая «бабушка» русской революции. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844—1934). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/history/2016/03/22/oderzhimaya_babushka_russkoj_revolyucii/ (дата обращения: 30.04.2020).

[159] Катерина Брешко-Брешковская: дура или святая? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/katerina_breshko-breshkovskaya_dura_ili_svyataya_26471 (дата обращения: 30.04.2020).

[160] Белорусская бабушка русской революции: социалистка из рода Миндовга и личный враг Ленина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.tut.by/culture/527711.html (дата обращения: 30.04.2020).

Она по-своему смотрела на отношения полов: ставила любовь куда ниже дружбы, полагая, что любовь доступна всякому, дружба же — лишь избранным. Петр рассуждал проще: «Вот человек, который пришелся по мне... Если еще при этом его слово способно разжигать мою остывающую энергию... Если к этому присоединить половое влечение, то любовь будет еще сильнее».

В феврале 1874-го Катерина родила сына Николая — его запишут на имя ее мужа, мирового судьи. Ну а встреча с Петром была отложена судьбой в самый долгий ящик. Однако линии их жизни пойдут дальше с какой-то настойчивой параллельностью, будто та же судьба безуспешно пытается соединить их. Пристроив месячного ребенка к родственникам, вслед за Кропоткиным с паспортом на имя солдатки Феклы Косой «идет в народ» агитировать крестьян. Уже в марте он в тюрьме, Брешковская там же — в сентябре. Их камеры одно время недалеко друг от друга, в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

Просидев два года в сырых казематах, заболел, его переводят в госпиталь, откуда он успешно бежал и скрылся за границей. А вот Брешковская предстала перед судом (1878), гордо заявив на процессе о своей принадлежности *«к социалистической и революционной партии»*, и отказалась признавать суд. Приговорили ее к пяти годам заводских работ, засчитав время, проведенное под следствием. После Карийской каторги, где она была первой женщиной-политкаторжанкой, ее отправили на поселение в Баргузин, откуда попыталась бежать, но неудачно. Получила еще четыре года каторги и 40 плетей телесного наказания. Правда, бить не решились из-за боязни бунта политических. Отбыв срок, снова отправлена в ссылку. И снова бежала, и снова поймана. Каторга сменялась ссылкой. Ссылка — каторгой.

По случаю коронации Николая II в сентябре 1896-го амнистирована. И встретилась наконец с 22-летним сыном. Он называл тетку, у которой воспитывался, «мамой». А родную мать — «тетей Катей». В разговоре сын заявил, что считает убийство царя-освободителя 1 марта 1881 года, которое одобрил Кропоткин во втором номере издававшейся им в Швейцарии газеты Le Revolte, *«чудовищным и нелепым»*. «Вспыхнув, резко встав из-за стола, „тетя Катя“ бросила: „За это тебе следовало бы дать пощечину!“ И также резко ушла в свою комнату», — напишет он в «Воспоминаниях сына» (1934).

У нее был дар убеждать людей, иных она просто завораживала. Очаровала, к примеру, Керенского. Благодаря встрече с «бабушкой» к эсерам присоединился Б. Савинков. Поговорив с ней, человек мирной профессии, провизор Гершуни, закрыл свой химико-бактериологический кабинет в Минске

и отдался подготовке терактов, вместе с Брешковской приступили к созданию Боевой организации партии эсеров (БО). Цель: *«...борьба с существующим строем посредством устранения тех представителей, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы»*.

В обязанности «бабушки» входили пропаганда, агитация и вербовка кадров. Брешко-Брешковская лично наставляла самых легендарных эсеровских боевиков — Е. Сазонова, И. Каляева... В качестве первой жертвы БО выбрала министра внутренних дел Сипягина. Исполнителя, 20-летнего С. Балмашева, нашел в Киеве Гершуни. 2 апреля 1902 года Сипягин был убит. В июле 1904-го эсер Е. Сазонов бросил бомбу в карету министра внутренних дел Плеве. Организатором теракта был Азеф. «Бабушка» Азефа не любила и вроде бы даже называла (за глаза) «жидовской мордой», но за убийство Плеве поклонилась ему в ноги.

В 1903 году, спасаясь от очередного ареста, Брешковская бежит за границу. В Лондоне она навещает Кропоткина. Со дня их последней встречи прошло 30 лет. Почти столько же исполнилось ее сыну, Николаю Брешко-Брешковскому. Сын считает мать полоумной и не общается с ней. Она твердо стоит на своих позициях, а вот Кропоткин уже не совсем эсер, стал теоретиком международного анархистского движения. Но это не помешало личному общению. Как-то раз после угощения, не сговариваясь, вдруг пустились в пляс. «Надо было видеть, как бабушка Брешковская кокетливо помахивала платочком, павой, приплясывая вокруг своего кавалера, а Кропоткин увивался кругом нее гоголем», — вспоминал П. Милюков.

Так плясали «дедушка» и «бабушка» русской революции. В этом плясе, лихом и азартном, как побег с каторги, была вся их жизнь. Все их несбывшиеся мечты и сбывшиеся желания, их далекая прекрасная молодость, когда шли они рука об руку делать общее дело...

В эмиграции Брешковская пробыла два года и вернулась домой, жила на нелегальном положении, активно занимаясь революционной деятельностью. В феврале 1907 года именно она открывает в Финляндии II съезд партии эсеров словами: «Дорогие товарищи! Дети мои дорогие!» Она — еще не «бабушка», а скорее — мать... На съезде Брешковская страстно выступает за всеобщее вооруженное восстание, но — против грабежей —«экспроприаций».

И в том же году на крестьянском съезде в Симбирске Брешко-Брешковская будет арестована — по доносу Азефа. Ей уже за шестьдесят... И снова Петропавловка, затем ссылка в Сибирь. В 1913 году она совершает попытку побега — и попадает на полтора года в Иркутскую тюрьму. Это новое

заключение совпадает с 70-летним юбилеем «бабушки», которое отмечается массовыми собраниями в России и за границей[161]. Вернулась в Петроград через 10 лет. На этот раз с триумфом. 4 марта 1917 года минусинская городская дума явилась к ней в полном составе, чтобы поздравить «с победой и торжеством ее идей». 73-летнюю революционерку, автора «Восточного обозрения» торжественно отправили в Петроград в специальном вагоне, присланным по указанию Керенского. Репортеры и «сознательные граждане» с красными бантами с нетерпением ожидали ее приезда. Всюду ее встречали под звуки оркестров и построением воинских частей, с пафосом писала «Речь». «Свободная Россия бабушку ждет, чтобы поклониться ей низко, поделиться с ней ее великой радостью, счастьем давно желанной свободы»[162].

Брешко-Брешковскую бурно чествовали министры Временного правительства, делегаты Совета рабочих депутатов, представители Комитета общественных организаций. Керенский пел ей дифирамбы, называя Брешко-Брешковскую «ближайшим водителем по духу»; она отвечала ему тем же, провозгласив его «достойнейшим из достойнейших граждан земли русской», «гражданином спасшим Россию». Начинается ее новый, политический роман с Александром Федоровичем, который продлится до конца ее жизни. Энергично поддерживавшей Временное правительство бывшей политкаторжанке оказаны поистине царские почести — по личному распоряжению Керенского она поселена в комнатах Зимнего Дворца. Последнее обстоятельство глубоко возмутило монархистов. Гвардейский полковник Ф. Винберг, пересказывая слухи, согласно которым «бабушка», забравшись во Дворец, поспешила «расхитить гардероб Государыни Императрицы», отмечал, что ей куда больше подходит «арестантский халат с бубновым тузом». А Пуришкевич отозвался на это событие следующими стихотворными строчками:

Из каторги сибирской
Едет «бабка» в Петроград
Чтобы видеть всероссийской
Демократии парад.

---

[161] Белорусская бабушка русской революции: социалистка из рода Миндовга и личный враг Ленина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.tut.by/culture/527711.html (дата обращения: 30.04.2020).

[162] Катерина Брешко-Брешковская: дура или святая? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/katerina_breshko-breshkovskaya_dura_ili_svyataya_26471 (дата обращения: 30.04.2020).

Едет... крики ликованья.
Сам Керенский тут как тут.
И в Дворец для проживанья
Дуру старую ведут...

«Бабка» в новом положенье:
Вместо каторги почет;
На народном иждивенье
Во дворце она живет.

Чем-то вроде добавления...
Для Керенского она...
И с ее благословенья
Разрушается страна...

В конце мая приехал и Кропоткин. Тоже в спецвагоне, только с запада. В городе своей молодости общаются часто. Правда, они по разным сторонам баррикад и единственное, о чем не спорят, — это о том, что войну с Германией нужно вести до победного конца. Находясь на вершине славы, Брешко-Брешковская активно включилась в пропагандистскую работу. Принимает в Зимнем дворце посетителей. Зовет девушек в женский «батальон смерти»: *«С вами правда, с вами честь, с вами благословение великой Родины вашей, прочь сомненья — смело вперед!»*.

Пишет статьи для эсеровских газет, разъезжая по стране, популяризирует эсеровскую программу, выступает в защиту нового строя, Временного правительства. Агитирует за Керенского — «достойнейшего из достойных граждан земли русской». Съезд эсеров (май/июнь 1917-го) не избирает Керенского в ЦК, и Брешковская выходит из его состава. Кстати, именно с легкой руки Керенского ее стали называть «бабушкой русской революции», а Кропоткина — «дедушкой». Многие делегаты требуют ранее немыслимого — исключения «бабушки» из партии за ее «уклон вправо», точнее — в сторону дискредитировавшего всех и вся Керенского. Сама Брешко-Брешковская не желает оправдываться. Только говорит: «Бабушке вашей 70 лет... Если кто из вас верит, что старая бабка не изменила ни партии, ни народу, ни человечеству, тот всегда со мной, и я с ним. На мелкие же нападки я отвечать не буду».

Еще крайне популярную в народе «бабушку» избирают в Учредительное собрание — от Черниговской губернии. Затем она бежит в Сибирь, где войдет в состав «Комитета Учредительного собрания».

Как отмечает один из биографов Брешко-Брешковской историк И. Архипов, «политико-психологический феномен Брешковской, ставшей беспрецедентной по степени популярности фигурой, не случаен в условиях „медового месяца революции“. Стремительное крушение самодержавия и рождение „Свободной России“, превращение в одночасье „верноподданных“ в „сознательных граждан“, радикальная смена правящей элиты и возникновение невиданной до сих пор политической, социокультурной реальности, — все оказывалось для населения сильнейшим психологическим потрясением.

Нужна была новая символика и мифология, новые политические ритуалы, соответствующая „общенациональная идеология“. Недостатка в антигероях и всевозможных „врагах народа“ не было... — теперь требовались положительные персонажи, олицетворявшие ценности новой России. И в этом контексте миф о „бабушке“ удачно вписался в массовую политическую культуру, более того, политическая элита и печать вольно или невольно целенаправленно формировали культ Брешковской и других „святых героев революции“».

В отличие от Кропоткина, замечает исследователь А. Иванов, Октябрьского переворота «бабушка русской революции» не приняла. Отношения с «марксятами», как она называла новую поросль революционеров, у нее не сложились еще до революции, а в 1917-м она призвала Керенского сурово расправляться с большевиками, которых, по ее словам, как «зверей диких» «можно и должно уничтожать», «топить». Как шутили современники, «бабушка невзлюбила свою внучку». От былой популярности мало что осталось: имение Брешковских в Белоруссии было разгромлено «освобожденным народом» еще в конце 1917-го, а в начале 1918 года революционные солдаты искололи портрет «бабушки» штыками.

Теперь уже добровольно она бежит в Сибирь, где войдет в состав «Комитета Учредительного собрания». Увы, сторонникам «чистой демократии» в охваченной гражданской войной стране места уже не было. Правительство «Комуча» свергает адмирал Колчак, установивший военную диктатуру почище большевиков. В итоге революционерка с полувековым стажем поддержала зарождавшееся белое движение и даже направила «белочехам» воззвание — «Завещание братьям-чехословакам их Бабки Катерины Брешковской», в котором просила их не прекращать борьбы с большевиками.

«Бабушку русской революции» вывезут из России чехословацкие легионеры. В 1921 году она получит известие, что от воспаления легких умер Кропоткин. Брешко-Брешковская сразу же напишет: «Светлая душа Кро-

поткина остается с нами». Последние годы жизни проводит в Чехословакии. На похороны приехал ее любимец Керенский[163].

Балабанова А. И.

Еще не так давно, до выхода в 2012 году документального фильма, главным героем которого стала Анжелика Исааковна Балабанова, о ней как журналистке практически никто не знал. И на факультете журналистики МГУ никто из профессоров ее не упоминал. Но это и понятно, в советские годы за рекламирование человека, по существу, взлелеявшего вождя итальянских фашистов Муссолини, можно было и неприятности поиметь. Это сегодня в погоне за сенсациями СМИ пишут обо всем, при этом особенно не заботясь о правде. Вот и Балабанову называют русской женой Муссолини, утверждают, что в Италии живет ее дочь, отец которой Бенито. А иные даже поставили под сомнение само ее существование, как с Таракановой, дескать, выдумали все журналисты. Но она была и владелицей дум людских не только в России, но и в Европе, и оставила свой след в истории России, Италии, Швейцарии, Швеции, других европейских стран.

Читаем пресс-релиз, анонсирующий документальный фильм «Анжелика Балабанова. Русская жена для Муссолини». «29 апреля 1945 года на центральной площади Милана были казнены вождь итальянских фашистов Бенито Муссолини и его любовница Клара Петаччи. На съезде американских социалистов в Чикаго делегаты поздравят друг друга: наконец-то, казнён кровавый палач. Слёзы на глазах почётной гостьи съезда, знаменитой русской революционерки Анжелики Балабановой, её соратники примут за слёзы радости. И никто из друзей 67-летней женщины даже представить себе не мог, какая тайна навсегда связала её судьбу с судьбой Бенито Муссолини.

О Балабановой ничего не знали в СССР и в новой России — разве что историки. Но её хорошо помнят в Италии, Франции, Швейцарии и США как одного из выдающихся деятелей мирового социалистического движения начала и середины XX века. Личная жизнь Анжелики Балабановой — загадка, уравнение со многими неизвестными. Порой тёмная и зловещая, а порой совсем незащищённая и очень ранимая личность. Но самым крутым поворотом в её судьбе стал тайный роман с будущим диктатором Италии.

[163] Одержимая «бабушка» русской революции. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844—1934). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/history/2016/03/22/oderzhimaya_babushka_russkoj_revolyucii/ (дата обращения: 30.04.2020).

Они познакомились в 1904 году, вместе издавали газету „Аванти“ — орган итальянских социалистов. Но даже во времена их страсти, Балабанова не рассказывала о любовной связи с Муссолини. Сначала потому, что он был женат. А позже она прокляла бывшего соратника и друга: он сменил идеи социализма на фашистские знамёна. Из-за этого не признавалась в их близости. Из-за этого бежала из Италии в революционную Россию. Но через два года ей во второй раз пришлось покинуть Родину: смириться с кровавыми деяниями большевиков она не могла. После Второй мировой войны Балабанова вернулась в Италию. Соратники называли её „невероятной Анжеликой“ — за революционную страстность, за преданность идеям борьбы. Но в старости Балабанову уже мало интересовали революционные бури. Роман с Муссолини в годы её молодости навсегда остался для неё запретной темой, тайной. Но самая главная загадка Анжелики Балабановой — родила ли она дочь от Бенито Муссолини? О тайнах „невероятной Анжелики“, о сенсационных версиях итальянских и российских историков, о мистических поворотах судьбы легендарной революционерки — этот фильм. В фильме принимают участие историк Амедио Ла Маттина, внучка Бенито Муссолини Алессандра Муссолини, журналист Уго Интини, Джорджо Джанелли, писатели Мария Ляфон и Леонид Млечин, правнучка Анжелики Балабановой Марина Балабанова, Ярослав Леонтьев, Владимир Ґенис, Александр Асмолов. Автор: Анатолий Ярошевский. Режиссёр: Денис Красильников»[164].

После выхода фильма в прессе, соцсетях появилось немало публикаций, опровергающих некоторые факты. Прежде всего ставились под сомнение замужество Балабановой и вообще ее любовная интрижка с Муссолини. Очень аргументированно это опровергла исследовательница Д. Доронина, первой в России опубликовавшая рецензию на книгу Балабановой «Моя жизнь — борьба» («My life as a Rebel») под названием «„Русская“ подруга Муссолини», отмечает она. Изучив архивные материалы, пришла к выводу, что вопреки распространённому мифу, они не находились в интимных отношениях (впоследствии, в своих мемуарах «Моя жизнь — борьба» Балабанова назвала «Муссолини... самым презренным человеком, с которым когда-либо встречалась»). Кстати, жен и любовниц у дуче и без нее хватало. Балабанова его товарищ по организации, знакомила с марксизмом и помогала ему в журналистике, партийной работе[165].

---

[164] Анжелика Балабанова. Русская жена для Муссолини. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russia.tv/tvpreg.html?d=0&id=156000 (дата обращения: 30.04.2020).

[165] Подр. Анжелика Балабанова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.proza.ru/2012/05/11/1916 (дата обращения: 30.04.2020).

Но кто же такая Анжелика Балабанова, какие ветры занесли ее в Италию? Она с Черниговщины. По мнению большинства исследователей, родилась в ассимилированной еврейской семье. Родители Анжелики Исааковны, отец которой был купцом первой гильдии, не имели нужды в деньгах, и поначалу девушка училась на дому. Окончив школу в Харькове, вышла замуж за молодого революционера, будущего функционера РСДРП М. Балабанова, под фамилией которого и стала известна. Этот брак вскоре распался, и Анжелика, к тому времени увлекшаяся социалистическими идеями, в 1897 году уехала в Европу для получения высшего образования: поступила в Новый университет. После Брюсселя училась в Лейпцигском университете, работала над диссертацией в Лондоне, в Британском музее, посещала лекции в Римском университете. В Германии подружилась с А. Бебелем, Р. Люксембург, К. Цеткин... Особо сильное влияние оказали на нее идеи Плеханова. Заинтересовавшись социалистическими идеями, сблизилась с русскими эмигрантами. Вступила в Союз русских социал-демократов за границей, а в 1900 году — в Итальянскую социалистическую партию. С 1912 года — член ЦК этой партии (ИСП). По поручению партии занималась пропагандистской и лекторской работой среди итальянских рабочих-эмигрантов в Швейцарии, а также в других странах.

В Лугано вместе с итальянской активисткой Марией Джудиче основала газету Su, Compagne! — «Вставайте, товарищи!» — первую социалистическую газету для женщин. «Мы с ней обе враждебно относились к любой форме феминизма. Для нас борьба за освобождение женщин была только одним аспектом борьбы за освобождение человечества, — объясняла Балабанова. — Мы хотели, чтобы женщины, особенно работницы, поняли это и то, что им нужно бороться не *против* мужчин, а *вместе с ними* против общего врага — капиталистического общества». Газета имела почти мгновенный успех, получив распространение по всей Италии, Швейцарии и в тех уголках мира, где были итальянские рабочие.

Среди писем, которые мы с Марией получали как редакторы газеты, было одно письмо от матери одной из таких девушек с жалобой на то, как обращаются с ее дочерью. Желая удостовериться, что дело обстоит именно так, как она описывает, я провела собственное расследование. Как только я собрала достоверный материал, я начала кампанию на страницах «Su, Compagne!» и вынесла разоблачительный материал на страницы немецкой и французской рабочей прессы. Реакция общественного мнения была очень горячей не только среди социалистов и деятелей профсоюзного движения, но и среди скептиков, масонов и читающей публики вообще. В конечном

счете, после того как мой материал был выпущен отдельной брошюрой, правительство было вынуждено вмешаться.

...Я была редактором и сотрудником многих газет, членом Центрального комитета партии, я подписала десятки статей и воззваний...».

В 1904 году на митинге в честь 33-й годовщины Парижской коммуны в Лозанне Анжелика была главным докладчиком. В толпе ее внимание привлек бедно одетый и грязный юноша, нервно мявший в руках шляпу. После митинга знакомые рабочие рассказали, что это итальянец, скрывающийся в Швейцарии от призыва в итальянскую армию. Он не может найти себе работу и спит под мостом. Один из ее собеседников сказал: «На родине он, кажется, был школьным учителем, но говорят, что он слишком много пил, заболел ужасной болезнью и то и дело попадал в передряги. Он утверждает, что он социалист, но, похоже, мало знает о социализме и больше похож на анархиста».

Балабанова подошла к юноше и спросила, может ли она как-нибудь помочь ему с работой. Тот пожаловался, что ему заказали перевод брошюры Каутского «Моя революция», но ему пришлось отказаться из-за незнания немецкого. Владея хорошо немецким, Балабанова помогла с переводом, взялась за его просвещение, предлагая книги Маркса, Плеханова, Ницше, других авторов. Уроки не проходят даром, и через некоторое время Бенито под крылом Балабановой быстро поднимается наверх. Она устраивает его на работу в местную газету, берет с собой на митинги, он становится неплохим организатором, оратором, но то и дело обращается к своей учительнице. «В конце одного из самых бурных периодов внутренней борьбы в Романье, — вспоминает Балабанова, — я получила следующее сообщение от Муссолини: „Дорогая, вы нужны нам здесь. Нам нужно организовать митинг, который должен иметь огромный успех и широкие отклики. Он должен быть бомбой, которая потрясет все население и вдохновит их на первомайскую демонстрацию. Только вы сможете внушить такой энтузиазм. Вы должны приехать. Пожалуйста, не отказывайтесь“»[166]. Не отказалась. Впоследствии объясняла сближение с будущим дуче действием «мистической силы».

В феврале 1909-го Бенито перебрался в австрийский город Тренто в Южном Тироле, населенный в основном итальянцами. Здесь стал секретарем местного Трудового центра, редактором газеты «Народ» (Il Popolo), а спустя год вернулся на родину редактировать еженедельник «Классовая борьба». Позже ему предложили возглавить центральный орган Итальянской

[166] Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.wikireading.ru/212474 (дата обращения: 20.02.2019).

объединённой социалистической партии — газету «Аванти!» (Вперёд!). Бенито отказывался, ссылаясь на слабую подготовку, но если соредактором будет Балабанова, примет предложение. Она согласилась.

«Я сразу же поняла мотив, лежавший в основе этого странного поведения, — пишет в своей книге Балабанова. — Он не хотел отказываться от чести, которая была ему оказана, и не хотел ответственности. Он знал, что как сотрудник „Аванти“ я буду помогать ему, а в действительности буду нести полную ответственность, когда что-то пойдет не так. Но при этом я не буду пытаться нажить личный капитал на наших успехах...

...Первое, о чем меня попросил Муссолини, после того как мы стали редакторами „Аванти“, — это написать бывшему редактору Клаудио Тревесу о том, что он больше не является сотрудником редакции, а его пост теперь занимаю я. Меня это возмутило, так как даже если я и считала себя способной заменить Тревеса — но я же не заменяла, — я бы не приняла это назначение, чтобы сместить его. Кроме того, Исполнительный комитет единогласно решил оставить Тревеса, так как он обладал исключительным журналистским талантом.

... — Почему вы не возражали против кандидатуры Тревеса, когда мы обсуждали ее на заседании Исполнительного комитета? — спросила я Муссолини.

И хотя он не ответил, причина его такого нечестного хода была мне ясна. Тревес был одним из самых выдающихся журналистов в Италии, и Муссолини боялся, что вклад Тревеса в работу газеты только подчеркнет его собственные недостатки. Чтобы избежать этого, а также неприятной ситуации, он попытался уговорить меня написать это письмо. Всякий раз, когда перед Муссолини вставала неприятная ситуация: надо было отвергнуть статью, уволить сотрудника, столкнуться с гневом тех, кому он давал обещания и не выполнил их, он обычно просил меня заменить его. Всякий раз, когда надо было написать спорную статью, он просил меня написать ее. Всякий раз, когда читатели „Аванти“ осуждали редакционную статью, он призывал меня защитить ее перед руководством или не приходил на заседание, и мне приходилось делать это. За всю свою политическую жизнь я никогда не встречала человека, который так постоянно взывал к моему сочувствию, как Муссолини. Он обычно прямо просил меня о помощи, или я начинала какимто образом ощущать, что он боится ситуации, и разбиралась с нею сама. Я помогала ему, потому что этого требовали интересы партии».

С помощью Балабановой «Аванти» стала авторитетным, популярным изданием. Тираж увеличился в 4 раза. Социалисты на общенациональных

выборах 1913 года завоевали почти миллион голосов и пятьдесят три места в парламенте. Это был большой успех, чему способствовала всесторонняя пропаганда идей социализма газетой «Аванти!». И в этом — огромный труд и энергия Балабановой.

Работая плечом к плечу с Балабановой, в начале Первой мировой войны Муссолини потихоньку стал переходить на антипатриотическую позицию, и, не посоветовавшись ни с кем, напечатал статью, в которой призывал Италию отказаться от нейтралитета и вступлении в войну на стороне Германии, Австро-Венгрии и их союзников. Между главным редактором, коим к этому времени он стал, и заместителем, происходит ссора. Поступком Муссолини возмутилась партия, и его освобождают от занимаемой должности. С ноября 1914-го издает собственную газету — «Иль Попполо д'Италия», которая вскоре станет рупором итальянского фашизма.

Нет, не вдруг перекрасился Муссолини, как отмечают некоторые исследователи. Вот что пишет наблюдавшая за ним сподвижница: «Едва ли я могла себе представить в тот вечер, что начинаю общение, которое десять лет спустя приведет к таким горьким последствиям, что отчасти благодаря моей помощи и сочувствию жалкий бродяга после того собрания в Лозанне встанет во главе движения, которому я отдала свою жизнь, и что он окажется виновным в самом позорном предательстве нашего времени. Но никто не мог бы увидеть в этом смущенном, нервном двадцатилетнем юнце человека, который правит Италией сегодня....

...Он ненавидел социальные привилегии, но быть пролетарием не хотел. Его мать была школьной учительницей, и он сам недолгое время преподавал в начальных классах в Италии. По этим причинам он считал себя интеллигентом, лидером, а контраст между его представлением о себе и униженьями повседневной жизни зародил в нем преувеличенную жалость к себе и острое чувство несправедливости жизни по отношению к нему...

...Его ненависть к угнетению не была той безликой ненавистью к системе, которую разделяли все революционеры. Она возникла из его личного чувства униженности и неудовлетворенности, из его страсти к самоутверждению и из решимости взять личный реванш.

Я стала понимать эти вещи. Постепенно, конечно... ...Если Муссолини когда-либо и был искренен с кем-либо, то, полагаю, этим кем-то была я.

Он очень много рассказывал о себе, о своем горьком детстве (хотя, когда он рассказывал о нем, мне оно показалось гораздо менее суровым, чем у большинства итальянских рабочих), о страданиях и лишениях, которые ему пришлось вынести с тех пор, как он бежал из Италии, спасаясь от военной

службы... На протяжении всего нашего общения меня связывало с ним понимание того, что я единственный человек, с которым он был абсолютно самим собой, с которым он не напрягался, потому что ему не нужно было лгать...

...Однажды... он указал на общественный парк, мимо которого мы проходили, и рассказал такой эпизод:

— Когда я приехал сюда, я жил в величайшей нищете. Товарищи, которые могли бы помочь мне, были далеко или сидели без работы. Однажды я проходил мимо этого парка и был такой несчастный от голода, что думал, что не проживу и дня. Я увидел двух англичанок, которые сидели на скамейке и обедали — хлеб, сыр, яйца! Я не смог сдержаться. Я бросился на одну из старых ведьм и вырвал еду из её рук. Если бы они оказали хоть малейшее сопротивление, я бы задушил их — задушил бы, заметьте...

Он добавил грубое слово. Потом остановился и начал смеяться, засунув руки в карманы. Все его тело раскачивалось.

— Вам не кажется, что было бы лучше, если бы я убил этих паразиток? Почему не приходит час реванша?

Я обратила его внимание на то, что убийство двух женщин не решило бы проблему голода среди людей. Но его не заботил голод как социальная проблема. Он рассуждал, исходя из удовлетворения своих собственных нужд — пища и месть...

...Не доверяя никому и боясь, что его высказывания впоследствии будут использованы против него, он был односложен со всеми, кроме меня. Все, что у него накопилось за день, он обычно обрушивал на меня по дороге домой. Он делал саркастические выпады и против себя, и против других.

„Вы читали последнюю статью Валера? — бывало, спрашивал он меня, ссылаясь на эксцентричного редактора одной еженедельной газеты. — Он ненормальный“. А затем добавлял сардонически: „Держу пари, моя статья на ту же тему будет еще более сумасшедшей“. И он делал паузу, чтобы посмотреть, какая будет реакция с моей стороны на его эскападу...

„...Знаете, — и это заключение повторял так часто, что оно стало лейтмотивом, — а ведь я ненормальный. В какой сумасшедший дом меня заберут, когда я совсем свихнусь, я не знаю, но я псих“. И он саркастически смеялся...

...Ну, конечно, вы сумасшедший, — обычно отвечала я. — Но ...и хватит постоянно болтать о своем безумии. Вы просто хвастаете им. Это что, так интересно? И помните, — добавила я, — что я буду единственным человеком, который придет навестить вас в психушке. Вы так эгоистичны и эгоцентричны, что у вас в этом мире нет ни одного друга...

...Он ...сознавал свою незначительность и очень страдал из-за этого. Он стремился добиться известности любого рода. Ему доставляло удовольствие все, что привлекало к нему внимание. Даже пренебрежительные замечания делали его счастливым: ведь это означало, что его заметили как личность...»[167].

Раскусив своего протеже, Балабанова оказалась с Муссолини по разные стороны баррикад. В годы Первой мировой войны она сотрудничает в парижской газете Ю. Мартова и Л. Троцкого «Наше слово». И. Дойчер по этому поводу пишет: «Анжелика Балабанова... разоблачала в „Нашем слове“ своего старого приятеля и протеже Муссолини. Когда-то она вывела его из трущоб в авангард итальянской партии, а он теперь призывал Италию отказаться от нейтралитета и вступить в войну»[168].

В 1915 году принимала деятельное участие в организации, а затем и в работе Циммервальдской конференции, где принадлежала к «центру» и была избрана в исполнительный орган нового объединения — Интернациональную социалистическую комиссию (ИСК). В 1916 году участвовала в Кинтальской конференции, где сблизилась с Циммервальдской левой, в частности с большевиками, но затем стала поклонницей Троцкого.

После Февральской революции летом 1917 года возвратилась в Россию совместно с группой меньшевиков, межрайонцев и эсеров. Вступила в РСДРП(б), пользовалась благосклонностью Ленина. Продолжая работать по поручению большевиков в Стокгольме в штаб-квартире Циммервальдского движения, сдружилась с шведскими социалистами, а также с советским полпредом В. Воровским. По инициативе Ленина ее избрали Генеральным секретарем Коминтерна. Но она не нашла общего языка с руководителем Коминтерна Зиновьевым, которого характеризует как самого презренного человека, какого встречала в жизни. После Муссолини. Он авантюрист, интриган, клеветник, раскольник, ради личных целей готовый на все.

В 1918-м году она переезжает в Харьков, где становится заместителем министра иностранных дел советской Украины Х. Раковского. «Этот богатый, плодородный край стал вулканом, постоянно извергающим гражданские и межнациональные войны, сопровождавшиеся белым и красным террором, погромами, эпидемиями тифа и полной дезорганизацией промышленной и сельскохозяйственной жизни. В некоторых частях Украины власть на протяжении 1917-го года менялась четырнадцать раз», — писала Анжелика.

---

[167] Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.wikireading.ru/212474 (дата обращения: 20.02.2019).
[168] И. Дойчер. Вооруженный пророк. — М., 2006. — С. 232.

Однако в 1919-м в большевистской прессе появляются статьи, осуждающие позицию Балабановой: столкнувшись с войнами и революциями, она начала открыто ненавидеть насилие. За это ее обвинили в идеалистическом подходе к революции. В 1919–1920 гг. Балабанову особенно активно критикует Зиновьев — с этого момента они становятся непримиримыми врагами.

Она обращается за защитой к Ленину — у вождя уже прогрессировала болезнь, он чувствовал усталость от жизни и бурной деятельности. У него, как пишет в воспоминаниях, поддержки не получила, поняла, что заступничества ей ждать неоткуда. В советской России оставаться ей было опасно. В Италии поднимали голову фашисты, возглавляемые ее бывшим учеником, — причем фашисты действовали под лозунгом «Делать так, как в России!»... В 1922-м Балабанова уезжает в Париж, став первой советской диссиденткой. После Великой Отечественной войны вернулась в Италию.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СПОСОБЫ ДОСТАВКИ ИНФОРМАЦИИ

Итак, начало XX века ознаменовалось как бурным развитием капитализма в стране, так и появлением политических партий, появлением авторитетов, крупных мыслителей, будоражащих общественное сознание. Этот процесс шел благодаря журналистике не только как процесс коммуникации, а и развития сферы вложения капитала для производства, прибыльной реализации уникального информационного товара. Технический прогресс в области печатной техники (линотип, ротационные машины и др.), технологий передачи информации (телефон, телеграф) резко повысили производительность труда в печатном деле в целом и в производстве периодических изданий, их распространении, более быстром доведении до масс. В 1895 году российский физик Александр Попов осуществил первый в мире сеанс радиосвязи с помощью созданного им радиоприемника. В других странах примерно в то же время лучшие ученые также работали над созданием подобных устройств. Поэтому в США изобретателем считают Николу Теслу, в Германии — Генриха Герца, во Франции — Эдуарда Бранли, в Бразилии — Ланделя де Муру, в Англии — Оливера Джозефа Лоджа, а в Индии — Джагадиша Чандру Боше. В 1900 году при участии Попова построена радиостанция на острове Гогланд, в 25 милях от передающей станции Российской Военно-Морской базы в Котке, которая телеграфной линией была связана с Адмиралтейством Санкт-Петербурга. В результате обмена радиограммами ледоколом «Ермак» были спасены рыбаки с оторванной льдины в Финском заливе. В 1906-м американец Ли Де Форест изобрел электронно-вакуумную

лампу, применение которой в радиоустройствах позволило передавать голосовые сообщения, музыку, шумовые эффекты. В 1908-м изобретатель организовал первую в истории музыкальную передачу: радиосигналы, посланные с Эйфелевой башни в Париже, распространились в радиусе 500 миль. В годы Первой мировой войны под Петроградом и Москвой были построены мощные радиостанции для связи царского правительства с союзниками (Англией, Францией, Италией). Это были знаменитые Царскосельская и Ходынская радиостанции. Царскосельская радиостанция возвещала всей Европе о важных событиях в России. К 1917 году радио уже стало средством массовой информации. А вскоре Российское телеграфное агентство стало рассылать информацию подписчикам за установленную плату.

25 июля 1907 года сделан первый шаг к электронному телевидению. Его сделал русский ученый Борис Розинг, который получил «Привилегию за № 18076» на приемную трубку для «электрической телескопии». Трубки, предназначенные для приема изображений, получили в дальнейшем название кинескопов. Создание электронно-лучевого телевидения стало возможным после разработки конструкции передающей электронно-лучевой трубки.

Совершенствовалась технология передачи изображений, в частности, в 1906 году профессор Артур Корн впервые передал по фототелеграфу фотографию германского кронпринца, что привело впоследствии к созданию факсов.

Первым и очень важным достижением полиграфии в начале XX века является изобретение самого популярного и в наше время вида печати — офсетной. Регистрируются сразу три патента очень важных для развития полиграфии. Первый патент в 1903 году заявил американец Р. Роджерс на создание «наполовину» офсетной машины. Достоверных свидетельств тому, был ли этот проект реализован, нет. Второй патент заявлен американцем Л. Моррисом в том же 1903 году и имел больший успех, чем первый, им даже заинтересовалась английская фирма по производству печатных машин «George Mann». Однако на этом все и остановилось, в производство данную модель офсетной печатной машины так и не взяли. Но благодаря К. Херману, немцу по происхождению, офсетная печать сделала рывок в своем развитии. И помог господин случай. В 1904 году в штате Нью-Джерси у печатника А. Рюбеля в процессе печати возникли затруднения в получении качественного изображения. Он попробовал обернуть печатный цилиндр мягким резиновым полотном, чтобы улучшить изображение, что привело к неожиданному результату: изображение, случайно оказавшееся не на бума-

ге, а на резиновом полотне печатного цилиндра (из-за ошибки его помощницы), само пригодно для печати и причем дает гораздо более качественный и четкий оттиск. Дальнейшие испытания, проводимые Херманном, подтвердили неожиданное открытие. Они сконструировали трехцилиндровую печатную машину — первую в истории офсетную машину. Основой разработки стал способ печати на жести, смысл которого состоял в том, что печатный цилиндр, несущий на себе лист жести, приводился в соприкосновение не с литографским камнем, а с покрытым резиной промежуточным цилиндром, печатное полотно из резины принимало на себя краску с камня, а затем уже происходил перенос краски на жесть. Разработку печатных машин, названных «offset» (в переводе — осаждать, компенсировать), решила взять на себя компания «Sherwood Syndikate». И только в 1910 году немецкая фирма «Werner&Stein» реализовала идею Рубеля, пустила в производство листовую офсетную печатную машину модели «Leipzig».

Если Рубелю в придумывании офсета помог случай и «связи» по поиску спонсоров, то Херманну пришлось немало поэкспериментировать. Он пытался сделать гибрид из печатных машин, использовавших резиновое полотно в высокой «непрямой» печати и литографских машин, использовавших гибкие печатные формы из цинка. И на свет появилась первая листовая печатная многокрасочная машина модели «Harris».

Но на этом Херманн не остановился. Ему пришла в голову мысль использовать резиновые валики для одновременного запечатывания листа с двух сторон. И в 1912 году впервые создана рулонная листовая печатная машина, получившая название «Universal».

Херманну принадлежат многие идеи по созданию машин, основанных на технологии «сухого» офсета. Однако в то время многие предприятия не поддержали эту технологию печати, предпочитая работать с увлажнением.

В 1907 году С. Смон из английского города Манчестер изобрел трафаретную печать. В нем печатная форма состоит из натянутой на рамку сетки, через которую продавливается краска.

К сожалению, печатное дело в России к концу XIX века хотя и развивалось, но базировалось в основном на зарубежных разработках и технологиях. В 1913 году в стране насчитывалось 2 668 полиграфических предприятий, на которых работало около 100 тысяч человек. За исключением нескольких крупных типографий главным образом в Петербурге и Москве, оснащенных ввозимым из-за границы оборудованием и выпускавших дорогие издания на высоком полиграфическом уровне, основную массу предприятий составляли мелкие полукустарные типографии, где господствовал ручной труд.

В среднем на каждую типографию приходилось меньше 3-х печатных машин, на каждые 6 типографий — 1 наборная машина[169].

***

Статус печати в первые годы XX столетия определялся Уставом о цензуре, основанным на «Временных правилах о печати» 1865 г., что несколько тормозило ее развитие. Всю периодику можно поделить на «бесцензурные» издания (выходившие без предварительной цензуры), к числу которых относились столичные газеты и журналы (Москва, Петербург), заявившие о своем желании и внесшие залог; и «подцензурные» (с предварительной цензурой), включавшие в себя всю частную провинциальную прессу, а также нелегальную прессу.

В 1904 г. наметились некоторые послабления в области печати. Князь П. Святополк-Мирский, ставший во главе Министерства внутренних дел, пытался, как тогда говорили, заменить политику «волчьей пасти» политикой «лисьего хвоста», провозгласив «эпоху доверия». Встречи нового министра внутренних дел с редакторами и журналистами стали регулярными, и князь постоянно подчеркивал свое стремление дать больше свободы печати. В соответствии с указом царя Комитет министров на заседании 28 и 31 декабря решил отменить некоторые из действовавших постановлений о печати, предоставив министру внутренних дел право войти с этими вопросами в Государственный совет, а также «образовать особое совещание для пересмотра действующего цензурного законодательства и для составления нового устава о печати».

Развитие русской журналистики начала XX века осуществлялось в направлении увеличения типологического разнообразия изданий, политического самоопределения печати и осознания своеобразия цели и задач журналистики как особой сферы деятельности. Несмотря на то что многие тенденции были сформированы еще в конце XVIII и развивались на протяжении XIX веков, рассматриваемый период также внес немало нового в становление журналистики. Технический прогресс и бурное развитие российского общества привели к изменению типологической картины периодики: на первый план впервые выходят газеты, которые обращаются к самым разным слоям общества, идут процессы дифференциации литературной и публицистической деятельности, периодическая печать «обзаводится» системой жанров, отличных от «литературной журналистики» XIX века,

[169] Новый словарь русского языка. — С. 35.

и в частности речь идет о жанре репортажа, пользовавшегося невероятной популярностью в российском обществе.

Деление периодики на авторитетную, массовую и бульварную — также явление первых десятилетий XX веков, отражающее расслоение российского общества и появление нового, массового читателя со своими специфическими интересами и потребностями. В то же время получает развитие особая ветвь журналистики — печать модернистов, давших жизнь новому типу журнала-манифеста. В 1905–1907 году буквально «вышли на поверхность» сформировавшиеся политические течения, долгие годы, развивавшие свои идеи в бесцензурной журналистике и впервые получившие доступ к массовой аудитории. Как отмечает исследовательница Махонина, печать в годы первой русской революции прошла очень своеобразный, сложный путь: за короткое время она пережила и «медовый месяц свободы», по выражению современников, и ожесточенный административный нажим со стороны власти, и попытки восставших рабочих взять ее под свой контроль. Журналистике пришлось самоопределиться, осознать собственную, только прессе присущую роль в период общественных бурь и катаклизмов. Пресса стала помещать такие материалы, которые раньше никогда бы не увидели света. Например, в первой половине 1905 г. широко обсуждался «Проект русской Конституции», изданный весной редакцией журнала «Освобождение». Публиковались материалы о многочисленных съездах, которые проходили в это время в России: съездах земцев, промышленников, торговцев и многое другое. Создание партий и партийной прессы сделало систему русской журналистики более современной для начала XX в.

«Русская печать стала носить характер, напоминающий политическую прессу Западной Европы и Америки», — справедливо заметил журнал «Русское богатство» в 1906 г.

Изменение цензурных условий привело к новому режиму работы периодической печати, по сути — к борьбе за право изданий информировать своего читателя о значимых событиях. Правда, при одинаковой партийной ориентации различные газеты и журналы сохраняли собственные взгляды, не совпадающие в нюансах и оттенках. Некая разноголосица возникала подчас и внутри одного издания, особенно в толстых ежемесячниках. Чисто партийными становились официальные и неофициальные центральные органы, в основном газеты. Независимыми в основном оставались частные издания.

Журналистика предоктябрьского периода чутко реагировала на происходящие в российском обществе события, изменяясь в соответствии с запросами читательской аудитории и потребностями властных структур. Она

являлась главной трибуной для обсуждения актуальных вопросов русской жизни, играла важнейшую роль в формировании общественного мнения, побуждала массы к действиям, т. е., как определил ее функции Ленин, была пропагандистом, агитатором и организатором.

Но следует иметь в виду, что пресса этого периода — сложный предмет исследования. Обилие новых явлений в жизни, требующих осмысления, динамика развития не только российского, но и мирового общества в это время оставляют открытыми многие вопросы. Кроме того, до недавнего времени в историографии доминировал исследовательский подход, выдвигающий на первый план социал-демократическую периодику. Ныне она отодвигается не то что на второй план, а вообще отодвигается в сторону, есть стремление современных исследователей полностью устранить большевистские издания из круга изучения. Да, в предоктябрьский период действительно газет и журналов было море, о чем свидетельствует и публикуемый ниже перечень периодики этого времени, и цельной, обобщающей исследовательской работы пока нет. Она ждет своих исследователей.

ПЕРИОДИКА ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА (1900–1917)

(ПО КАТАЛОГУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

1900 год	• Былое • Вестник книгопродавцев • Горная и Заводская еженедельная газета • Искра • Листок «Рабочего дела» • Революционная Россия • Финляндская газета • Южный рабочий
1901 год	• Брдзола • Вестник русской революции • Голос труда • Горнозаводский Листок объявлений и Справочных Известий • Гродненские епархиальные ведомости • Забайкалье • Заря • Искры • Киевский социал-демократический листок • Рабочая газета
1902 год	• Баку • Банковая и торговая газета • Гласность • Екатеринбургский листок объявлений • Крамола • Красное знамя • Летучий листок, Екатеринослав • Летучий листок, Париж • Листок «Рабочей мысли» • Наборщик • Нижегородская рабочая газета • Освобождение • Отклики • Пролетариат (Пролетарии) • Северо-западный край • Уральский листок • Червоны штандар (Красное знамя)
1903 год	• Борьба пролетариата • Вестник знания • Всемирный вестник • Елизаветградские новости • Знание

1903 год (продолж.)	• Листок «Борьбы пролетариата» • Новый путь • Правда • Пролетариати крив • Пролетариатис брдзола • Русь • Слово • Студент
1904 год	• Бессарабская жизнь • Бюллетень • Вестник маньчжурской армии • Весы • Вечерняя почта • Война с Японией • Волжский листок • Вперед • Голос труда • Голос Юга • Горное дело в России • Дневник войны • Еврейская жизнь • Еврейская школа • Женский вестник • Колокольчики • Наша газета • Наша жизнь • Правда • Рабочий листок • Рассвет • Самарканд • Самарский курьер • Социал-демократ • Сын отечества • Циня (Борьба)
1905 год	• Азиатская Русь • Аргус • Барнаульский листок • Борьба • Бурелом • Бюллетени Иваново-Вознесенской группы Северного комитета РСДРП • Бюллетени Московского комитета РСДРП • Бюллетени Нижегородского объединенного комитета РСДРП • Бюллетень • Бюллетень Бакинского комитета РСДРП

1905 год (продолж.)	• Бюллетень боевого стачечного комитета • Вестник Маньчжурских армий • Военный листок • Возрождение • Волшебный фонарь • Вопросы жизни • Вперед • Вятский листок • Голос правды • Голос рабочих • Голос солдата, Варшава • Голос солдата, Рига • Дневник социал-демократа • Дятел • Елисаветпольский вестник • Жало • Жизнь • Жупел • Журнал журналов • Забайкальский рабочий • Забияка • Заноза • Зритель • Известия Московского Совета рабочих депутатов • Известия Совета рабочих депутатов • Известия Федеративного Совета харьковских комитетов РСДРП • Иллюстрированный современник • Кавказский рабочий листок • Клюв • Колокол • Красноярский рабочий • Крестьянская газета • Крестьянский листок • Летучие листки Центрального Комитета РСДРП • Летучий листок, Иркутск • Летучий листок, Одесса • Летучий листок в казарме • Летучий листок Полесского комитета РСДРП • Листки о революционных днях в Петербурге • Листок виленской группы РСДРП • Листок Рижского комитета • Листок Северо-Западного союза • Мальцевский рабочий • Митинг • Молва

1905 год (продолж.)	• Московская газета • Московская неделя • Наборщик и печатный мир • Народная свобода • Народное хозяйство • Начало • Наш голос • Нижегородская крестьянская газета • Новая жизнь • Отголоски • Петербургская рабочая неделя • Печатный вестник • Пламя • Политическое обозрение • Полярная звезда • Пробуждение • Пролетарий • Профессиональный союз • Пулемет • Пули • Рабочий, Казань • Рабочий, Красноярск • Рабочий, Москва • Рабочий, Ташкент • Рабочий листок «Молот» • Россия • Русское знамя • Свобода • Свободная Россия • Свободный народ • Свободный смех • Северный голос • Секира • Сибирский социал-демократический листок • Сигнал • Современник • Солдат, Асхабад • Солдат, Ташкент • Солдатский листок • Спрут • Стачечный бюллетень • Стачечный листок • Стрелы • Сызрань • Типографский листок • Фонарь

1905 год (продолж.)	• Харьковский рабочий • Хроника еврейской жизни • Эдази (Вперед) • Южная неделя
1906 год	• Адская почта • Альманах • Амур • Арабески • Арайс (Пахарь) • Армавирский пролетарий • Армия • Архангельский рабочий • Ахали дроеба (Новое время) • Ахали цховреба (Новая жизнь) • Бакинский рабочий • Банвори дзайн (Голос рабочего) • Без заглавия • Библиотека наших читателей • Борьба, Рига • Борьба, Самара • Брянский голос • Булочник • Буревал • Буря • Бюллетень • Валька роботнича (Рабочая борьба) • Век • Весна • Вестник войск Дальнего Востока • Вестник жизни • Вестник золотосеребрянников и бронзовщиков • Вестник казармы • Вестник партии народной свободы • Вестник печатника • Вестник рабочих по обработке дерева • Вестник русского солдата • Вестник русской конницы • Вестник свободы • Вестник учителей • Виленский военный листок • Волга • Волжское словоВолна • Волна • Вопросы дня • Вперёд, Выборг

1906 год (продолж.)	• Вперёд, Петербург • Вперёд • Газета роботнича (Рабочая газета) • Гантиади (Рассвет) • Голос • Голос извозчика • Голос казармы • Голос молодой России • Голос Москвы • Голос печатника • Голос правды • Голос приказчика • Голос солдата • Голос ткача • Голос труда • Голос труда • Гудок • Двадцатый век • Девятый вал • Дело Народа • До вальки (К борьбе) • Донецкий колокол • Друг солдата • Еженедельный листок Окружного района • Железнодорожник, Киев • Железнодорожник, Москва • Жизнь • Жизнь и свобода • Жизнь и школа • Жизнь казармы • Жизнь конторщика • Жизнь солдата • Журнал иностранной карикатуры • Журнал учителя • За волю и землю • Зарево • Застенок • Злой дух • Золотое руно • Известия Иваново-Вознесенской организации РСДРП • Известия крестьянских депутатов • Казарма • Кайц (Искра) • Карандаш • Киевская мысль • Книга

1906 год (продолж.)	• Кнут • Колокол • Костромской голос • Кочдевет (Призыв) • Красное знамя • Крестьянская Россия • Курская быль • Курьер • Листок для рабочих портных, портних и скорняков • Локаут в Лодзи • Маляр • Маяк • Минский летучий листок • Молодая Россия • Молодость • Московский еженедельник • Мысль • На очереди • На рубеже • Народная жизнь • Народное дело • Народно-социалистическое обозрение • Народный вестник • Народный путь • Народный учитель • Наша доля • Наша мысль • Наша трибуна • Наше дело • Невская газета • Невский вестник • Новый путь • Новый Самарканд • Нор хоск (Новое слово) • Обозреватель • Око • Освободительное движение • Отклики современности • Офицерская жизнь • Партийные известия, газета • Партийные известия, журнал • Паяц • Педагогическая неделя • Приднепровский курьер • Призыв • Приказчик

1906 год (продолж.)	• Пробуждение армии • Пролетарий, Выборг–Женева–Париж • Пролетарий, Брянск • Профессиональный листок • Путь • Пчела • Работник • Рабочая газета • Рабочий • Рабочий листок, Вятка • Рабочий листок, Москва • Рабочий по коже • Рабочий по металлу • Рабочий союз • Речь • Роботник будовляны (Строительный рабочий) • Русский воин • Русский набат • Русский Самарканд • Русское государство • Рядовой • Самарская лука • Сарканайс карогс (Красное знамя) • Северная мысль • Сегодня • Светоч • Свобода и культура • Свободная жизнь • Свободное слово • Северная земля • Сигналы • Скоморох • Скорпион • События дня • Современная жизнь • Современный мир • Сознательная Россия • Солдат, Верхне-Удинск • Солдат, Либава • Солдат, Севастополь • Солдатская беседа • Солдатская воля • Солдатская газета • Солдатская жизнь • Солдатская мысль • Солдатский голос

1906 год (продолж.)	• Солдатский листок, Рига • Солдатский листок, Саратов • Солдатский листок «Правда» • Солдатский путь • Социал-демократ, Петербург • Социал-демократ, Ревель • Социал-демократический рабочий листок • Столичная почта • Страна • Страна мечты • Студенческая жизнь • Текамюль (Усовершенствование) • Терек • Тернии труда • Ткач • Товарищ • Туркестан • Туркестанская военная газета • Тюрьма • Уфимский рабочий • Форвертс (Вперед) • Хлеб и работа • Школа и жизнь • Элва (Молния) • Эхо • Эхо средней школы
1907 год	• Армия и флот • Бакинский день • Бакинский пролетарий • Балда • Барабан • Борьба, Москва • Борьба, Устюжна • Бюллетень • В мире книг • Вестник работниц и рабочих волокнистого производства • Вестник студенчества • Витязь • Голос казармы • Голос красильщика • Гудок • Дело жизни • Для народного учителя • Дневник писателя • Дро (Время)

1907 год (продолж.)	• Железнодорожный пролетарий • Железнодорожный союз • Жизнь печатника • Здравый смысл • Знамя труда • Золотое детство • Зрение • Известия Прикамского рабочего • Известия ЦК РСДРП • ИСТИНА • Казанский раешник • Калужский рабочий • Книжная летопись • Красильщик • Крестьянская газета • Кузнец • Лиепаяс страдниекс (Лиепайский рабочий) • Листок рабочих по обработке дерева • Локомотив • Минувшие годы • Моршанский пролетарий • Народная газета • Народная дума • Наш мир • Наше эхо • Новая книга • Новый луч • Новые силы • Общественное дело • Одесское обозрение • Орер (Дни) • Отклики • Очередной • Паровоз • Парус • Подъем • Портной • Правое дело • Привет • Промысловый вестник • Простые речи • Профессионал • Профессиональный вестник • Рабочая жизнь • Рабочая молва • Рабочий, Екатеринбург

1907 год (продолж.)	• Рабочий, Петербург • Рабочий, Севастополь • Рабочий листок, Ижевск • Рабочий листок, Красноуфимск • Радуга • Раннее утро • Рассвет • Ревельский военный листок • Родная земля • Русская жизнь • Северный рабочий • Сибирский путь • Современная речь • Современное слово • Солдатская газета • Солдатская жизнь • Солдатский листок, Кострома • Солдатский листок, Красноярск • Солдатский путь • Союзное дело • Столичное утро • Текущий момент • Телеграф • Тёэлине (Рабочий) • Труд, Сормово • Труд, Петербург • Трудовой народ • Уклон • Урал • Уральская газета • Уральская неделя • Уральский рабочий • Утро России • Учитель • Фотограф • Часовщик • Чвени цховреба (Наша жизнь) • Черноморский портовый вестник • Шиповник • Штык
1908 год	• Возрождение • Газета-Копейка • Голос социал-демократа • Заграничная газета • Задачи обновленной школы

1908 год (продолж.)	• Земля • Известия «Союза 17 октября» • Мысли печатника • Наш век • Наш голос • Наша газета • Новая Русь • Печатное дело • Правда • Практика воинского воспитания • Промышленность и торговля • Рабочее знамя • Революционная мысль • Сатирикон • Солдатская газета • Социал-демократ • Строевой офицер
1909 год	• Аполлон • Верность • Вестник труда • Военно-исторический вестник • Волна • Восточная заря • Всемирная панорама • Газета-копейка • Городское дело • Еврейский мир • Запросы жизни • Земщина • Козьма Минин • Наш край • Новый день • Рабочее дело • Экономист России
1910 год	• Библиотекарь • Вестник народных университетов • Голос жизни • Голос Сибири • Голос студенчества • Двуглавый орел • Дискуссионный листок • Еврейское обозрение • Жизнь • Жизнь для всех • Звезда

1910 год (продолж.)	• Московская газета-копейка • Мысль • Наш путь • Наша заря • Новый восход • Рабочая газета • Светоч и дневник писателя • Солнце России • Тифлисский пролетарий
1911 год	• Бобруйские отклики • Будущее • Вестник народного образования • Вестник Орловского союза русского народа • Вестник портных • Вечернее время • Голос казачества • Двуглавый орел • Дело жизни • Информационный бюллетень • Иркутское слово • Металлист • Новое печатное дело • Новый мир • Объединение • Педагогическое дело • Просвещение • Рабочая жизнь • Русский библиофил • Сибирская речь • Сибирские огни • Современная жизнь • Современник • Человек
1912 год	• Вестник приказчика • Газета чиновника • День • Живое дело • За партию • Заветы • Известия Министерства иностранных дел • Кийр (Луч) • Луч • Московская копейка • Наше утро • Невская звезда

1912 год (продолж.)	• Невский голос • Новая Сибирь • Поволжская быль • Почин • Правда • Рельсы • Русская молва • Самозащита • Сибирский вестник • Сибирский край • Страхование рабочих • Фабричная жизнь
1913 год	• Аргус • Библиографические известия • Бодрая мысль • Вольная мысль • Вопросы страхования • Голос минувшего • Джаридат Дагистан • Живая жизнь • Живая мысль • Жизнь пекарей • За правду • Заветная мысль • Научный исторический журнал • Наш путь • Наше печатное дело • Новая рабочая газета • Новый сатирикон • Новый экономист • Правда труда • Пролетарская правда • Рабочая правда • Северная мысль • Северная правда • Трудовой голос • Юридический вестник
1914 год	• Альбом героев войны • Армейский вестник • Борьба • Верная мысль • Вестник школы • Время • Голос • Голос Руси

1914 год (продолж.)	• Деревообделочник • Единство • Живая мысль труда • Журналист • Заря Поволжья • Звезда • Лукоморье • Маленькая газета • Мысль • Мысль труда • Наша рабочая газета • Наши герои • Новости • Правда труда • Пролетарий иглы • Путь правды • Работница • Рабочий • Рабочий труд • Русские записки • Северная рабочая газета • Смелая мысль • Стойкая мысль • Текстильный рабочий • Трудовая правда • Утро жизни • Шахтерский листок
1915 год	• Вестник VII армии • Жизнь • Известия заграничного секретариата Организационного комитета РСДРП • Илья Муромец • Интернационал молодежи • Коммунист • Летопись • Наш голос • Наша газета • Наше дело • Наше слово • Призыв • Прикубанские степи • Пролетарский голос • Профессиональное образование • Рабочее утро • Северный голос

1915 год (продолж.)	• Текстильщик • Товарищ пролетария • Утро • Финансовая газета • Южная правда
1916 год	• Бюллетень заграничного комитета Бунда • Бюллетень комитета юго-западного фронта • Военный летчик • Голос • Голос печатного труда • Голос социал-демократа • Голос труда • Дело • Живое слово • Московский кооператор • Правда труда • Пролетарское слово • Рабочие ведомости • Русская воля • Сборник социал-демократа
1917 год	• Анархист • Анархия • Армия и флот свободной России • Астраханский рабочий • Бакинский рабочий • Банвори крив (Борьба рабочего) • Без лишних слов • Библиографический ежемесячник • Библиографический справочник • Большевик, Коломна • Большевик, Николаевск • Борьба, Тифлис • Борьба, Царицын • Брдзола (Борьба) • Бривайс стрелниекс (Свободный стрелок) • Брошюра и книга • Буревестник • Бюллетени бюро печати • Бюллетень социалистической печати • В народ • Ведомости общественного градоначальства • Вестник Минского губернского комиссариата • Вестник партии народной свободы • Вестник Румынского фронта • Вестник русской революции (Bote der russischen Revolution)

1917 год (продолж.)	• Вечерняя почта • Власть народа, Москва • Власть народа, Одесса • Война и мир • Волна (Vilnis), Баку • Волна, Свеаборг • Вольный голос Севера • Вольный Кронштадт • Воля народа, Киев • Воля народа, Петроград • Воронежский рабочий • Вперед, Москва • Вперед, Петроград • Вперед!, Уфа • Голос правды, Кронштадт • Голос правды, Пенза • Голос правды, Франция • Голос пролетария • Голос солдата • Голос социал-демократа, Иркутск • Голос социал-демократа, Киев • Голос труда, Петроград • Голос труда, Казань • Голос фронта • Гуммет (Энергия) • Дело народа • Деревенская беднота • Деревенская правда • Донецкий пролетарий, Луганск • Донецкий пролетарий, Харьков • Жизнь работницы • Забайкальский рабочий • Звезда, Екатеринослав • Звезда, Минск • Звезда, Ревель • Звенья • Земля и воля • Зерно правды • Знамя борьбы • Знамя революции • Знамя труда, Баку • Знамя труда, Владивосток • Знамя труда, Вольск • Знамя труда, Москва • Знамя труда, Петроград • Знамя труда, Тифлис

1917 год (продолж.)	• Известия Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Астраханского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов • Известия Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета • Известия военных, рабочих и крестьянских депутатов • Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия временного комитета Государственная Дума • Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов • Известия Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Дальневосточного краевого комитета Советов рабочих, солдатских... • Известия Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Казанского губернского Совета крестьянских депутатов • Известия Костромского Совета рабочих депутатов • Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Курского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов • Известия Минского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Московского Совета рабочих депутатов • Известия Нижегородских Советов рабочих и солдатских депутатов • Известия Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов • Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота • Известия Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих, солдатских депутатов • Известия Омского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Полтавского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов • Известия Самарского Совета рабочих депутатов • Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Севастопольского Совета депутатов армии, флота и рабочих • Известия Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района • Известия Совета съездов представителей промышленности и торговли • Известия Сызранского Совета солдатских и рабочих депутатов • Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов • Известия Тульского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов • Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов

1917 год (продолж.)	• Известия Херсонского Совета рабочих и военных депутатов • Известия ЦИК • Известия Якутского Совета рабочих и солдатских депутатов • Интернационал, Н.-Новгород • Интернационал, Петроград • Искорки • Искра • Кавказский рабочий • Кийр (Луч) • Красное знамя • Красноярский рабочий • Крестьянская газета • Листок «Правды» • Литературные записки • Лаукстрадниеку циня(Борьба сельского рабочего) • Луч, Астрахань • Луч, Минск • Маатамеес • Максималист • Молва • Молот • Мысль • Народ • Народная армия • Народная газета (июль – август), Петроград • Народная газета (апрель), Петроград • Народная жизнь • Народное слово, Москва • Народное слово, Петроград • Наш путь • Наша борьба, Екатеринодар • Наша борьба, Екатеринослав • Наша звезда • Наше знамя • Наше слово • Новая жизнь • Новая Русь • Новое слово • Общее дело • Окопная правда • Окопный набат • Осведомительный листок русского бюро ЦК • Освобождение труда • Правда • Прибой • Приволжская правда

1917 год (продолж.)	• Прикубанская правда • Пролетариата циня (Борьба пролетариата) • Пролетарий, Москва • Пролетарий, Петроград • Пролетарий, Харьков • Пролетарий Поволжья • Пролетарская правда • Пролетарское дело • Пролетарское знамя • Просвещение • Работница • Рабочая газета • Рабочая мысль, Иваново-Вознесенск • Рабочая мысль, Петроград • Рабочая мысль, Харьков • Рабочая мысль • Рабочий, Казань • Рабочий, Петроград • Рабочий депутат • Рабочий и солдат, Петроград. (октябрь) • Рабочий и солдат (июль – август), Петроград • Рабочий путь • Рижский фронт • Русский бюллетень «Правда» • Русский исторический журнал • Самоуправление • Свобода внутри нас • Свободная армия • Свободная жизнь • Свободная Россия • Свободное слово • Свободный народ • Сибирская правда • Симбирская правда • Слово • Солдат • Солдат-гражданин, Москва • Солдат-гражданин, Петроград • Солдат и рабочий • Солдат-крестьянин • Солдатская газета • Солдатская жизнь • Солдатская мысль • Солдатская правда • Солдатское слово • Социал-демократ, Баку (на армянском языке)

1917 год (продолж.)	• Социал-демократ, Баку • Социал-демократ, Лысьва • Социал-демократ (на латышском языке), Москва • Социал-демократ, Москва • Социал-демократ, Саратов • Социал-демократ, Харьков • Социал-демократ • Социалист-революционер • Спартак • Тиеса (Правда) • Товарищ, Минусинск • Товарищ, Сызрань • Трибуна (Trybuna) • Труд • Труд и борьба • Труд и земля, Кронштадт • Труд и земля, Томск • Трудовая мысль • Трудовая республика • Уральская правда • Утро правды • Фронт • Харьковский вестник • Харьковское единство • Хлеб и воля • Часовой • Южный рабочий • Юрьевская правда

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. — М., 1991.
2. *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX в. Идейная эволюция. — М., 1990.
3. Архив русской революции. — М., 1991. — Т. I–IV.
4. *Ахмадулин Е. В.* История Отечественной журналистики XX века. — Ростов н/Д., 2018.
5. *Балабанова А. И.* Из личных воспоминаний Циммервальдца. — М., 1925.
6. *Балабанова А. И.* Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. — М., 2007.
7. *Бережной А. Ф.* История партийно-советской печати. Дооктябрьский период. — М., 1987.
8. *Бережной А. Ф.* По страницам неисследованных изданий русской периодики (из истории русского зарубежья). — СПб., 1999.
9. *Бережной А. Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. — Л., 1975.
10. Большевистская печать: Краткие очерки истории. — М., 1962.
11. *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. — М., 1984.
12. *Брешко-Брешковская Е. К.* Из моих воспоминаний. — СПб., 1906.
13. *Букчин С. В.* Судьба фельетониста. — Минск, 1975.
14. *Видуэцкая И. П.* А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс. — М., 1977.
15. *Воскресенская М. А.* Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков. — Томск, 2003.
16. Германия и революция в России. 1915–1918. Сборник документов / Ред.-сост. и комм. Ю. Г. Фельштинский. — М., 2013.
17. Государственная Дума российской империи. Четвертый созыв. Стен. отчет о заседанииях. — СПб., 1914.
18. *Городницкий Р. А.* Боевая организация Партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. — М., 1998.
19. Документы. Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны.
20. *Дойчер И.* Вооруженный пророк. — М., 2006.

21. *Дробышевский Д. А.* Политика или прибыль: для чего была создана газета «Россия» (1899–1902 гг.)? Вестник МГУ. Серия филология. Журналистика. — 2014. — № 2.
22. *Емельянов Ю. В.* Сталин. Путь к власти; Сталин. На вершине власти. — М., 2002.
23. *Есин Б. И.* История русской журналистики XIX века. — М., 2003.
24. *Есин Б. И., Кузнецов И. В.* Три века московской журналистики. — М., 1997.
25. *Есин Б. И.* Путешествие в прошлое (газетный мир XIX в.). — М., 1983.
26. *Есин Б. И.* Русская газета и газетное дело в России. — М., 1981.
27. *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета. — М.: МГУ, 1971. — 86 с.
28. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. — М., 2001.
29. Журналистика. Предпринимательство. Просвещение: Сб. статей / под ред. Г. В. Жиркова. — СПб., 2001.
30. *Зверев В. В.* Г. П. Сазонов и газета «Россия»: Январь 1902 / В. В. Зверев, А. В. Амфитеатров // Исторический архив. — 2010. — № 4.
31. Из века в век. К 300-летию отечественной печати. 1702–2002 / под ред. Б. И. Есина. — М., 2002.
32. *Иникова С. А.* Газета «Русское Слово» и цензура (1897–19I7 гг.) // сб. трудов Истфака МГУ. — Вып. XIII. — М., 1985.
33. История отечественной журналистики начала XX в. — Благовещенск, 2005.
34. История политических партий России. — М., 1994.
35. История русской журналистики XVIII–XIX веков. — СПб., 2003.
36. *Канев С. Н.* Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). — М., 1987.
37. *Капченко Н.* Политическая биография Сталина. В 2-х томах. — М., 2004.
38. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. — М., 1993.
39. *Костин А. Ф.* Боевой орган революции. К 70-летию газеты «Вперед». — М., 1975.
40. *Комин В. В.* Анархизм в России. — Калинин, 1969.
41. *Кропоткин П.* Русская революция. — Женева: Изд. группы «Хлеб и Воля», 1905.
42. *Кузнецов И. В.* История отечественной журналистики (1917–2000). — М., 2002.

43. *Куканов Л. М.* Публицистика В. Г. Короленко (1878–1896). — М., 1978.
44. *Курусканова Н. П.* Русско-японская война в освещении нелегальной печати сибирских эсеров. Современные проблемы науки и образования, 2015. — № 1-1.
45. Курс отечественной истории. IX–XX веков. — М., 2002.
46. *Ленин В. И.* О печати. — 3-е изд., доп. — М., 1982.
47. *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. — М., 1997.
48. *Леонтович В. В.* История либерализма в России 1762–1914. — М., 1995.
49. *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века. — М., 2002.
50. *Менделеев А. Г.* Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. — М., 2001.
51. *Мельгунов В. С.* О современных литературных нравах. — М., 1916.
52. *Меркулов А. И., Манько А. В.* Большевистская подпольная печать в годы реакции. — М., 1980.
53. *Минц Н. И.* История Великого Октября. В 3 томах. — М., 1968.
54. *Мэсси Р.* Николай и Александра. — М., 1990.
55. *Николаевский Б. И.* Тайные страницы истории. — М., 1995.
56. *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917–90-е гг.). — М., 1999.
57. *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. — Ростов н/Д., 1998.
58. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1, 2, 3. — М., 1996–2001.
59. *Пайпс Р.* Русская революция. В 3 кн. — М., 2005.
60. Первая мировая война: Пролог XX века. — М., 1998.
61. *Петряков Г. В.* Коллективный агитатор, пропагандист и организатор. — М.,1967.
62. *Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. — М., 1972.
63. *Полевой Ю. З.* Из истории рабочей печати. — М., 1962.
64. Политические партии России. Конец XIX – 1-я треть XX в. — М., 1996.
65. Политическая история России в партиях и лицах. — М., 1994.
66. *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. — С. 55.
67. *Радзинский Э.* Господи... спаси и усмири Россию. Николай II: жизнь и смерть. — М., 1993.

68. *Родионова Т. С.* Московская газета «Курьер». — М., 1999.
69. Российская журналистика XX века. Дореволюционный период. Тексты. — Екатеринбург, 1999.
70. *Рууд Ч.* Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. — М., 1996.
71. *Солженицин А. И.* Двести лет вместе (1795–1995 гг.). В 2-х частях. — М., 2001.
72. *Сикорский Е. А.* Деньги на революцию: 1903–1920 гг. Факты, версии, размышления. — Смоленск, 2004.
73. *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. — М., 1991.
74. *Смирнов С. В.* Легальная печать в годы первой русской революции. — Л., 1981.
75. *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия. — М., 1978.
76. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. — М., 1990.
77. *Тютюкин С. В.* Марксисты и русская революция. — М., 1996.
78. Цензурный режим переходных эпох: К 200-летию со дня рождения председателя Комитета цензуры иностранной Ф. И. Тютчева: Материалы Всерос. научной конференции. — СПб., 2004.
79. *Черняк А. В.* Тайны революций в России. — Минск, 2011.
80. *Черняк А. В.* Журналистика и революции в России, — М., 2017.
81. *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. — СПб., 1997.
82. *Шелохаев В. В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг. — М., 1991.
83. *Шульгин В. В.* Что НАМ в НИХ не нравится... — М.,1992.
84. *Шульгин В. В.* Дни. — М., 1989.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. XX век. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/XX_век (дата обращения: 14.04.2020).
2. Теория и практика политической борьбы на примере СДРП - РКП(б) - ВКП(б) - КПСС. Два ленинских плана партийного строительства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903plan1.htm (дата обращения: 14.04.2020).

3. Русское знамя. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_знамя (дата обращения: 14.04.2020).
4. Учебное пособие: История российской печати конца XIX – начала XX веков. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bestreferat.ru/referat-399661.html (дата обращения: 14.04.2020).
5. Власть и общество в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов: ложь, ставшая роковой. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://textbooks.studio/uchebnik-teoriya-politiki/vlast-obschestvo-godyi-russko-yaponskoy-voynyi-22579.html (дата обращения: 14.04.2020).
6. Время и пресса (1890-е – 1918 гг.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text1/86.htm (дата обращения: 14.04.2020).
7. Первая мировая война в освещении русской прессы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=800265 (дата обращения: 14.04.2020).
8. Февральская революция 1917 г. и новое качество российской печати. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mediascope.ru/node/1090 (дата обращения: 20.04.2020).
9. История новейшей отечественной журналистики (Февраль 1917 – начало 90-х годов) / учебное пособие. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hi-edu.ru/e-books/xbook723/01/part-002.htm (дата обращения: 03.05.2020).
10. Время назад: революционная культура как повседневность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fikio.ru/?p=298 (дата обращения: 30.04.2020).
11. Хроника Октябрьской революции в газете «Петроградский листок» от 12 ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://statehistory.ru/4342/KHronika-Oktyabrskoy-revolyutsii-v-gazete-Petrogradskiy-listok-ot-12-noyabrya-1917-g-/ (дата обращения: 30.04.2020).
12. Анастасия Вербицкая — о писателе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.livelib.ru/author/207149-anastasiya-verbitskaya (дата обращения: 30.04.2020).
13. Политические партии Российской империи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wiki2.org/ru/Политические_партии_Российской_империи (дата обращения: 30.04.2020).
14. Плеханов Георгий Валентинович: краткая биография, семья, основные идеи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fb.ru/

article/358282/plehanov-georgiyvalentinovich-kratkaya-biografiya-semya-osnovnyie-idei (дата обращения: 30.04.2020).
15. Набатный колокол России: Герцен и Плеханов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/nabatnij_kolokol_rossii_gertcen_i_plehanov (дата обращения: 30.04.2020).
16. 100 П. Б. Струве и В. В. Шульгин: история взаимоотношений и сотрудничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://essaysonconservatism.ru/p-b-struve-i-v-v-shulgin-istorija-vzaimootnoshenij-i-sotrudnichestva/ (дата обращения: 30.04.2020).
17. Константин Абоимов. П. Б. Струве — русский националист, либерал-консерватор, идеалист Великой России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://golos.ruspole.info/node/448 (дата обращения: 30.04.2020).
18. Емельянов Ю. В. Сталин. Путь к власти и Сталин. На вершине власти. — М., 2002; Белов Ю. Сталин в незабываемом семнадцатом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://msk.kprf.ru/2017/03/06/24292/ (дата обращения: 30.04.2020).
19. Сталин в незабываемом семнадцатом. Газета «Правда» о книге Юрия Емельянова Сталин. Путь к власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://crimea.kz/253812-Stalinv-nezabyvaemom-semnadcatom-Gazeta-Pravda-o-knige-Yuriya-Emel-yanova-Stalin-Put-k-vlasti.html (дата обращения: 30.04.2020).
20. Когда Сталин отказал Ленину в публикации 47 статей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inopressa.ru/article/10oct2013/lastampa/stalin.html (дата обращения: 30.04.2020).
21. Елена Хорватова. Кем был господин Милюков? Ч. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eho-2013.livejournal.com/153345.html (дата обращения: 30.04.2020).
22. Реформа печати и цензуры в контексте реформ 1860-х годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://literature-edu.ru/voennoe/13815/index.html?page=15 (дата обращения: 30.04.2020).
23. Лидеры эсеров, программы, тактика борьбы. Кто являлся лидером партии социалистов-революционеров (эсеров)? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fb.ru/article/220958/lideryi-eserov-programmyi-taktika-borbyi-kto-yavlyalsya-liderom-partii-sotsialistov-revolyutsionerov-eserov (дата обращения: 30.04.2020).
24. Какой личностью и каким политиком был Керенский? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.ru/q/question/

kakoi_lichnostiu_i_kakim_politikom_byl_3bd53acb/ (дата обращения: 30.04.2020).
25. А. Ф. Керенский — актер на революционной сцене [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://1917daily.ru/kerensky_acteur (дата обращения: 30.04.2020).
26. Керенский, Александр Фёдорович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Керенский,_Александр_Фёдорович (дата обращения: 30.04.2020).
27. Русская журналистика второй половины 19 века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.history-journal.ru/index.php?request=full&id=55 (дата обращения: 15.04.2019).
28. Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. Гл. 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kropotkin.site/nmp1972-cont/nmp1972-6 (дата обращения: 30.04.2020).
29. Мемория. Екатерина Брешко-Брешковская. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://polit.ru/news/2018/01/25/m_breshko (дата обращения: 30.04.2020).
30. Одержимая «бабушка» русской революции. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844—1934). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/history/2016/03/22/oderzhimaya_babushka_russkoj_revolyucii/ (дата обращения: 30.04.2020).
31. Катерина Брешко-Брешковская: дура или святая? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/katerina_breshko-breshkovskaya_dura_ili_svyataya_26471 (дата обращения: 30.04.2020).
32. Белорусская бабушка русской революции: социалистка из рода Миндовга и личный враг Ленина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.tut.by/culture/527711.html (дата обращения: 30.04.2020).
33. Анжелика Балабанова. Русская жена для Муссолини. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russia.tv/tvpreg.html?d=0&id=156000 (дата обращения: 30.04.2020).
34. Анжелика Балабанова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.proza.ru/2012/05/11/1916 (дата обращения: 30.04.2020).
35. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.wikireading.ru/212474 (дата обращения: 20.02.2019).

Монография

ЧЕРНЯК А. В.

ОТ ЛИТЕРЫ ДО ЦИФРЫ
Взгляд на развитие отечественной журналистики

КНИГА 2

© Черняк А. В.
© Редакционно-издательский отдел

Редактор: Д. А. Сребницкая
Верстка: Ю. С. Головко

Подписано в печать 21.06.2020. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Ньютон. Усл. печ. л. 23. Тираж 150 экз.
Отпечатано в типографии ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии».
127521, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2.